ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения №2 | 2019

Анатолий Щетинин (Алтайский край) | Катунь. Зубы дракона | 70 × 100 | 2017

Дмитрий Плохих (Алтайский край) | Лес зимой | 96 × 105 | 2009

ДЕНЬ *и* НОЧЬ

Литературный журнал для семейного чтения *№ 2 | 2019*

В номере

ДиН публицистика

Александр Астраханцев, Юрий Москвич

3 Давайте строить вместе образ новой России!

ДиН ревю

Эльдар Ахадов

14 Книга о тебе

Елена Тарасенко

32 Приоткроется дверь

Павел Карякин

94 Иксион

Галина Данилова

103 Отель «Вилла „Гортензия“»

Виктория Иванова

134 Утренний дом

Сергей Кузнечихин

152 Костровище

Ольга Куликова

164 Будь мне другом

ДиН память

Валентин Курбатов

15 День недели

Марина Саввиных

19 Выдувая радуги с пера…

Роман Солнцев

22 Стихи разных лет

ДиН краеведение

Валерий Ганский

24 «Дитя земли» — сын неба

ДиН пародия

Евгений Минин

28 Мысль взлетает по дуге…

35 Стихи всегда в цене

101 Жизни сон тяжёлый…

167 Не по пути с кукушкой

ДиН юбилей

Анатолий Третьяков

29 Первая страница

ДиН поэма

Анна Гедымин

31 Косари

Ольга Котенко

33 Pro et contra

ДиН диалог

Юрий Беликов, Александр Севастьянов

36 Элита идёт на пули

ДиН проза

Дарьяна Антипова

42 Чёрный Музыкант

ДиН стихи

Владимир Алейников

95 Дым дождя

Ольга Андреева

99 Мантры

Александр Орлов

102 Меча неведомого сила

Олег Ващаев
104 Темнее крови

Эдуард Хвиловский
168 Паромщик

Василий Нацентов
173 Лето мотылька

Елена Литинская
175 Бег за стрелками часов

Владимир Пономарёв
177 Вольная жертва

Мария Окунева
179 Вчера в апреле

ДиН РОМАН
Анатолий Янжула
106 И жили они долго и счастливо…

БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА
Олег Рябов
135 Хочу в семью

Любовь Бурщина
143 Я буду жить

Василий Бабушкин-Сибиряк
147 Воробьиные ночи с тёткой Степанидой

Виктор Чигинцев
153 Соловей-пташечка

Андрей Юрьев
162 Одна

Юрий Фофин
165 На пороге светлых дней

ДиН ИСТОРИЯ
Лев Бердников
181 Писатель он был

ДиН ШТУДИИ
Евгений Степанов
185 Рифменная система Татьяны Бек

СИНЯЯ ТЕТРАДЬ
188 Настоящая сто́ящая вещь
191 По иронии многих историй

194 ДиН АВТОРЫ

ДиН ГАЛЕРЕЯ

Родина — Сибирь

Межрегиональная художественная выставка сибирского пейзажа

В октябре 2018 года в Международном выставочно-деловом центре «Сибирь» (Красноярск) ценители современного изобразительного искусства могли увидеть выставку сибирского пейзажа «Родина — Сибирь».

В экспозиции представлены 150 художественных произведений живописи и графики академиков и членов-корреспондентов Российской академии художеств и представителей сибирских региональных отделений Союза художников России. В выставке приняли участие такие сибирские художники, как Герман Паштов, Константин Войнов, Валерий Кудринский, Валерьян Сергин, Николай Ротко и другие.

В одном выставочном пространстве — разные школы сибирского пейзажа, по-своему отразившие красоту, богатство и величие природы, используя различные методы и техники.

В дополнение к выставке в зале Регионального отделения Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств прошли XI Сибирские искусствоведческие чтения «Сибирский пейзаж: от топа к типу, от мотива к художественному образу».

Организаторы выставки: Региональное отделение Урала, Сибири и Дальнего Востока Российской академии художеств, Красноярская региональная организация Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России», МВДЦ «Сибирь», при поддержке министерства культуры Красноярского края.

Александр Астраханцев, Юрий Москвич

Давайте строить вместе образ новой России!

На ярком, цветистом политическом поле перестроечного Красноярска имя Юрия Николаевича Москвича возникло неожиданно: совершенно не известный широкой публике научный сотрудник академического Института физики, в 1990 году он был зарегистрирован на собрании коллектива Красноярского научного центра АН СССР кандидатом в народные депутаты Верховного Совета РСФСР по Октябрьскому району Красноярска, и, несмотря на то, что шёл он на выборы в целом созвездии конкурентов, уже известных городу,— однако избран был именно он! Помню, я и сам, будучи жителем этого района, голосовал за него, совершенно ещё его не зная,—мне импонировало лишь то, что он не профессиональный политик, а учёный, и к тому же—беспартийный.

Причём—странное дело!—многие местные политики в те годы возникали и довольно скоро уходили затем в политическое небытие—а Ю.Н. Москвич оставался: по окончании своего срока депутатства в Москве он появился в Красноярске как полномочный представитель президента по краю и много лет им оставался.

Р.Х. Солнцев, будучи дружен с ним, однажды, где-то в конце девяностых годов, привёл его к нам в Красноярскую писательскую организацию, и Юрий Николаевич выступил перед нами и отвечал на наши вопросы. Помнится, мне—да, по-моему, не только мне—он прежде всего понравился как человек внешне неяркий, скромный, сдержанный, с негромким глуховатым голосом, но при этом выражающий свои мысли очень точно, аргументированно, убедительно и конкретно—не «растекаясь мыслью по древу» и не «распуская перья», как это чаще всего делали профессиональные политики, в первую очередь «партийные», когда им представлялась возможность выступить перед публикой.

Я знал, что, сменив несколько крупных политических должностей в Москве и Красноярске и, в конце концов, оставив реальную политическую деятельность, в начале 2000-х годов он вернулся в науку: поступил работать в Красноярский государственный педуниверситет имени В.П. Астафьева и вновь занялся научной деятельностью, только теперь уже—получив огромный политический опыт, с уклоном в геополитику, социальную философию и социологию образования.

В эти годы мы с ним несколько раз сталкивались, общались мимоходом; помнится, я даже подарил ему однажды свою книжку.

Но в связи с тем, что в течение 2018 года у него вышло в Красноярске сразу четыре книги (две из них—в соавторстве)[1], посвящённых самым современным проблемам гео-, социальной и молодёжной политики, у меня возникло большое желание встретиться с ним, побеседовать на темы этих книг и задать ему несколько вопросов на эти и некоторые другие интересующие меня темы.

Желание встретиться и пообщаться оказалось взаимным. Мы встретились, побеседовали под диктофон; и часть нашего диалога я, с позволения Юрия Николаевича, берусь здесь воспроизвести.

Александр Астраханцев

Александр Астраханцев. Юрий Николаевич, прежде чем задать вопросы, касающиеся вашей политической и научной деятельности, меня так и подмывает спросить: откуда у вас, родившегося и выросшего в сельской глубинке Красноярского края, такая, я бы сказал, несколько экзотическая для Сибири фамилия? Кто ваши предки? Они в самом деле были как-то связаны с Москвой?

Юрий Москвич. История длинная, и начинается она, как пишут книги о происхождении русских фамилий, где-то в конце шестнадцатого—начале семнадцатого веков, когда Северное Причерноморье, отвоёванное у турок, вошло в состав России и стало называться Новороссией. Царским правительством тогда были предприняты меры, чтобы заселить огромное пустое пространство россиянами самых разных сословий: крестьянами, ремесленниками, промышленными, торговыми и другими

1. *Ю.Н. Москвич.* Трудный путь к новому человеку. 2018. Красноярск.
Ю.Н. Москвич. Кризис рядом. 2018. Красноярск.
Ю.Н. Москвич, Е.Н. Викторук. Ценности современных студентов. 2018. Красноярск.
Е.Н. Викторук, Ю.Н. Москвич. Этика успеха. 2018. Красноярск.

предприимчивыми людьми,—переселяя их из обжитой России. У них, как правило, были фамилии по месту их прежнего проживания: Москвич, Казанец, Астраханец… Так что на юге России и юге Украины и сейчас довольно распространена фамилия Москвич.

По семейному преданию, мой пращур Василий Москвич в начале девятнадцатого века был одесским купцом. Один из его сыновей по имени Карп попал в какую-то историю и был отправлен на каторгу в Сибирь, на соляные шахты в Тасеевской волости (ныне—Тасеевский район Красноярского края). Через год он получил вольную, переехал в село Рождественское (ныне—Дзержинское, рядом с Тасеево), выписал из Одессы жену и двоих сыновей и навсегда остался в Сибири; вот от них и пошёл сибирский род Москвичей. Они роднились с чалдонами, активно плодились и имели самые разные профессии: были купцами, предпринимателями, крестьянами, профессиональными охотниками… А дальше—всё как в Библии: Василий родил Карпа, Карп родил Антона, Антон родил Трофима, Трофим родил Николая, а Николай родил Юрия, то есть меня…

Мой отец в тридцатых годах двадцатого века работал одним из руководителей МТС в селе Георгиевка Канского района; там-то в первом послевоенном тысяча девятьсот сорок шестом году появился и я; там вырос и окончил среднюю школу. Кстати, из шести сыновей, родившихся у моих родителей, четверо выросли и, как говорится, «вышли в люди».

Я горжусь своей фамилией, своими предками, обладавшими многими положительными чертами, такими как трудолюбие, стойкость и доброжелательность, своей роднёй и своей сибирской родиной.

АА. Вы начали свою трудовую деятельность как научный сотрудник Института физики СО АН СССР, стали кандидатом физико-математических наук, и, наверное, у вас была блестящая перспектива стать крупным учёным-физиком?

ЮМ. Да, примерно так: в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году я окончил (кстати говоря—отличником, с дипломом номер один) физический факультет Красноярского университета (тогдашнего Красноярского филиала Новосибирского университета) и, естественно, получил распределение в Институт физики Сибирского отделения Академии наук СССР в Красноярске. Там, в течение двадцати двух лет работая в лаборатории радиофизики и пройдя длинный ряд профессиональных ступенек, я стал кандидатом наук и ведущим научным сотрудником. Причём, вопреки досужим мнениям, будто я был членом КПСС, в КПСС я никогда не состоял—просто считал, что это будет мешать мне заниматься чистой наукой. В то же время моя беспартийность не мешала мне расти как учёному.

АА. Но в тысяча девятьсот девяностом году вы резко сменили сферу деятельности, став одним из активных участников перестройки и так называемой «революции завлабов», на много лет связав свою судьбу с политикой, будучи сначала депутатом Верховного Совета РСФСР, сменив затем несколько крупных политических должностей в Москве и Красноярске. Скажите: что заставило вас так резко сменить профессию—из физика превратиться в политика?

ЮМ. Прежде чем ответить на вопрос, мне бы хотелось точнее определить термин «политик». На мой взгляд, политик—это не профессия; политик—это человек, который приходит в нужное время, чтобы помочь людям найти новый путь в жизни и в конечном счёте привести их к желаемому благополучию… А теперь отвечаю на вопрос. Дело в том, что почти все восьмидесятые годы я часто ездил работать исследователем за границу, работал в академических институтах и университетах ГДР, Польши, участвовал в международных конференциях, делал доклады, общался с физиками разных стран…

АА. Простите, что перебью: это что, все ваши учёные так часто ездили за рубеж—или только вы?

ЮМ. Конечно же, ездили многие. Но и я ездил часто. Почему? Во-первых, потому, что я был экспериментатором и мог работать на довольно сложных приборах (спектрометрах), дефицит которых мы тогда уже ощущали. Во-вторых, у меня не было проблем с языками.

АА. В Институте физики успели изучить?

ЮМ. Нет, тяга к языкам у меня—с детства. Основным иностранным языком в школе был немецкий, но я самостоятельно с восьмого класса стал изучать ещё и английский. Потом, после школы, я не смог поступить в Новосибирский университет с первого захода; так чтобы не терять время впустую, год проучился в Иркутском институте иностранных языков… В университете я изучал английский и французский. Потом научился сносно говорить по-польски. Ну и, конечно же, регулярное чтение профильной литературы в Институте физики. Но это всё—во-вторых. Во-первых же, в Институте физики я одновременно занимался и теорией, и экспериментами, руководил большой группой инженеров, которые разрабатывали приборы… Во всём этом и были мои конкурентные преимущества перед коллегами…

Так вот, работая за рубежом, я мог профессионально сравнивать уровень науки у нас—

и у них, и уже к началу тысяча девятьсот восемьдесят первого года мне стало понятно, что, будучи впереди в теоретических разработках, мы отстаём в области экспериментальной физики, причём это отставание мы ещё вполне могли преодолеть. Возвращаясь в свой институт, я докладывал об этом, но реакции — никакой… В середине восьмидесятых становилось всё очевиднее, что мы отстаём от Запада безнадёжно, причём уже не только в экспериментальной физике, но и в других областях науки. И опять — ноль реакции. А ведь в стране уже шла перестройка!.. Наконец, когда я в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году дважды ездил в Польшу, там как раз менялся политический курс, и меня поразили там огромные экономические перемены, причём быстрые — и в лучшую сторону. А вернулся в Красноярск — увидел совершенно пустые полки в магазинах. У меня был шок! И всё же я был ещё уверен: эти отставания вполне преодолимы.

Вернувшись из последней поездки в Польшу в конце восемьдесят девятого года, я пришёл в свой институт и случайно попал на собрание по выдвижению кандидатов в депутаты разных уровней. Идут дебаты; в них много политической патетики. Председатель собрания коллектива попросил выступить и меня, и я выступил: спокойно, доказательно, опираясь на свой научный и жизненный опыт и на то, что я видел за рубежом, рассказал о своём видении конкретных проблем и в науке, и в экономике и об их возможном решении. И на том собрании меня огромным большинством выдвинули кандидатом в народные депутаты России. Причём при голосовании у меня были конкуренты — известные общественные деятели Красноярска. Но до сих пор помню, что за меня тогда проголосовало восемьдесят два процента моих коллег: я почувствовал тогда их огромное доверие ко мне; именно это и стало крутым поворотом в моей судьбе…

После непростых размышлений я, в конце концов, согласился участвовать в выборах, ставя самому себе очень скромную задачу: всего лишь помочь своему родному институту, коллегам, помочь, в конце концов, своей семье, Академгородку — чтобы наука получила всё, что ей нужно, чтобы магазины наполнились продуктами и прочими товарами, чтоб были решены другие бытовые проблемы.

И, к моему большому удивлению, я эти выборы выиграл! Однако идти на постоянную политическую работу у меня не было никакого желания; я решил так: выполню свою миссию депутата и вернусь в свой институт — ведь у меня была твёрдая установка сделать нечто существенное в большой науке, я уже созрел для этого!

Когда я приехал в марте тысяча девятьсот девяностого года в Москву на съезд народных депутатов, то обнаружил, что многие из нас думают так же, как и я: надо лишь добиться смены курса на такой, который приведёт к наполнению магазинов, к дальнейшему развитию экономики, к ускоренному развитию науки, к свободе творчества, и дальше всё пойдёт нормально — изменения будут постепенными, а мы вернёмся домой заниматься своим делом, передав наши функции профессиональным функционерам. Опасностей развала страны, возможной гражданской войны ни один депутат и в страшном сне не видел!.. Но ситуация в ходе работы съезда развивалась драматически.

Сейчас бытует мнение, что СССР в результате решений съезда развалили демократы. Неправда! Я входил в группу беспартийных депутатов, настроенных на демократические преобразования, и нас было всего семнадцать процентов! Да, в неё входили и бывшие диссиденты-антисоветчики, но их были единицы, а у большинства из нас — как и у меня самого! — был чёткий настрой принести пользу стране и своему народу; эта установка была заложена в нас всем советским воспитанием с младенчества. А коммунистов на съезде было восемьдесят три процента, и решения — те самые, которые кардинально изменили страну! — принимал съезд народных депутатов, опираясь на подавляющее большинство членов КПСС. Почему случилось именно так? Потому что члены КПСС сами очень хотели этих изменений: ведь многие депутаты-коммунисты пришли из промышленности, из сельского хозяйства, из общественных наук, и почти все они прекрасно — даже больше, чем я, — понимали, что и экономическая, и политическая ситуация в стране к тысяча девятьсот девяностому году пришла к полному тупику, нужны срочные и кардинальные перемены. Конечно же, кое у кого из них были и другие мотивы, вплоть до чисто карьерных. Но об этом стало известно уже потом…

АА. Чем вы конкретно занимались на съезде?

ЮМ. Сначала я был избран членом счётной комиссии: подсчитывал голоса и следил за правильностью выборов…В том числе и за выборами председателя Верховного Совета. Кстати, разногласия на съезде начались сразу же, при выборах председателя Верховного Совета. Одной кандидатурой был Борис Ельцин, к тому времени вышедший из партии; второй кандидатурой, от коммунистов, — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Иван Полозков. Но когда он произнёс свою предвыборную речь — она была настолько убога (говорили, что он выбился во власть из функционеров-физкультурников

районного уровня), что даже депутаты-коммунисты возмущались: «Боже мой, кого нам навязывают!» Думаю, это была потрясающая ошибка. Второй ошибкой было выступление на съезде президента СССР Горбачёва, страшно высокомерное, презрительное по отношению к депутатам. Это привело к тому, что большинство проголосовало за Ельцина, причём большинство это было всего в один голос!

На съезде я был выдвинут одновременно в члены комитета по науке и образованию и в члены конституционной комиссии… Кстати, работая в конституционной комиссии, именно я настоял ввести в закон о выборах пункт, который и сейчас действует на муниципальных выборах: введение в избирательные бюллетени графы «против всех».

АА. В августе тысяча девятьсот девяносто первого года, то есть сразу после известного путча, вы были назначены полномочным представителем президента России в Красноярском крае, Эвенкии и на Таймыре. В чём были ваши обязанности на этой должности?

ЮМ. Если честно, самых главных обязанностей у регионального представителя президента было немного — всего три, но они были необычайно актуальны тогда: во-первых, принимать всевозможные срочные меры по предотвращению голодных бунтов (страх перед ними тогда был очень велик!); во-вторых, контролировать исполнение президентских решений на местах и оценивать качество принимаемых решений местных властей с той точки зрения, чтобы не допустить развала страны; и в-третьих, обязанность подавать на имя президента рекомендации кандидатов на важнейшие должности в крае, от губернатора до руководителя МВД. Остальные обязанности — тоже важные, но второстепенные.

По-моему, мне удалось выполнить все эти задачи. Заметьте: из всех представителей президента на территории России только двое удержались на своих постах более семи лет, то есть до того времени, когда институт представителей президента новым президентом Путиным был значительно реорганизован. И один из этих двоих — ваш покорный слуга.

АА. Выходит, наши губернаторы того времени — Вепрев, Зубов, Лебедь — ваши креатуры?

ЮМ. Вепрев и Зубов — да. И я не ошибся. Оба в те трудные годы оказались на месте: Вепрев — как самый опытный и авторитетный не только в крае специалист сельского хозяйства, не давший развалить аграрный сектор края, а Зубов (сначала работавший у Вепрева) — как высококлассный, прогрессивно мыслящий экономист.

АА. И Александр Иванович Лебедь — ваша креатура?

ЮМ. Нет! Центральная власть поддерживала на тех выборах кандидатуру Зубова и делала всё, чтобы Лебедь те губернаторские выборы не выиграл.

АА. Почему?

ЮМ. Во-первых, его пришествие в Красноярск было подобно рейдерскому захвату; его кандидатуру поддерживали мощные финансовые группы, в том числе и зарубежные, работающие на свои интересы в фантастически богатом регионе. После выборов стало известно, что Лебедь израсходовал в выборах около восемнадцати миллионов долларов, что во много раз превышало разрешённый законом края избирательный фонд кандидата в губернаторы в шестьсот тысяч тогдашних рублей.

Во-вторых, победа в крае нужна была Лебедю только как ступенька к президентству страны: край для него, как для азартного игрока, был лишь разменной монетой. Прекрасно осознавая, что в условиях политической «шатости» того времени народ наивно надеялся на его «сильную руку», он твёрдо рассчитывал, что, став губернатором огромного, экономически мощного края, он потом легко станет президентом.

Но он просчитался: у его главного противника Зубова, шедшего на второй срок, в крае были сильные позиции, так что в первом туре Лебедь выборы выиграть не смог, а во втором — выиграл с минимальным для будущего президента России перевесом, и дальше в политических кругах России никто всерьёз его уже не воспринимал. Да он и сам, конечно же, это понял, и его трагическая смерть — в какой-то степени результат этого проигрыша.

АА. Вот вы говорите: политическая «шатость», опасность развала страны… Это что, в самом деле было так?

ЮМ. Да. В тысяча девятьсот девяносто восьмом году Россия была на грани реального распада: слишком сильны были центробежные силы, разрывавшие её на части. В октябре девяносто восьмого года я был одним из пятнадцати известных экспертов, которые в Москве обсуждали, через сколько недель или месяцев Россия (представляете!) распадётся. Только двое из них аргументированно доказывали, что этого уже не произойдёт — «дно» пройдено; из этих двоих один был новосибирский экономист, второй — я.

Но одновременно в российских СМИ шла масштабная обработка мозгов, готовя россиян к развалу страны. Так, в это же время в одной из самых многотиражных газет, «Комсомольской

правде», вышла огромная, на несколько номеров, статья очень известного тогда журналиста, в которой расписывалось, как хорошо будет россиянам жить, когда страна распадётся на пять-семь отдельных государств. А в Швеции вышла статья о «великой пользе» создания на территории России не менее десяти стран. Кто нас спас тогда? Это были вовремя назначенный премьер-министром Евгений Максимович Примаков и вся его команда с государственным подходом.

Государственный подход отличается от политического тем, что если путь выбран — нужны жёсткая дисциплина и личная ответственность. Когда он вступил в должность, Ельцин уже болел, лидеры регионов заботились лишь о своих регионах, директора компаний — о своих компаниях, и в стране надвигался управленческий хаос. Как раз в это самое время я уехал из края: меня назначили заместителем министра региональной политики РФ, совсем необычного министерства, созданного Примаковым для выполнения важнейшей в то время задачи — разработки мер противодействия развалу страны и установления ответственного государственного управления, — и всё это начало работать на моих глазах. Например, выяснилось, что из-за сверхвысоких железнодорожных тарифов в Москву совершенно перестало поступать продовольствие. Примаков обращается к министру транспорта: «Почему не выполняете перевозки?» Министр оправдывается утверждёнными тарифами, ещё чем-то; Примаков ему — тихо, но твёрдо: «Если завтра к утру вы не представите мне новых тарифов и графиков поставки продуктов — я завтра же найду другого министра, который к вечеру это сделает», — и сразу все прикусили языки — почувствовали его характер, волю и угрозу для самих себя.

Далее, Примаков дал нашему министерству задание (исполнением которого занимался и я): совместно с другими ведомствами подготовить проект указа по сокращению субъектов Российской Федерации до оптимального числа (двадцать восемь — тридцать), чтобы не только остановить разрастающийся, как нарыв, феодализм территорий, но, прежде всего, сконцентрировать ресурсы страны на развитие. Эта огромная работа к началу апреля тысяча девятьсот девяносто девятого года была выполнена, и десятого мая девяносто девятого года ожидалось подписание указа Ельциным. Но вместо этого указа появился указ об отставке Примакова, роспуске правительства и ликвидации нашего министерства. Одна из причин этого — невероятная активность губернаторов оставить всё как было. Так что задача «собирания земель» досталась уже следующему президенту, а строительство экономики до последнего времени шло обычным путём. Только к концу две тысячи восемнадцатого года было объявлено, что в России создаются четырнадцать межрегиональных экономических (но не политических!) зон, в рамках которых будет проходить согласованное развитие. Так спустя двадцать лет у нас в крае появился проект «Енисейская Сибирь».

Так что смена экономического курса страны — всегда процесс необычайно сложный и, самое главное, небыстрый. Чтобы получить политические свободы — свободу слова, печати, выборов, предпринимательства, религиозные свободы, — может хватить всего нескольких недель и энергичных усилий группы «горячих голов», заражённых революционной болезнью, нетерпением. А чтобы построить новую эффективную экономику огромной страны на месте старой, нужны даже не годы — десятилетия напряжённого труда миллионов людей, многомиллиардные финансовые вложения, большой опыт строительства новой экономики, причём на пути этого строительства неизбежно будут не только успехи, но и ошибки, просчёты, неудачи. И ещё для этого нужны честные, энергичные, опытные и образованные люди.

Причём эти огромные зазоры между скорыми политическими и медленными экономическими изменениями оборачиваются иногда неожиданными разрушительными кризисами, в результате чего становится на кон судьба целой страны. А главное — это драмы и трагедии миллионов людей, живущих в эти непростые времена.

АА. С две тысячи второго года вы снова занялись наукой; только теперь сфера ваших научных интересов — изучение современной России и общества с точки зрения геополитики, социологии и социальной философии. В своих книгах и статьях, посвящённых этим вопросам, вы много места уделяете предупреждениям об угрозах большого технического и цивилизационного отставания России, о необходимости формирования в ней новых стратегических целей, а также о необходимости становления в ней обширного социального класса, «когнитариата», состоящего из людей, нужным образом образованных, смелых, предприимчивых и при этом готовых отдавать все свои силы и свой интеллект на благо своей страны и народа. Как вы полагаете: что нужно предпринять обществу, чтобы, по крайней мере, сократить экономическое и техническое отставание страны и воспитать этот новый социальный класс?

ЮМ. По поводу технического отставания страны: я вынужден был заняться этим уже в тысяча

девятьсот девяносто восьмом году. Те мои книги, о которых вы говорите, вышли в две тысячи восемнадцатом году, но писались они намного раньше. После отставки Ельцина во многих экспертных сообществах Москвы, в некоторые из которых входил и я, было принято решение заняться более серьёзным изучением страны и на основе этих исследований готовить рекомендации для президента. В результате седьмого мая две тысячи восемнадцатого года вышел указ президента России Путина номер двести четыре, в котором впервые в истории нашей страны определены совершенно новые цели и направления развития России до две тысячи двадцать четвёртого года путём осуществления двенадцати крупных национальных проектов, выполнение которых должно обеспечить вхождение России в пятёрку самых технически развитых стран мира. И спрос за исполнение этих проектов уже начался. В этих проектах заложен совсем иной взгляд на то, что и как надо делать; прежние слова-заклинания о неизбежном экономическом чуде отошли в сторону.

Сейчас в интеллектуальной среде идут споры: получится ли это, не получится? Я думаю, может получиться, пусть не на все сто процентов. Но для этого необходим ряд условий, которые в данном указе намечены лишь пунктиром. Хочу остановиться на них здесь подробней.

Да, нам нужно опережающее развитие эффективной экономики на основе научных и технологических разработок, и тут у нас необъятные резервы. Дело в том, что инновационные товары и услуги составляют в России всего двадцать процентов ввп—а в развитых странах они достигают шестидесяти—восьмидесяти процентов! А экспортируем мы таких товаров и того меньше—всего один процент ввп! Резерв огромный. Между тем развитие инновационной экономики—необыкновенно сложный процесс, требующий упорства, смелости, риска. Поэтому всякое инновационное производство начинается с малых предприятий, постепенно, по мере завоевания рынка, перерастающих в средние и крупные. И тут важно не задушить малые предприятия налогами и контролёрами.

Но почему, зачем у нас существует более тридцати ведомств и организаций, контролирующих малый и средний бизнес? Ведь невозможно создать успешную экономику, если она обвешана гроздьями контролёров! Ни в одной другой стране мира такого нет. А откуда эти контролирующие организации у нас берутся? Их создают депутаты разных уровней, уверенные, что контроль надо всё более ужесточать: почему-то они считают, что всякий предприниматель—непременно вор, хапуга и обманщик. А почему они так считают? Логика простая: депутат—исполнитель общественного мнения, а многие люди у нас относятся к предпринимателю с недоверием, держат его за вора и обманщика, заряжают депутатов на непомерное ужесточение контроля над ним и, естественно, выбирают в депутаты именно тех кандидатов, которые жаждут ужесточать контроль.

Но на самом-то деле настоящему предпринимателю, чтобы выжить, надо очень много и хорошо работать; ему просто невыгодно заниматься воровством и обманом! И проблема здесь в том, как скоро изменятся настроения в обществе и власти по отношению к реальной экономике, к предпринимательству и предпринимателю.

Далее. Всякое малое инновационное предприятие возникает из тесного симбиоза двух главных действующих лиц: творца (учёного или изобретателя), создающего идею, новый продукт или способ производства,—и организатора производства. И у изобретателя телевидения Зворыкина в США, и у Билла Гейтса—у каждого из них был свой надёжный партнёр: организатор дела, предприниматель, раскручивавший, коммерциализировавщий их идеи. Видите, как получается: слава у нас по-прежнему достаётся изобретателю; а ведь предприниматель, организатор производства—тоже необыкновенно ценная фигура. Даже больше: он—главное действующее лицо всякой инновационной экономики! Предприниматель, как правило,—особый тип человека; это человек умный, смелый и напористый; он должен уметь найти новые знания, приёмы, навыки и при этом быть критически настроенным к тому, что уже есть: вы производите так—а я сделаю это быстрей, лучше, легче, дешевле!—и уметь превратить новые знания в товары, в весомую прибыль и личное признание.

К сожалению, у нас пока что нет достойного уважения как к творцам—учёным, изобретателям, так и к организаторам-предпринимателям, и нет заслуженного признания их заслуг перед обществом, страной.

АА. Что же делать, чтобы поставить уважение к ним на должный уровень?

ЮМ. Надо кардинально изменить отношение к ним нашего общества. А чтобы его изменить, журналистам, писателям, телевизионщикам, кинодеятелям надо день и ночь, используя любую возможность, с гордостью рассказывать об успешных изобретателях и предпринимателях прошлого и нынешнего времени. С кого начать? С Ползунова, Кулибина, Попова, Зворыкина. Рассказывать про индивидуального предпринимателя, живущего рядом с вами, который кладёт свои силы, чтобы изготовить и продать товар,

нужный людям сегодня,—рассказывать о том, что именно эти товары делают жизнь каждого человека—каждого, от столичного жителя до жителя самого глухого угла!—интересней, комфортней, богаче, легче. У нас существует такой дефицит филологической культуры, как пиетет по отношению к изобретателю и предпринимателю, возбуждение интереса к тому, откуда, с приложением каких усилий и энергии создаются вещи, товары, продукты, делающие нашу жизнь ярче, комфортнее, богаче,—а ведь это может быть очень интересно людям!

Привожу пример. Я сейчас выполняю один проект: веду в красноярском лицее номер девять «Школу предпринимательского успеха» и привожу туда успешных, состоявшихся в Красноярске людей. Привёл, например, одного молодого красноярца: он создал фирму «Печенёв», занимается выпечкой печенья, выпускает восемнадцать его видов и успешно продвигает свою продукцию не только по городам Сибири, но уже и в Китае. Он сам рассказывает школьникам, как семь лет шёл к этому: собирал деньги, покупал станки, экспериментировал, продвигал свою продукцию,—так эта встреча и для школьников, и для учителей была куда интересней и полезней, чем чтение книг по предпринимательству или телепередачи о том, как живёт Америка или Англия… Так вот, на первом занятии в этой «Школе успеха» присутствовали школьники одной школы, на втором занятии—из пяти школ, а через несколько занятий—уже из десяти школ! Что это значит? Значит, нашим школьникам этот опыт необычайно интересен!

И я думаю: вот он, растёт и формируется на глазах, этот новый класс молодых людей, «когнитариат», который преобразует Россию, превратит её в современную, технологически развитую страну, которая должна, просто обязана стать одной из самых развитых стран мира!

Главное, что мы ещё должны понять и принять: мир сейчас меняется гораздо быстрей, чем в недавние времена; значит, и мы должны меняться быстрее. Основная часть главного богатства в современном мире создаётся теперь не продажей природных ресурсов и не на огромных заводах—а знанием, умением и способностями многих людей. Как правило, такие люди не во всём похожи на нас. Они энергичны, предприимчивы и настойчивы, в результате чего группы таких людей могут превратиться в продуктивные сообщества, которые неожиданно для всех начинают «вывозить» на себе ведущую часть национальных экономик…

Есть такое социологическое понятие—«принцип Парето». Согласно ему, восемьдесят процентов работы в любой организации выполняют двадцать процентов сотрудников, причём среди этих двадцати процентов сотрудников есть свои двадцать процентов, которые выполняют восемьдесят процентов всей работы. В США, например, подсчитали, что всё лучшее в науке и экономике создают всего десять тысяч учёных и инженеров страны. А сколько у нас сейчас есть таких людей? И когда их у нас станет достаточно?

Задача в том, чтобы выявить таких людей, поверить им в том, что они, исходя из своих внутренних интеллектуальных, психологических и экономических интересов, станут членами этих успешных сообществ, и дать им хорошее образование. Почему я говорю о хорошем образовании? Потому что плохо образованный человек строит своё поведение не с помощью знаний и точных расчётов, а в первую очередь на иллюзиях, предрассудках и упрощённых схемах.

АА. Но вот вы пишете в своих книгах о том, что среди нынешней молодёжи бытует приспособленчество, этакое скромное стремление «присосаться» к чиновному госаппарату или к благополучной частной компании. Их, этих приспособленцев, на ваш взгляд, фиксируется в социологических опросах немного—четырнадцать-семнадцать процентов, но я считаю, что это всё-таки много… И есть ещё один вид приспособленчества—«утечка мозгов», когда молодые люди покидают Россию по шкурному принципу: «где сытно, там и родина». Причём такое впечатление, что этот процесс даже поощряется у нас: сам видел в одном из солидных красноярских вузов объявление примерно такого содержания: «Приглашаются для дальнейшей учёбы в Великобритании студенты третьего-четвёртого курсов, имеющие хорошую успеваемость и склонность к научной работе, физически здоровые и имеющие успехи в спорте». Чувствуете, в каком направлении идёт высасывание российского генофонда? Выманивают не только наиболее развитых интеллектуально, а ещё и наиболее здоровых физически. Причём это объявление напечатано крупным шрифтом, вывешено на видном месте—и, думаю, не без согласия руководства вуза. Я уж, грешным делом, подозреваю, что это руководство приторговывает таким ценным «товаром». И я не уверен, что подобные объявления не висят в каждом российском вузе и что переманивает эту молодёжь только одна Великобритания; есть сведения, что уже и Китай этим занимается! Как же в таких условиях строить в России инновационную экономику и создавать «когнитариат»?

ЮМ. Да, согласен, эти черты—пассивная жизненная позиция, приспособленчество—есть

у части нашей молодёжи. И ведь не запретишь: свобода выбора у человека в демократическом обществе должна быть. Скажу более: в обществе существует такое распространённое явление, как «социальный паразитизм» (в социологии есть такой устоявшийся термин), когда паразитируют на обществе не только отдельные личности, а иногда и большие социальные группы, и крупные промпредприятия (вроде нашего КрАЗа или Норильского металлургического комбината), которые могут тратить огромные ресурсы, зарабатывать большие деньги и при этом ухищряться платить мизерные налоги и уходить от решения насущных проблем страны.

Да, всё это есть. А вот чего пока нет — так это понимания, что число одарённых людей очень невелико и все богатые страны «ищут таланты» везде: найти готового талантливого специалиста — невероятная экономическая выгода!

К сожалению, в сознании даже у многих руководителей нашего края нет понимания ценности «человеческого капитала»: зачем им какие-то таланты, когда, чтобы добывать, перерабатывать и продавать природные богатства, нужно всего пятнадцать процентов населения края? Помню, ещё в две тысячи десятом году один из прежних руководителей края спрашивал у меня: «А что делать с остальными?» Мой ответ: «Создавать им условия для другой деятельности, в которой можно заработать больше, чем на продаже меди и алюминия», — поставил его в тупик, и он долго смотрел на меня непонимающе…

Кстати, упомянутый мною выше указ президента от седьмого мая две тысячи восемнадцатого года обязывает региональных руководителей искать таланты, учить их в самых лучших вузах, а затем обеспечивать их условиями для инновационной деятельности… Но дело ещё и в другом: я читаю газеты, книги известных современных писателей, просматриваю социальные сети в Интернете и везде сталкиваюсь с одним и тем же явлением — неверием в наш успех.

АА. Но ведь страшные, гибельные ошибки нашего недалёкого прошлого — куда от них денешься? Они ведь почти в каждом из нас ещё болят и кровоточат!

ЮМ. Да, были у нас в истории, и далёкой, и близкой, промахи и ошибки, иногда и гибельные, тупиковые. Ну и что? Вы думаете, мы одни такие, а все остальные — умные да удачливые? Возьмите любую страну мира, самую развитую, самую богатую, — вы думаете, в их истории не было проблем и тупиков? Никакие мы не особые в своих проблемах и постоянном их обсуждении. Но на уроках истории, и своих, и чужих, надо учиться. Особенно учиться на ошибках. Хватит наступать на грабли, свои и чужие. Мы должны научиться в первую очередь задавать самим себе вопросы и отвечать на них, ничего не упрощая и не лукавя перед самими собой. И надо научиться составлять планы будущего. Иначе нам не построить ни эффективной экономики, ни современного государства, сильного, конкурентоспособного, привлекательного для всех его граждан — каким оно и должно быть. А ведь у нас весьма расплывчатый его образ. Давайте участвовать в создании этого образа все: экономисты, философы, футурологи, инженеры, гуманитарии!

По поводу давних традиций упрощать и забалтывать эту проблему хотелось бы рассказать одну поучительную историю. В две тысячи пятом году я побывал вместе с группой ректоров красноярских университетов на Всемирной выставке в Японии, в городе Нагасаки. Там на встрече с редакторами ведущих газет Японии мне удалось задать давно мучивший меня вопрос: «Наша страна совсем недавно начала встраиваться в непривычный для нас глобализованный мир, и, желая быстро достичь успеха, мы перенимаем что-то то у одной страны, то у другой — а количество проблем у нас только растёт. Вы уже более ста лет встраиваетесь в этот мир, и довольно успешно. Как вам удаётся избегать многих чужих и своих проблем, успешно развиваться и при этом оставаться глубоко национальным обществом?»

Вопрос вызвал оживлённую реакцию у японских журналистов, и один из них взялся мне отвечать: «В тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году в Японии произошла революция, и к власти пришло новое правительство во главе с молодым императором Японии, которое решило проводить модернизацию страны по европейским образцам. Министром образования в нём был известный японский философ Фукудзава. Именно он научил японцев, как перенимать чужой опыт, создав при этом целое учение о модернизации на очень понятном для всех японцев языке, которое мы все изучаем в школах и университетах. Основной постулат его звучит примерно так: есть два мира. Первый — это мир видимого, то, что вы видите своими глазами, приезжая, например, в Англию или США: их технические достижения, а также результат их действия — благополучную жизнь, — и вам хочется всё это немедленно скопировать. Но это ошибка. Потому что есть другой мир, мир невидимого: это долгий мир изменений, процессов, которые привели тот или иной народ к благополучию; это пути развития, проблемы и ошибки культуры, образования, удачные и не совсем удачные изменения традиций, общественных ценностей и институтов. И когда

вы это поймёте, тогда вам станет ясно, что вам надо делать, чтобы ускорить процесс модернизации, не повторяя при этом чужих ошибок».

А теперь я спрошу у вас: вы читали хоть одну философскую работу Фукудзавы? Нет, конечно. Потому что у нас в России практически нет его переведённых работ. А в Японии его работы знает едва ли не каждый японец. Вот вам и один из возможных ответов на ваш вопрос. Как говорил Александр Сергеевич Пушкин: «Мы ленивы и нелюбопытны». До каких же пор мы будем ленивы и нелюбопытны? Не пришла ли пора стать более любознательными? Правда, жизнь очень жёстко и без сантиментов начинает учить нас жить в более конкурентном и более агрессивном мире. Но совет Фукудзавы, мне кажется, нужно помнить и нам.

АА. Выше вы упоминали о «хорошем образовании». Сейчас в СМИ идут горячие дискуссии о ЕГЭ: пользу или вред он приносит? Как вы думаете?

ЮМ. Потребность в ЕГЭ появилась во всех странах, в которых возникли новые отрасли экономики. Для этих отраслей появилась необходимость искать таланты. Возникла она и у нас. В лучших университетах страны (Москва, Петербург) сейчас более семидесяти процентов поступивших — это выпускники со всей России. До ЕГЭ их было всего около тридцати процентов. ЕГЭ — это инструмент отбора двух крайностей: наиболее одарённых и подготовленных школьников, которые должны иметь возможность учиться в вузах высших категорий, — и самых слабых, которые требуют особой медицинской, психологической и учебной поддержки.

Но самая большая категория школьников — это «середняки». С ними что делать? По моему мнению, возражают против ЕГЭ главным образом родители «середняков» и учителя, их воспитывающие. Однако в последние годы родители всё более начинают понимать значение хорошего образования для своих отпрысков и, чтобы сделать их более успешными, сами занимаются их образованием: посылают их во всевозможные кружки, студии, школы внеклассного обучения, нанимают репетиторов, гувернёров и так далее, чтобы подтянуть их до подготовленных и успешных. А не получится — что ж, для «середняков» полно другой работы; места в обществе хватит всем.

А с другой стороны, и сам ЕГЭ нужно улучшать, совершенствовать. Но ещё больше нужно улучшать, совершенствовать школу.

АА. Ещё одна из острых тем нынешних дискуссий по поводу образования — постоянное сокращение гуманитарных дисциплин в школах. Ведь это один из самых больших промахов советского образования, последствия которого до сих пор по-настоящему не осмыслены: когда в образовании преобладали естественно-научные дисциплины в ущерб гуманитарным, причём гуманитарное образование, в свою очередь, сводилось зачастую лишь к марксистко-ленинскому начётничеству. Этого начётничества давно уже нет, а преобладание естественно-научных дисциплин за счёт сокращения дисциплин гуманитарных всё увеличивается. Да, конечно, естественно-научное образование готовит рационально мыслящих и технически подготовленных молодых людей — но ведь только гуманитарное образование способно привить им основополагающие нравственные ценности: честь, совесть, достоинство, уважение к родной истории и культуре, любовь к Родине, стремление к самовоспитанию и самообразованию, к творческой самореализации и так далее, — без которых молодым людям трудно будет создать в своём Отечестве инновационное общество и достойно вписаться в него. Как совместить эти два вида образования?

ЮМ. Согласен с вами. Даже скажу больше: на мой взгляд, перестройка и её последствия в виде «дикого» рынка и «опущенности» общества во многом связаны с нашим самосознанием и мировоззрением, с сознанием и мировоззрением ведущих политиков, многие из которых были гуманитариями. Когда я видел и слушал их в Москве, меня поражал их узкий кругозор, отвлечённые фантазии в головах, совершенное непонимание ни окружающей обстановки, ни психологии людей, растерянность в глазах: что делать? куда идти?.. — а ведь среди них были крупные учёные, кандидаты и доктора наук. Помните, наверное, одну из провозглашённых тогда программ: «Программа 500 дней»? — и ни одного серьёзного возражения на подобные фантазии! Это было время жесточайшего кризиса в стране. Кризиса экономического, политического и — гуманитарного! По последним данным, уровень преподавания гуманитарных дисциплин в наших университетах находится на семьдесят втором месте в мире.

Очевидно, что имеющийся у нас сейчас уровень гуманитарного образования является серьёзным тормозом нашего современного цивилизационного развития. А вот что с этим делать? Я, пожалуй, снова сошлюсь на японский опыт: в Японии, например, три года назад отменено преподавание всех гуманитарных дисциплин в университетах, но во всех без исключения вузах во все дисциплины ввели модули гуманитарных знаний. Я не знаю, какие причины заставили их это сделать. Не уверен,

что нам надо сломя голову бежать за ними. Одно ясно: лучше всего идти вперёд на двух ногах — хорошего естественно-научного и гуманитарного знаний.

АА. И последний вопрос к вам, Юрий Николаевич, на этот раз не имеющий отношения к основным темам нашего диалога, — вопрос о встрече Александра Исаевича Солженицына с Виктором Петровичем Астафьевым, когда Солженицын при возвращении из вынужденной эмиграции ехал поездом из Владивостока в Москву, останавливался в каждом крупном городе для знакомства с постперестроечной Россией и в июне тысяча девятьсот девяносто четвёртого года остановился в Красноярске. Знаю, что вы, являясь в ту пору полномочным представителем президента в крае, стали одним из инициаторов (или даже главным инициатором?) — и одновременно свидетелем — встречи Солженицына с Астафьевым. По-моему, то была единственная в своём роде персональная встреча Солженицына с россиянином за всё время его первого, такого огромного, путешествия по России. Однако подробностей этой встречи я до сих пор в печати не встречал. Не могли бы вы рассказать о ней, хотя бы вкратце?

ЮМ. Да, пользуясь своим положением представителя президента, я в некоторой степени способствовал встрече Солженицына не только с Астафьевым, но и с разными группами красноярцев, хотя эти контакты и носили локальный характер.

Однако у этих встреч была своя предыстория. В начале июня тысяча девятьсот девяносто четвёртого года в моём кабинете раздался телефонный звонок от коллеги, представителя президента в Иркутской области Игоря Широбокова, известного в ту пору писателя и журналиста-иркутянина, занимавшегося экологической защитой Байкала, и он, несколько растерянный, сказал мне примерно следующее: «Юра, я ничего не понимаю! У нас произошло значимое событие — приехал Солженицын, а ведёт он себя странно. Мы составили делегацию для встречи с ним, в которую вошёл губернатор-демократ, избранный законным путём, но Солженицын избегает встречи с ним, с нами, слушать никого не хочет, в то же время выискивает отрицательные факты и всех поучает. Но мы и сами знаем, что у нас полно нерешённых проблем… Похоже, он воспринимает нас как людей прежней власти и совершенно не понимает, что у нас происходит… Завтра он будет у вас. Надо как-то найти с ним контакт!» — «Может, попробовать организовать его встречу с Астафьевым?» — предложил я. «Конечно!» — поддержал он.

И я тотчас же позвонил Виктору Петровичу, с которым у меня были давние и довольно доверительные отношения, рассказал ему о приезде Солженицына, о том, как он ведёт себя в сибирских городах, останавливаясь на один-два дня; да, конечно, у него много претензий к прежней власти: он был выдворен из страны, двадцать лет прожил в Америке, и у него на всё своё видение, — но ведь он уехал из одной страны, а вернулся в другую, так кто-то же должен сказать ему об этом простыми словами в доверительной беседе…

Астафьев понял мою просьбу, немного подумал и сказал, что завтра днём, в двенадцать ноль-ноль, он уезжает на теплоходе в Игарку, где у него есть договорённость о встрече с бывшими игарскими детдомовцами, авторами книги «Мы из Игарки», и что он готов встретиться с Солженицыным, если только мы сумеем организовать эту встречу до двенадцати часов дня. Я пообещал ему это, причём мы с ним договорились, что встреча будет проходить с глазу на глаз, без микрофонов, телекамер и журналистов.

А между тем меня на следующий день тоже ждали дела, требующие моего обязательного присутствия, поэтому следующим утром, очень рано, часов в шесть, я позвонил Роману Солнцеву — мы с ним были тогда соседями по Академгородку, объяснил ему ситуацию и попросил его отвезти Солженицына к Астафьеву. «Почему я?» — спрашивает он. «Ну, во-первых, ты руководитель местного отделения ПЕН-клуба, такой уважаемой международной организации, — оправдываюсь я, — во-вторых, ты известный поэт и драматург с демократической позицией, в-третьих, ты дружишь с Астафьевым, а в-четвёртых, я просто очень занят!» — «Ну хорошо», — согласился он и быстро собрался; я заехал за ним на машине, и мы помчались на вокзал.

Приехали, когда поезд уже пришёл. Два вагона (в одном ехал Солженицын с семьёй, в другом — журналисты Би-би-си, которые снимали большой фильм о его приезде в Россию) были отцеплены и загнаны в тупик недалеко от вокзала. Мы подошли; у дверей — столпотворение журналистов с фотокамерами, и — тишина. Наконец одна из дверей открывается, появляется мужчина и говорит: «Александр Исаевич спит; будить его нельзя. Приходите к восьми ноль-ноль утра». Недовольные журналисты стали расходиться. Я говорю Роману: «Давай приедем к восьми».

Приехали к восьми; теперь нас было всего четверо: мы с Романом, один знакомый мне фотограф-любитель и какой-то мужик с иконой. Вышел сам Солженицын; я представился

ему и обращаюсь с просьбой от Астафьева: «Если у вас есть желание увидеться с ним, то у него единственная возможность встретиться с вами — только сейчас, потому что днём он должен сесть на теплоход и плыть в Игарку». Солженицын растерялся: «А как я поеду?» — «У меня есть машина», — говорю. Тотчас сели в машину и поехали. Но я доехал до своей работы и, выходя из неё, сказал Александру Исаевичу: «У меня срочная работа. Дальше вас будет сопровождать Роман Харисович. Если у вас потом будет желание встретиться с губернатором, с новыми людьми новой власти — я готов посодействовать». И они уехали в Овсянку.

Я не поехал не только потому, что был занят. Раз человек так подозрителен и так жёстко оценивает людей, неожиданно, вроде меня, попавших во власть, то пусть с ним едет человек из его писательского братства: они быстрей найдут общий язык.

Потом Роман подробно рассказал мне то, чему сам был свидетелем.

Астафьев встретил Солженицына на крыльце. Сначала их разговор был очень жёстким и — не на литературном языке; в начале встречи Виктор Петрович сказал ему: «Ты зачем сюда приехал? Сказать молодым людям России, что у них нет будущего? Что их страна обречена и что они все обречены? Мы с тобой стоим перед погостом, а им — жить! С ними надо говорить по-другому…»

Потом они зашли в дом, а Роман остался во дворе, на лавочке. Двери в дом были распахнуты; их слов ему было не слышно, но слышался общий тон их разговора, и тон этот постепенно становился тише, спокойнее.

Часа через два они вышли во двор, оба — уже улыбаясь. Там, во дворе, Виктор Петрович лишь попросил Солженицына обязательно встретиться с новыми представителями власти, и в частности с губернатором; а на прощание они обнялись. Тут наконец примчались журналисты с камерами, и кто-то из них эти объятия успел запечатлеть.

Астафьев уехал, а Солженицын после обеда появился в администрации края. Сначала зашёл ко мне и сказал, что встреча прошла хорошо и что он вполне удовлетворён ею. Потом у него была встреча с губернатором Зубовым, а на следующий день — встреча в большом конференц-зале бывшего Дома политпросвещения с общественностью, съехавшейся со всего края. Зал был набит битком. Сначала выступил Солженицын. Говорил он хорошо, доходчивым, понятным всем языком. Потом были выступления; при этом Александр Исаевич многое из того, что говорилось, записывал в свою тетрадь. В целом выступающие его поддерживали. Высказанная Солженицыным мысль о земстве была для зала несколько неожиданна и непонятна, но большинство с его доводами согласилось. Но были и недоумение, и горячие возражения ему, и рекомендации, и подсказки, развивающие высказанные Солженицыным тезисы.

Особенно запомнилось выступление одной женщины из Новосёловского района; она говорила о том, что «вот вы нам говорите, как у нас всё плохо, — а за последние четыре года у нас происходит много чего хорошего: открываются церкви; люди начинают заниматься предпринимательством; появились товары, о которых мы только мечтали; мы теперь имеем возможность выбирать во власть тех, кого мы хотим. Вы сначала спросите у нас, что у нас изменилось, а потом мы вам сами скажем о наших проблемах, о том, что нам ещё надо изменить к лучшему!..» — и я тогда впервые увидел на лице Солженицына некоторую растерянность.

В те дни, когда он ехал по Сибири, его показывали по телевидению почти ежедневно, и было хорошо заметно, как, вернувшись в Россию, он взял на себя роль мессии, спустившегося с небес на грешную землю, чтобы научить людей жить правильно. Вспоминаю, как один человек говорил мне в те дни: «Посмотрите, как он улыбается! Это улыбка пророка, который один знает то, чего больше не знает никто!» В современной литературе эту улыбку называют ещё «улыбкой Хомейни». Так вот, в тот день, когда проходила встреча в Доме политпросвещения, я впервые видел его без этой всезнающей улыбки.

И всё-таки, судя по дальнейшей его жизни в России и по его публицистике того времени, он не сумел преодолеть в себе комплекса единственного человека, знающего, что надо делать, в то время как наиболее продвинутая часть российского общества, благодаря множеству распахнувшихся каналов информации, быстро набиралась знаний, необходимых для обретения самосознания. Мне кажется, именно поэтому Солженицын не приобрёл у нас по приезде достаточно единомышленников, а потом и вовсе оказался всенародно забыт, и вспоминали о нём только в дни его юбилеев.

Хочется упомянуть ещё об одном эпизоде пребывания Солженицына в Красноярске: на следующий день после встречи с общественностью было запланировано посещение им красноярских «Столбов». Я предложил ему: «Позвольте сопровождать вас туда?» — «Пожалуйста», — сказал он. Но я не знал, что, оказывается, компания Би-би-си, заключившая с ним контракт, оплатившая всю его поездку по России и организовавшая в том числе и поездку на «Столбы», сама решала, кто туда поедет, и я

видел, как бесцеремонно эта команда Би-би-си ведёт себя с ним, как он зажат и у него нет свободы действий. И я понял, насколько он встроен в другую культуру и насколько ему трудно быть самостоятельным.

Но всё-таки самое главное в красноярской встрече с Солженицыным — это отметили тогда все центральные сми! — только начиная с Красноярска, Солженицын стал активно встречаться и с представителями власти, и с широкой общественностью России и стал говорить о развитии земского самоуправления в России.

Я не собираюсь выпячивать своей роли в этой встрече — и всё же смею утверждать, что некоторое преображение поведения Александра Исаевича в России, начиная с Красноярска, произошло не без наших общих усилий, и в первую очередь усилий Виктора Петровича Астафьева, прекрасно знавшего Россию, её интеллигенцию и её простой народ, её жизнь, её беды, проблемы и трагедии, причём знавшего намного глубже и ближе, чем Александр Исаевич, и умевшего говорить об этом с сильными мира сего прямо, иногда резко, грубо и прямолинейно.

ДиН ревю

Эльдар Ахадов

Книга о тебе

Книга размышлений, афоризмов и коротких рассказов
«Ridero», 2018.

Чудеса случаются только с теми, кто в них верит.

Если у тебя такое настроение, что хочется обнять весь мир, а не получается: не унывай, обними хотя бы одного человека.

Самое важное нужно говорить вовремя. Пока есть кому сказать.

Если у тебя нет денег, это не значит, что у тебя нет ничего. И даже если у тебя вообще нет ничего, у тебя есть ты.

Почему нужно говорить правду? Потому что неправду знают все.

Если ты обнаружил человека, который всегда, везде, при любых обстоятельствах правильно говорит, правильно поступает и никогда не ошибается, будь осторожен: это не человек.

Твой рай там, где ты счастлив.

Если о тебе кто-то думает, значит, ты есть.

Если ты попал под дождь, не расстраивайся: тебя поцеловало небо. Если случайно оказался в воде, не огорчайся: тебя пытается обнять океан. И даже если провалился так глубоко, что всё ещё падаешь, успокойся: с другой стороны Земли тоже сияют звёзды. Всё будет хорошо.

Если тебе в голову пришли добрые мысли, будь с ними гостеприимен. А если — недобрые, передай им, что тебя нет дома.

Ты даже не представляешь себе, как я тебя люблю. Думаешь, я — представляю? И я не представляю.

Когда мы уходим, что-то всегда остаётся там, где мы были.

Дело не в том, что вы хорошие, а они плохие, или они плохие, а вы хорошие. Просто вы — разные.

Глупости делают все. Только умные признаются в них, а остальные — никогда.

Всегда лучше здесь и сейчас, чем там и потом.

Умелая ложь всегда выглядит правдоподобней искренней и наивной правды.

Когда всюду светло, дорогу видит каждый. Когда темно — лишь тот, в ком есть свой источник света.

Предчувствия никогда не обманывают, просто не все понимают их язык.

Валентин Курбатов

День недели

Нечаянный дневник 1981 года

Бывает и так: долго собираешься в гости к дорогому тебе писателю, готовишься душой, заранее складываешь вопросы, которые надо будет задать, а вот приехал… и всё как-то разом пошло вбок: то занят писатель, то нездоров, то просто душа у него не на месте,—и вот уже пора уезжать, и ты, перебирая скудные сокровища (что-то спросил, что-то приметил—но как мало!), с тоской думаешь, как всё это сложить во внятное целое, как поговорить с читателем полно и существенно, потому что ему нет дела до недостаточной собранности писателя или неопытности интервьюера. Поэтому я и отложил тогда это сочинение в надежде, что съезжу ещё раз и всё пригодится. А там и забыл, потому что другие приезды были полны другим. А теперь вот нашёл, и, оказывается, всё живо и дорого, потому что невозвратно.

Сколько я ждал этой поездки к Виктору Петровичу! Как давно был готов к ней! И вот вернулся, слушаю магнитофонные записи, читаю выписки, вспоминаю беседы и растерянно не нахожу в них желанной последовательной стройности. Всё необязательно, обыкновенно, да ещё нет-нет и покажется, что искал ответа, а наткнулся на встречный вопрос.

Я перечитал собравшиеся у меня за несколько лет знакомства письма Виктора Петровича, внимательно поглядел недавно изданный «Современником» «Посох памяти» (книгу критики и публицистики) и вдруг с неловкостью и отрадой понял, что всеми обмолвками, побочными замечаниями, мимолётностями Астафьев только подтверждал уже сто раз написанное и сказанное, что ему вовсе не надо было снова формулировать для меня те истины, которые я, читавший его книги и письма, должен был знать. И подтверждал не тщательно подготовленными суждениями, а простым бытом своим и поведением. Я же искал не того и не там, потому что привык к первичной словесности поведения писателя, к слову до поступка, а часто и вместо поступка, на что многие, увы, так способны (наверное, читатель в таких случаях бессознательно догадывается о необеспеченности слова поведением, иначе как объяснить, что столько умных книг, каждой из которых достало бы преобразовать весь духовный состав читающего человека, так мало подвинули нас в сторону совершенства?).

Я застал писателя в обыденный час его жизни, и сейчас мне кажется, что надо только верно записать вот этот будничный день, чтобы увидеть, как живёт душа писателя в свой обычный, не видный читателю час.

Бабочки-боярышницы летели, как великолепный снег, несуетливым, почти утомлённым полётом. Весь откос над Енисеем рябил ими, и воздух казался легче и светлее от этой праздничной белизны. Они сверкали в траве и на кустах, словно всё разом зацвело бабочками. Это было очень красиво. Я хотел сказать об этом только что вошедшему Виктору Петровичу, но он опередил меня:
— Вот новое бедствие для края. Бабочка, зараза, навалилась, жрёт все подряд без разбору. Видно, с жарой окуклились раньше, вот учёные и не успели упредить. У нас в Овсянке уже всё, что цветёт, поела, того гляди за листву примется. Что за напасть? То шелкопряд несколько лет назад душил, теперь вот бабочки!..

Вечером по телевизору смотрели выступление Михаила Ульянова в останкинской концертной студии. Едва я выходил на кухню поставить чайник или принести посуду, Виктор Петрович начинал возиться в кресле, и видно было, что молчаливо досадовал на моё хождение не потому, что оно ему мешало, а потому, что каждое слово артиста казалось ему хорошим, умным, существенным, и было непонятно, как тут можно ходить-выходить.
— Как читает! Как читает! А говорит как! Если бы мы не были дружны и я не знал, что он из Сибири, всё равно бы узнал земляка. Вот по этой злой прямоте и узнал бы. Не вертится, не темнит, рубит как есть, потому что ему скрывать нечего. Настоящий художник—он обязательно и гражданин настоящий, и потому правды не боится, что она в нём болит, а не так, как эти (не сказал кто)—всё норовят из-за угла укусить, будто их вины нет и они тут присяжные…

Тема гражданственности вообще остро тревожит его. Целый день я читал в деревне его «Зрячий посох» — рукопись будущей книги о критике А. Н. Макарове — и не мог удержаться, чтобы не выписать внезапно вспыхивающие в тексте отступления во всей их запальчивости и горечи, которая, может быть, отстоится и выльется со временем в другие формы, спокойные и твёрдые, но пока живёт с человечески доверчивой открытостью.

«…Мне кажется, что, пока людям не до гражданственности в литературе, самораспространение среди молодёжи, сплошь грамотной и часто с вузовским образованием, ритмически и мелодически бедных танцев и песен, охотно потребляемого чтива с элементами секса и насилия чем дальше, тем вернее подкрепляет это умозаключение…

Смех смехом, но берусь утверждать, что с появлением пусть относительного достатка обнаружились в нас и уродливые, нездоровые, дремавшие, а нам казалось — отмершие, черты: зависть, нахрапистость, жадность. „Когда мы были бедны — жили дружнее", — эта недавно родившаяся поговорка может быть твердо записана в сборники современного фольклора…

…Да, учился, хоть недолго и худо, но учился и запомнил слова: друг, товарищ, гражданин, сам погибай, а товарища выручай, раздели каждую крошку, спаси погибающего. А посмотрели бы хоть раз пристально сами на себя те, кто на собственных „Жигулях" катит к родичам в деревню на выходной или на „лоно природы". Боже мой! Ради этой машины наши — наши! — люди могут перекусить горло друг другу…

„Вам предстоит самое главное и, быть, может, самое тяжкое испытание — испытание вещами", — говорит один из героев бондаревского «Берега». Ох, плохо, некрасиво, бывает, выдерживаем мы это испытание».

Принесли почту. Долго разбирает, смотрит письма, мрачнеет, подает одно:

— Почитай!

Письмо анонимное, горькое. Молодая женщина прямо со школьной скамьи воспитывает ребёнка одна и уже ни во что не верит, а книги читает — как сны смотрит: красивые, но несбыточные.

— Вот кого всегда бывает особенно жалко — этих не успевших ничего понять девок: сразу в бабы. Это потом в характере сказывается и какая-то червоточина дальше идет. Но и сами они тоже хороши — как-то норовят скорее прожить, скорее всё узнать и так обычно мимо себя пробегают, а потом корят всех подряд, и плачут, и детей своих мучают… А ещё хуже — эти крайности женского «интеллектуализма»: детей рожать не хочет, стирать и готовить не хочет, а только соперничать с мужиком в толковании мистических книжек да сыпать именами одно краше другого. Хуже всякой безродности, потому что не по-русски, не по-людски. Но вообще письма бывают замечательные. Целые истории. Напиши — не поверят. Пять-шесть страниц — и вся жизнь! Вот у кого надо учиться писать — всё время говорю я себе и молодым на семинарах!..

Ходили на Ману — красивую быструю реку, впадающую в Енисей. Здесь режиссёр Б. Мансуров снимал киновариант по его повести «Перевал». Ещё горели на склонах саранки — цветы редкой, изысканной красоты, за что, видно, и тащат их красноярские и дивногорские бабы на базар по полтора рубля за букетик. Виктор Петрович нашёл в тени небольшой стародуб (их пора уже отошла), чтобы я имел представление об этом цветке, давшем название первой его повести. Он называл цветы один за другим, и ему нравилось называть их.

— А половину уж и забыл. Во всех нас природа вот так отмирает, съедается плохой памятью. Даже в «деревенских» писателях. Мы как-то сидели в Вологде на реке с товарищами, хвалились друг перед дружкой знаниями деревни, поругивали забывчивых. А я и говорю: вот мы сейчас и проверим, какие мы знатоки. Взял да накрыл ладонью клочок лужайки. Вот, говорю, подыму сейчас ладонь, а вы скажите, что под ней за трава окажется. Один назвал два вида, другой три. Я от силы четыре наскрёб, а там была тьма разных разностей. При этом я сейчас в ботанические атласы заглядываю, оживляю память, а в детстве без атласов знал и легко в голове держал гораздо больше. Теперь такое знание уже и в деревне редко…

В смешанном деревенском магазине, где соседствуют пальто, косы и книги, купили вышедший в «Детской литературе» томик Исикавы Такубоку. Виктор Петрович долго вглядывался в лицо поэта, смотрел биографию, листал книгу.

— Тоже помер в двадцать семь лет. Не держатся долго на земле такие души. А смотри-ка, что пишет. Будто про нашу Овсянку:

Поля продают,
Дома продают,
Пьют вино беспробудно…
Так гибнут люди в деревне моей.
Что же сердце тянется к ним?

И правда ведь — тянется. Озлишься, видеть никого не хочешь, а задумаешься — нет ничего дороже. А это-то, это как хорошо! Как вчера написано:

Всерьёз уверена
Дочка моя,
Что люди только затем и пишут,
Чтоб рукопись
Отправить в печать.

Ох, права эта дочка — теперь, состоя членом разных коллегий и советов, часто вижу, что именно

затем и пишут, чтобы скорее в печать, и самолюбие летит впереди дела, и себя любят так, что ни на что другое любви уже не остаётся. И пишут, особенно молодые, гладко, ловко, с какой-то даже «вумной» афористичностью, которая с налёту может и умом показаться. И всё так бойко, задорно, даже как будто дерзко, а отряхнёшь маленько эту пыльцу да внутрь поглядишь, а там и нет ничего. И жалко читателя, который будет потом натыкаться на этих литературных мертвецов. А читатель у нас доверчивый. Я вот ездил в Игарку на юбилей города и оттуда наведался на рыбалку в те места, где у меня «зимовали» Эля с Акимом из «Царь-рыбы». И пилот, который вёз меня на вертолёте, и мужики тамошние совершенно уверены, что так оно и было, что я чуть не третьим спал с ними в мешке. Смешная, но и святая вера в литературу! И как мы злоупотребляем этим доверием! А ведь нам надо быть пророками и проповедниками — никто нас от этой обязанности не освобождал, и скромником тут не прикинешься — спрос всегда в России был с художника страшный, ему за каждого героя надо как на духу отвечать…

В Красноярске в эти дни гастролировал московский театр «Современник». Виктор Петрович смотрел «Балалайкина и Ко», потом «Провинциальные анекдоты», смеялся и потом отдельные фразы ещё повторял дома, и опять они нравились ему, и он смеялся снова и снова, как будто впервые услышал, и дивился точности актёрского понимания оттенков характера вампиловских озорников.

И актёры платили ему ответной любовью. То он ходил к ним поговорить, то они заходили, и это было как-то очень нужно обеим сторонам. И такое общение будило что-то очень существенное. Наверное, естественно, что после одного такого домашнего вечера мы заговорили с Виктором Петровичем о «Пастухе и пастушке», так пока и стоящей особняком в его творчестве и не дающей покоя его читателям.

— Я мало объяснил, когда писал, что росток этой повести пробился во мне после «Манон Леско» аббата Прево.

— Странно, как легла вам на слух эта кружевная и почти уж парфюмерная на сегодняшний вкус книга.

— Ну это смотря на чей вкус! Я недавно снова её прочитал, и она опять показалась мне прекрасной. Я ведь ушёл на войну, так и не узнав любви. Молод был. Робок. Парнишкой ходил по лесу, сочинял принцесс, разговаривал с ними. А в войну уж и совсем было не до этого. Тянул переписку с одной землячкой, но больше для порядку, чем от чувства. Может быть, поэтому меня так задела «Манон» и потому так хотелось, чтобы хоть моих героев не обошло то, чего сам в их пору не знал. Так и написались и «Звездопад», и «Пастушка». Теперь я знаю, что в них больше от меня, чем думалось, когда писал, что если и удались они, то потому, что я выкормил их своим сердцем, будто надеялся, что ими можно восстановить пробел в своём юношеском развитии. И, может быть, потому, что сам я не знал тогда всей силы любви, позволил Борису Костяеву в «Пастушке» умереть, сойти на нет. А тут, как меня самого смерть понавещала, понял, что, может быть, ему и надо было побороться, потому что власть жизни — всё-таки власть огромная, притягательная. Хотя, может быть, он прав, предпочтя смерть повреждённой войной жизни…

Приходили соседские мужики. Два дня назад местные парни затеяли драку с сибирским размахом — ножи в ход пошли. Сын полоснул разнимавшего отца. Теперь обоим неловко. Отец печально глядит васильковыми, редкой, какой-то сугубо деревенской синевы, глазами и не знает, как выгородить сына перед Астафьевым.

— Дядь Вить (уже сам мужик, а для него Виктор Петрович всё «дядя Витя». И многие в деревне его так зовут), ну что тут сделаешь? В субботу и воскресенье парни сами не свои. Пьют, деть себя некуда, вот и заводятся. А так, ведь вы их знаете, ребята хорошие.

— Хорошие, пока спят… Силу некуда девать. На работе мало расходуют. Вон на Фокинской речке лесник скамью рубил, старался, чтобы мог отдохнуть человек по дороге из лесу, а они её враз сковырнули. И ведь просто так сковырнули, от скуки. А матери ведро воды принести некогда… У нас вон в Красноярске даже железные грибы на детских площадках посгибали. Силы хватает, зла тоже. Оттого и человеческую жизнь ценят мало. Тебя вот только задели, а могли и убить. Перед войной тоже такое бывало.

И уже на следующий день, вдруг вспомнив вчерашнее:

— Да, бесятся ребята, не знают куда себя деть. Я и сам иногда сяду, считаю. Красноярск — миллионный город. Театров вроде хватает. Но всё равно ведь в них в лучшем случае тысяч десять сидит, ну ещё в кино — тысяч двадцать (да с десяток в ресторанах получше). А остальные-то как? К телевизору? Это хуже одиночества!.. Значит, на улицу? Да и в театрах ли дело? Вон Михаил Александрович Ульянов как-то сказал мне, что в Москве живёт восемь миллионов одиноких людей. Это его доподлинные слова. Я аж притих тогда и ужался в себя. А потом думал и додумался: да ведь и во всём-то мире страшное одиночество! «Век двадцатый, век необычайный» разъединил вовсе людей, хотя ожидалось наоборот. Теперь уж «деревенская глушь» нам, оглушённым рёвом и грохотом цивилизации, кажется не простым тихим раем, но и средоточием людским, где общаться полегче, где мы на виду друг у друга и друг перед другом открыты.

22 июня показывали с площади Белорусского вокзала репортаж к сорокалетию песни «Священная война». Виктор Петрович смотрел хронику, каменея лицом, и видно было, как дороги ему все, кто пел на площади эту песню вместе с ансамблем Александрова. Мысли были далеко.

— Я хорошо помню, как сам услышал эту песню первый раз. Мы ещё зелёные были, в запасном полку, а возвращалась со стрельб маршевая рота, уже слитая, цельная, одно тело, несмотря на то, что солдаты, наверно, устали. Песню издалека наносило морозом и перехватывало ветром и стужей. И хотя я уже знал её всю, а тут как-то разом прошло по сердцу, что идёт война, что дело это тяжёлое и что впереди будет тяжелее…

Потом он рассказывал сюжет за сюжетом из будущего своего романа о войне. Эпизоды теснили друг друга. Герои уже жили своими жизнями, их легко было узнать и по оттенкам речи; роман, видно, давно растёт и просится в запись. Смерть в этих сюжетах не останавливалась с войной, а, будто разогнавшись, доламывала жизни уже в конце сороковых годов, калеча солдатские судьбы одну за другой.

Вечером мы выходили к Енисею, сидели на брёвнах, вынесенных сплавом, подолгу смотрели на реку, на тот берег. К сумеркам начинало тянуть от воды туманом, наносило погребом, потому что вода теперь и в жару выше десяти градусов не нагревается.

— Пошли. Это не по мне.

— А что же переехали? Как вам тут?

— Ну, это только к вечеру тут так. А вообще климат сухой. Как раз для моих лёгких. Но главное-то, конечно, не в этом. Я там, в Вологде, а особенно в деревне Сибле, где лето и осень жил, такое иногда сиротство чувствовал, что хоть кричи. А тут что же… Тут и одиночество другое. Родня вся тут. Сразу чувствуешь, как корни по земле бегут. Все наши беды отсюда начинаются — с отрыва от родных корней, когда с тебя спросить некому и помочь тебе некому. Отсюда и одиночество, и безбытность, и сексуальная развязность вместо любви, потому что ты вроде на пустыре растёшь и сам себе голова. А здесь и могилы близких рядом, и живая родня вся под боком — тут себя не забудешь.

Теперь, когда я вспоминаю эти обычные дни в Красноярске и в деревне Овсянке, я понемногу догадываюсь, почему Астафьев так родственно понимается самыми разными людьми и с одинаковой уважительностью читается молодыми и старыми, крестьянами и учёными, — в нём совершенно тождественны человек и писатель, между тем как у некоторых нынешних сочинителей постоянно ощутим зазор между этими началами, словно проповедуют они одно, а исповедуют другое. Его слово равно поступку, потому что слово значит именно то, что значит, в творчестве Астафьева нет скрытности, двойного толкования. Он без уклончивости смотрит на жизнь и, кажется, давно понимает следом за Пушкиным, что мыслить и страдать для русского художника — понятие синонимическое.

Это редкий случай органической жизни писателя, и потому творческий его путь здорово последователен и, при всей жёсткой прямоте, полон надежды и живой силы. Он уверен, что обыденной жизни есть что сказать разуму, и легко находит героев, если не для романа, то для «затесей» (любимый им жанр короткого рассказа, эскиза, моментального снимка реальности), в каждой деревне, куда бы ни заносила его судьба, и сразу видит за героем судьбу целой России.

А закончить мне хочется его маленькой «затесью» «Какое сырое утро», в которой лучше всего видны его будничные, обыкновеннейшие, но полные мужества художественные и житейские обязательства:

«За окном мутно. Каплет с крыши. Каплет с черёмух. Окна залеплены серым снегом… Он медленно сползает по стеклу, лепится к рамам, набухает…

Как болят кости! Ах, как болят кости! Но надо вставать. Надо вставать и работать.

Наступило утро. Все люди работают. И мне тоже надо работать.

Но как болят кости! И старые раны болят.

Полежу ещё маленько, чуть-чуть…

Я ведь заработал право полежать?

Но мало ли кто и чего заработал! Кто подсчитывал? Надо вставать. Вставать! Вставать!..

Всё то же сырое утро, нет, уже день, мутный, промозглый, родившийся из морока и стыни. Всё так же каплет с черёмух. Мимо окон проехал дядя Фёдор на мокрой лошади к ферме — он везёт вонючий силос.

Я вожу ручкой по бумаге. И дяде Феде, и лошади, и мне не хочется работать.

Но бегут строки всё быстрее, быстрее, и мимо окна бежит лошадь с пустыми санями. Бежит, фыркает — разогрелась.

Может быть, завтра наступит ясное утро и перестанут болеть кости. Да и сейчас они уже глуше болят».

1981–2019

Марина Саввиных

Выдувая радуги с пера...

памяти Романа Солнцева

Он родился в Татарстане в 1939 году. «Родня мне русские, татаре...» — говорил Солнцев. На самом деле имя, которое он получил при рождении, — Ренат Суфеев. Но все, кто знал его, всегда чувствовали и понимали, что придуманный для литературы псевдоним — Солнцев — как нельзя лучше отражает его кипучую натуру.

Не помню, когда и как мы познакомились. Кажется, я знала его всегда. В те далёкие времена, когда я была подростком, хорошие книги вполне могли заменять собой свободно конвертируемую валюту. Книг издавалось много, огромными тиражами, но читали все, и на всех даже таких тиражей не хватало. В нашей семье была прекрасная библиотека. Она состояла в основном из произведений русской и зарубежной классики (папа свободно читал по-немецки и по-польски, и, поскольку самых интересных книжек на русском было не найти, он частенько покупал великолепно изданные томики на этих языках в популярном тогда красноярском книжном магазине «Планета»). А я в ту пору сама уже начинала «писать литературу», мне как воздух нужны были самые современные, как сейчас сказали бы, самые «актуальные» издания, особенно стихи, конечно, и я пропадала в городских библиотеках, осваивая тогдашний поэтический поток буквально по́лками.

На одной из таких полок я и нашла «Малиновую рубаху» — она буквально сама просилась в руки, очень скромная, но в то же время очень нарядная — в белоснежной суперобложке с красными и чёрными буквами. Стихи меня озадачили. Вроде бы совсем не моё, но я возвращалась к ним снова и снова, пытаясь понять, что же так задевает моё читательское внимание, казалось бы, раз и навсегда настроенное на интонации и ритмы Серебряного века. Спустя время, когда мы уже стали друзьями и разговаривали почти ежедневно, то же самое и он говорил о плодах моих трудов: читаю и не пойму — вроде совсем не моё, а цепляет. Но до тех бесед, которые мы вели уже почти на равных, с конца семидесятых, когда я впервые прочитала стихи Романа Солнцева, пролегли, пробежали и пролетели годы, полные драматических событий, повернувших историю страны в такое русло, о каком мы тогда и не догадывались. Для мальчиков и девочек эпохи «развитого социализма» — да ещё в провинции — Солнцев был кумиром, звездой! В Москве поэзия тогда собирала стадионы, а в Красноярске или Иркутске — битком набитые актовые залы на полтысячи мест. Роман Солнцев, Зорий Яхнин, Вячеслав Назаров, Анатолий Третьяков... мы, девчонки, старались не пропускать ни одной встречи с прославленными поэтами — не потому даже, что хотели приобщиться к поэзии, а просто потому, что сами поэты были окружены для нас ореолом какой-то особенной красоты, смелости, свободы, романтики. Свою самую первую курсовую по литературе я написала о «Малиновой рубахе». Это, пожалуй, и было первое знакомство.

Ложь на моих губах! Малиновых не сто
я износил рубах — всего одну. И то —

не хвастался я ею и вовсе не носил,
а лишь надеть, примерить однажды
попросил.

В чулане, где задачников не нынешних
гора,
и примус с талией осы, и два пустых
ведра,

из ящика, где бабочки и ржавое ружьё,
достала мать рубаху. Ту самую. Её.

Такую вот по праздникам носили мужики
и круглый год цыгане — стальные
каблуки.

Вместо спецодежды она у них была...
Малиновая вылезла — как пламя из угла!

И я её примерил. И захватило дух...
Я словно загорелся весь. А мир вокруг
потух.

И вышло — слов особенных ждут люди от
меня...
И огляделся я. И устыдился я.

Остановились бабки и овцы у ворот,
слетелись все вороны на мамин огород.

Коль так уж нарядился — так, значит, есть резон?
А что скажу я: хвастаюсь? Я что скажу: влюблён?

...Но вновь её напялил я. Теперь я — бунтовщик,
товарищ Емельяна, елабужский мужик.

Горит она, родимая, как ветер мятежа,
как сотня красных петухов иль лезвие ножа!

По поясу верёвочка — сушёная змея...
Но тут я испугался, и огляделся я.

Стоит и с любопытством толпа глядит сюда.
А что скажу я людям? Мол, шутка? Ерунда?

Лишь в праздники народные иль в лютую беду
надену я малиновую, с соседями пойду.

(Иль слово вдруг великое росиночкой со лба...)
А просто так носить — нет, не моя судьба!

Я просто так не буду, не натяну зазря.
Шатры кочуют в мире. Качаются моря.

Сжимает рожь дорогу. Спит автоматов сталь...
А ну, кому померить? Нисколечко не жаль. (1976)

...Да, вот что задевало и в стихах его, и в прозе, что резонировало моему собственному «нерву» — страх лжи. Боязнь солгать — пусть не специально, нечаянно, во благо. Но ложь есть ложь. А человек в «малиновой рубахе», артист, лицедей, поэт иной раз обречён ради высшей правды поступаться правдой сиюминутной, мелочной... Но где та грань, которую нельзя переступать, перемещая точку зрения? Кем, как она установлена? А если она установлена одной из противоборствующих сторон, ты, писатель, — на чьей стороне? Или весь смысл как раз в том, что ни на чьей? Вечно — над схваткой? «Ложь на моих губах». Вызов самому себе и крик отчаяния. До самых последних строк я слышала у Солнцева этот крик.

Конечно, он был одним из «прорабов перестройки», духовных лидеров революции, которую подавляющая часть тогдашней молодёжи — и я в том числе — встретила как освободительную бурю, свежий ветер перемен. Но одним из первых он почувствовал и страшную угрозу для всего мира, беду, которую эта буря несла. Это тоже стало болью, переломом, язвою душевной.

Он писал:

Слыл и я державы грозным критиком,
гибелью грозил чрез пару лет.
Бабушки пугались: что за крики там?
Девушки шептались: он поэт!
Но поэт плывёт в морях с русалками,
выдувает радуги с пера.
А не ходит с бабами усатыми
на базары, митинги с утра.
Хоть стихи твои взошли на лозунги —
ты обманут: захватили власть
те же люди толстые... а слёзыньки
можешь пить до самой смерти всласть...

Вот и пил он слёзыньки. До самой смерти. Неожиданной, как гром средь ясного неба.

...Последнее десятилетие жизни Солнцева было согрето работой со школьниками. Всё началось с большой красивой книги «Пегас ворвался в класс». Сотрудничество в качестве составителей и редакторов «Пегаса», собственно, и познакомило нас по-настоящему. А было так. В 1994 году — после выхода в свет сборника «Великодушная семёрка», где была напечатана моя первая внушительная подборка, равная по объёму отдельной книжке, — Солнцев пригласил меня в редакцию журнала «День и ночь». Она располагалась тогда в двух комнатках на первом этаже офисного здания недалеко от комбайнового завода. Речь шла о моей публикации в журнале, но разговор на эту тему быстро иссяк. Зато оказалось, что есть множество тем, обсуждать которые мы можем бесконечно. Например, проблему литературного образования и преподавания художественной литературы в школе. Узнав, что я работаю в педагогическом училище, Роман Харисович, видимо, взял это дело на заметку. И, когда появилась возможность издать большую книгу детских сочинений, стихов, рассказов, рисунков, пригласил меня принять участие в проекте. Разумеется, я с радостью согласилась. Книга вышла в свет в 1996 году. К тому времени мы поняли, какие — поистине геологические — пласты мы сдвинули своей бурной деятельностью. Редакционная почта едва выдерживала натиск рукописей, которые продолжали присылать школьники, их родители и учителя. Выход был найден, так сказать, с двух сторон. Во-первых, мы открыли в журнале особый раздел — «Синяя тетрадь», где стали публиковать произведения школьников на регулярной основе. Во-вторых... в наших бесконечных разговорах и дискуссиях о работе с литературной молодёжью постепенно родилась и выросла идея Литературного лицея. Так в одночасье я сделалась руководителем отдела детского творчества в журнале для семейного чтения и — чуть позднее — директором лицея. Удивительное было время! Затяжная, жестокая,

беспощадная, разрушительная, но всё-таки весна! Такая, что иной раз палку воткни в землю — покроется листьями и зацветёт. Педагогические идеи, о которых мы с Солнцевым горячо спорили, но планировали осуществить, поначалу казались нам самим абсолютно фантастическими. И все они — или почти все — между 98-м и 2004-м оказались воплощены! Это было трудно, стоило не только немалых денег, которые надо было ещё где-то достать, но и пота, времени, слёз… Однако лицей состоялся! Наши выпускники до сих пор вспоминают годы, проведённые в нём, как самое счастливое время жизни.

…У Солнцева в лицее была мастерская. Дети вместе с Учителем смотрели шедевры европейского кино, слушали оперу. Старшеклассники получали бесценный опыт разговоров об искусстве — такой, какого не могли больше получить нигде. Солнцев сочинял с ними сценарии из школьной жизни, они даже пробовали снимать кино. И всё это, конечно, служило творчеству. И учеников, и Учителя. В каждом выпуске «Синей тетради» появлялись теперь работы солнцевской мастерской. Алёна Бондарева, Дарьяна Антипова, Илья Трубленко… Многие из выпускников Солнцева действительно стали писателями. Все — понимающими толк в литературе культурными людьми. Он не был с ними строг. Он их любил. Катя Бурцева написала в лицейском альбоме: «Его тепло осталось с нами. А ещё… всегда было стыдно за то, что мы приходили на мастерскую без текстов. Его фраза: „Дети! Ну почему вы не пишете?“ — всегда удивляла и заставляла думать о жизни».

А он думал о них:

Дают звонок прощальный. Ученицы
красавицами стали — отвернись…
Ученики уходят, хмурят лица
лишь для тебя… их ждёт иная жизнь.
Да, Пушкина и Лермонтова помнят.
И про дуэли писаны эссе.
А ждёт их жизнь, весёлая, как подвиг!
Но почему ж столь беззащитны все —
и столь прекрасны? Иль глаза, учитель,
преображают тех, кого растил?
— Я вас люблю… но, милые, учтите:
порой страшнее шпаги — след чернил…
Страшнее пули — письмецо во мраке…
Страшнее яда — ревностная месть…
Ведь ничего не изменилось, враки, —
кто нежен — гибнет. Было так и есть.

…Двенадцать лет как нет с нами Солнцева. Но странно даже подумать, что нынче ему уже восемьдесят! Не думаю, что за эти двенадцать лет он очень изменился бы. Он не мог, не умел стареть! И разве теперь, сегодня, не выдувает он, поэт, как прежде, «радуги с пера»? не водит хороводы с русалками? не окликает друзей шутливым присловьем? не мучается, гражданин и оратор, проклятыми вопросами текущего момента? Ведь мы его чувствуем, слышим! И пусть будет юбилей! С днём рождения, Роман Харисович!

к 80-летию со дня рождения

Роман Солнцев

Стихи разных лет

● ● ●

Кончается безумное столетье.
Горят смола позора и елей.
Что остаётся? Тучи на рассвете
и то ли броневик, то ль мавзолей.

Но что кричать о Родине своей
измученной? Сгорели наши клети.
Пора садить деревья на планете,
где Русь была—любой свечи белей.

Горят знамён переходящих тонны.
Валяются графины, мегафоны.
И кажется, за мглистою верстой
стоят, взмахнувши бледными руками,
и смотрят, смотрят мокрыми глазами
на нас Радищев, Пушкин и Толстой…

● ● ●

Благодарю за то, что не убили.
За то, что оболгали, говорю,
за то, что в душу лезли—руки в мыле—
и не нашли её, благодарю!

Я душу поменял—я в той синице,
что с жёлтой ветки смотрит на зарю,
я в ручейке, что в океан стремится,
и в рыбке золотой, благодарю…

Я в той соломке, что сверкает в поле,
и в звёздочке—я вместе с ней в раю.
Вот почему не чувствую я боли,
а радость чувствую! Благодарю!

В аэропорту

Пассажиры глядят на солнце.
Полетит или нет самолёт?
Вдруг по радио: «Мальчик нашёлся.
Смуглый. В синих чернилах рот.
Что ни спросят его—молчит он.
И не пьёт ни крюшон, ни ситро.
Посмотрите, мамы,—стоит он
возле справочного бюро…»
Я курю. Пью пиво я с солью.
На коленке блестит чешуя…
Я пойду посмотрю-ка, что ли.
Может, это нашёлся я?

Запоздалый гром

Сырая мгла к рассвету мир заволокла.
Погасли звёзд-сиделок крохотные спицы.
Мигнула молния—а женщина спала,
лишь только вздрогнули ресницы.

Мигнула молния, но женщина спала,
покуда гром далёко был, ещё в дороге,
и озарилась с фотоснимками стена…
Там лица, лица, лица—люди, а не боги.

Там лица, лица—муж на дальней той войне,
муж молодой ещё, идущий по Берлину,
муж на арбе, муж с юной ёлкой на спине,
муж, улыбающийся маленькому сыну,
уже старик, и рядом сын с седым вихром,
дочь с полотенцем у костра, старик с ведёрком…

Мигнула молния—но был далёко гром,
ещё за тем лужком клубничным, за пригорком,
мигнула молния—но женщина спала,
катился гром по длинным улицам села…

Ну а пока к её двору он доберётся,
проходит жизнь, слепит со снимками стена,
смеются дети, не кончается война,
вода блестящая выходит из колодца,
горит, как гребень золотой, в сенях пила,
и лица, лица со стены и со стола—
их видит женщина закрытыми глазами…

Но вот и гром потряс её забытый дом,
в печи угрюмо звякнули ухват с горшком—
зола подъятая выходит облаками..

Проснулась женщина—и спичкой провела
по коробку, его царапая ногтями.
В окно втекала громом взмётанная мгла…
И что же высветило жёлтенькое пламя?

Оно, как яблоко, в невидимых стенах
из мрака робко извлекло на миг единый
лицо старухи с острым носом и в слезах,
одно лицо лишь моей матери родимой…

Нет ничего вокруг—нет боле ничего!—
нет фотографий, стен, нет никаких селений,
нет лошадей, людей—а только лишь всего
лицо старухи с жёлтой спичкой во Вселенной…

● ● ●

От города тянуло смрадом,
тем ядом химии, теплом,
когда нет места ни дриадам,
ни феям в свете голубом.

Когда к тебе приносят на дом
повестку, в дверь стуча багром:
жить рядом людям, птицам, гадам
от силы год ещё… потом

останутся одни заводы
на огненном ветру свободы,
как шарфы распустив дымы…
А мы опять уйдём в пещеру
лепить безрукую Венеру—
насиловать привыкли мы.

● ● ●

А может, хватит горевать?
Давай укатим зоревать,
варить уху и с кружкой водки
о невозможном заливать?

Средь синих тоненьких осин
я буду наконец один,
без соглядатаев за дверью,—
простой вселенский гражданин.

И будешь ты искать в золе
картошку… будем в полумгле
без грозных лозунгов—простые
два человечка на земле.

Нет школ, течений, и фронтов,
и сдвинутых столов, умов…
Над нами светится божествен
орга́н дождей, орга́н стволов!

Пусть километрах в двадцати
грохочет плазма взаперти.
Там женщина—мужчине ровня!
Век атомный, мужчин прости…

Не раз я голову ронял
на тот светящийся металл.
«Ты верь в себя, мой бедный мальчик»,—
мне голос нежный повторял…

Но, может, хватит горевать?
Давай укатим зоревать,
варить уху и с кружкой водки
про город Солнца заливать!

В краю костров, луны, осин,
где каждый зверь как исполин,
есть ещё царство
слабых женщин
и гордых
бронзовых мужчин!

В движущемся мире

Я в движущемся мире поездов
лежать порою сутками готов.
Однажды так и было—ночь текла
за толщею гранёного стекла,
а рядом шум стоял и детский плач…
Сломав, как хворост, свой прозрачный плащ,
я лёг… И получилось, что в купе
свет не горел. Не всё читать тебе!

Я думал, слепо глядя в потолок,
как от себя я прежнего далёк,
что ждёт меня не город, а холмы
и комаров плаксивых тьмы и тьмы,
горячий бор и паутины сон,
иголок хвойных целый патефон,
махра и егерь, ржавые часы,
в траве ручьи зелёные чисты,
и взад-вперёд на дне жуки-жучки
бегут, как золотые рычажки!..

Я думал, смутно глядя в потолок,
что я и от попутчиков далёк,
они о чём-то тягостном своём—
про кубометры, краны, про заём,
про глупых тёщ, про бани в Воркуте…
А я—загадка. Некто в темноте.
И я за них придумаю сейчас
про каждого—неслыханный рассказ.
В рассказе том: прощанье, свечи, ночь,
цыганская иль маршальская дочь…

Так думал я—и сладко было мне,
я в личной был, в загадочной стране…
И вдруг вагоном—из окна в окно—
пошло оно, внезапное оно.
Вдруг мощный свет поплыл вдоль полотна,
меня, как речку, выхватив до дна!

Свет полустанка, мой полночный гость,
меня, как речку, высветил насквозь!
И хоть опять пошла вагоном тьма,
порвалась сказки красная тесьма,
и вспомнил я фамилию свою
и где я на учёте состою…
и, застеснявшись и назло себе,
стал говорить я с кем-то о гульбе,
как спал под стулом, хоть пришёл в кино,
про цены на солярку и вино…

● ● ●

Вздохнула роща, зашумела—
зелёный свет в неё вошёл…
Раздвинул день свои пределы,
как в праздник раздвигают стол!

Валерий Ганский

«Дитя земли» — сын неба

Передо мной в твёрдом красном переплёте книга, изданная Приволжским книжным издательством, на обложке которой на фоне мемориального обелиска «Журавли» в парке Победы на Соколовой горе города Саратова — надпись: «Подвиги во имя Отечества бессмертны». Книга — о Героях Советского Союза, причастных к земле саратовской. Автор-составитель, ветеран Великой Отечественной войны Николай Николаевич Тимонин, собрал в этой книге биографии Героев Советского Союза — как уроженцев земли саратовской, так и тех, кто учился, жил и работал в Саратовской области. Среди них я нашёл и героев, причастных к эстонской земле.

Первый в этом списке — эстонец Эндель Карлович Пусэп.

Родился герой 1 мая 1909 года на хуторе Самовольный Енисейской губернии (ныне Манского района Красноярского края), в семье эстонских крестьян-бедняков, переселившихся в Сибирь ещё до столыпинской реформы.

Эстонцы, исконные крестьяне, всегда называли себя «детьми земли». Дед Энделя — Иозеп Соо — много лет отрывал от семьи крохи для выкупа за маленький надел. А когда полностью погасил всю сумму, помещик без зазрения совести изрёк: «Ничего ты мне не платил, проваливай отсюда». И тогда семья собралась в дальнюю дорогу. Многие уезжали на край света в поисках лучшей доли. В тайге корчевали участки, ставили дома. Так появились самовольные хутора. Рядом с эстонцами селились такие же безземельные латыши. Сибирь стала им второй родиной. Для Энделя советская власть пришла на хутор тихо и незаметно в лице его отца Карла Пусэпа, которого выбрали первым председателем сельсовета. С детства мечтал стать лётчиком. У Энделя появилось увлечение: вместе с братом клеили из бумаги самолёты, привязывали шпагатом, бегали под горку... В 1922 году впервые увидел настоящий самолёт, летевший низко над тайгой к станице. Опрометью бросился во двор, схватил за уздечку лошадь, помчался без седла как оголтелый за двадцать вёрст. Успел... Самолёт стоял на базарной площади, вокруг важно прохаживался механик — в кожаной куртке, тёплом шлеме. Не один час вертелся рядом докучливый мальчуган, засыпал вопросами: «А это что? А это зачем?» — пока механик не посоветовал: «Учись на пилота, сам всё узнаешь». Грамотой хуторским ребятам помогал овладевать бывший ссыльный учитель Вольдемар Карлович Оя. Уже после Великой Победы Эндель встретил своего первого учителя в Эстонии. Вольдемар Карлович Оя в ту пору был первым министром просвещения республики.

В год смерти В. И. Ленина, пройдя через заснеженную тайгу в станицу Шалинскую, Эндель записался в комсомол. Окружком партии послал комсомольца Энделя Пусэпа, как «представителя бедняцкой семьи», на учёбу в Ленинградский педагогический техникум. Проучившись там один год, перешёл в военно-теоретическую школу Военно-воздушных сил в Вольске. В своей книге воспоминаний «Тревожное небо» Э. К. Пусэп указывает, что он родился в 1910 году, но прибавил себе год при оформлении документов, чтобы поступить в лётное училище.

«Наконец нам перед строем зачитали приказ: такие-то и такие взводы нашей и ряда других рот переводятся в город Вольск на Волге, в авиационную школу лётчиков и авиатехников. Вольск так Вольск. Главное — школа также лётная. Один из наших курсантов, Павел Ищенко, родом из Одессы и, как всякий одессит, шутник и балагур, серьёзным тоном заявил, что Вольск хотя и не Одесса-мама, но за мачеху вполне сойдёт...» (Павел Иванович Ищенко, лётчик-испытатель, погиб 26 мая 1942 года в испытательном полёте на бомбардировщике Ту-2.)

Приказом Реввоенсовета СССР №308 от 24 мая 1928 года начинается подбор командного и политического состава для будущей Вольской объединённой военной школы лётчиков и авиатехников (ОВШЛАТ), она объединяла две лётно-авиатехнические школы. Первым начальником возрождённой Вольской военной школы был назначен комдив Фёдор Иванович Жаров. 8 октября 1928 года в ОВШЛАТ начались первые занятия, а 7 ноября 1928 года состоялось торжественное открытие школы.

Основными помещениями для школы были здания бывшего кадетского корпуса. С помощью местных городских организаций и самих курсантов начался ремонт помещений.

…Волжский город Вольск — бывшее селение Малыковка, которое Екатерина II, по слухам, хотела переименовать в Злобинск или Константиногорск в честь известного вольчанина, потомственного дворянина Константина Злобина, сделавшего много для родного города. До сих пор в Вольске стоят красивые здания, построенные этим меценатом. Протоиерей Василий Гаврилович Еланский, один из первых историков Вольска, писал: «Прежде всего, нужно сказать, что слово „Малыковка“ — татарское и буквально значит „клад“, „кладовое место“, в более широком, переносном смысле — вообще привольное и приятное по житию место, подобно тому как у нас часто говорится: это место — сущий клад, это место — настоящий рай». В «Путеводителе по Волге» Якова Кучина (Саратов, 1865 год) так описывается волжский городок: «Вольск по внешности представляется более значительным и богатым городом, чем он есть на самом деле… Для этого города нет будущности…»

В сентябре 1908 года на базе Вольской военной школы создан Вольский кадетский корпус. Его формирование проходило с 1908 по 1913 год. В Вольской военной школе пытались перевоспитывать и дядю писателя К. Г. Паустовского. Вот что он пишет о перевоспитании своего дяди: «Дядя Юзя учился со своими братьями в этом (Киевском) корпусе. Четыре года прошли благополучно, но на пятый год дядя Юзя был переведён из Киева в штрафной „каторжный“ корпус в город Вольск, на Волге. В Вольск кадетов ссылали за „тяжкие преступления“. В Вольске дядя Юзя пробыл два года. На третий год его исключили из корпуса и разжаловали в солдаты за то, что он ударил офицера: офицер остановил его на улице и грубо изругал за мелкий непорядок в одежде».

В 1908–1909 учебном году вновь образованный Вольский кадетский корпус принял пятьдесят человек в первый и второй классы, в последующие пять лет — каждый год по сорок человек. На 20 августа 1912 года в Вольском кадетском корпусе числилось двести пятьдесят кадетов. На 1 января 1914 года в этом учебном заведении обучалось двести пятьдесят пять человек мужского пола. 1 мая 1914 года Вольскому кадетскому корпусу было пожаловано знамя. 17 мая 1914 года в Вольск для его вручения специально пожаловали генерал-инспектор военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович и начальник гувуза генерал от инфантерии А. Ф. Забелин.

Великий князь Константин отнюдь не формально выполнял свои обязанности по воспитанию будущих офицеров. Он регулярно устраивал военные сборы, посещал военные школы империи, вникая во все стороны жизни их воспитанников. В 1900 году вольские кадеты побывали у великого князя в гостях в его великолепном Стрельнинском дворце. Позже Константин Константинович сам приехал в Вольск к своим юным друзьям. В библиотеке корпуса после этого посещения осталась роскошно изданная книга стихов Константина Константиновича, а в Крестовоздвиженской церкви — икона преподобного Сергия Радонежского, написанная в Троице-Сергиевой пу́стыни — небольшом монастыре под Стрельной, где вольские кадеты молились вместе с великим князем.

Именно вольским кадетам был посвящён один из лучших сонетов поэта К. Р.:

Кадету

Хоть мальчик ты, но, сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьёй,
Гордися ей принадлежать душой.
Ты не один — орлиная вы стая.

Настанет день, и, крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела:
Ей нужны труд, и знанье, и усилья.

Пускай твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнём горя,
Стать головой за Русь и за Царя!

Первый выпуск в Вольском кадетском корпусе произошёл 29 мая 1914 года. После молебна двенадцать кадетов-выпускников приложились к святому кресту и были окроплены святою водою. Затем состоялись парад и прощание со знаменем — церемониальная передача его от кадета Игоря Беккера новоназначенному знаменщику кадету Игорю Широкову. После фотографической съёмки в зале корпуса прошёл прощальный обед. На вечере торжественно и символично прозвучали слова марша Вольского кадетского корпуса:

…Мы стойко встретим бури в жизни,
Не дрогнут наши пусть сердца;
Царю на радость и отчизне
Послужим верно до конца.
Запомним всё, что нам внушали,
И всюду будем удальцы;
За славу воинских регалий
Служить готовы, как отцы.
Ура! Наш Вольский корпус новый,
Гордись, расти и процветай!
И для тебя венок лавровый
Мы принесём в Поволжский край.

«В Вольске мы впервые своими руками взялись за самолёт. На одной из утренних поверок командир роты Олев сообщил нам, что на железнодорожную станцию прибыли платформы с самолётами. А так как для перевозки на аэродром транспортных средств нет, самолёты решено доставить в школу

своими силами... — вспоминал Эндель Пусэп. — И вскоре начались ознакомительные полёты. На поле три самолёта. К каждому из них направляется взвод курсантов. Лётчики сидят в кабинах, техники, передавая из рук в руки вёдра с горячей водой, заливают её через воронки в радиаторы. Вода льётся тонкими струйками в снег.

Затем мы начали руками крутить пропеллер. С трудом провернули несколько раз. Подходит техник, рукой отодвигает нас. Взявшись левой рукой за кончик лопасти, техник протягивает правую мотористу. Тот, в свою очередь, сцепляет свободную руку с рукой другого моториста.

— Контакт! — неожиданно вскрикивает техник, и все трое с силой делают шаг в сторону.

— Есть контакт! — отвечает лётчик.

Что-то жужжит в самолёте. Пропеллер качается и замирает. Вся процедура повторяется снова и снова.

Холодно. Мы постукиваем каблуком о каблук. Наконец мотор нашего самолёта вздрагивает, выбрасывает клуб чёрного дыма, и пропеллер начинает быстро вращаться.

Мне и другому курсанту, помнится, его фамилия была Лончинский, поручается проведение самолёта до старта. Один из нас подходит к левой, другой — к правой консоли. Лётчик даёт полный газ, чуть-чуть приподымается от снега стальной костыль, а лыжи ни с места.

„Нужно покачать", — знаками показывает нам лётчик. Нажимая на концы крыльев, мы с Лончинским старательно качаем. Вдруг крылья вырываются из рук, и я оказываюсь носом в снегу. Отряхиваюсь, вижу, что и Лончинского постигла та же участь (Леонид Дмитриевич Лончинский репрессирован в 1934 году).

И вот лётчик манит меня пальцем... С замирающим сердцем я лезу в самолёт. Непослушными пальцами долго-долго застёгиваю привязные ремни. Лётчик не выдерживает:

— Что вы там копаетесь?

Кричу, что я готов. Лётчик поднимает руку, стартер взмахивает чёрным флагом, и мы трогаемся. Самолёт несколько раз встряхивает, и раньше, чем я успеваю понять, что мы уже летим, горизонт проваливается вниз, и я вижу впереди только голубое небо. Внизу проносятся сады... Мне совсем не страшно. И хотя полёт продолжается минут десять, я не успел заметить, как всё кончилось. Шуршит снег, и самолёт останавливается.

Не спеша вылезаю из кабины, важно шагаю к ожидающим своей очереди курсантам.

— Ну как? Страшно? Что ты чувствовал? — сыплются вопросы.

— Здóрово!

Я торжественно передаю лётный шлем и очки следующему.

К весне теоретическая программа подошла к концу. Был зачитан приказ об окончании нами Вольской школы и о переводе курсантов-лётчиков уже в настоящие лётные школы. Большинство из нас направлялось в 3-ю им. Ворошилова Оренбургскую военную школу лётчиков и лётчиков-наблюдателей».

Это был 1929 год. На смену пришли новые курсанты, и среди них будущий легендарный Герой Советского Союза Анатолий Серов, чьё имя носит одна из улиц Саратова.

Мечта претворилась в жизнь: эстонский парнишка с глухого сибирского хутора в 1930 году, после успешного окончания 3-й военной школы лётчиков, стал командиром ВВС РККА.

Молодой авиатор стремился в часть, а его оставили в Оренбурге инструктором. Летал Пусэп виртуозно. Рядом с ним курсанты невольно загорались, старались походить на своего наставника. Воспитывая курсантов, Эндель и сам шлифовал профессиональное мастерство.

В те годы барьером в действиях авиации являлись слепые полёты. Пусэп к служебным обязанностям инструктора добавлял «чуть-чуть от себя» — без разрешения пробовал подниматься в непогоду, выполнял сложные фигуры в условиях плохой видимости, за что неоднократно получал замечания. Успешно преодолел ещё одну ступеньку лётной науки — получил перевод в Ейск, где создавалась первая в стране эскадрилья по полётам вслепую.

Зачётным полётом Ейск — Москва — Ейск руководил флаг-штурман ВВС И. Г. Спирин, участник высадки знаменитой экспедиции И. Д. Папанина. Вели самолёты под чёрными колпаками, только по приборам. Для посадок приборов не было, лишь сзади подвешивали к машине тридцатиметровую железную цепь. Она-то и давала знать лётчику о расстоянии до земли. Опыт помог — Пусэп заслужил «отлично».

Памятно Энделю и участие в поисковой группе легендарного участника папанинской эпопеи, отважного пилота, второго Героя Советского Союза Сигизмунда Леваневского, пропавшего в августе 1937 года при перелёте в Северную Америку через Арктику. Во время поисков Пусэп познакомился с кинорежиссёром Романом Карменом. Они были сродни характерами — оба беспокойные, ищущие. Вместе пережидали пургу на Земле Франца-Иосифа. В последний раз встретились в Таллине, уже после войны.

«Женька! — взволнованно воскликнул Кармен. — Как я рад тебя видеть!»

Крепко обнялись два старых товарища — мечтатели, единомышленники, бойцы... Кармен рассказывал Пусэпу о своём фильме «Неизвестная война», который заканчивал вместе с представителями американского телевидения. Серия

документальных лент о войне: начало гитлеровского нашествия, блокада Ленинграда, оборона Москвы, Сталинградская битва и Курская дуга, падение Берлина, лагеря смерти, разрушенные города…

«Они должны знать, чем пахнет война»,—убеждённо говорил Кармену военный лётчик, Герой Советского Союза Эндель Карлович Пусэп.

«Отважный полярный лётчик Э. К. Пусэп храбро сражался на фронтах Великой Отечественной войны и за героические подвиги был удостоен высшей награды Родины—ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Разнообразной была в те годы боевая работа Энделя Карловича. Он, как и многие другие полярные лётчики, ушёл на фронт добровольцем. Ему, пилоту, накопившему богатый опыт длительных арктических полётов, была доверена служба в советской бомбардировочной авиации дальнего действия, наносившей удары по важнейшим военным объектам в глубоком тылу противника.

Эндель Карлович был участником одного из первых налётов советской авиации на столицу фашистского рейха—Берлин»,—писал в предисловии к книге Пусэпа его друг, второй космонавт СССР Герман Титов.

«Берлин—под нами. Город был нагло, вызывающе освещён. Столица государства опьяневших от военных успехов нацистов не могла поверить, что советская авиация повторит налёт…

И вот со свистом тяжёлые бомбы полетели вниз… Один за другим запылали в городе исполинские огненные цветы. Освещение моментально было выключено. Но мы продолжали выполнение нашего первого боевого задания. Только тогда, когда мы легли на обратный курс, связки лучей прожекторов начали ощупывать небо и зенитные пушки нервно залаяли, вспарывая ночное небо рыжеватыми взрывами снарядов»,—вспоминал Эндель в своей книге «Тревожное небо».

После налётов домохозяйки Берлина, уже в самом начале войны, писали своим мужьям на фронт такие письма: «Дорогой мой Эрнст! Война с Россией уже стóит нам многих сотен тысяч убитых. Мрачные мысли не оставляют меня. Последнее время ночью к нам прилетают бомбардировщики. Всем говорят, что бомбили англичане, но нам точно известно, что в эту ночь нас бомбили русские. Они мстят за Москву. Берлин от разрывов бомб сотрясается… И вообще скажу тебе: с тех пор как появились над нашими головами русские, ты не можешь представить, как нам стало скверно. Родные Вилли Фюрстенберга служили на артиллерийском заводе. Завода больше не существует! Родные Вилли погибли под развалинами. Ах, Эрнст, когда русские бомбы падали на заводы Симменса, мне казалось, всё проваливается сквозь землю. Зачем вы связались с русскими?»

При возвращении на базу самолёт Водопьянова, в котором Пусэп был вторым пилотом, был повреждён вражескими зенитками: из пробитого бензобака потекло горючее. «Последние литры горючего кончились где-то над Раннапунгеря или Иыхви». М. В. Водопьянов совершил вынужденную посадку в захваченной немцами Эстонии. Э. К. Пусэп впервые оказался на родине предков. Покинув повреждённый самолёт, экипаж встретил перепуганного мальчика-пастуха; благодаря Пусэпу, не забывшему эстонский язык, лётчики смогли узнать у него дорогу до линии фронта и вернулись к своим, избежав плена.

«Приказ о поощрении участников бомбардировки г. Берлина № 0265

8 августа 1941 года

В ночь с 7 на 8 августа группа самолётов Балтийского флота произвела разведывательный полёт в Германию и бомбила город Берлин. 5 самолётов сбросили бомбы над центром Берлина, а остальные на предместья города. Объявляю благодарность личному составу самолётов, участвовавших в полёте. Вхожу с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о награждении отличившихся. Выдать каждому члену экипажа, участвовавшему в полёте, по 2 тысячи рублей. Впредь установить, что каждому члену экипажа, сбросившему бомбы на Берлин, выдавать по 2 тысячи рублей. Приказ объявить экипажам самолётов, участвовавших в первой бомбёжке Берлина, и всему личному составу 81-й авиадивизии дальнего действия.

Народный комиссар обороны И. Сталин».

К апрелю 1942 года Эндель Пусэп совершил тридцать ночных боевых вылетов, нанеся бомбовые удары по Берлину, Данцигу и Кёнигсбергу.

В мае 1942 года ему было поручено доставить советскую делегацию во главе с В. М. Молотовым для переговоров сначала в Великобританию, а затем в США. 19 мая 1942 года тяжёлый четырёхмоторный бомбардировщик Пе-8 в сложных метеоусловиях совершил перелёт над территорией, занятой немецкими войсками, в Великобританию и далее через Исландию и аэродром в Хусвее (Канада)—в Вашингтон. Экипаж Пусэпа лично принимали Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт. В Вашингтоне случилась встреча с русской эмигранткой, которая хотела увидеть настоящего русского человека.

«— Я, правда, родился в России, но по национальности я не русский, а эстонец,—ответил я вежливо, приглашая гостью к себе в комнату.

— Эстонец? О таком народе я ничего не слыхала. Он что же, живёт на севере?

Я объяснил старушке, где находится Эстония».

После успешного завершения переговоров и возвращения в СССР Пусэпу было присвоено звание Героя Советского Союза «за отвагу и геройство, проявленные при выполнении задания правительства по осуществлению дальнего ответственного перелёта».

Пусэп бомбил вражеские войска под Сталинградом, Курском, Орлом и Белгородом.

После посещения авиационного полка в 1944 году в записной книжке писателя А. Фадеева появились такие строки об Энделе Пусэпе: «Бывший полярник. Мастер полётов вслепую, прекрасно маневрирует под огнём, в снежных и грозовых тучах. Он—белёсый, малого роста, коренастый, светлоглазый, и очень хороша улыбка на чудесном его лице...» В 1944 году Фадеев назвал Пусэпа «выдающимся лётчиком».

Во время одного из вылетов был ранен шрапнелью в область позвоночника, перенёс пять операций. По окончании войны вышел в отставку по состоянию здоровья в звании полковника (1946).

В послевоенное время Пусэп жил в Таллине. Работал начальником главного управления автотранспорта Совета Министров Эстонской ССР (1946–1950), был заместителем председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР (1950–1963), членом ЦК КП Эстонии (1951–1964), председателем республиканского комитета защиты мира и членом всесоюзного комитета мира, депутатом Верховного Совета ЭССР от 2-го до 5-го созыва и Верховного Совета СССР 4-го созыва, министром социального обеспечения республики (1964–1974). Эндель Карлович был уже немолод, но бодр, подвижен. Невысок ростом. Узкая белая бородка, строгий синий галстук, глаза из-под очков смотрели пытливо, на пиджаке—шесть рядов орденских планок, значок почётного полярника. Когда Пусэпа назначили министром социального обеспечения Эстонии, он сказал на первом же совещании коллектива: «К нам за помощью обращаются люди особой категории: инвалиды, пенсионеры. Мы обязаны делать для них всё, что положено по закону... И ещё чуть-чуть от себя».

Увлекался хождением под парусами.

Жена—Ефросинья Михайловна. Сын и невестка Людмила до развала СССР были учителями в городе Пальдэ Эстонской ССР. В 1990-е годы Пусэп по закону о реституции был выселен из своего дома; квартиру в многоквартирном доме ему, как Герою Советского Союза, предоставил один из директоров предприятий упразднявшейся Эстонской ССР.

Скончался 18 января 1996 года. Похоронен в Таллине на кладбище Метсакальмисту.

Д*и*Н ПАРОДИЯ

Евгений Минин

Мысль взлетает по дуге...

Гэобразное

кони наши скачут буквой гэ
Андрей Сизых

у поэтов всех обычай есть:
позабыв заветы и зароки,
с рюмкою вина часов по шесть
сочинять невиданные строки,
чтобы мысль взлетала по дуге,
чтоб в них клокотала мощь тугая,
но пегасы наши буквой гэ
скачут, почитателей пугая...

Господнее

Я понял, что Господь меня не видит...
Сергей Арутюнов

Всю жизнь рифмую, но меня так бесит—
Ни премий, и ни разу не призёр.
Я понял, что Господь на поднебесье
Меня не видит, так сказать, в упор.
И вроде бы пишу до изнуренья,
Надежда есть, но лишь пугает то,
Что вдруг Господь прочтёт мои творенья
И пригласит меня в своё ЛитО...

*к 80-летию
со дня рождения*

Анатолий Третьяков

Первая страница

● ● ●

Март. Небо летнего синéй!
Воркуют голуби во дворике.
Лопата, воткнутая в снег,—
Как бы приветствие от дворника.

А воробей на черенке
Сидит, уже с зимой прощаясь.
Она ещё невдалеке,
Но выход был её «с вещами».

В борьбе с весной, войдя в азарт,
Вздохнёт в последний раз метелью,
Но на дворе хозяин—март!
Грачи недавно прилетели.

Хоть утверждал поэт, что мы
Всегда в России были рады
«Проказам матушки зимы»,
И всё ж весна для нас—отрада!

Дачное томление

Июнь лучами сыплет с неба,
А полдень бликами слепит.
Пух тополиный схож со снегом,
Но снежной бабы не слепить.

Жара. Всё дышит сонной ленью.
Тревожить листья ветру лень.
И не услышишь птичье пенье,
И отцвела в саду сирень.

Но полдень—как подарок лета.
Шалит на даче ребятня.
До нас давным-давно воспета,
Грустит рябина у плетня.

Вот гость, приехавший к соседям,
И вас вниманием почтит.
А у его велосипеда
Сверкают спицы, как лучи.

По небу облако кочует.
К воде коров пригнал пастух.
И ото всех гнездо пичуги
Своим листом укрыл лопух.

Сквозь призму времени

Сквозь призму времени смотрю
И всё былое ясно вижу.
И, не в пример героям книжным,
За всё его благодарю.

Страстей кипенье позади,
И не томит желанье славы.
И мне, как после переправы,
На берег надо выходить.

А там—весна! Звенит капель.
Вновь обновление природы.
Дымят кострами огороды.
И смерть—за тридевять земель!

Куда плывём?

Куда нам плыть?..
А. С. Пушкин

Куда нам плыть?
А плыть, конечно, надо,
Уж если мы
подняли паруса!
Корабль оснащён.
Нам волны—не преграда.
И, бурей не грозя,
синеют небеса.
Куда нам плыть?
Когда б мы сами знали…
Пускай нас ветер
по морю несёт.
Откроются
неведомые дали.
И плаванье
от скуки нас спасёт.
Куда нам плыть?
Стоять на месте нам ли?
Пусть волны
нас качают—не беда.
«Быть иль не быть?»—
принц вопрошает Гамлет…
Плыть иль не плыть?—
Плыть! Всё равно куда!

Первая страница

Открыта первая страница.
А чем её заполнить мне?
Слетелись рифмы вереницей,
Явились образы извне.

Стихи — привычная работа,
Но вот уже который год
Не шлют мне гонораров что-то.
Устала муза от невзгод.

Певцы восторгов и печали
Кормились всё-таки пером!
Теперь журналы обнищали,
И Зло смеётся над Добром.

Зачем сейчас поэт России?
Ей без поэтов хорошо.
И я унижен, обессилев,
Достойной темы не нашёл.

Не гений (курица — не птица),
Но сор я вынес из избы.
Открыта первая страница —
Последней может и не быть!

Мечтатель

Спасаясь от шума и гама,
Я в парк заглянул мимоходом.
Гуляла там милая дама.
Она наслаждалась природой.

Я сел на скамейку. И тут же
Из пачки достал сигарету.
А листья всё падали в лужи,
Как будто бы падали в Лету.

А с маленьким зонтиком дама,
Казалось, ждала кавалера…
Мы были одни. И над нами
Осеннее солнце горело.

Представил: иду вслед за нею,
Подвластный любовному бреду.
Мечтал, что, наверно, сумею
Шутливо затеять беседу.

Потом мы исчезнем отсюда.
Кафе от нас неподалёку.
Вином угощать её буду,
Читая печального Блока.

А после, красивую руку
Целуя, я стану опасен…
И ни на какую разлуку
Я вовсе не буду согласен.

Сижу на скамейке, мечтая
(Могу просидеть и до ночи).
А осень всё листья листает.
А дама ушла, между прочим.

Сон в летний день

Разлита полдневная нега.
У речки стада прилегли.
Но вдруг среди ясного неба
Издали свой крик журавли.

Их двое. Они над болотом
Кружат в голубой вышине.
Спугнул их, наверное, кто-то,
Пока что неведомый мне.

Ещё журавлям до отлёта
Есть время. Зачем им кружить?
И этот неведомый кто-то
Мешает спокойно им жить.

Уже намечается стычка.
И птицы прервут свой полёт.
Но, прочь убегая, лисичка,
Как пламя, меж кочек мелькнёт.

И снова всё мирно и тихо.
И полдень опять онемел.
И мёдом исходит гречиха,
И в клевере возится шмель.

Какая приятная дрёма
Вот-вот околдует меня!
Но тут, убежавший из дома,
Щенок наш спешит, семеня.

За мухами станет гоняться,
Устанет, свернётся у ног.
Хочу со щенком я обняться,
Уснуть с ним, как в детстве я мог.

Молчание рояля

Зачем говорить вам?
    Вы знаете это и сами,
Что музыка может
    пролиться слезами.
А может ещё унести
    вас в небесные выси,
А может настроить
    на самые грустные мысли.
А может, ещё вдруг
    весёлой волною подхватит —
У музыки сил
    и возможностей хватит!
К роялю никто не подходит,
    наверное, вечность.
Как страшно молчать ему —
    это же бесчеловечно!
В словах передать
    этот ужас возможно едва ли.
И как это страшно,
    когда не подходят к роялю!

Анна Гедымин

Косари

Когда приехали косари —
сбежалась глядеть вся округа:
Дачники, дворовые псы
и другие строгие судьи.
А лето выдалось в тот год
зловредней недуга:
Солнцем приманит —
и сразу дождём остудит.

И косари обманули:
ни песен, ни мускул,
Но потом к ним привыкли,
как ко всякому гостю.
Старший носил железные зубы,
смеялся тускло
И воду из родника
зачерпывал горстью.

Другой выпивал,
но трезвый — чинил ботинки,
А денег за это не брал —
ну разве немножко.
И только третий —
как будто сошёл с картинки,
А дома его дожидалась
жена-хромоножка.

Все откуда-то знали,
что живёт он с нею не венчан,
Что она одета в три кофты,
наподобье капусты.
А ещё среди косарей
было несколько женщин —
Вроде не старых,
но молчаливых и грустных.

Наутро взялись косари за дело.
А птицы пели,
И в ближнем ельнике падали шишки
с тяжёлым стуком.
Звенели косы, как струны.
И в продолженье недели
Дождя не случилось,
как косари и хотели.

И вот на прощанье, в субботу,
закончив дела до срока,
В тесовой сторожке
возле самой дороги
Косари собрали тех,
кому одиноко.
А одиноко было если не всем,
то многим.

Женщины хлопотали,
старший стоял у двери,
Встречал гостей
и шутил с ними о погоде.
Второй крепился, чтоб не напиться.
В какой-то мере
Это и удалось ему вроде.

А младший сел, как нарочно,
под образами,
И красный угол казался
ещё краснее.
И красавица первая
спросила, блеснув глазами:
«На что тебе хромоножка?
Зачем ты с нею?

Пойдём со мною,
ты лучшей доли достоин.
Лицо моё — видишь? — красиво,
и дом мой светел.
Я буду любить как никто!»
Но он остался спокоен.
Улыбнулся только
и не ответил.

И лишь под утро,
когда почти опустела сторожка,
Сказал негромко:
«Не мила никакая другая.
Я жив, покуда со мной
моя хромоножка.
Ни дождь, ни молния
тропы́ моей не достигает.

Враги мои чахнут,
причины не понимая,
И время летит — но не старит
в злобе напрасной…
Знаете — я даже рад,
что она хромая,
Мне и так с нею боязно,
с безнадёжно прекрасной».

А когда уехали косари —
пришла гроза невиданной силы,
Даже старухи
такой не помнили страшной.
И тот, кого после полудня
в дороге она захватила,
Домой возвращался под утро
как будто из рукопашной.

Буря умчалась внезапно —
как накатилась.
Сильно шмели заныли
в траве усталой.
И ни с кем — ни с людьми, ни с живностью —
ничего не случилось,
Только у дома красавицы вырос цветок —
диковинный, алый.

Дня четыре смотреть ходили
на это диво.
Рассуждали: за что ей такое?
Случайно, что ли?

И сказал дурачок деревенский:
«За то, что красива.
Правда, она всего лишь красива,
не боле.

А каждый живущий
достоин своей награды:
Любовь награждается верностью,
словом — слово,
Достойна восторгов
тоска соловья ночного,
А яркая внешность —
такой — цветочной — услады».

Но люди не слушали дурака —
ещё не хватало!
И расходились,
о чём-то своём печалясь.
И было средь них
заботливых, верных немало,
А вот счастливые
что-то редко встречались.

А дурачок стянул
в буфете колбаски,
Стал жевать и мечтать,
подпевая мечтам нестройно,
Что однажды приедут в село косари —
как из сказки,
И будет село
таких косарей достойно.

ДиН ревю

Елена Тарасенко

Приоткроется дверь

Челябинск: ЧГИК, 2017.

Дом опасливо смотрел на гостей из-под плюща. С кирпичной стены у двери улыбалась нацарапанная рожица. Из-под крыльца любопытно выглядывали незабудки и одуванчики. В коридоре висела картина без рамы — какой-то натюрморт с булкой хлеба и луковицей.

— Ну вот! И здесь ступала нога живописца! — засмеялся папа.

— Тогда уж рука с кистью, — возразила мама.

— Ступала? Вадим, слышал? Отныне ходим только на руках!

Вадику картина не понравилась — папа рисует лучше.

Весь день разгружали вещи. Вадик бегал от машины к дому, от дома к машине. Таскал авоськи с продуктами, резиновые сапоги, громадные папки с бумагой и коробки с красками. В холодильнике почему-то лежал волейбольный мяч. Из окна на втором этаже было видно почти всю деревню и озеро, папа сказал, что надо написать этот вид не меньше десятка раз. На веранде стоял большой букет сухоцветов, в нём жили смешные длинноногие паучки. За домом и в саду был настоящий колодец. Вадик, конечно же, добежал до колодца, заглянул вниз и обмер от сладкой жути, когда из гулкой глубины на него мрачно глянула тёмная вода.

Ольга Котенко

Pro et contra

Любовь, любовь, любовь — эти три понятия…
«Необыкновенный концерт»

I.

Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты.
Странное слово «край»:
в нём таятся — земля,
отечество и некая грань
бытия.
Грань бытия — поворот,
грань бытия — перелом;
в новую жизнь вход
продавливается лбом.
Я стою на краю —
это мой родной край.
Здесь война: жизнь свою
выбирай.
Убежишь от войны —
убежишь от потерь.
Вот кровать у стены,
вот окно, а вот дверь.
Я всё так же стою,
как деревья стоят,
когда деревья растут,
видя закат.

II.

Нет у войны ничего,
что бы могло убедить
в пользе войны.
Стекло
можно легко разбить.
Или же разделить
на
«чужого» и «своего»
всех;
но, вернее всего,
никакого деления нет —
есть война,
несущая смерть.
Нет у войны ничего,
чтобы утешить живых;
сны их тревожные о
взрывах;
надежды их
зыбки,
как мартовский лёд,
незримы,
как рыбы зимой;
сердце к покою льнёт,
как к берегу льнёт прибой;
но раздаётся
вспых,
и оглушает
взрыв,
и замирает в живых
сердце,
покуда жив.

III.

Что я? и кто у меня за спиной?
Город, давно разорённый войной;
градом побитые школы, дома,
шахты, больницы, рынки, тюрьма…
Люди, уставшие воевать,
люди, которым безмерно плевать,

чья в том оплошность или вина —
в том, что идёт, не уходит война.

IV.

Если к тебе во сне приходят все умершие
одновременно — это к обстрелу.
Наблюдение

Война приходила в город
настойчиво и нежданно.
Раздрабливал её молот,
но в жизнь мы впивались жадно.
Война приходила нежданно,
как горе приходит нежданно,
как сон погружает в омут
неимоверно-странно.
И для горя ещё не готовы,
и для счастья уже чужие,
мы подсчитывали основы,
которые низводили.
Мы подсчитывали потери,

мы привыкли считать потери,
мы привыкли к жизни из горьких,
до того непривычных материй.
Мы забыли, как трепетна роща,
что такое гулять по лесу;
мы забыли многое прочее,
и вспомним когда—неизвестно.
Мы забыли, как пахнет ветер
безмятежной апрельской ночью,
как звёзды за городом светят,
как звенящий покой непрочен;
мы забыли, как счастье недвижно…
как умершие забывают…
Мы, должно быть, стали им ближе—
это бывает.

V.

Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты.
Странное слово «черта»,
я стою и стою,
может, давно не та,
какой себя сознаю;
может, давно—за чертой,
может, давно на душе
и на сердце у меня
непоправимо уже…
Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты.
Страшное слово «АТО»,
ведь для кого-то я «враг»,
кто-то ведь верит в то
и ощущает так,
свято верит в свою
правду; мне ближе—моя,
которую сознаю.
«Правда»—грань бытия.

VI.

Хорошо сомневаться.
Сомневаться в упёртой своей правоте;
чтобы жить, не смущая пространства
в его кротости и немоте.
Чтобы вечность не плюнула в нас
из своей немоты,
нарушая своё постоянство
и терпения вечного гибкие эти черты.
Хорошо сомневаться.
Хорошо ощущать всеми фибрами
жизни тепло.
Словно солнце—не газ раскалённый,
а тихая гавань,
где поверхность воды отражает
восход, как стекло:
чуть лениво и плавно.
Хорошо, если звёзды на небе—
покой и уют;
словно это не взрывы
далёкого протуберанца,
а влюблённым усталым
венчальный вечерний приют.
Хорошо, когда есть с кем остаться,
с кем хотелось бы быть.
Хорошо сомневаться.
Хорошо кого-то любить.

VII.

Какое откровенье
рождается впотьмах:
как вдох—и изумленье—
надежд любовных крах.
Всегда светло «начало»,
приятно начинать;
затеять что попало,
не думать и не знать,
какое покаянье
окажется в конце,
когда любви сиянье
померкнет на лице…
Но не грусти заранее,
живи, гуляй пока
душа, как мироздание,
мгновенна и легка.

VIII.

«Далёк ты от Бога»,—
твердит каждый камень.
Лорка

Я у порога в притвор.
Толпы людей внутри.
В честь Богородицы хор.
Она говорит: «Говори».
«Светел твой омофор.
Ты источаешь свет.
Я у порога в притвор,
через порог ответь.
Я в глаза твои
не посмею взглянуть,
только спрошу о любви:
в чём суть?»
Голос хора умолк—
в гулкой тугой храмине
сквозь прихожан полк
она отвечает мне:

«Переступи порог.
Полон людей притвор.
Хватит для всех—широк
омофор».

IX.

Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты.
Сладкое слово «любовь»—
этой планеты древней;
она возникает вновь—
и ты утопаешь в ней.

«Любить человека»—звучит
как целой жизни мотив;
бессменно, как сердце стучит,
как океана прилив;
как шторм корабли на дыбы,
поднимет тебя над собой,
на градус высокий судьбы,
и обернётся судьбой.

X.

Я стою на краю.
Я стою у черты.
Очень тихо стою
на краю суеты…

ДиН пародия

Евгений Минин

Стихи всегда в цене

Крышесбивательное

А то моя любовь сбивает с крыши
Пожар метели.
Роман Рубанов

Не клейте мне ярлык авантюриста,
Но я прославлюсь скоро на века.
Моя любовь мощнее, чем С-300,
Хоть самолёты не сбивал пока.
Мои стихи—не просто так писульки,
Сшибают с ног—они везде в цене.
Строкою с крыш могу сбивать сосульки—
Пусть в ЖКХ дадут работу мне.

Куда уехал цирк

Спонсор нашего показа
Был инспектором горгаза,
А вчера уехал цирк—
Кран открыл и спичкой чирк.
Алексей Александров

Очень грустные делишки—
Нету спонсора у книжки,
И читатель, идиот,
Книжку в руки не берёт.
И теперь такое дело,
Рифмовать мне надоело,
Хочется устроить цирк—
Книжки взять и спичкой чирк.

Переживательное

во мне однажды кончится завод
и мой матрас меня переживёт
обидно только—всякая фигня
намного долговечнее меня
Глеб Михалёв

когда-нибудь и мне придёт капут
обидно что меня переживут
матрац, диван, подушка и окно
на скатерти от кетчупа пятно
и море мне ненужной чепухи
фигня но только не мои стихи

Агентурное

Одни продажные в Фейсбуке
агенты просятся в друзья.
Андрей Баранов

Есть неприятные моменты,
я честно говорю, не вру:
во френды просятся агенты
из ФСБ и ЦРУ.
Не зря такие заморочки,
я чувствую всё время тут:
а вдруг мои похитят строчки
и Цукербергу продадут?

Юрий Беликов, Александр Севастьянов

Элита идёт на пули

Чисто внешне он — нечто срединное между Владимиром Пуришкевичем, самым шумноречивым депутатом царской Госдумы, основавшим «Союз русского народа имени Михаила Архангела», и — Александром Третьим Миротворцем, императором российским. Дородный дядька с бильярдным черепом и каштановой бородою, в чьих генах — казаки и поморы.

Однако, будучи человеком широких пристрастий и, между прочим, знатоком французской иллюстрированной книги восемнадцатого века, он, по его собственному признанию, приходит в небывалый внутренний трепет, если видит в степи половецких истуканов. И тут тоже, оказывается, есть своя тайная генетическая привязка.

Он и сам в известном смысле слова — истукан. И когда к нему являются разного рода посланцы, которые подначивают: мол, пора бы уж, батенька, создать собственную партию! — пребывающий более двадцати лет в ядре русского национального движения, и мало того — считающийся одним из его воздуходувов, он не спешит с ответом. Истуканствует.

Умудрённость — его теперешний коренник. Дело прошлое, но точно так же, когда пузырилась Болотная площадь, он призвал своих сторонников, да и вообще всех здравомыслящих русских людей, не отзываться на звуки трясины. И оказался прав.

И пока Поклонная спорит с Болотной, что же считать определяющим — бытие или сознание, он решил для себя раз и навсегда и даже зафиксировал это в учебнике: бытие определяют отношения между этносами.

— Александр Никитич, в своих печатных трудах и публичных выступлениях вы нередко применяете термин «биосоциальная элита». Например: «В результате Октябрьской революции изведён цвет нации — 99 процентов биосоциальной элиты». Речь, очевидно, о потомственной элите? Но согласитесь: для современного сознания, не обременённого семиколенной памятью, это словосочетание довольно экзотично!

— Элита — это, прежде всего, биологический термин. Когда мы говорим об элитных растениях или элитных животных, то имеем в виду образцовых представителей того или иного вида, которые сочетают в себе наиболее ярко, отчётливо и оптимально все лучшие качества. Так же и у этносов. У русских есть то, чего, предположим, нет у китайцев. Это не происходит просто так. Благодаря селекции выведение вида достигается искусственным путём. В естественных условиях тоже происходит селекция: лучший тянется к лучшему.

Русский народ в течение тысячи лет производил свою элиту. Разумеется, естественным путём. Самые способные и инициативные шли в купцы, люди определённого склада ума и духа — в священники, люди воинской касты — в армию, где достигали заслуженного чина и получали дворянство. Тянувшиеся к знаниям становились интеллигенцией. Русский народ продуцировал из своего этнического и биологического состава представителей элиты. И она росла веками, всеми корнями связанная с породившим её народом, с его историей, верой, культурой и языком.

В тысяча девятьсот семнадцатом году эта традиция резко пресеклась. Два или три поколения воспитывались в отторжении своих корней. Нам говорили, что в царской России всё было плохо, а жизнь и история начались только с семнадцатого года. Ну и какую мы в итоге получили «элиту»?

Конечно, биологический процесс остановить нельзя. Всё равно селекция подспудно продолжалась. Но в обществе был запущен и механизм антиселекции. Потому что партократия в основном подбирала не самых талантливых, блестящих, смелых и продвинутых, а тех, кто соответствовал совсем другим принципам — верности идеям марксизма-ленинизма.

— А сегодня? Разве людей подбирают по принципам таланта, смелости и продвинутости? Мне вспоминается краткий верлибр живущего в Кисловодске поэта-дикоросса Станислава Подольского. Называется он «Те, кто выжил…».

Вот уже Первые
вдаль ушли.
И Вторые пооканчивали
самоубийством.
И Третьих
поторопились выставить,
не расспросив как следует
обо всём…

Снова последние
в первых рядах
учат,
как жить охота.

Поэтому я повторю: «Снова последние в первых рядах…» Так что серые выигрывают и побеждают. Причём — на всех этажах российского социума.

— К сожалению, в значительной степени — да. Это продолжается и сегодня, потому что подобный тянется к подобному. И те, у кого нынче власть, — это вовсе не долгожданный свет в окошке…

— Вот вы сказали об «элите, всеми корнями связанной с породившим её народом». Но тогда, если следовать этой логике, получается, что у тех, кого сегодня числят элитой, — думских функционеров, олигархов, моделей, футболистов, звёзд шоу-бизнеса и всевозможных телеведущих — у них на поверку связь с народом-то нулевая? Тут, конечно, кто-то может горделиво откинуть головёнку: дескать, мы, Стас Михайлов, поднялись из самых низов!

— Вы знаете, из самых низов поднялся, допустим, какой-нибудь там Ежов — уж куда народнее? Он вообще был помощником слесаря, а стал наркомом внутренних дел. Из самых низов поднялись ещё многие палачи нашего народа. Но что значит быть связанным с народом?

Когда мы листаем историю боярских и дворянских родов, то сталкиваемся с таким фактом: мало кто из их выходцев умирал в своей постели. Все они шли на смерть за свой народ! Вспомните Бородинское сражение и знаменитого генерала Раевского. Он сам, будучи пехотинцем, шагал в бой и вёл с собой двух мальчишек — шестнадцатилетнего и четырнадцатилетнего сыновей. На пули. Вот это элита!

Да, может, он эксплуатировал крестьян. Может, когда-то прижал молоденькую крестьяночку в стогу сена. Но когда пришёл враг, Раевский встал в полный рост, чтобы идти в атаку. Даже злодей Малюта Скуратов — и тот погиб от татарской стрелы! То есть — защищая Отечество. А где ныне та элита, которая встанет на защиту своего народа? Покажите мне её, кто жизнью будет готов пожертвовать ради русских людей!..

— Но апологеты современной назначенной элиты могут предъявить вам контрдовод…

— Давайте!

— «А как же, допустим, Влад Листьев, Галина Старовойтова, Анна Политковская?»

— Все убиты из-за денег. Кроме Политковской, которая, по наиболее правдоподобной версии, пошла против Кадырова, за что и пострадала. Скажите: что такого сделали Листьев и Старовойтова для русских людей, чтобы заслужить ненависть наших врагов? Ничего подобного: они сами находились в их стане. А Политковская, та вообще была отъявленной русофобкой.

— Тогда не кажется ли вам, что мы живём в стране подмен? И в результате как нация теряем собственную идентичность? Один мой знакомый рассказал смешную и одновременно грустную историю, связанную с последней переписью населения. Когда переписчики начали заполнять графу «Национальность», он, ничтоже сумняшеся, представился: «Половец!» И сейчас не без шутейного пафоса заявляет, что он единственный половец в России…

— Пусть не обольщается! Перед вами сидит потомок половецкого рода.

— Стоп! Насколько я знаю, вы утверждаете, что Севастьянов — казак и помор.

— Половцы просочились в мои гены именно по казачьей линии. Вот так выглядели половцы (делает с помощью пальцев чуть раскосыми глаза): они были рыжебородыми блондинами, но с лёгким монгольским прищуром. Они оставили след не только в азовской степи, но и во многих народах. Например, в башкирах. И, безусловно, в донском казачестве. Я, когда вижу этих каменных половецких баб, у меня прямо-таки всё внутри закипает! Я чувствую, что это…

— «…мои бабы»?

— Да, мои! Потому что по бабке я — донской казак.

— Однако когда во время переписи люди представляются казаками, кержаками или поморами, то, с одной стороны, в том сквозит некая сословно-родовая гордость, а с другой?.. Чем чревата эта, на первый взгляд, вполне объяснимая и невинная подмена?

— В этой подмене заключена очень большая угроза. И я считаю, что в данном случае действуют силы, которые стремятся оторвать от русского народа его наиболее лучшие части — тех же поморов и казаков, семейских на Алтае, кержаков в Сибири или так называемых старожилов в Магаданской области. Это целенаправленная политика, которая уже привела к отрыву от нас малороссов и белорусов, а сегодня имеет под прицелом в первую очередь казачество как авангард русского народа.

Да, в казачестве могут быть своеобразные этнические подмесы. Из кого состояли, допустим, донские казаки? В основном из беглых людей с русских территорий. Но бежали-то мужики. Без баб. И шли потом за полонянками в Польшу, за ясырками на Кавказ и в Турцию.

— Кого привёл на хутор Татарский дед Григория Мелехова в «Тихом Доне»?

— Турчанку. А я вам могу сказать, что и мать Степана Разина была чистокровной турчанкой. Вспомним Азовское сидение казаков. Они выбили в Азове турецких мужчин и, само собой, оставили турецких женщин. И за шесть лет, пока турки обложили их кольцом и не давали выйти из Азова, наделали массу детишек. А когда противник вынужден был снять осаду, казаки забрали с собой из Азова городские железные ворота (они увезли их в Старочеркасск) и своих турецких жён и детей. Это было нормально.

Но вы мне покажите такого донского или какого угодно казака, в котором нет русской крови!

Казаки — это субэтнос русского народа. И когда мы сегодня узнаём, что во время переписи казакам было позволено именоваться как отдельному народу, я считаю, что это вражеская диверсия. И если это пойдёт крещендо, то есть — по нарастающей, через сто лет мы точно так же потеряем казаков, как потеряли белорусов, хотя генетически белорусы и русские — абсолютно один народ: никаких различий.

— Известно, что Александр Севастьянов — отец шестерых детей. При этом вы подчёркиваете, что все дети — от одной жены. Тут впору взывать о введении отцовского капитала в пику материнскому, о котором наши политики говорят как о панацее. Но вы утверждаете: «Материнский капитал стимулирует рождаемость в основном не русских народов». С чем это связано?

— Материнский капитал, который должен был исправить демографический баланс в пользу русских, на самом деле усугубляет отрицательный демографический баланс. Нерусских становится всё больше и больше. Это объясняется в том числе и тем, что, когда этот капитал был введён, у русских уже была демографическая яма, минусовой прирост населения, а у многих народов России — плюсовой прирост. Например, у народов Северного Кавказа. Или — у тувинцев, которые вообще являются чемпионами рождаемости в России: в год — сорок человек на тысячу жителей.

Понятно, что если у нас сложилась традиция минусового прироста, а там — традиция прироста положительного, то раздача материнского капитала усилит стимул рождаемости у тех, у кого уже работает этот фактор. Да, немножко, может быть, усилит и у русских, но в корне переломить ситуацию с рождаемостью русских мы не сможем.

Материнский капитал — это благо лишь в ближней перспективе, потому что данная конкретная семья будет жить лучше. А если мы посмотрим на картину в целом, то налицо демографический дисбаланс, который сегодня угрожает нам депопуляцией русских и снижением нашего удельного веса…

Ведь дело не только в абсолютных показателях. Абсолютные показатели, может быть, и вырастут. Русских детей станет больше. И это, конечно же, очень хорошо. Но относительный показатель — удельный вес русских в составе населения России — как падал, так и будет падать. А удельный вес — это определяющий фактор.

Упадёт, допустим, процент русских до пятидесяти — растащат Россию, разорвут и глазом не моргнут! Русские сегодня — это единственная скрепа нашей страны на всём пространстве от Владивостока до Калининграда. Вот почему по этой скрепе бьют сейчас со всех сторон.

— Когда я прочитал вашу книгу «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса», то нашёл подтверждение собственным мыслям: «Государство лабазников и чиновников, — пишете вы. — Прелестная перспектива!» И спрашиваете о том, из чего исходят наши властители, «вслух мечтающие о превращении российского общества на 60–70% в „средний класс“?!». Вопрос во многом риторический. Но всё-таки как для себя вы на него отвечаете?

— Дело в том, что средний класс — это политически инертные существа. У них главная задача — выжить. Они живут в «беличьем колесе». Я насмотрелся на Западе на этот самый средний класс. Они не знают отдыха и срока — не могут себе позволить после работы расслабиться, как расслабляется работяга после станка. Пришёл, выпил, сел за телевизор. А они с утра до вечера должны крутиться.

— Но ежели вспомнить Болотную, кто на неё вышел?

— Вот на Болотную как раз вышел тот самый средний класс, который почему-то возмечтал, что нечто такое можно сделать, чтобы перестать крутиться и зажить по-человечески.

— То есть оказывается, что средний класс может поднять голову?

— Может, но невысоко. Потому что когда он поднимает голову, то при этом не видит, кто его ведёт. Если бы средний класс был в состоянии открыть глаза и посмотреть, что он делает и кто его направляет, его бы озарило: а направляют-то его реваншисты-либералы! Если бы, не дай Бог, победила Болотная площадь, мы вернулись бы в самые махровые годы ельцинского режима. Вы полагаете, средний класс хоть на минуточку об этом задумался? Да никогда! Точно так же, как в тысяча девятьсот семнадцатом году: «А ну и что, что пришли социалисты? Они же — за бедных, за равенство, за свободу, за братство». И не разглядели, что на смену идут эксплуататоры гораздо более жестокие, чем свои помещики-капиталисты.

— Ещё в двухтысячном году не кто иной, как Владимир Путин, в интервью журналу «Пари Матч» сказал о том, что Россия пережила годы позора во время чеченской войны. А по сути, сделал он акцент, «мы наблюдаем широкомасштабный геноцид русского народа». Я не думаю, что президент России мог оговориться.

— Не мог. В две тысячи пятом году в Институте философии Российской академии наук нами была проведена конференция именно на тему «Геноцид русского народа в XX–XXI веках». На ней было примерно четыреста участников. Мы насчитали тогда четыре ступени геноцида русских. Первая — это Октябрьская революция с её последствиями большевистского террора. Вторая — Великая Отечественная. Третья — две чеченских войны. И четвёртая — это то, что с тысяча девятьсот девяносто первого года творили Ельцин, Гайдар и Чубайс с присными. Потому что из-за резкого ухудшения жизненных условий, из-за депрессии, в которую был погружён наш народ, утраты смысла жизни и цели существования, перспектив и надежд, отравления фальсифицированным алкоголем, наркотизации и криминализации населения, падения санитарно-гигиенического состояния нашего общества счёт жертв пошёл на миллионы.

Если взять Великую Отечественную, то на фронте погибло семь миллионов немцев и примерно девять миллионов русских. То есть наши военные потери сопоставимы с немецкими. Но общий счёт наших потерь — двадцать семь миллионов! Вычтите девять миллионов погибших на фронте, получится восемнадцать миллионов мирных жителей… Вот это и есть настоящий геноцид.

— На тему Великой Отечественной, казалось бы, столько переговорено, но тем не менее не разгибаемые вопросы остаются. Впрочем, зная ответы на многие из них, мы по-прежнему смотрим через привычный фильтр интернационализма. А если посмотреть без этого фильтра?

— У меня вышла из печати книжка, которая называется «Победу не отнять». У неё есть подзаголовок: «Против власовцев и гитлеровцев». Хотя я и не военный историк, но стал заниматься этой темой потому, что апологеты первых и вторых (а таких за последнее время объявилось немало) весьма откровенно и настойчиво проводят мысль о том, что Гитлер нёс нам культуру и свободу. Кроме того, наше общество во многом до сих пор остаётся в плену у мифов, что мы боролись с фашизмом и нацизмом.

Это выглядит так: у нас в СССР была прогрессивная идеология, и вот эта прогрессивная идеология схлестнулась с реакционной идеологией Гитлера. Но вот характерная деталь: в течение десяти лет, предшествующих Великой Отечественной войне, мы отправляли в нацистскую Германию продовольствие и сырьё. В ответ из Третьего рейха нам поставляли оборудование: станки и вооружение. В СССР приезжали немецкие специалисты, в том числе — по военному делу, которые нас консультировали, и мы, в свою очередь, консультировали их. И была прекраснейшая дружба, завершившаяся величайшим дипломатическим документом эпохи — пактом Молотова — Риббентропа. Поэтому о «войне с фашизмом» говорить не приходится. Можно подумать, если бы немцы шли к нам под знаменем антифашизма, мы бы открыли им объятия…

— Так с кем же тогда была война?

— Вы сами сегодня видите, что творится в мире. Скажем без преувеличения: США — агрессор номер один; мы это наблюдаем по поведению американцев на Ближнем Востоке, в Афганистане, в Ираке и Сирии (список можно продолжить). Но сами-то они утверждают, что несут миру «сияющий свет демократии»! Это вам ничего и никого не напоминает? И что же — мы будем верить словам, а не делам? Конечно, нет.

Поэтому ясно: это была не война идей и не война идеологий. Нам иногда говорят, что это была война двух строев — прогрессивного социалистического и реакционного капиталистического. Но и это тоже враньё. Потому что воевал союз *социалистических* республик с национал-*социалистической* Германией: социализм, каждый на свой лад, строили и СССР, и Германия. И в СССР, и в Германии действовала модель партократии. Причём сначала эту модель применили в России, потом — в Германии.

И вот эти две модели столкнулись, но это вовсе не было противостоянием двух принципиально антагонистических строев. Мало того, Советский Союз, будучи социалистической страной, заключил теснейший альянс с махровыми империалистами — Англией, Францией и США. То есть, с точки зрения марксизма, это был союз более чем противоестественный.

Поэтому нужно смотреть в корень и видеть за всеми этими формулами главную суть войны. Она состоит в том, что это была война этническая.

— Иными словами, в ней отразилось противостояние двух этносов — германского и русского?

— Я бы поставил вопрос шире: и славянского суперэтноса. Углубимся ненадолго в историю. Уже в четвёртом веке нашей эры славяне жили по всей Центральной и Южной Европе. Они граничили с современными Гамбургом и Данией. Крупнейшее и могущественнейшее славянское племя пруссов обитало там, где сегодня расположен Берлин, а недавно ещё находился Кёнигсберг — нынешний Калининград. Но сегодня вы не найдёте ни одного

прусса. Они полностью исчезли с лица земли, потому что были уничтожены или ассимилированы немцами.

И вот в четвёртом веке орды готов с Запада, предводительствуемые вождём Германарихом, прошли по южным окраинам славянской ойкумены и нанесли ей колоссальный урон. Они сметали всё на своём пути, убивали и порабощали славян и достигли Поволжья. Таким образом, известный лозунг «Дранг нах Остен!» берёт своё начало ещё тогда—в четвёртом веке нашей эры. В ходе этого продвижения германского этноса на восток многие славянские племена были стёрты с карты мира так же, как пруссы. Среди них—крупные племена бодричей и лютичей. Сегодня там земли Мекленбурга и Померании. Изначально православные чехи были порабощены и насильственно окатоличены.

И только в топонимике городов остались следы славянского присутствия: Нойгард—Новгород, Штаргард—Старгород, Бельгард—Белгород. Или—в именах: какой-нибудь там фон Ветрофф. Это славянское имя, которое онемечилось.

Во время Великой Отечественной мы сломали хребет вот этому вековому германскому давлению на славян и во многом развернули вспять результаты немецкой экспансии.

—Но когда наши редеющие на глазах ветераны войны смотрят парад Победы, у них в подкорке сидит: «Мы сломали хребет фашизму!»

—Да не говорят они так! Под каким девизом выходила «Красная звезда», главная газета, распространявшаяся по всему фронту? Это знает каждый ветеран: «Смерть немецким оккупантам!» Немецким, а не фашистским. И знаменитая статья тех дней Ильи Эренбурга называлась «Убей немца!». Немца, а не фашиста. И Демьян Бедный писал басни именно о немецких зверствах.

Теперь мало кто помнит, что в марте тысяча девятьсот сорок пятого года, когда освобождённые нашими войсками Чехия и Словакия объединились в Чехословакию и в честь первого её президента Эдварда Бенеша в Кремле давали приём, Сталин выступил с очень интересной речью. Он сказал, что нам сегодня необходим союз славянских народов против немцев. Мы, конечно же, разгромим Германию, но это сильный и талантливый народ. Пройдёт лет пятнадцать, предсказал Сталин, и он поднимется, и его агрессия снова будет направлена против славян. Сталин подчеркнул, что объединиться мы должны уже сегодня, чтобы предотвратить эту завтрашнюю агрессию. Как в воду смотрел.

Потому что после войны немецкая армия дважды обращалась к оружию. В тысяча девятьсот шестьдесят восьмом году—против чехословаков. И второй раз—против сербов в девяностые годы. Оба раза военное давление со стороны немцев было направлено против славян.

И нужно ясно понимать, что было бы со всеми нами, если бы победили немцы. Есть замечательное исследование немецкого магистра Карстена Шульца о плане «Ост». Этот документ свидетельствует о том, что́ предполагалось сделать со славянами. Германская верхушка понимала, что подчинить просто так огромную территорию Польши и России невозможно. Речь шла об ассимиляции, об изгнании примерно сорока пяти—пятидесяти миллионов славян за Урал, о том, чтобы у славян снижалась рождаемость, потому что самую главную угрозу творцы плана «Ост» видели именно в ней…

—В наши дни—разумеется, после Маркса и Ленина,—Александр Севастьянов, наверное, один из немногих, кто в своих трудах внятно говорит о классах. Продолжая известную аналогию, вы ведёте речь о диктатуре интеллигенции. И даже утверждаете, что «решающей общественной силой, подлинным всемирным классом-гегемоном стала ныне интеллигенция». Иными словами, не прослойка, а именно гегемон?

—Я приведу простое сопоставление. Вот была последняя конференция КПСС, которая преподносилась как судьбоносная и определяющая. Сколько там наличествовало интеллигентов? Девятнадцать процентов. Потом состоялся первый Съезд депутатов СССР. Там уже их было двадцать четыре процента. Не так-то много. Примерно четверть от общего состава. Остальные—рабочие и крестьяне. А в сегодняшней Госдуме отыщете ли вы рабочего и крестьянина?

—Если поскрести, одним из последних ярко выраженных пролетариев там был Василий Шандыбин. Потом его сменил токарь Валерий Трапезников…

—Ну это же смешно! В общем, вы понимаете, как сдвинулась ситуация? Конечно, интеллигенция сегодня—это класс-гегемон. И мы от него полностью зависим. Именно поэтому так важно открыть глаза интеллигенции на истинное положение вещей, и в частности—на её место в нашей жизни. Нужно заставить её вспомнить, что она всё-таки русская в своей основе.

—И поэтому в «Диктатуре интеллигенции» вы приводите строфу из Андрея Вознесенского:

Есть русская интеллигенция.
Вы думали, нет? Есть!
Не масса индифферентная,
а совесть страны и честь.

Обычно продвинутые почвенники цитируют Юрия Кузнецова или Станислава Куняева. Однако примечательно, что Вознесенский употребил

словосочетание «русская интеллигенция». Не российская, а русская. И вы эту цитату предпочли…

— Потому что сам он, несмотря на своё окружение, был русским поэтом.

— А в кремлёвском окружении кого, на ваш взгляд, можно сегодня отнести к подпадающим под определение Вознесенского?

— Ни в коем случае не отвечу на ваш вопрос по той простой причине, что моя положительная характеристика может плохо сказаться на карьере этих людей…

— И всё-таки, выступая на лекции в Перми, вы назвали две фамилии. Носитель одной из них мне лично весьма симпатичен, как, собственно, и вам. Это Сергей Иванов, в прошлом глава администрации президента России. Помнится, меня впечатлило, как в бытность ещё министром обороны он огласил с телеэкрана исчерпывающую формулировку воздействия нынешнего ТВ *на несколько поколений наших сограждан: «Дебилизация всей страны». А вторая фигура — бывший вице-премьер Дмитрий Рогозин, ныне стоящий у штурвала Роскосмоса…*

— Тут, вообще, терять, конечно, нечего: все знают, что Рогозин вошёл в политику именно как русский националист. Хотя, прямо скажем, к нему сложное отношение и у националистов, и у их противников. Однако приведу такой пример, о котором, может быть, знают немногие. Если опять-таки возвратиться к событиям на Болотной площади, то те организаторы тогдашнего стояния, которые мечтают о либеральном реванше, сначала заслали послов именно к Рогозину и предложили ему возглавить это протестное движение. Мол, ты же, Дима, признаёшь капитализм? И не против частной собственности? Давай к нам! Когда он их послал, после этого они обратились к Навальному.

Во-первых, эта история свидетельствует о том, как востребована русская идея в политических кругах, как необходима она даже либералам, чтобы прикрыть своё истинное лицо, и как нелепо и глупо поступили те русские националисты, которые повелись на эту приманку, приняв участие в митингах на Болотной. А во-вторых, это позитивно характеризует Рогозина как истинного русского интеллигента, прекрасно понимающего всю эту игру и подоплёку и поступившего так, как он и должен был поступить.

— Конечно, национализм национализму — рознь. Есть «пещерный национализм, дурацкий и придурошный, который ведёт к развалу нашего государства», как сказал на Валдайском клубе Владимир Путин. И отнёс себя к «самым правильным, настоящим и самым эффективным националистам». И даже определил круг собственных единомышленников: «почти сто сорок шесть миллионов человек». И всё-таки в обществе нашем, особенно у либерального крыла интеллигенции, несмотря на всю её «диктатуру» или, напротив, благодаря той самой «диктатуре», — устойчивая боязнь слова «националист»…

— Это только в нашем обществе. Потому что во всём мире слова «националист» и «национализм» означают верность и преданность своему народу. И никто в этом не видит ничего дурного. Все прекрасно понимают, что слово «нация» имеет латинский корень «нат» — «род». То есть это приверженность к собственному роду, народу.

У нас нет в русском языке другого слова, которым можно обозначить преданность своему народу. Не стране (это патриот, от слова «патриа» — «родина»), а именно народу. Россия — государственно-политическая ипостась русского народа. Это форма, у которой есть своё содержание — русский народ. Другого содержания у неё нет. Нация первична, государство вторично. Вот когда именующие себя патриотами осознают эту простую истину — что нельзя запрягать телегу впереди лошади, — думаю, тогда они со мной согласятся. Безусловно, я могу себе представить Россию, населённую нерусскими, но это уже будет не Россия.

Дарьяна Антипова

Чёрный Музыкант

Я так много уже забыл.
Мы так много забыли.
Так много нужно ещё забыть.

Как только идея чистоты родилась,
Всё уже было потеряно безвозвратно.
Чёрный Музыкант в доме на холме.
Джим Моррисон

Глава 1

Голуби стучали клювами о стекло и зазывающее смотрели на Яну. Мол, открой окно и дай нам поесть. Яна вздохнула, набрала горсть крошек от пирожных и кинула в форточку. Голуби вспорхнули, в классе на мгновение стало темно, а по стенам заметались серые тени.

Погода на улице стояла отвратительная. Быстро холодало, и у Янки от этого болела голова. В классе было очень душно, но когда Яна пыталась открыть форточку, кто-нибудь из девчонок кричал о том, что замерзает. Поэтому Яна психовала весь день и ни с кем не разговаривала.

Янкина лучшая подруга, Катя, сегодня была веселее, чем обычно. Она рассказывала девчонкам из класса о новых фильмах и о том, как хочет сходить на фильм, сложное название которого Яна так и не смогла запомнить. Его показывали только в одном маленьком кинотеатре на краю города. В их литературном классе считалось почему-то позорным смотреть популярные у других подростков фильмы.

Они учились не в обычной школе. Они учились в Школе, которую привычно всегда писали с заглавной буквы. Здесь полгода назад их, Янку, Руслана, Катю и других её новых друзей, посвящал в литераторы очень известный во всей России писатель. И они чувствовали себя талантливыми и особенными. Самыми особенными детьми во всём их маленьком городке. Да что там в городке—во всей Вселенной. Как же это было красиво и удивительно! Единственный в мире класс, где их научат быть писателями. Где выполнению домашнего задания может помочь только вдохновение! Каждый месяц проходят встречи с известными людьми города, и Янка уже начала привыкать к свету кинокамер, направленных ей в лицо.

А сегодня утром у Яны было странное настроение. Ей казалось, что должно что-то произойти. Но утром мама, как всегда, молча накормила её завтраком, папа уехал на работу задолго до того, как Янка проснулась. На зимней морозной улице было ещё очень темно, когда она вышла из дома и пошла в Школу. Около Школы толпились одиннадцатиклассники из параллели, курили и, таинственно оглядываясь, рисовали на стене что-то неприличное. На входе висел всеми забытый поздравительный плакат со Дня учителя.

В отличие от других школьников, ей и её друзьям нравилось ходить на занятия. В их классе было пятнадцать человек. И всего три мальчика. Это было очень грустно. В четырнадцать лет хочется, чтобы в классе было мальчиков побольше. И чтобы можно было выбрать, в кого ты хочешь влюбиться. А влюбиться очень хотелось.

Но Стас был очень странным и прыщавым. Он только ел свои бутерброды и всегда читал какие-то непонятные книги. Олег был ниже Яны на целую голову, он очень боялся её и даже не здоровался. А чувствовать себя жирафом не хотелось. И был Руслан. Он хорошо рисовал странные картинки по краям тетрадок, приходил на занятия всегда раньше всех и пил кофе за столиком, стараясь вступить во все разговоры.

За этим круглым столиком пил на большой перемене чай и кофе весь класс. Каждый считал своим долгом принести немного печенья и положить его на стол. Больше всех приносил Олег, поэтому девочки с ним разговаривали чаще всего. Яна всегда за обедом сидела около большого шкафа с книгами и ела яблоки. Большой круглый стол стоял около стены между шкафами с книгами классиков и большими папками, в которых директор их класса планировала хранить все вырезки из газет про успехи учеников.

Янка долго смотрела на яблоки. Потом на печенье на столе. Её мама почему-то считала, что в день нужно съедать по три яблока и три огурца, тогда будешь здоровой и стройной. Наверное, мама была права, но Янка уже видеть не могла эти яблоки. Она отрезала тонкие кусочки ножиком, долго держала их в руке и только потом клала их в рот. Она много читала на выходных, много времени проводила за партой. И от постоянного

сидения у неё очень болела шея. Яна незаметно от других повела плечами и откинулась на стену.

Круглый стол был напротив двери в коридор. И Янке нравилось смотреть, кто, куда и зачем выходит из класса. Она положила ногу на ногу, отмахнулась от Руслана, который хотел показать ей какие-то рисунки из немецкого издания Кафки. Не ответила Кате на вопрос о Лермонтове и вдруг увидела, что в класс зашёл кто-то новый.

Это была странная девочка. С огромными глазами и ангельским лицом — в ней было что-то мужское. Даже не то, что одета она была в потёртые джинсы и мужскую рубашку. И не то, что её волосы были подстрижены под «каре», какие делали себе парни из школьной панк-группы. Всё не то…

Девочка незаметно прошла в учительскую, где пили чай преподаватели их литературного класса, и провела там около десяти минут. Яна подумала про себя, что никогда ещё не видела такого красивого человека. Пока незнакомка негромко разговаривала с их завучем, Яна успела съесть два яблока из трёх, посмотреться в зеркало, очередной раз отказаться смотреть иллюстрации с Русланом и даже полистать учебник по английскому языку. Домашнюю работу она, как всегда, не успела выполнить. Весь вечер она слушала по телефону Катины рассказы о литературных образах мальчиков в «Повелителе мух» и о разнице между двумя киноверсиями этой, конечно, замечательной книги. Но Катя была слишком умной, и зачастую Яне приходилось притворяться, что она понимает все термины, которые употребляет в своей обыденной речи её лучшая подруга.

Наконец новенькая девочка вышла из учительской, за ней шла Надежда Васильевна в своём длинном бордовом платье. Они обе подошли к обеденному столу, и все школьники разом замолчали. Яна незаметно ото всех выдвинула рядом с собой стул в надежде на то, что новенькая сядет рядом с ней, если, конечно, решится сразу сесть в «логово» их класса. Тогда можно будет первой узнать, откуда она пришла, за какие заслуги её приняли в литературный класс, в который попасть было очень сложно. Янке это удалось с лёгкостью, потому что к моменту объявления конкурса у неё уже была целая подборка рассказов, пусть и написанных от руки в красивом блокноте, и даже одна публикация в школьной газете.

Надежда Васильевна улыбнулась всем, как умела это делать только она, наклонив голову направо и откинув с плеча тёмные волосы.

— Позвольте представить вам, ребята, нового человека в нашем дружном коллективе. Будьте к нему добры, ведь всегда сложно переходить в новый класс.

Надежда Васильевна снова улыбнулась. А новенькая стояла, опустив глаза в пол, и хмуро засовывала руки поглубже в карманы джинсов. «А с ней не так легко будет подружиться, — подумала Янка. — Зато она выглядит умнее и таинственней многих в нашем классе».

Она открыла рот, чтобы спросить имя новенькой, но противная Ирка её опередила. Ира сидела ближе к выходу, но для того, чтобы спросить первой, она даже подскочила на своём стуле и облокотилась на стол.

— А тебя как зовут? — спросила Ира, и Яна обречённо начала придумывать следующие вопросы.

— Дима, — произнесла новенькая низким, с хрипотцой, голосом.

Яна громко поперхнулась яблоком, Руслан, оказавшийся откуда ни возьмись рядом, хлопнул её по спине, отчего Яна поперхнулась ещё сильнее и начала кашлять.

Дима с каким-то презрением посмотрел на неё и сел на стул рядом с Ирой.

Яна отвернулась ото всех, чувствуя, как яблоко встало глубоко в горле и медленно двигается куда-то вниз и даже вбок. На глазах появились слёзы от кашля. Она, не глядя, взяла со стола кружку с чаем, чтобы запить весь этот кошмар, и тут же в придачу ко всему обожглась.

— А ты ещё более неуклюжая, чем Белла, — усмехнулась рядом Ира и замолчала под пристальным взглядом Надежды Васильевны.

— Девочки, мы с вами разве не договаривались не упоминать эти… вульгарные вещи… у нас в классе? — строго спросила она Иру. В этот момент Яна была благодарна ей. — Здесь нужно говорить о высоких материях! О литературе! Ты слышишь меня, Ира? О литературе! Читая эту вульгарную книгу, ты навсегда испортишь себе художественный язык, который, как мне казалось, у тебя был!

Янка наконец осмелилась посмотреть на Диму.

Тот сидел, прикусив нижнюю губу, и, казалось, не замечал того, что происходит вокруг. Оля налила ему чая, Олег подвинул пакет с «наполеонами». Яна вдруг подумала, что у них замечательный класс. Нигде на свете так душевно не принимают новеньких.

Пока Дима задумчиво глядел на вафли, Янке удалось рассмотреть его поближе. Глаза у него и правда были волшебные, огромные и серые. Нежная бледная кожа и тонкие губы. Роста он был не очень высокого, как и многие мальчики в их возрасте. Худой, даже, наверное, слишком худой. Будто вырос всего за одно лето и ещё сам не понял, что с ним произошло.

Прозвенел звонок, и девчонки стали лениво подниматься из-за стола, чтобы успеть забежать перед уроком в туалет. Уроки у них, как в институте, длились по полтора часа. Сначала это было утомительно, но потом все привыкли, потому что преподаватели были заинтересованы в предметах и давали материала столько, сколько, наверное, другие классы и за четверть не проходят. Надежда

Васильевна тоже поспешила зайти в учительскую. Ира тут же воскликнула, обращаясь ко всем:

— Нет, ну вы слышали, да?

Кто-то хмыкнул, Катя пожала плечами с таким видом: мол, ты попалась, ты и не жалуйся теперь.

А Яна начала пододвигать к себе чашки, чтобы помыть их. Есть любили все, но как только дело доходило до посуды и окончания чаепития, все сразу испарялись. Обычно Яна тоже убегала в класс, но иногда мыла за всеми кружки, когда сталкивалась с умоляющим взглядом Надежды Васильевны. К тому же, пока ты моешь чашки и занимаешься общественным делом, можно задерживаться и приходить на урок попозже.

А сегодня чашки почему-то валились из рук, одна опрокинулась на стол и разлилась. Яна чертыхнулась и посмотрела на Диму. Он сидел на прежнем месте, будто звонки его не касались, и, прищурившись, пил чай.

— И ты собираешься всё это в одиночку утащить в раковину?—вдруг спросил он своим низким голосом, от которого у Яны почему-то закружилась голова.

Стараясь не касаться Диминых тонких рук, она выхватила кружку, пробормотала что-то нечленораздельное и пошла в туалет.

«Вот я дура!»—оперлась она о раковину обеими руками, когда поставила шесть чашек под струю воды. И посмотрела на себя в зеркало. Лицо пылало.

Сначала она принимает мальчика за девочку, потом неадекватно реагирует на его имя, моет за всех кружки. Что он должен о ней подумать? Что она подрабатывает уборщицей? Или что ей больше всех надо? Что она кому-то что-то проспорила?

А она просто хотела познакомиться—и так глупо пропустила подходящий момент.

Она снова посмотрела на себя в зеркало. Да, она страшная. С таким толстым носом и широкими скулами, длинными и не уложенными в причёску волосами. Придётся ей гулять с прыщавым Стасом или состариться в одиночестве, накручивая на палец волосы и пересматривая банальные романтические комедии, как другим страшным девочкам.

Янка домыла наконец-то эти несчастные шесть чашек и вышла из туалета.

Димы за столом уже не было. Зато там стояло ещё много таких же грязных чашек. Яна всхлипнула, схватила свою сумку и пошла в класс.

Глава 2

Дима так и не обратил на неё никакого внимания. Он занял крайнюю парту около двери, за которой никто не сидел. На всех занятиях у него была всегда одна тетрадка, в которой он ничего не записывал. Он смотрел в окно, в которое от ветра бились обледеневшие ветви деревьев. Он подпирал подбородок рукой и стучал пальцами по щеке, когда открывал тетрадку. На тетрадке было нарисовано что-то чёрное и мрачное. Видно было, что он не особо следит за современной модой. Хотя кто из мальчишек из их класса за ней следил? Стас носил серый костюм и иногда даже носил галстуки. Он давно разочаровался в литературе и хотел быть оператором на телевидении. Олег год назад был эмо, но теперь об этом напоминали только дразнилки, которыми его до сих пор потчевали девочки, и небольшая красная прядь волос. Надевал он какие-то обтягивающие модные брюки, но они настолько не шли ему, особенно под цветные рубашки, которые он носил, что лучше бы он вообще ходил в джинсах. Как Дима. Руслан не вылазил из свитеров, связанных его мамой. И, казалось, даже причёсывал редко свои кудрявые волосы.

В их Школе очень следили за одеждой учеников. Девочки должны были всегда носить юбки, не выше колена. А мальчики—рубашки. Несколько месяцев назад хотели ввести школьную форму, но до сих пор так и не ввели.

Но зимой, когда температура опускалась до минус тридцати, все надевали свитера и штаны на синтепоне. Даже Янка. В этих штанах на улице было тепло, но в классе приходилось либо переодеваться, либо париться весь день.

У её родителей было мало денег, поэтому Яна подолгу могла носить одну юбку. До тех пор, пока окончательно из неё не вырастала.

Но сейчас, глядя на Диму, ей захотелось попросить у мамы её чёрную короткую юбку и купить туфли на каблуке.

На одном уроке им рассказывали про Данте и его «Божественную комедию», показывали фильм. На другом им пришлось идти в правый корпус Школы, чтобы посидеть на уроке английского вместе с нормальными учениками из общеобразовательного класса. За окном быстро темнело, низкие тучи блуждали над зданием Школы. И вскоре повалил снег.

Янка поёжилась. Руслан заметил это и протянул ей шарф. Яна поблагодарила его улыбкой. Её тут же вызвали к доске, и она не смогла перевести текст. Получив выговор за рассеянность, Яна снова села за парту.

Катя толкнула её локтем:

— Ты чего такая?

— Какая такая?—проворчала Яна.

Ей не хотелось говорить о своём странном состоянии. Опять начала болеть голова. Наверное, это погода.

— Какая… Случилось что-нибудь?

Катя—хорошая подруга. Но пока рассказывать было нечего.

— Не знаю. Одиноко как-то. И кушать хочется—надоели яблоки и печенье.

Катя хмыкнула и отодвинулась. До конца дня Янка так с ней и не поговорила. Зато она видела,

что Руслан подошёл к Диме, и тот дал ему сигарету. Значит, они оба курят. Странно, она никогда за Русланом этого не замечала.

После уроков Яна молча одевалась в стороне от подруг. Потом вышла на улицу и стала ждать Катьку, чтобы поговорить с ней. На улице было очень холодно. Наверное, завтра температура опустится до минус сорока, и можно будет не идти на учёбу. Тогда она сядет за фортепиано и будет целый день играть на нём, готовиться к конкурсу. Всегда под Новый год в филармонии проходят конкурсы джаза. Вряд ли она что-то выиграет, но нужно постараться. Да, точно, завтра она целый день будет сидеть, укутавшись в плед, дома. Играть на фортепиано, смотреть любимые детские фильмы, пить тёплый чай с мёдом, который папе привозят его друзья с Дальнего Востока. И не будет думать ни о чём, кроме конкурса.

Яна поморщилась от запаха сигарет. Рядом стоял Дима. Пальцы замёрзли и покраснели. Он смотрел куда-то в сторону. На улице начиналась метель. Снег извивался по-змеиному по земле и ложился в форме муравейников. Янка потянулась в сумку за карандашом, чтобы записать это сравнение, но побоялась снять рукавицы и окончательно замёрзнуть.

— Привет,— не выдержала Янка и почувствовала, как в животе у неё что-то заболело.

Тут же налетел странный порыв ветра, и метель ладошками подтолкнула Янку сзади прямо к Диме. Дима медленно оглянулся и опустил сигарету. Он молчал. Молчал так долго, что Яна сглотнула обиду и снова заговорила:

— Ты далеко отсюда живёшь?

— Не очень.

— Понятно.

Яна разозлилась. И отошла в сторону. К ней тут же подскочила Катя.

— Ну как ты? Отошла? Готова общаться? Может, в кино сходим?— У Кати было отличное настроение.

Яна краем глаза увидела, что к Диме подошли два парня. Они пожали друг другу руки, потом отдали Диме гитару и стали удаляться в противоположную от остановки сторону.

— В кино… не хочу…— ответила Яна, но очнулась только тогда, когда Катя дёрнула её за руку.

— Ты чего? Полдня как зомби ходишь!

— Пошли…

Какая же глупость! Яна ненавидела себя в эту секунду, но обида и злость до сих пор сдавливали ей сердце. Она пошла за Димой и его друзьями. Катька охнула и поспешила за подругой.

— Ты сумасшедшая, Яна? Зачем мы туда идём? Это просто неприлично!— Катя натянула модную шапочку на уши и поёжилась.— Ты его даже не знаешь. Человек только пришёл к нам в класс, может, он не приживётся, может, вылетит скоро. Ты помнишь, что у нас скоро промежуточный экзамен?

— Может, перестанешь тараторить?

— А ты, может, обратишь наконец на меня внимание?

Дима с друзьями скрылся за серой девятиэтажкой. Подул сильный ветер, и Янка обернулась к подруге.

— Катюш, я не знаю, что делаю…

Катя поджала губы и положила руку в варежке Янке на плечо.

— Я устала… Эти экзамены зимние, конкурс джазовый… Я не справлюсь со всем этим.

— Конечно, не справишься. Кроме яблок, нужно ещё что-то есть.

Янка безнадёжно махнула рукой. И снова пошла за Димой.

— Зачем мы туда идём?

— Они же там…

— И что?— Катя дёрнула Янку за руку.

Янка даже не ожидала, что Катя такая сильная. Она была очень худенькой, миниатюрной девочкой. Как большинство девочек в классе. От этого Яна очень комплексовала. За лето она вытянулась и стала выше всех своих подруг. И как теперь носить каблуки?

Катя не любила музыку, как Яна, она много читала о политике, перелистывала с пренебрежением глянцевые журналы и часами смотрела кино. Особенно она любила непонятный и скучный артхаус. Катя пыталась доказать Янке, что это оригинально и интересно, но подруге быстро надоело смотреть на длинноносых испанских актрис, которые часами говорят о том, как их братья сбежали из тюрьмы. Ещё были трёхчасовые фильмы, где люди ходили по пустыне и разговаривали. Или сидели в одной комнате, курили и снова разговаривали. Катя говорила, что Яна ещё не повзрослела и многого не понимает.

Катя жила в соседнем микрорайоне, на горе. Оттуда из высоких домов были видны голые поля и холмы. А ещё заброшенный горнолыжный курорт. Туда девочки убегали с занятий и часами мечтали о будущем, когда учились в нормальной школе. Яна хотела стать пианисткой. И в музыкальной школе ей постоянно говорили, чтобы она поступала в музыкальное училище после девятого класса. Но, уставая от многочасовых репетиций, она думала о литературной карьере. Наверное, она слишком много думала о будущем.

И вот будущее настало. И они вдвоём с Катей стоят под промозглым ветром, и Янка не может объяснить своей подруге, для чего они идут в противоположную от остановки сторону.

— Катя, ты потом поймёшь, ладно?

Янка побежала за поворот дома. И резко присела на корточки за машину. Дима с друзьями

стояли совсем рядом, у подъезда, с крыши которого свешивались вкусные на вид сосульки, и смеялись.

Значит, он нормальный и умеет смеяться, подумала Янка. За весь день Дима даже ни разу не улыбнулся.

— Ты чего, а?—Катя вышла из-за угла, увидела ребят.

Как в замедленной съёмке Катькиного артхауса, Дима обернулся к ним, а Яна схватила Катю за куртку и дёрнула к себе. Катя с воплем упала на лёд, а Дима опустил руку с догоревшей сигаретой и выбросил её в мусорку у подъезда.

В это время из дома вышла красивая девушка с распущенными тёмными волосами из-под меховой шапки. Она чмокнула Диму в щёку и взяла его под руку.

Пока они удалялись от подъезда, на высоком крыльце которого висела надпись известного в городе косметического салона, Дима ещё раз обернулся на машину. Яна сидела на корточках, и ей было стыдно смотреть в сторону подруги.

Наконец они обе поднялись с грязного льда, и Катя, отряхнувшись, молча пошла обратно к Школе. Яна следовала за ней.

Как объяснить подруге, что с ней происходит? Она и сама ничего не понимала.

Между ними никогда не было никаких тайн и разногласий. Они всегда ходили вместе в Школу. Потом вместе пошли в литературный класс. Катя даже пыталась ходить в ту же самую музыкальную школу, что и Янка. Но у неё ничего не получилось. И вообще, Яне всегда казалось, что она ей немного завидует. Поэтому и пытается быть умнее.

К чему бы ни прикасалась Яна—всё у неё выходило хорошо. Написала две статьи в школьную газету—и её заметила директор литературного класса. Сыграла один раз джазовую композицию «с листа»—и её отправили на джазовый конкурс. Но почему-то теперь её это совсем не радовало.

Они так же молча ехали вдвоём в автобусе. Был вечерний час пик, они еле влезли в автобус номер восемьдесят пять, который проезжал мимо дома Кати, а потом мимо гаражей ещё минут десять ехал до Янкиной остановки. Автобус даже со стороны казался совершенно замороженным изнутри. Катя хмуро кивнула на прощание головой.

На улице было уже совсем темно. Сильный ветер раскачивал деревья и тусклые подвешенные фонари. А Янке было страшно. Хотелось, чтобы с ней рядом шёл кто-нибудь. И чтобы он молчал, а Янка говорила. Говорила о Школе, о джазовом конкурсе и о том, как ей не хочется на нём выступать. А ещё она спросила бы этого человека, кем была та девушка, явно старше Димы, которая так нежно его поцеловала.

Но только ветер выл в проводах и снежная метель будто толстыми шерстяными рукавицами хлестала по лицу. Иногда она подталкивала Яну вперёд по дорожке, а иногда заносила её в сугробы. Метель явно была сильнее.

Яна вспомнила о сотовом телефоне, включила звук и увидела пять пропущенных звонков от мамы. Мама всегда слишком волнуется, когда становится темно. Да, между остановкой и их домом—почти десять минут ходьбы мимо гаражей и подвалов. Это очень неприятно, если не знать всех бывших одноклассников её родной школы, которая стоит около дома. А у этих одноклассников есть старшие братья и сёстры, которые и сидят сейчас в подъездах, и греются, и щёлкают семечки. Их встретить не страшно.

Яна быстро забежала на четвёртый этаж и позвонила в дверь.

Глава 3

На следующий день Дима не пришёл на занятия. Катя с Яной не разговаривала. И Яна сидела в классе, слушала про Одиссея, а пальцы её автоматически бегали по столу и вспоминали самый сложный пассаж в этюде.

История про Одиссея была очень грустной. Всем ученикам задали до завтра посмотреть фильм. Катя радостно кивнула. Наверное, фильм про Одиссея относится к артхаусу и она его уже видела.

Как сквозь сон Яна слышала Катькин ответ на уроке по русской литературе:

— Меня волнует вопрос, почему, почему же всё-таки Островский не сохранил жизнь Катерине? Ведь её страданий было достаточно, чтобы показать сущность окружающих Катерину людей. Я думаю, что Островский сам не мог противостоять року, висящему над Катериной. Рок оказался сильнее Островского.

А потом с места начал говорить Руслан:

— Кудряш и Варвара делают вид, что не происходит ничего особенного. Как дождевые черви… они становятся только активней после обильного дождя. А молнии, гром грозовой их не пугают! Привычное дело.

На третий урок к ним привели маленьких детей и предложили провести целый творческий час наедине. Руслан хмыкнул и уткнулся в тетрадь. По Катьке явно было видно, что она не знает, как обращаться с детьми.

Яна отложила в сторону «Обыкновенную историю» Гончарова и вышла вперёд.

— Дорогие… мальчики и девочки!—произнесла Яна громким голосом.—Вы ведь любите сказки?

— Да!—робко произнёс мальчик в широких и почему-то фиолетовых штанах.

— Герои сказок—как инопланетяне,—кивнула девочка с белым бантиком.

— А мне кажется, что сказка…—Янка откинула от себя все лишние мысли,—это… Это мы! Ведь когда кто-то берёт книжку, её очень сложно положить на место. Потому что сказка притягивает

и начинает командовать нами. Книжка светится, и она заставляет себя читать. А герои сказок ждут, когда же их освободят. Да?

Ещё одна девочка протянула руку с листиком.

— Смотрите! Я нарисовала. Солнце вместе со звёздами у домика Кощея Бессмертного — а у него усы и глазки…

В класс вошла и села за крайнюю парту директриса. Надежда Васильевна каждый день меняла платье. А ещё она любила красный цвет, и на ней всегда было что-то красное. Либо помада, либо ногти с красным лаком, либо серьги. Сегодня красными были туфли на высоком каблуке.

Яна тоже вырядилась. Да, видимо, перестаралась. Она никогда не красилась в Школе. Только на концерты или мероприятия в музыкалке.

Она очень боялась выйти перед детьми и своими одноклассниками. Казалось, что сейчас все будут тыкать в неё пальцами и обсуждать. Вечером у неё был конкурс в консерватории, и ей некогда было возвращаться домой и переодеваться. Жаль только, что Дима не оценит её чёрную юбку и блузку с вырезом. Завтра она придёт как обычно — в синтепоновых штанах и тёплой кофте.

— Яночка, прекрасно выглядишь, милая! Не зайдёшь ко мне на минутку в кабинет, когда закончишь? — Надежда Васильевна мило улыбнулась и пошла к себе.

Яна быстро раздала вырванные из тетради листики детям и попросила нарисовать их любимых сказочных героев. Затем под взглядами одноклассниц тоже поднялась и подкинула яблоко. Не поймала. Яблоко покатилось куда-то под стол. Дети засмеялись. Яна вздохнула грустно и не стала его поднимать.

Директриса, Надежда Васильевна, сидела за рабочим столом. Преподаватели вышли куда-то. Кабинет был не очень большой, учителя на переменах ютились здесь же, в кабинете директора. И во время занятий все называли этот кабинет директорским, а во время перемен — учительской. Здесь стояло всего два стола и большой шкаф с учебниками. Ремонт ещё не был завершён, и на окнах ещё даже не висели занавески.

— Яночка, хочу тебе сказать, что ты — единственная девочка в классе, которая когда-либо занималась журналистикой…

Надежда Васильевна замолчала.

Яна взмахнула руками и быстро зажала их между ног.

— Ну… я бы так громко не стала об этом говорить… Это всего-то две глупые статьи… и темы там были банальные…

— И всё же… — Надежда Васильевна аккуратно сложила книги на столе в стопочку и отодвинула в сторону. Казалось, она никуда не спешила, и разговор должен был затянуться. — Мы всегда хотели, чтобы наш специализированный класс стал не просто грантовым проектом на один год. Мы хотим воспитать целую плеяду талантливой молодёжи, которая когда-нибудь будет заведовать и нашим телевидением, и газетами. Я хочу, чтобы вы стали редакторами наших газет. Чтобы уехали учиться в Москву, а затем вернулись и наполнили наш город культурой и настоящей свободной творческой атмосферой. Но для того, чтобы нас спонсировали и дальше, нужно вас раскрутить. Ты меня понимаешь?

Яна понимала только, что вскоре она не будет мыть чашки и что ей предлагают что-то более интересное, чем просто сидеть на уроках. А Надежда Васильевна переложила книги на одну из полок шкафа.

— Вы мне больше напоминаете пушкинский лицей… Да! И это — не громкие слова! Я хочу, чтобы и ваши книги когда-нибудь стояли на почётном месте на этой полке. К вам будут постоянно приезжать известные писатели. Но… писатели писателями, а мне хотелось бы работать со СМИ. В общем… в вашем классе, на мой взгляд, всего два человека, которых уже можно вовлекать в рабочий процесс. Это ты и Руслан.

У Яны на губах застыла странная улыбка. Ей было приятно, что её выделяют из остальных учеников. Но Руслан… Он-то чем проявил себя?

— Зря ты сделала такое лицо, — строго произнесла Надежда Васильевна. — Он очень талантливый мальчик, и словарный запас, и начитанность у него лучше, чем у тебя. Уж не обижайся.

Яна насупилась.

— В любом случае сейчас мы предлагаем тебе начать писать для одной маленькой газеты. А затем, если всё получится, мы будем выходить на телевидение с новым молодёжным проектом, и я хочу, чтобы вы с Русланом им занялись. Но об этом позже. А пока — вот тебе телефон редакции. Позвони и узнай, что им нужно. А вообще — никому пока об этом не говори. И ещё… нарисуйте новогоднюю поздравительную газету, пожалуйста. Украсьте класс!

Надежда Васильевна что-то размашисто написала на чистом листе А4 и указала им на дверь. Яна кивнула и вышла.

А там вновь пили чай. Катя неловко гладила по голове девочку с бантом на прощание. Увидев Янку, Стас спросил:

— Ну что, живая? Всё в порядке?

Катя подошла, прислонилась спиной к стене рядом и протянула яблоко. Другое яблоко.

— Не стала с полу подбирать? — улыбнулась Яна.

— О чём спрашивали? — Катя изучающе смотрела на подругу.

— Да так… Надо с Русланом газету будет к Новому году нарисовать.

— Да-а-а… — протянула Катя и почему-то отвела глаза в сторону.

Яна не обратила на это никакого внимания. В окна пробивался солнечный свет—значит, на улице было очень холодно.

Руслан тоже встал рядом. На солнце Яна заметила, что у него яркие карие глаза.

— О чём разговор? Тебя учили играть с жизнью?

Как же сложно с ним общаться и понимать эти странные метафоры, подумала Яна.

— О новогодней газете. Начальство думает, что ты здорово рисуешь и мне без тебя никак не справиться.

Яна жевала своё яблоко и смотрела на Руслана. Он только с виду был такой простой и приветливый. Почему-то ей казалось, что они с Димой полные противоположности. Руслан постоянно смеётся и шутит, рассказывает анекдоты про блондинок, чем очень бесит Аню. А Дима молчит и хмурится.

— Янка, не слушай никого. Скомкай мир в комок и выброси в мусор.

Вдруг в класс вошёл Дима. От него ещё шли клубы морозного пара. Он поздоровался за руку с Русланом. На Янку даже не взглянул. Затем ушёл в дальний угол класса и сел в большое глубокое кресло.

К нему тут же подскочила Ирка и стала что-то щебетать про домашние задания.

Руслан отвлёк Яну от созерцания новичка:

— Ну так что, потратим большую перемену на задание сверху? Ты чего такая бледная и насупленная?

Янка пожала плечами.

Они отошли к другому круглому столу, разложили на нём ватман, взяли карандаши и краски. Руслан профессионально выводил широкими взмахами рук что-то невообразимое и драконообразное.

Катя сидела рядом на высоком стуле и болтала ногами.

— А к чему такая спешка?—спросила она.—Ведь до Нового года ещё куча времени!

— Не такая уж и куча…—пробормотал Руслан и наклонил голову, оценивая получившийся набросок.

— Слишком готично.

Яна взглянула на Диму. Он тоже из другого угла комнаты смотрел на неё.

Тогда Яна обернулась к Руслану и улыбнулась своей самой обаятельной улыбкой, на которую только была способна.

— Хотя… Прекрасно! Пусть будет очень мрачный Новый год. Все с ума сходят по готике. Скоро будут переслушивать «Лакримозу». Очень модно и своевременно.

— Модно?—с недоверием спросил Руслан.

Казалось, что он сейчас разорвёт весь рисунок только из-за слова «мода», и тогда Яне придётся ещё задержаться здесь на час, для того чтобы дорисовать газету в одиночестве и дописать поздравительные речи. Она хотела ещё наклеить фотографии их класса с весёлыми надписями. Но раз газета получается готичной, тогда впору будет искать анекдоты с «чёрным» юмором. Она положила руку Руслану на плечо и сказала:

— Всё в порядке, я пошутила. Это вы с Катей любите готику, но не я. Но нарисовал ты отлично.

Она отдёрнула руку, потому что Руслан покраснел. Катя же побледнела и вцепилась руками в стул.

Тогда Янка на всякий случай молча отошла от них подальше и присела на край стола.

Дима по-прежнему смотрел на неё. Но когда они опять встретились взглядами, быстро обратил внимание на болтавшую рядом Иру. Ира уже не просто стояла у кресла. Она села на его подлокотник и по-свойски «прилегла».

Вот зараза, подумала Яна и наклонилась над ватманом.

Остальная часть дня прошла без происшествий. Дима посидел всего на одном уроке, потом прикинулся больным и отпросился домой. Наверное, чтобы погулять под солнцем.

А Яна поехала на джазовый конкурс, который не выиграла. Было много зрителей, красивых прожекторов. Организаторы даже поставили искусственные свечи по всему периметру сцены. Яна сыграла блестяще. Но в её номинации первое место отдали девочке младше её года на четыре. Из соседней музыкальной школы. Программа у неё была слабее. Зато она так бодро подпрыгивала за роялем, так радостно махала судьям и зрителям рукой, что Яна сразу поняла, что шансов у неё не остаётся. Она здесь—как то странное привидение в чёрном, нарисованное Русланом на газете. Странное, красивое, но очень одинокое. А может быть, мешал Дима. Когда Яна вышла на сцену, ей показалось, что один человек в первом ряду очень похож на него. Она вздрогнула и долго не могла сосредоточиться. Руки дрожали и отказывались играть. Яна не выдержала и посмотрела на первый ряд снова. Но теперь поняла, что это точно был не он. Дрожь в руках утихла, но Яне отчего-то стало очень и очень грустно.

И там же, на сцене, Яна вдруг поняла, что раз будущее так быстро наступило, нужно выбирать что-то одно. Либо музыку. Либо литературу.

Глава 4

— А где ты живёшь, Дима?—спрашивала громко Ира.

Так громко спрашивают либо глухие люди, либо люди, которые очень хотят, чтобы их вопросы долетали до самых окраин комнаты. Для того чтобы Яна поняла, что её место—сидеть рисовать поздравительную газету, а Ира—единственная из всех, кто напрямую общается с новичком, а не обсуждает его за столиком.

— Бедный Дима…— прошептала Яна, и Руслан, сидевший рядом, фыркнул.— Может, пойдёшь и спасёшь его?
— Да ладно тебе, он не маленький, сам справится.
Катя тоже сидела рядом с ними. Она глянула на полюбившийся Диме диван с креслом и пожала плечами.
— И чего только Ира в нём нашла? Вид очень глупый и какой-то обкуренный.
— Ты хотела сказать — таинственный? — перебила её Яна.
— Нет. Руслан, хоть ты скажи ей!
Но все замолчали, потому что заговорил Дима. Он говорил очень тихо. Иногда так тихо, что даже сидевшая рядом Ира переспрашивала его. Но сейчас почему-то замолчал весь класс. И его голос прозвенел в тишине.
— Я живу недалеко отсюда, три остановки на автобусе.
— Вниз или вверх? — не унималась Ира.
Вверх — означало, что он живёт в микрорайоне около университета, где много студенческих корпусов, а вниз — в центре города.
— Вверх.
Дима встал и пошёл к дверям, оставив Ирку дуться и демонстративно копаться в своём телефоне.
Он прошёл мимо Яны, она стояла в узком проходе между столом и коридором. Он слегка коснулся её руки, и Яна почувствовала, как её ноги становятся ватными. Она прекратила рисовать и посмотрела на Катю. Она надеялась, что Катя наконец всё поймёт. И если Яна не ошибается, то на её лице должно появиться чувство облегчения.
Дима кивнул Руслану:
— Как дела продвигаются?
Руслан нервно подскочил и откинул от себя краски. Яна с Катей переглянулись.
— Да… Мы тут… плюшками балуемся.
И засмеялся.
Янка скривилась. Дима странно приподнял брови, потом кивнул молча и, накинув чёрную куртку, вышел на улицу. Их класс находился на первом этаже небольшой школьной пристройки и имел как дверь в общий коридор Школы, так и отдельный, выходящий к забору.
Руслан покрутил пальцем у виска:
— Странный он какой-то.
— На себя посмотри… — буркнула Яна и вновь склонилась над рисунком.
Её вдруг начали раздражать Руслан с его глупыми и устаревшими шуточками, Катя, которая непрерывно сидела рядом с ними. И почему Дима позволяет себе так спокойно прогуливать уроки? Приходить-уходить, когда ему вздумается?
Нужно было всё разузнать.
Поэтому после уроков она быстро попрощалась с Катей и пошла в сторону того серого дома, где в прошлый раз Дима встретился с девушкой. Её догнал Руслан.
— Ты не домой? — спросил он, заворачиваясь в широкий шарф. И пошёл рядом.
— Нет.
Только его тут не хватало.
— А куда тогда? — и, не дожидаясь ответа, заговорил о своём: — Я домой не спешу. Идти туда не хочу. У меня отец с дежурства сегодня рано вернётся, лучше ему под руку не попадаться. Я вообще удивляюсь, как он разрешил меня в наш класс отдать.
— Ты о чём?
Янка чувствовала, что замерзает. На улице температура явно опустилась до минус двадцати пяти. Тонкая вязаная шапочка не спасала. Яна засунула руки в рукава поглубже. Два раза чуть не поскользнулась на льду. И всё думала, правильно ли она поступает.
— Ты меня слушаешь? — Руслан вытер рукавицами иней с ресниц. — А как у тебя отношения с родителями?
— Отлично, — ответила Яна.
Она даже не знала, что смогла бы рассказать о родителях. Всё было хорошо.
— Папа и мама работают инженерами. Я всё время провожу то здесь, то в музыкальной школе. Мы видимся по вечерам. А иногда не видимся, так как папа уже спит или играет на гитаре. И тогда ему лучше не мешать, иначе он собьётся и начнёт играть свою длиннющую сонату заново.
— У тебя отец не пьёт? — удивился Руслан.
— Нет. А с чего бы ему вдруг пить? — пожала плечами Яна. — И мама не пьёт. Даже бабушки и дедушки не пьют. Ну, может, разве иногда вино по праздникам. Друг отца всегда привозит его из Крыма.
— А вы где летом отдыхаете?
Вот привязался. Обычно ей нравилось с ним разговаривать «ни о чём», но он никогда не начинал говорить о семьях.
Янка повернулась к Руслану.
— А если я к друзьям иду? Или в больницу? Или с отцом встречаюсь по делам? Чего ты ко мне прилип?
— Давно не общался с тобой. Что с того? — Руслан растерянно оглянулся по сторонам. — Что с тобой происходит последние дни? Как одурманенная ходишь. Почему ты избегаешь меня?
Яна что-то промямлила в ответ, потом положила ему обе руки на плечи, пристально посмотрела в глаза.
— Мне очень нужно сейчас зайти в магазин, потом на почту, а затем в одну редакцию. Я не против того, что ты пойдёшь со мной, но я не знаю, насколько задержусь. И тем более редакция находится на «Строителе», оттуда уже в восемь вечера сложно будет добраться до твоего дома, так как не ходят автобусы. Думаю, мне нужно дальше пойти одной.
— Ты похожа сейчас на серый кусок нервов.

Яна помахала Руслану голубой варежкой и быстро потопала по льду прочь, надеясь, что Руслан не пойдёт следом.

Пока Янка огибала почти весь микрорайон по кругу, она задумалась о том, почему и правда так изменилась. Дело же совсем не в Диме и не в джазовом конкурсе. Просто ей хочется чего-то совсем нового и постоянного. Четырнадцать лет у неё было всё не как у людей. Она ходила в детский сад всего год, а потом все оставшиеся до первого класса годы с ней дома сидели бабушка и мама. С первого по четвёртый класс она меняла школы. Родителям не нравилась то сама школа, стоящая по соседству, то учителя. Янке удалось поучиться и в лицеях, и в гимназиях, и в обычных бесплатных школах. А теперь несколько месяцев она учится в литературном классе Школы номер пять. И здесь ей нравится больше всего. Лишь здесь она почувствовала себя как дома. И не только потому, что ребята подобрались все общительные и интересные, и все они хотели чего-то добиться в жизни, никто не отсиживал уроки просто так. А потому, что Яна наконец начала понимать, что ей нравится больше всего. А нравилось ей писать.

С такими мыслями она дошла до косметического салона и поднялась по ступенькам наверх.

Дверь тяжело открылась, и Янка оказалась в тепле.

Девушка за столиком брезгливо оглядела её и вопросительно приподняла брови.

— Я… я бы хотела… — начала Яна и сделала несколько шагов к комнате, в которой было очень светло.

Что бы такое сказать, чтобы было правдоподобно?

— Мне мамины подруги посоветовали в ваш салон сходить… у меня вот… — Янка взглянула на себя в зеркало в поисках прыщей.— Они прошли, но мама говорит, что лицо у меня жирное, и с ногтями нужно что-то делать…

Яна вытянула вперёд руки, потом неловко улыбнулась, стянула с них варежки.

— И мне посоветовали обратиться к вашей сотруднице… Её зовут… Ой, то ли Аня, то ли Катя. У меня на имена память плохая, даже подруги говорят. Но у неё длинные тёмные волосы, и она… в общем… ходит в тёмно-красной шубе.

Девушка за столиком откинулась назад на стул и по-прежнему молча смотрела на Яну.

— Я могу зайти и показать, я её узнаю,— Яна быстро подошла к двери и заглянула вовнутрь.

Она ещё никогда не была в косметических салонах. Да и вышеупомянутых проблем с кожей и руками пока тоже не было.

Но Яна сразу поняла, что той девушки здесь нет. Она разочарованно оглянулась назад.

— Она сегодня не работает?

— Она вчера уволилась,— девушка откинула назад свои крашенные-перекрашенные кудри, которые выглядели очень безжизненно, и поднялась со стула.

— А… А как её можно найти?— Яна почувствовала разочарование.— Дело в том, что мама попросила меня кое-что ей вернуть.

— Я не знаю!— резко произнесла девушка и сложила на груди руки. У неё были отвратительно длинные ногти с ядовито-красным лаком.— Она где-то учится и у нас только подрабатывала по вечерам. А живёт она в каком-то старом доме на горе, у них ещё в подвале вчера канализационную трубу прорвало. Вот отстой.

— Спасибо,— пробормотала Яна и выскочила обратно на мороз.

— Эй, ты!— услышала она сзади за собой крик.— Вчера за ней брат заходил! Может, твоя мама его знает?

— Брат… — как во сне прошептала Янка.

Значит, всё не так уж плохо складывается в этом мире. У Димы есть сестра и несколько друзей. И пока ни одной девушки рядом. Кроме Иры, разумеется.

Довольная, Яна соскочила с крыльца прямо в сугроб и в полёте увидела перед собой Руслана.

От неожиданности она не удержалась на ногах и упала в снег.

— Ты чего? Следишь за мной?— вдруг закричала она, а хорошее настроение испарилось.

— У тебя из сумки кое-что выпало,— сердито произнёс Руслан, отдал Яне её любимый блокнот с записями и пошёл обратно к Школе.

Яне стало стыдно. Она засунула блокнот поглубже в сумку и подбежала к человеку, который ещё несколько дней назад был её другом.

— Прости меня, у меня просто дни какие-то дурные идут. Вопросы, вопросы, вопросы. Понимаешь, тёмная полоса в жизни… — быстро заговорила она, пытаясь заглянуть Руслану в глаза.— Разве у тебя такого не бывает?

Руслан шёл так быстро, что Яна удивлённо подумала о том, что он никогда так быстро ещё с ней рядом не ходил.

— Я завалила конкурс, мне дали кучу заданий в Школе. Надежда Васильевна не говорила тебе о телевизионном проекте?

Она попала в точку. Руслан обратил на неё внимание.

— Мы вместе будем писать сценарии для молодёжной передачи. Давай не будем друг на друга обижаться по пустякам!

Руслан хмыкнул и поправил за плечами рюкзак с книжками.

— Так ты сейчас в редакцию?

— Нет,— опустила голову Яна.— Мне заниматься надо. Я в музыкальную школу поеду.

— Я тебя провожу?

Руслан спросил таким тоном, что Яна поняла, что не сможет отказаться.

Глава 5

Янка сидела за фортепиано и смотрела в ноты, расползающиеся по высокой тетради. Это был её приговор на ближайший месяц, до академического экзамена в декабре. Она слишком поздно приступила к обязательной программе, и у неё практически не оставалось времени для того, чтобы отлично её выучить. Сонет, ноктюрн и этюд. И всё из-за этого джазового конкурса. Если бы она только победила в нём… Тогда академический экзамен ей бы перезачли за то, что она принесла в их музыкальную школу награды. Но все учителя и замдиректора смотрели на неё с осуждением. Как будто она халтурила и поэтому не выиграла. Будто от тренировок зависит всё в жизни. Если бы всё в жизни зависело только старательности…

Но Янка сегодня вечером плохо соображала. И играла ещё хуже.

— А теперь мы послушаем тишину…— сказала её учительница, Нина Николаевна.

Нина Николаевна была очень доброй женщиной, но она знала, как будет Яне сложно за несколько недель выучить новую программу.

— И—ра-а-аз!!! И—дв-ва-а-а!—взревело за стенкой полурычание с шумными вздохами.

Яне сразу представились закатившиеся глаза Любови Дмитриевны, её открытый мощный рот, подбородок, нависший над бледным ребёнком, над его дрожащими пальцами, вылупленным в ноты личиком.

Янка вздрогнула, перестала играть. Мягко положила тонкие руки на колени в пятнистых колготках и испуганно посмотрела на Нину Николаевну.

— Я не могу так…

Ну что она ещё могла сказать?

Казалось, что даже фортепиано фирмы «Прелюдия» вжималось от крика в стенку. Нина Николаевна ласково закрыла ноты.

Неловко как-то стало. За таких учителей, как Любовь Дмитриевна в соседнем классе? Нина Николаевна её не нанимала, и вообще, от них с Яной здесь ничего не зависело, даже класс директор хотел отдать ей. Конечно, у неё муж—замдиректора какой-то фирмы и дарит дорогие подарки для их школы.

— Можно я пойду?

Яна уже топталась у ободранной двери кабинета и скидывала в пакет ноты. Домой идти не хотелось. А хотелось под уважительным предлогом прогуляться с Ниной Николаевной по замёрзшим улицам и неспешно смотреть, как люди спешат после работы по домам.

— Выучи этюд, хорошо? А то академ через…

— Можно я с вами до дома пойду?—Янка открыла дверь и резко её отпустила.

Дверь с нудным визгом закрылась.

— И—ра-а-аз!!! Болван! У меня уже рука устала ритм на плече отбивать!

Даже Яна почувствовала, как ей на плечо падает огромная рука с золотым кольцом. Всё падает и падает. И она, как в детстве, боится споткнуться, промахнуться клавишей и дать себя смять… За стенкой грохнуло—Эл-Дэ свалилась на стул.

— Я устала! Болван…

Противно было слушать дальше. Нина Николаевна тоже начала собираться домой. За тёмным окном под фонарями отсветами падал снег.

— Можно, я у вас дома порепетирую? У меня родители придут поздно, а ключи я забыла…

Нина Николаевна, подумав, кивнула и села на стул, чтобы переобуться.

Как часто бывает в Сибири, погода мгновенно сменилась. И если весь день было очень холодно, то к вечеру потеплело и повалил снег.

Яна и Нина Николаевна шли по улице, обходя новые сугробы. Яна любила снег. Он обычно снимал с неё озлобленность на мир и укутывал каким-то пустым безразличием к окружающему пространству. В такие мгновения она переставала волноваться о том, что ничего не успевает.

Ничего не ждёшь, ничего не понимаешь, ничего не слышишь. Идёшь до дому пять километров мимо проезжающих автобусов и улыбаешься контролёрам, презрительно и удивлённо поглядывающим на тебя из-за грязных стёкол.

Поднялись по крутым и заплёванным ступенькам на шестой этаж кирпичной девятиэтажки. Янка была здесь впервые. Нина Николаевна долго открывала дверь, будто решая в последний момент, пускать ученицу к себе в дом или нет.

Дениска радостно бросился Нине Николаевне на шею, потом без спроса чмокнул в мокрую щёку Яну. Грустно и очень щекотно стало от его юных усиков. Посмотрел в пустые глаза Нины Николаевны и сказал:

— Мамочка, давай послушаем сегодня тишину.

— Давай.

Нина Николаевна стягивала мокрые от снега демисезонные сапоги. Яна давно заметила, что у её преподавательницы нет тёплых сапог.

— Что ты здесь делаешь так рано?

— Тётя Аля меня привела домой.

Янка огляделась. Затопталась в смущении в узкой прихожей. Она представляла Дениску совсем маленьким. А перед ней стоял парень на голову выше её, с мокрой вытянутой нижней губой.

Нина Николаевна смотрела на себя в зеркало. Дениска уже сел вырезать картинки из журналов «Вокруг света», которые вчера отдала преподавательнице Янка. Там очень красочные картинки, поэтому Дениска не выдержал, Яна знала, что он их очень любит. Он вообще любил всё цветное. Нина Николаевна хотела извиниться перед Яной,

но, взглянув на неё, увидела, что слов не нужно и та всё понимает.

Они сели за большой чёрный рояль около окна. Нина Николаевна смотрела на снег. В комнате было мало света, только настольная лампа со старинным абажуром освещала ноты.

Яна второй, третий раз старательно играла пассаж. Этюд был очень надрывным, совсем не похожим на обычный технический этюд. Слишком много эмоций. Это именно то, чего так Янке не доставало. Через пальцы задавать клавишам свои вопросы. И через звук получать на них ответы. Ей казалось, что всё её тело дрожит и горит, излучая странную электрическую энергию, заряжая ею рояль.

На кульминации Нина Николаевна клала свою мягкую руку Яне на спину и слегка придавливала её к роялю.

— Ты хорошо играешь...— наконец вздохнула она и облокотилась о край рояля.— Но ты боишься выпустить эмоции. Ты боишься показать их публике и людям, ты слишком скрытная. Ты общаешься со звуком и самим инструментом. Но дальше твоя энергия не уходит. И жюри на конкурсе тоже это почувствовало.

— Что вы...— улыбнулась Яна.

— Нет, не спорь со мной,— Нина Николаевна поджала губы и задумалась.— Тебе сложно выражаться, сложно признаваться, хотя ты по натуре — очень общительный человек. Так?

— Так...— опустила голову Яна.

— Тогда покажи мне это! Покажи!— Нина Николаевна снова перевернула ноты на первую страницу.— Твоя музыка должна рыдать вместе с тобой!

Яна кивнула, выждала несколько секунд и подняла руки.

— Мам, там опять от мужчины письмо пришло,— раздался голос Дениски.

Яна поняла, что больше занятия не будет. Нина Николаевна мягко взяла на рояле аккорд в верхней октаве.

— Он забыл,— пояснила она. И Яна поняла, что её впервые вводят в страшную семейную драму.— Он снова забыл о том, что это его отец! Ладно, мужчина — более понятно.

Дениска подошёл к роялю и протянул письма матери. Внимательно посмотрел на Янку, отчего ей стало жутко. Нина Николаевна взяла конверт и вложила его в книгу о Шостаковиче.

— Я всегда так делаю. Есть у меня одно болезненное желание: лет через двадцать открыть все эти конверты и прочитать — и посмеяться над своей глупостью и безумием. А потом поехать к Дениске в приют, а он тогда будет жить в приюте, и сказать: «Видишь, какая у тебя мать? Из-за своей дурацкой гордости она погубила тебя!»

Нина Николаевна засмеялась вновь и ласково нажала несколько клавиш.

— Но он и тогда ничего не поймёт. Он только улыбнётся.

Яна села на скрипучий диван и оглянулась по сторонам. Эта однокомнатная квартира для Денискиного шестнадцатилетнего возраста и его матери была слишком маленькой. Родительский шкаф с книгами, поломанный телевизор, фортепиано и белые ноты. Они лежали везде. Звали к своим звукам, чтобы поговорить — дать возможность выговориться, крикнуть... Только сейчас Янка поняла, что музыка — это тоже жизнь, как и литература. Не только академические экзамены, сольфеджио и муштра для районных и городских конкурсов. Иногда музыка спасает жизни.

Нина Николаевна села за фортепиано и заиграла Глиэра — так, как Янка никогда не сыграла бы. Надрывно. Так, как она хотела, чтобы играла Яна. Дениска, вернувшийся к своему занятию, оторвался от картинок, заплакал вдруг по чему-то неизведанному в его жизни. Соседи, не любящие крики и фортепиано по вечерам, начали стучать по батареям.

И это было красиво. Как целый оркестр, и Нина Николаевна — во главе.

Она остановилась на пониженной терции...

Дениска слушал тишину. Приоткрыв рот и тяжело вдыхая песню снега за окном. Так он отдыхал, потому что спать ему больно. Он не закрывал глаза из-за страха не выползти из темноты.

Яна смотрела на него и видела, как в чёрно-белом кинематографе, что ночью он пытается Нину Николаевну разговорить. Он ничего не понимает, когда она уходит от него на работу и возвращается мокрая от дождя и снега вечером. На столе лежала вырезанная из сотенной купюры картинка с лошадкой. Наверное, это были деньги, оставшиеся им на ужин. На столе валялись новенькие и ещё не распечатанные ноты Шопена.

И, наверное, скоро Нина Николаевна отвезёт Дениску в приют, сядет за фортепиано и сломает эту тишину, которую возненавидела за последние годы...

— Давайте я чай поставлю,— предложила Яна.

Глава 6

Морозы победили. Занятия хотели отменить на целую неделю. На улице стояли сорокоградусные морозы. Но, как всегда, не отменили. В Школу всё равно никто не ходил. Многие решили не мёрзнуть в старых «Икарусах».

Дома приходилось надевать две пары шерстяных носков и старый папин свитер. Янка плохо засыпала под пятью шерстяными одеялами, в которые укутывалась, как в кокон. Панельный дом не справлялся с морозами. На улице прорвало канализацию, отключили горячую воду. А потом и на целый день отопление. Яна слышала, как надрывается один на всю квартиру обогреватель,

как кашляет отец. Она чувствовала, как холод постепенно забирается к ней под кожу. Она тёрла ноги друг о друга, но ничего не помогало. Если бы только была горячая вода, она бы полежала в горячей ванне с час, а затем запрыгнула в свой кокон, и тепла бы хватило на несколько часов.

Янка отодвинулась от ледяной стены, отгородилась от неё игрушками и погрузилась в мучительный полусон. Для того чтобы заснуть, она представила себя маленькой нищенкой из французской деревни. Средние века, у неё никого нет, как в книжке «Без семьи». Она ходит с бродячими актёрами и музыкантами по сёлам и засыпает у костра, на снегу, на шкуре, завёрнутая лишь в одну тряпку. Янка поёжилась, превратилась в клубок, накрылась с головой одеялом и заснула.

В среду Янка приехала в Школу. Больше для того, чтобы погреться. Зашла в кабинет и поняла, что там никого нет. Она поставила чайник и вытащила из сумки печенье.

Не слышно было шагов на втором этаже Школы. В соседнем крыле, где обычно по утрам тренировалась баскетбольная команда, отчего в их классе тряслись стёкла, тоже стояла тишина.

Стёкла были замороженными и сияли на солнце ледяными цветами.

Яна любила такое одиночество в классе. Директор куда-то вышла. Преподаватели опаздывали из-за пробок на дорогах.

Яна постучала пальцами по столу, будто сыграла гамму соль-минор. Потом открыла ноутбук, создала новый файл и задумалась. Ей нужно было нести сегодня первую главу романа для газеты и показывать, что она умеет писать. Умеет ли? Сможет ли осилить по главе в неделю?

Рядом заскрипел стул, и подсел Дима.

Янка покраснела и уткнулась в монитор.

— Чай горячий?— спросил вдруг Дима своим низким ломающимся голосом и, не дожидаясь ответа, взял чайник, чтобы налить себе в кружку кипятка.— Занятий, я так понимаю, сегодня не будет?

Он пристально посмотрел на Янку. Она пожала плечами.

— Ты можешь повторить своё «привет»,— улыбнулся он.

Лучше бы он не улыбался такой невероятно обольстительной улыбкой. Яна закрыла свои пылающие щёки распущенными локонами и кружкой с чаем.

— По-моему, ты ещё не кинула в воду пакетик,— снова улыбнулся Дима и протянул ей коробочку.

Яна поперхнулась кипятком и взяла чайный пакетик у него из рук.

— Так ты здесь уже давно?— спросил снова он после минуты молчания.

— Да,— ответила Яна и, подумав, что это невежливо, добавила:— Мне очень нравится здесь. Правда, задают много. Плюс к обычной программе— ещё и погружение в литературу, несколько спецкурсов на выбор по журналистике и драматургии, по зарубежной литературе, по средневековой литературе… и по многим другим литературам. Я так объясняю… потому что ты… редко тут появляешься.

Дима кивнул, снял с шеи наушники, выключил маленький чёрный плеер и положил его в «шмотник» с изображением знакомого лица. Яна долго не могла понять, кого же ей напоминает эта фотография. Длинные светлые волосы, с прищуром глаза. Так ведь… самого Диму и напоминает!

Она с ужасом посмотрела на него.

— Это ты?— откашлявшись, осмелела и спросила она наконец.

— Где?— удивился Дима.

— На сумке твоей!— Яна приподняла брови и показала пальцем на фотографию.

И тут Дима засмеялся. Он посмотрел на Яну, затем на «шмотник» и, всё ещё смеясь, ушёл в туалет. Он включил воду и стал мыть и греть руки под горячей водой.

Когда он вышел, Яна снова смотрела в ноутбук и чуть не плакала.

— Ты не знаешь Курта?— Дима плюхнулся обратно на стул.

Яна покачала головой.

— А ты знаешь Глиэра?— спросила она злобно в ответ.

— Нет,— весело ответил он.— Но не знать Курта… Это…

Дима развёл руками.

— Все знают Курта!

Яне хотелось вскочить на ноги и крикнуть ему, что это не грех— не знать, кто такой Курт и почему он так похож на Диму. Что у людей бывают разные сферы общения и разные жизни. И что все люди непохожи, все думают по-разному, и если кто-то чего-то не знает или не понимает, не признаёт— это не ущербность, это просто…

В кабинет ввалился Руслан. Он бросил свою сумку около стола, поздоровался за руку с Димой, подошёл к Янке и потрепал её по плечу.

— Ты чего такая расстроенная сегодня?— усмехнулся он.— Жалеешь, что уроки отменили? А я рассказ новый написал. Тебе прочитать?

— Какие же вы дураки!— воскликнула Яна, схватила ноутбук и быстро пошла в другой класс.

Она слышала сзади, как Дима спросил Руслана:

— Ты-то хоть знаешь, что такое «Нирвана»?

— Старьё, но прикольное,— ответил Руслан.— У меня все их песни где-то залиты.

— О, чувак, хоть ты здесь адекватный!

— Да пошли вы оба,— повторила Яна и села в одиночестве за парту.

Она положила голову на руки и лежала так, закрывшись ото всего мира. Когда сердце перестало

так сильно биться, она поняла, что осталась совсем одна. Мальчишки, очевидно, ушли на улицу курить.

Тогда она вытащила ноты из бежевой сумки и подошла к фортепьяно, которое подарила их классу какая-то известная фирма. Может быть, фирма того же известного мужа Любови Дмитриевны из музыкальной школы.

Яна открыла крышку и провела рукой по клавишам.

Ещё вчера она хотела бросить музыкальную школу и заниматься только литературой. Но теперь она почувствовала тёплую руку Нины Николаевны на спине, наклонилась к клавишам и заиграла.

Она не понимала, отчего ей так больно. И казалось, что каждая клавиша, к которой она прикасается, чувствует эту боль и облегчает её. И ещё она поняла, насколько грустную и трагическую мелодию выбрала для неё Нина Николаевна. Она перелистнула страницу, не обрывая партии, и вдруг увидела в отражении на фортепиано фигуру в дверном проёме.

Яна резко оборвалась и посмотрела назад.

Там стояли Руслан и Дима. Они прислонились по разные стороны двери и оба смотрели на неё.

Руслан заговорил первым, пока Яна собирала ноты обратно в сумку:

— А ты не говорила, что так хорошо играешь.

— А ты думал, что я плохо играю?—получилось резковато, но Яна всё никак не могла справиться с бурлившими внутри неё эмоциями, хотя во время игры немного и успокоилась.

— Ты просто никогда не говоришь о своих уроках, вот я и подумал… Мы услышали с улицы, как ты играешь, и поспорили, что это играешь именно ты, а не магнитофон,—Руслан сел рядом с ней на парту и положил ноги на соседний стол.

— Здесь Ира сидит,—сказала Яна.

— Вот именно,—хихикнул Дима и подошёл к полкам с музыкальными дисками.—Вы только Мендельсона тут слушаете? Бах, Чайковский… Жуть.

— Только вот их, в отличие от твоего Курта, все знают,—огрызнулась Яна.

Это были диски её мамы, которая подарила их классу ещё три месяца назад.

Руслан посмотрел на неё, потом на Диму.

— Ребят, вы чего? Давайте жить дружно! Давайте я вам свой рассказ всё-таки прочитаю? Вот начало: «Летят испуганные птицы по горящему небу, и опалённые перья их…»

Яна махнула рукой. Она хотела, чтобы её оставили в покое. Ей нужно было ещё напечатать три страницы хорошего текста. А вечером снова учить этюд и несколько стихотворений к экзамену. И опять она ляжет за полночь, и завтра точно на учёбу не проснётся. Придется звонить бабушке и просить её выписать ей справку на всю неделю. Зато за неделю она в тишине выучит все стихи к Школе и всю музыкальную программу к академическому экзамену.

Дима в это время поставил в музыкальный центр один диск. И заиграла очень грустная мелодия. Янка помнила её ещё со странной детской сказки про Пико—Хрустальное горлышко. В конце, когда он говорил заповеди про скрижаль, играла эта мелодия.

— И кто это?—спросил Дима, не поворачиваясь к Янке, но она знала, что этот вопрос адресован именно ей.

— Бах, ария из сюиты номер три.

— Ок…—пробормотал Дима и переключил на следующий трек.—А это?

Послушав несколько секунд, Яна улыбнулась и ответила:

— А это Моцарт, пьеса для фортепиано.

— Ага…—Дима снова переключил композицию.

Руслан удивлённо смотрел на Яну.

— Шуман, из «Детских сцен». Дебюсси, «Танец снежинок». Равель, «Болеро».

Дима глубоко вздохнул и развёл руками:

— Ну что ж, мои соболезнования.

— По поводу чего это?—почти шёпотом произнесла Яна.

— По поводу того, что ты не умеешь общаться с людьми, зато знаешь всю классику.

Янка вздёрнула подбородок, снова схватила сумку и вылетела из класса. Она накинула на себя шубу, переобулась, кинула босоножки куда-то под вешалку и выскочила на холод.

Какой же он дурак! Идиот!

Янка всхлипнула и чуть не поскользнулась.

И зачем он вообще пришёл в их класс? Ей так было хорошо там без него. Она даже подружилась с ребятами. Впервые в жизни у неё появились настоящие друзья, а не только соперники по литературным конкурсам или джазовым фестивалям!

Яна заскочила в автобус и поехала на улицу Копылова. Народу на улицах было мало. В автобусе—очень холодно, и из-за окон с толстым слоем грязного льда ничего не было видно.

Она чуть не проехала нужную остановку и подбежала к большому серому офисному зданию. На проходной показала паспорт, который получила год назад, и поднялась на десятый этаж. Яна долго шла вдоль длинного узкого коридора со стенами цвета спелых персиков и с табличками почти всех газет и журналов, которые продавались у них в газетных киосках.

Мимо неё пробегали женщины с толстыми пачками бумаг, какие-то мужчины ходили с важным видом из кабинета в кабинет, аккуратно неся перед собой горячие чашки с кофе.

Наконец Яна нашла нужную ей дверь в конце коридора. Она несколько раз вздохнула, настраиваясь на серьёзный разговор. Но боялась постучаться. Чтобы не казаться глупой, Янка

медленно прошла из одного конца коридора в другой. Наконец поправила волосы, как перед концертом, и постучалась.

Глава 7

— Яночка, назначаю тебя старостой нашего класса,— сказала Надежда Васильевна и приобняла её за плечи.— Лучше поздно, чем никогда. Надеюсь, что ты не подведёшь нас и будешь старательно выполнять все поручения.

Яна кивнула. Она сидела на первой парте и спиной чувствовала Димин взгляд, который дырявил её. Она пошевелила лопатками и выпрямилась. Она никогда ещё не выполняла общественных поручений, кроме этой новогодней газеты, которую они так и не дорисовали с Русланом.

Яна оглянулась и поняла, что Руслана нет на занятиях.

Она подняла руку и, когда директриса вновь обратила на неё внимание, спросила:

— А вы не знаете, где Похильченко? Он второй день не приходит.

Надежда Васильевна развела руками:

— Зайди ко мне, я дам тебе его домашний номер и адрес. Ты теперь староста, тебе и выяснить, куда он запропал.

Она почувствовала, что Димин взгляд стал ещё более колючим. Поэтому она повернулась к Стасу и наклонилась к нему поближе.

Стас от этого даже как-то растерялся. Яна никогда не обращала на него внимания, хотя они и сидели за соседними партами.

— Ты не помнишь, что нам задали по репортажам?

— Нет,— сказал Стас, а Яна поморщилась: он блеял, как баран.

Она снова подняла руку и отпросилась с урока якобы в туалет.

Выйдя, вздохнула спокойно и постучалась в кабинет к директору.

Надежда Васильевна разговаривала с кем-то по телефону. Она знаком попросила Яну сесть и подождать.

— Да, да,— говорила она в трубку и довольно поглаживала себя по руке.— Мы уже обо всём договорились с ним. Через несколько дней мы ждём ваших людей, чтобы они обучили наших мальчиков съёмке на профессиональной аппаратуре. Да, у нас есть ведущие, Яна и Руслан, они прекрасно смотрятся вместе и являются нашими лучшими учениками,— Надежда Васильевна подмигнула Янке.— У нас необычное учебное заведение. Во-первых, к его рождению прямо причастен литературный журнал. Смысл обучения — воспитание читателей, а главный метод — открытие и понимание авторства, чужого и собственного. Что? Да? Ха-ха-ха, отлично сказано…

Янка взяла со стола книгу и сделала вид, что рассматривает её.

— Необычные? Может быть. Нам, честно говоря, порой кажется, что наши ученики необыкновенно, потрясающе талантливы! Но существует мнение, знаете ли, что дети, все дети вообще — особый народ, «младое незнакомое» племя гениев… просто мы, взрослые, далеко не всегда с этой гениальностью умеем сосуществовать, и она увядает и гибнет, встречая к себе равнодушное, если не враждебное, отношение. Поэтому можно считать, что наши ребята — обычные школьники. Да? Ну ждём вас!

— Итак? — спросила Надежда Васильевна, когда наконец положила трубку.

— В общем… Я была в газете.

— Прекрасно! — воскликнула директриса. Иногда Яна удивлялась, откуда у неё столько оптимизма и активности.— Давай, давай, рассказывай!

— Денег платить будут мало, они поэтому и обратились к нам, чтобы сэкономить бюджет. Но Игорь… как его… забыла! Вот голова… Он сказал, что для меня это неплохой шанс научиться работать в строгие сроки. Он подготовил договор, я попросила его себе, чтобы показать вам перед тем, как…

— Умница! — Надежда Васильевна развернула к себе бумаги, которые Яна неуклюже достала из сумки, полной записей и книг.— Ага, ага… понятно…

Прочитав, она подняла на Яну голову.

— Честно говоря, я ожидала немного другого. Я надеялась, что платить тебе будут больше. И что это будет отдельная рубрика литературная, а не обратная сторона телепрограммы…

Яна скривилась.

— Телепрограмму как раз все и читают… Я не думаю, что эти публикации сделают мне какое-то имя в литературе или журналистике. С другой стороны… надо начинать что-то делать, и я вам благодарна за предоставленную возможность,— Яна с трудом выдавила заранее заготовленную речь.

— Хорошо, подписывай, это типичный договор, я не вижу в нём никаких сложностей, кроме того, что тебе придётся писать три страницы текста к каждому понедельнику в течение года и держать весь текст на высоком уровне. И я рада, что после окончания публикаций все права на роман перейдут к тебе. Думаю, мы сможем опубликовать твою работу отдельной книгой. Главное… пиши!

Яна кивнула.

— Можно я позвоню Руслану от вас?

— Конечно, не стесняйся.

Надежда Васильевна взяла чайник и пошла в туалетную комнату.

У Руслана никто не поднял трубку. Яна ещё посидела несколько минут для приличия и до звонка с урока в кабинете директора, а потом поехала к Руслану.

Лифт не работал — пришлось подниматься до восьмого этажа по ободранной лестнице пешком, обходя курящих парней.

Яна позвонила в дверь. И долго ждала ответа.

Мама Руслана спросила, не открывая:

— Кто там?

— Яна.

— Руслан, это к тебе!

Но дверь так и не открыла. Через некоторое время вышел сам Руслан. Яна впервые увидела его в «неофициальном» виде. На нём были лишь джинсы и облегающая майка. А в Школу он всегда ходил в свитерах. Майка облегала его тренированный и накачанный торс. И почему Яна никогда этого не замечала?

Руслан был хмурый и злой. Жестом приказал не заходить в квартиру. Яна удивлённо прислонилась к грязной стене подъезда. Но ей удалось заметить в щёлку, когда Руслан прикрывал дверь, что в комнате на полу лежат осколки, вместо стекла в шкафу — тёмная пустота. Она чувствовала себя очень неуютно. Каждый раз, встречаясь с Русланом, она понимала, в какой благополучной семье живёт она сама.

— Привет. Как ты? Почему вчера пропал?

— Не важно.

— Важно, Руслан! — Яна снова посмотрела на его грудь.

— Нет, не настаивай, я потом объясню…

Он замолчал. Даже странно, обычно он так много говорил. Яна не знала, с чего начать. Его так постоянно расхваливает Надежда Васильевна. И Яна тоже знает, что Руслан очень умный. И говорит всегда странно, по-взрослому.

— Ты знаешь, я вчера ходила в газету.

— Ты пришла о газете поговорить?

Оказывается, Руслан тоже бывает злым.

— Я пришла, потому что беспокоилась о тебе! Меня сделали старостой и попросили заниматься общественной деятельностью, — Яна посмотрела себе под ноги. — Кажется, это так называется. Я убедилась, что здоров и в порядке, и сейчас уйду, не волнуйся.

— Постой… — Руслан нервничал. Он схватил Яну за руку, когда она развернулась к лестнице. — Прости…

— Ты знаешь, я так и думала, что это плохая идея была — прийти к тебе.

— Да нет, что ты. Просто у нас дома тарарам сплошной, не хочу, чтобы ты это видела.

Он всё ещё держал её руку в своей. Яна покраснела. Руки у Руслана были очень горячими. А ещё почему-то в одном месте рука была туго перевязана бинтом.

— Я хотела тебе ещё работу предложить, — сказала Яна в конце концов. — В газете редактор предложил найти художника из моих знакомых, чтобы за небольшую денежку делать иллюстрации к моему… роману, так сказать. Я, конечно, не уверена, что роман получится…

— Я согласен, — сказал Руслан.

— Ох, а я так боялась, что ты откажешься, боялась тебя об этом просить… — Янка сняла шапку и почувствовала облегчение.

— Да уж… От скромности лечиться надо…

— Знаешь, что мне однажды одна девочка когда-то сказала? Что я умру старой девой, так как я забитая… А я подумала: ну и ладно, ничего страшного…

— Идиотки с тобой учились… — буркнул Руслан, потом прислушался к чему-то в комнате. — Слушай, давай я тебе кое-какие рисунки дам, ты разберись сама, что тебе нужно, а что нет. Я в Школу ещё несколько дней не приду, скажи, что заболел, ладно?

Не дожидаясь ответа, он побежал за рисунками. Яна увидела его маму с веником в руках и его сестру Лену, тупо дёргающую одну струну на гитаре…

— В общем, держи, — сказал он, когда вернулся и плотно закрыл за собой дверь.

— Что у тебя происходит? — Яне стало его очень жаль.

— Знаешь, когда уроды пожирают наших любимых, когда уроды превращают нашу жизнь в помойную яму, почему-то мы не мстим, не превращаем их в кровавое месиво из костей и кишок. Наверное, потому, что мы хорошие?

Яна промолчала. Она не знала, что ответить.

Глава 8

Яна вернулась домой пешком и сильно замёрзла.

Мама смотрела телевизор, сидя на диване. Мама работала тренером по аэробике и ела только свежие фрукты и овощи. Она называла это сыроедением, а папа — безумием. Из-за этого они иногда ссорились. Но никогда после этого мама не ходила по комнате с веником, чтобы подмести выбитые зеркала, как у Руслана.

— Привет, мама! — крикнула Янка и пошла к себе в комнату.

Она долго пересматривала рисунки Руслана, пытаясь выбрать хоть что-то оптимистичное. Хотя требования редактора тоже были странными. Он считал, что современного романа без убийства не бывает. Яна не любила смотреть ужасы или криминал, она вообще не любила смотреть телевизор. Тем более страшилки.

Но раз редактору нужна чернуха — будет ему чернуха. И иллюстрации Руслана прекрасно к этому подойдут.

Янка подняла голову и посмотрела на компьютер. Залезла в Интернет и набрала в поисковике: «Курт».

Да, Курт Кобейн был очень похож на Диму. Или Дима похож на Курта? Курт — это Дима в будущем. В любом случае Диминой фотографии у неё нет. Поэтому Янка скачала фотографию Курта и поставила себе на рабочий стол.

На следующий день Руслан всё-таки пришёл в Школу. Он рассказал Янке в стороне ото всех, что

вчера отец пришёл пьяный домой, начал орать, что дети у него подонки, жена и того хуже. Разбил зачем-то все стёкла и зеркала в квартире. А денег на новое стекло в балконную дверь пока нет, дома холодно. Залепили скотчем и пакетами.

На перемене Яне не хотелось встречаться с Димой, она боялась его колкостей и взгляда. По широким ступеням она поднялась на третий этаж Школы. Там в самом закутке была старая дверь с плохим замком. Намучавшись, Яна вскрыла её и попала в старый спортзал. В темноте, среди стен без извёстки, на грязном полу — забытый стол для тенниса.

— Тише! Ты чего топаешь, как китайский мандарин? — раздался сзади голос Руслана.

— А ты зачем за мной ходишь? — на мгновение рассердилась Янка. — Может быть, я хотела здесь одна побыть?

Она села на теннисный стол и стала смотреть в большие окна на падающий снег.

— Давай завтра пойдём в кино? — спросил вдруг Руслан, который обнаружил в зале турник и теперь подтягивался на нём. — Пятнадцать, двадцать…

— Давай… Я как раз деньги получила авансом за первый выпуск в газете.

— Ты что, я заплачу, не думай об этом, — Руслан спрыгнул на пол. — А ты знаешь, у тебя зимой почему-то волосы становятся рыжими.

— А осенью они какого цвета были?

— Каштановые! А теперь с каким-то рыжим отливом. Ты похожа на хомячка.

— Чего? — завопила Янка и даже подскочила на столе. — Ты сам-то понял, что мне сейчас сказал?

— Это был комплимент, — засмеялся Руслан. — Покрасься хной — и станешь рыжим хомячком.

Янка откинулась назад и легла на стол.

— Меня так шум постоянный достал. На улице, в Школе, в музыкалке. Иногда даже непонятно, кто играет, — ты фальшивишь или в соседнем кабинете. Я очень ото всего к середине года устала. Очень хочу Новый год и немного волшебства. Мне не хватает волшебства в жизни. Думаю, и тебе тоже.

Руслан присел на стол рядом. И Яна слегка отодвинулась от него, чтобы не прикасаться.

— Волшебство уходит?

— Я понимаю, что мы растём и уходим из детства. Казалось, мы… ну, мы должны были из него ещё лет в двенадцать выйти, когда перестали верить в Деда Мороза. А на самом деле — только сейчас.

— Я вообще в Деда Мороза не верил. Ты просто сильно устаёшь, — произнёс странным голосом Руслан и тоже отодвинулся подальше.

— А мне кажется, я в Деда Мороза и сейчас верю, — настойчиво повторила Янка. — Мне иногда кажется, что я всё делаю в своей жизни неправильно. Например, что я должна быть в какой-то момент совсем не там, где я нахожусь, и я сделала неправильный выбор. Это же так сложно — сделать правильный выбор. Как в каком-то дурацком Катькином фильме.

— А мне кажется, что ты не знаешь себе цену, — сказал Руслан.

От него сильно пахло мужским телом и мускатом, от которого у Яны кружилась голова.

— Недостаточно знать себе цену, надо ещё пользоваться спросом, Руслан, — сказала Яна и тут же пожалела об этом.

Вдруг он воспримет это на свой счёт? Янка соскочила со стола и пошла к двери.

— Вот я вроде такая начитанная. Я в восемь лет перечитала все книжки по психологии, которые лежали у мамы. В девять я интересовалась тем, какие у подростков бывают проблемы и как с этим бороться. А теперь у меня в голове столько разных умных мыслей. Но к моей жизни применить я никак их не могу. Я даже ответить на вопрос о том, что мне нравится, не могу. Жёлтая кофта или зелёная? И я стою в ступоре.

— Так что это за газета и что за роман? — перебил её Руслан.

Янка посмотрела на него с благодарностью.

— Газетка! Маленькая и с крохотным тиражом. Только не смейся, редактор хочет, чтобы я написала роман про девушек. Они закончили школу, вступают во взрослую жизнь. Не знаю, хорошо ли получится, придётся писать быстро, к каждому номеру. Я ещё не придумала героинь. Только одну. Она будет слишком религиозна и этим испортит себе и своему близкому жизнь… Ты веришь в Бога, Руслан?

— Нет. Но мне интересно Библию читать. И научные работы о религии. А ещё я вчера Борхеса купил. А в планах — Маркес, Джойс, о психологии самоубийств.

— Тогда понятно, почему Надежда Васильевна считает тебя самым умным в классе, — Яна осторожно посмотрела на реакцию Руслана на явную лесть. — Только сильно это всё не воспринимай на свой счёт, так и с ума сойти можно.

Она замолчала. Но заметила, как Руслан гордо выпрямился. Значит, мальчики любят, чтобы их хвалили. Он даже повеселел, сидел на столе и болтал ногами.

— А мне всегда кажется, что мне уже около тридцати лет, а не шестнадцать.

Руслан молчал и что-то обдумывал.

Яна решила уйти.

— Жаль, что сквозь эти стёкла снег плохо виден. Мне пора. Спасибо, что составил компанию.

Руслан вскочил вдруг на стол, взмахнул рукой, как Маяковский, и громко произнёс:

— Ты шла рядом и глядела в одну со мной точку за полыхающим от стыда горизонтом. В глухой пучине неба тонуло изумлённое солнце. А мы шли, ослеплённые светом его. Шли к нему и простирали руки в благодарности.

В кабинете около самого чайного стола, у которого все снова сидели и ели печенье, Янка оглянулась назад. Иногда Руслан пугал её своими выходками.
— Яна, иди к нам,— Катя радостно подвинула к себе ещё один стул.— Ты куда пропала?

Яна поспешно села к стене. Аня что-то говорила о Новом годе. Они с Катькой предлагали всем сделать открытый творческий вечер для родителей.
— Давайте напишем сценку какую-нибудь смешную! И Яна нам что-нибудь сыграет на фортепиано,— возбуждённо говорила Ира.— Она же вроде умеет что-то играть на фортепиано! Да, Яна?

Яна вяло улыбнулась. Она опять вспомнила о новогодней настенной газете и Руслане.
— Нет, вы меня послушайте!— громко проговорила Катя прямо Янке в ухо.— У меня есть сценарий, давайте я вам раздам роли. Вот, например, нам нужен главный герой всего этого безумия, давайте им будет… им будет…

В эту секунду в комнату вошёл хмурый Руслан.
— Руслан будет главным героем!— Катя подлетела к нему и пожала руку.— Всё, выбран единогласно!

Янка взглянула на Диму. Он сидел в стороне ото всех и слушал что-то в наушниках. На вопли Кати он даже поднял взгляд от своих ботинок и тоже посмотрел на Янку. Хмыкнул.

Яна тоже сделала вид, что ей очень интересно обсуждать праздник со Стасом, который разомлел от такого количества внимания с её стороны.

Весь вечер они наряжали кабинеты праздничной мишурой, Яна с Катькой крутились вокруг ёлки и развешивали игрушки. Надежда Васильевна разговаривала с преподавателем по истории журналистики и иногда протирала с полок пыль.
— …от Державина и Пушкина до поэзии Серебряного века, а также и «свинцового века»!
— Да, как же в Сибири не вспомнить о блистательных, малоизвестных, растоптанных Красным колесом поэтах?— поддакивала преподавательница.
— Мы вслушиваемся в музыку стиха,— продолжала вдохновенно вещать Надежда Васильевна,— разбираем композиционный строй прозы и драмы, пишем хитроумные диалоги, посвящённые современной школьной жизни, сочиняем— для веселья— всем классом буриме и акростихи… Разве это не прекрасно?

Стас, Дима и Руслан ушли в дальний класс и ставили поочерёдно там какую-то тяжёлую музыку.

Янка поглядывала в их сторону, но подойти не решалась. Катя аккуратно накидывала дождик на ёлку.
— Смотри, как красиво…— прошептала она.— Мне кажется, что в этом году произойдёт что-то особенное.
— Да, нам всем исполнится шестнадцать,— Янка обняла подругу и положила ей голову на плечо.— Хочу волшебства…
— Тогда наколдуй его себе,— сказала весело Катя и крикнула:— Эй, все, идите к ёлке! Нужен общественный совет по поводу праздника, пока вы не разошлись по домам!

Одноклассники стали лениво подходить к ёлке. Дима тоже вышел наружу, а из того класса, который они наряжали, слышались слова: «Мою песню услышат тысячи глаз, моё фото раскупят сотни рук… А не спеть ли мне песню о любви».

Яна медленно подошла к Диме сзади. Он был так близко, что можно было коснуться его рубашки в клеточку. Светлые локоны сбились на голове. Она закрыла глаза, прикусила слегка язык и зашептала слова, которым когда-то её научила бабушка:
— Сама себя кусаю, раба Диму к себе приделываю. Чтоб Дима скучал, от тоски отдыха не знал ни днём светлым, ни ночью тёмной. Всё чтоб обо мне мыслил. Я стою перед Тобой. Создал Ты солнце, звёзды, человека, дал ему тень на каждый день. Создал Ты море, землю, дом и дал мне сень, фигуру, тень. Прошу её, приказ даю: исполни просьбу ты мою!

Потом подумала и добавила:
— Аминь.

В ту же секунду Дима обернулся, и она натолкнулась на его грудь.
— Прости…— прошептала Яна и отбежала в сторону.

Янка не хотела участвовать в постановке. Она прочитала Катин сценарий и фыркнула. Слишком много пафоса и красивых цитат, которые будут непонятны всем, кроме самого автора, то есть Кати.

Катька любила всё многозначное. А Яне хотелось простоты. Поэтому она взяла всего одну фразу в конце спектакля.

Она сидела в своей немного потеплевшей квартире, а на столе валялись листики с различными записями, размножавшиеся на глазах. Яна всё никак не могла начать писать первую главу. Всего-то на страничку. Зачин. Что-то такое, отчего люди захотят читать этот текст дальше. Будут читать именно роман, а не программу.

Янка тоскливо водила ручкой по листику. Она даже начала делать зарисовки со своих подруг. Пересматривала детские фотографии. В конце концов легла на стол и застонала.

Мама зашла в комнату и спросила:
— Ты чего воешь?

Яна простонала ещё раз.
— Тебя обнять или молча выйти?

Яна застонала сильнее, призывая маму к вниманию. Мама намёк поняла, подошла и поцеловала дочку в затылок.

Янка нащупала на столе один из листков и так же без слов, подвывая, не глядя, подняла его маме, чуть не ткнув им в нос.

Мама бумажку взяла и вслух прочитала:

— «Три девочки лет шести сидели за столиком на балконе и вежливо ждали, пока тётя Лена, мама одной из них, накроет на стол и уйдёт. Мама уже начинала чувствовать себя лишней и наконец потрепала дочку по щеке и вышла. „У меня мама — прелесть“, — сказала одна из девочек». И что я должна тебе сказать?
— Это можно вообще читать? Можно *так* начинать роман? Мама, это *роман*! Я должна его писать весь год.
— Но ты же справишься?
— А ты сомневаешься?
— Но ты же сама попросила отдать тебя в литературный класс.

Янка промычала что-то и подняла голову со стола. В щёлочку между геранью и занавеской она видела очень замёрзшую улицу и соседа, пытающегося попасть в подъезд под жуткими порывами грязно-снежного ветра.

Яна забрала у матери один листик, потрогала остальные записки на столе и протянула обратно вырванный из тетради лист. Мама покорно прочитала и это.
— «На веранде пахло чем-то сладковатым, по-летнему душен был сиреневый закат, отражающийся на всём. Деревья обступали небольшую дачу, где занимались своими делами несколько моложавых, не потерявших свою гордую уверенность и красоту женщин. Одна, в красном халате с тёмными цветами, морщилась перед маленьким зеркальцем, производя ежедневное священнодействие — выщипывание бровей. „Девчонки, вы не представляете, как мне не хочется мыть эту дурацкую посуду. Когда дети справляют — нас не существует. Зато после… Родительский комитет! Звучит-то как. Не улавливаете связи в созвучии со словом «кандидат»? Нет? Очень зря. Он стремится к миллионам, а мы — к безвестной смерти. Или это у меня до сих пор шок после выборов? Лен, ты скоро с пирогом закончишь, а то мы проголодались?“» Это продолжение?
— Я не знаю, — хныкнула Янка.

Она прижалась к маминому тёплому плечу и замерла. Лежать бы так всегда и ни о чём не думать. Только чувствовать, как мамины длинные волосы щекочут щёку, а рука гладит спину. Мама начала медленно раскачиваться из сторону в сторону, обнимая дочку, как в детстве. Потом тихо запела любимую Янкину колыбельную.

Праздник поставили за несколько дней до её академического концерта, и Яна нервничала. Девочки нарядились как могли. Катя была в простом и сером облегающем платьице, Аня — в длинной чёрной юбке и кофточке с вырезом. Яна долго стояла у своего шкафа и перебирала вещи. Наконец пришла мама, отобрала у неё джинсы и дала короткое и очень простое чёрное платье. Она же подобрала ей почти невидимые бусы и даже разрешила накрасить глаза темнее, чем обычно.

Дима с Русланом, как всегда, пришли в джинсах и обычных рубашках. Они стояли отдельно и усмехались, разглядывая девчонок из их класса. И когда Руслан превратился в такого сноба?

Надежда Васильевна долго говорила что-то со сцены. Но Яна ничего не слышала и не понимала. Она теребила край своего платья и поглядывала в сторону Димы. А тот сидел, откинувшись на своём любимом кресле, и смотрел в потолок.
— А откроет наш сегодняшний вечер наша Яна Ларионова с джазовой композицией «Звёзды на небе». Музыка Бориса Борисова. Слова Елизаветы Дитерихс.

Как во сне Яна услышала аплодисменты и поняла, что идёт к фортепиано, которое специально вытащили из маленького класса в зал. Она закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула. Не помогло. Она видела, что её руки дрожат от волнения, а ноги стали ватными.

«Да что же это такое? — в ужасе думала она и пыталась сосредоточиться на клавишах. — Это даже не международный конкурс, это обычный концерт для „своих“. Успокойся… Тихо… Ты справишься, ты справишься, ты — лучшая в музыкальной школе…»

В зале кто-то покашлял, Яна посмотрела в ужасе на толпу и встретилась с Диминым взглядом. Он смотрел на неё без обычного ехидства, а скорее с какой-то надеждой. И от его взгляда все волнения и тревоги тут же ушли. Яна благодарно улыбнулась ему и склонилась над фортепиано.

Старалась отключить мозг, не думать о нотах и бегающих пальцах. Главное — не зациклиться на том, что она может сбиться или забыть, куда ставить палец в следующую секунду. Просто отключить мозг и смотреть на себя будто со стороны.

Вдруг чья-то мама начала подпевать красивым тихим голосом:

> Тени ночные плывут на просторе,
> Счастье и радость разлиты кругом.
> Звёзды на небе, звёзды на море,
> Звёзды и в сердце моём.

Даже Яна не знала этих слов.

Аплодисменты.

Яна встала, слегка поклонилась гостям и вернулась на свой стул у стены. Катя ободряюще толкнула её плечом. У неё было очень хорошее настроение. А Яна чувствовала, как краска спадает с её лица и способность соображать возвращается к ней.

Она снова посмотрела на Диму. Он тоже задумчиво бросал на неё взгляды и прикусывал губу.

Объявили спектакль, весь класс дружно поднялся. Кто-то один выходил в середину и что-то декламировал, но Яна облокотилась о подоконник и увидела, что Дима стоит рядом.

— Привет,—сказал он, и Яна почувствовала, что ей тяжело дышать.—Хорошо сыграла. Мне понравилось.
— Спасибо,—сказала она хриплым голосом и откашлялась.

Оглянулась вокруг, надеясь, что никто не заметил её смущения. А у Димы на его красивом лице не было ничего написано. Он стоял как каменный, со строгим выражением лица.
— Я тут…—Дима замешкался и вытащил из-за спины свёрток.—Я решил на Новый год подарить тебе это.
— Это?—улыбнулась Янка и протянула руку за подарком.

Робко коснулась кончиками пальцев его руки. Дима вздрогнул. Янка отдёрнула руку и посмотрела на свёрток.
— По форме напоминает толстый диск.
— Да, это подарочный комплект альбомов «Нирваны». Думаю, что ты так и не послушаешь их, но всё-таки это ценный подарок для многих коллекционеров, я в Америке купил, когда мы туда ездили с сестрой. Не понравится—продашь в Интернете и купишь себе что-нибудь из Шостаковича.
— С ума сошёл,—Яна низко опустила голову, чтобы Дима не увидел её реакции.—Прости, у меня как-то… ничего для тебя нет…
— Так и Новый год ещё не наступил,—таинственным голосом сказал Дима.

Яна посмотрела в зал и поняла, что никто не замечает их разговора у подоконника. Вот так всегда: это самый лучший момент в её жизни—и никто этого не видит. Потому и останутся Димин запах одеколона, снег за окном и аккуратно запечатанный свёрток в её руках только между ними. Между ними…
— Янка, эй, тс, иди сюда!

Это была неугомонная Катя. Она махала рукой, призывая выйти Яну к остальным участником короткого спектакля. Яна вышла на середину, вцепившись обеими руками в подарок. Странно, но Дима шёл за нею.

Оказалось, что её слова были сразу после его слов. И тут она поняла, что происходит и кому она будет говорить этот странный текст, который автоматически заучила накануне.
— Ты—моя муза, мой танец, любовь…—произнесла она дрожащим голосом последние строки своего стихотворения, обращаясь к Диме.

Он улыбался ей одними только кончиками губ. А потом они отступили назад, в толпу, и хором сказали три раза:
— Открылась бездна, звезд полна. Звездам числа нет, бездне—дна.

Яна почувствовала, как от всех этих голосов у неё побежали мурашки по коже.

Дима стоял так близко, что они касались плечами друг друга. Яна опустила вниз руки, которые до этого держали на уровне груди подарок, и Дима пальцами тронул её раскрытую ладонь. От этого прикосновения Яна чуть не упала в обморок. Она и не думала, что бывает так приятно.

Дима нежно трогал её пальцы, один за другим, а Янка сжимала всё сильнее и сильнее подарок. Она уже обожала Курта Кобейна и его дурацкую группу, которая совсем не умела играть. И тут Дима взял её за руку, и Яна поняла, что счастье наполняет её всю. До самой макушки. Она хотела бы, чтобы этот момент продолжался вечно.

Но гости захлопали, Янке пришлось поклониться вместе со всеми. Рядом улыбалась Катя, Аня делала странные реверансы, а Дима отпустил её руку и тоже снисходительно похлопал за компанию.

После этого к Яне подошёл её редактор из газеты и стал расспрашивать о сроках сдачи следующей главы. Потом протянул ей несколько экземпляров газеты с её первой публикацией в настоящей периодике. Он что-то говорил об откликах читателей, об иллюстрациях, а Яна оглядывалась по сторонам. Дима испарился.

Глава 9

Им объявили о начале экзаменов в четверг. Должна была прийти какая-то комиссия, чтобы проверить знания учеников экспериментального класса. А у Яны из головы не уходили Новый год и Дима. Она сидела дома за столом и смотрела, как возвышаются в её комнате груды книг. Они уже загородили половину монитора. Русская классика собирала пыль на полочке для косметики, учебники Белошапковой, Панова и Горшкова с укором выглядывали из-под подушки. Янка уже третий день спала на них. Так, на всякий случай. Катька говорила, что иногда это помогает.

Наступил очередной вечер после репетиции в музыкальной школе и общения в редакции по поводу каких-то неподходящих для газеты сюжетных линий в романе.

Янка села за стол, отодвинув грязную посуду на подоконник. Принюхалась. Из маленькой белой кастрюли чем-то кисло пахло. Яна распахнула форточку и выставила кастрюлю на улицу. Туда, где весной в кормушке обитали воробьи. Мама третий день была на стажировке в другом городе. Там проходил международный слёт по аэробике. А папе было некогда заниматься Янкиной комнатой. По утрам он варил суп из макарон и молока. Получалось очень вкусно.

Папа слипшимися глазами смотрел на кружку с кофе и уходил на работу.

Морфология… Их активно готовили к поступлению в вузы, хотя до этого момента было ещё очень далеко.

Современный русский язык и морфология. От этих двух слов среди прочих вопросов тоже несло чем-то кислым, как и от кастрюли из-под

макарон и молока. Яна вдохнула этот запах поглубже и откинулась на стуле. Что же она помнила из курса морфологии?.. Яна взяла сотовый телефон и набрала сообщение Диме. Включила и выключила настольную лампу. Подошла к компьютеру и проверила почту во «вконтакте». Никто, кроме Руслана и Кати, ей не писал. Смахнула пыль с книг. И снова откинулась на стуле.

Да... Это было почти месяц назад. Сразу после праздника и Диминого подарка. К ним привели на замену заболевшей Лидии Павловны странного преподавателя по фамилии Ким. Янка провела почти три вечера в краевой библиотеке, конспектируя очередную монографию по истории зарубежной литературы. За полчаса до закрытия библиотеки она и другие «ботаники» их класса собирались в подземном кафе библиотеки и молча пили дешёвое кофе, от которого потом весь вечер болел живот.

Так что же тогда произошло?.. Ах да...

За несколько дней до Нового года преподаватели иностранных языков решили устроить очередной новогодний праздник для школьников. Пан Томаш разучивал польские сказки с параллельным, нормальным, классом, Хосе запирался с девятым «А» по вечерам в кабинете и пел испанские песни. Стас должен был изображать новогоднюю ёлочку и искал по знакомым зелёные штаны. Янкина же группа английского языка, чувствуя свою ущербность, согласилась на разучивание стихотворения «Дом, который построил Джек». Они встретились на третьем этаже Школы для того, чтобы отпраздновать зачем-то католическое Рождество.

Ким, их преподаватель морфологии, тоже был там. Он с немецкой группой отплясывал какой-то баварский танец с бокалом пива.

К вечеру Янке стало хуже. Мама с папой ушли спать, а Янка в каком-то бреду залезла в ванну и пролежала в ней около двух часов... Мама проснулась от её крика и своими глазами убедилась, что на её дочери растут настоящие волдыри. Так, в пятнадцать лет, прямо под Новый год, Янка заболела ветрянкой. И на следующий день, когда она так хотела увидеть Диму, она не пошла в Школу. От неё заразились двоюродная сестра, Катька, ещё две подруги со старой школы и друзья их друзей.

Яну срочно перевезли к бабушке на другой конец города и закрыли в комнате. Бабушка долго кричала, что все хотят её смерти, что она не помнит, болела ли ветрянкой в детстве, а в шестьдесят лет эта гадость прилипает лучше, чем в пятнадцать. Но бабушку никто не слушал.

Но и там по пути на второй этаж Яна успела заразить соседскую девочку, которая когда-то каталась на лыжах с президентом и до сих пор гордилась этим.

Новогодние каникулы Яна провела одна. Ну, почти одна... Приехал Дима, и пока она стояла перед зеркалом, он раскрашивал её зелёнкой. Руки и лицо. Макал в зелёнку ушные палочки и затем аккуратно водил по Янкиной коже, отчего она дрожала. Они почти не говорили. Янка очень стеснялась своего зелёного вида и волдырей, говорила, что она уродина. А Дима молча улыбался и рисовал на её руках ёлочные игрушки.

Яна подарила ему на Новый год большую игрушку серой мыши с сердечком. Перед этим она полила её духами и одеколоном, надеясь, что это поможет Диме или его сестре не заразиться ветрянкой.

Все каникулы Янка провалялась в кровати. Два раза звонил Руслан и хотел приехать. По его тону Яна поняла, что Дима ему ничего не рассказал. Наверное, это хорошо, потому что она боялась, что Руслан психанёт и перестанет рисовать для романа картинки. И придётся искать другого художника. Да и не хотела она с ним ссориться. Из-за чего ссориться-то? Они просто хорошие друзья.

Всё тело болело и ныло. Вода в ванне сделала своё злое дело и разнесла инфекцию даже в самые труднодоступные места. Яна не спала, потому что волдыри подсыхали и чесались на спине. Яна не учила морфологию и классику девятнадцатого века, потому что из-за волдырей с трудом могла открыть глаза. Единственной её радостью было то, что снова и снова приходил Дима и рисовал на ней ёлочные ветви. А потом по вечерам бабушка подрисовывала ёлочные игрушки. Яна стояла и сдерживалась, чтобы не застонать от наслаждения. Всё тело чесалось. А чесаться было нельзя.

Почему-то в Школе, особенно на общеобразовательных предметах, уже в январе, никто не поверил тому, что Янка так сильно болела ветрянкой. Преподаватели, которые всегда относились к ней дружелюбно и даже с какой-то нежностью, теперь отсылали её на пересдачи. И Яна сдала. Восемь контрольных работ и три экзамена за четыре дня, нахватав первые в своей жизни тройки. Морфологию Яна сдавала в последний день. Почему-то директор Школы наговорил грубостей Надежде Васильевне и заявил, что если Янка не сдаст всё вовремя, её отчислят из литературного класса и ей придётся ходить в нормальную школу. Яна ничего не понимала. Почему люди в один момент стали так агрессивно к ней относиться?

Она сидела за столом, перелистывала конспекты и с тоской думала о том, что же она помнит из морфологии.

Целый месяц Ким читал им лекции по морфологии. Невысокого роста, скромный, кореец, выходя к доске, становился поэтом и ораторствующим философом. Он рисовал какие-то странные схемы, соединяя морфологию со строением Вселенной, он видел в морфологии то, что им, обычным школьникам, не проучившимся по этой особой программе и половины года, было невозможно

понять. Ким преподавал в университете, а в Школу его пригласили только для того, чтобы придать высокий статус их обучению.

Яна слушала его с открытым ртом, ничего не понимая, а ряды за нею стремительно редели. Даже Дима прогулял несколько занятий. К злосчастному декабрю со злосчастным иностранным праздником, где Янка подхватила ветрянку, их в аудитории осталось человек шесть. Шесть влюблённых в Кима девочек. Особенно его любила Катька. Наверное, за то, что Ким был похож на героев из её артхауса. Она тоже ничего не понимала, но сама причастность к Киму поднимала её в собственных глазах. Руслан и Дима под разными предлогами убегали на улицу, Стас постоянно в этот день отпрашивался к зубному врачу. Одна Катя решила издать лекции Кима, как когда-то студенты какого-то языковеда Фердинанда де Соссюра издали его лекции. А иначе от него ничего бы и не осталось в науке.

Соссюр… Смешная фамилия!

Тринадцатого января Яна подошла к Киму и робко спросила, можно ли ей завтра сдать экзамен по морфологии. Он, очевидно, не узнал свою ученицу с первой парты сквозь остатки зелёнки на лице, выдал список из пятидесяти вопросов и добавил:

— Вам ещё нужно было к экзамену сдать семь работ с морфологическими разборами. Надеюсь, они у вас есть.

Семь работ по морфологии никак не вязались с тем романтическим «предзелёночным» образом Кима, который грел Янке душу. Она села напротив учительского кабинета на пол и поняла, что ляжет ночевать прямо здесь.

К ней подошёл Дима. Он присел рядом, откинув назад чёлку, и посмотрел Янке в лицо.

— Дима, это ужасно,— прошептала Яна.— Разве так можно поступать с людьми? Я училась больше всех — и вот. Из-за ветрянки и только из-за того, что я не смогла сдать вовремя и вместе со всеми эти несчастные экзамены, которые по большому счёту нужны только для отчётности, я превратилась в тупого изгоя.

Яна хныкнула. Дима положил руку ей на плечи и приобнял.

— Не убирай руки…— тихо произнесла Яна и замерла. Дима легко погладил её шею тонкими пальцами.— Почему твоей страницы нет во «вконтакте»?

Дима пожал плечами и усмехнулся:

— Не люблю социальные сети. Без Интернета появляется так много свободного времени!

Дима прижал её к себе сильнее, и Яна переложила голову ему на плечо.

— А на что тебе свободное время?— пробормотала Яна и вдохнула поглубже его запах.

Дима пах совершенно по-особенному. Смесь лаванды, мужского одеколона и сигарет. Яна не любила запах табака и всегда от него чихала. Но даже этот запах, исходя от Диминой рубашки, был ей приятен.

— Чем ты занимаешься в свободное от учёбы время?

— Играю в группе.

Яна уже поняла, что Дима не любит говорить о себе.

— В какой группе? Ты не думай, что я отстану,— усмехнулась она.— Я должна узнать про тебя побольше.

— Побольше?— удивился Дима.— Зачем? Во мне нет ничего необычного.

«В тебе всё необычно»,— подумала Яна, но ничего вслух не произнесла.

— А время мне нужно хотя бы для того, чтобы помочь тебе не вылететь отсюда.

Яна приподняла подбородок и посмотрела на него. Прямо перед глазами свисали его волосы, прикрывающие ухо. Самое красивое ухо на свете. С маленькой серёжкой. Яна слегка подула туда, и Дима фыркнул.

— Не знаю, согласишься ли ты на моё предложение, но мы можем поехать ко мне, ты выспишься, а я постараюсь сделать тебе эти контрольные работы, о которых Ким так громко кричал из-за двери.

Яна покачала головой, хотя очень хотела посмотреть, где он живёт:

— Меня мама не отпустит.

Дима удивлённо посмотрел на неё:

— Ты же говорила, что она уехала в другой город.

— Точно…— Яна улыбнулась.— Хорошо, скажу папе, что пойду к Кате…

— Он не позвонит?— спросил Дима.

— Не позвонит, он слишком уставший после работы. А я после восьми зачётов и трёх экзаменов, сданных за три дня, не способна думать и разговаривать.

Дима взял её лицо за подбородок и поцеловал в нос.

Почему-то они поехали не к нему домой, а к его бабушке. Её дом находился на краю города между двумя пустырями и около леса. Зимняя пурга билась в одинокий дом, мечтая снести его и виться по полям в одиночестве.

В бабушкиной квартире у Димы была собственная комната. Яна задумчиво ходила вдоль книжных полок, на которых стояли новые Димины приобретения — полные собрания сочинений зарубежных классиков двадцатого века, Ницше, Гессе, Кропоткин, Декарт, Лао Цзы, Чанышев, Сенека и Фромм.

«Кто такой Фромм?» — подумала Яна, хотя о существовании других имён она тоже слышала немного.

Дима крикнул с кухни:

— Ты какой чай любишь?

— Только не смейся! Зелёный с молоком.

В дверном проёме показалось удивлённое Димино лицо. Яна чувствовала себя совершенно опустошённой. У неё не было даже сил, чтобы порадоваться тому, что она увидела одну часть жизни Димки. Она присела на диван и в следующий момент уже спала. Около трёх ночи Дима её разбудил, дал какую-то пижаму, на что Яна пробормотала что-то нечленораздельное. Она машинально сходила с пижамой в туалет, переоделась и вернулась обратно. Димка укутал её одеялом, а сам снова сел за компьютер. Янка только успела подумать о том, что в этой квартире намного теплее, чем у неё.

Проснулась Яна от сильного толчка. Кто-то над её головой громко произнёс:

— Шлюха!

Яна открыла глаза. Димка спал рядом, одетый. Его голова лежала у Янки на груди, а руки он сложил, как ангелочек, под щёку.

Перед кроватью стояла какая-то пожилая женщина с трясущейся нижней губой.

— Здравствуйте,— сказала Яна.

Наверное, это и была Димкина бабушка, которая должна была ночевать у своей второй дочери.

— Встать,— прошипела женщина.

Яна нехотя вылезла из-под одеяла.

— Шлюха в моей пижаме!— вдруг вскрикнула женщина, потом зачем-то подняла с пола какие-то вещи Димы и швырнула их в Яну.— Убирайся!

Димка тоже проснулся. Бабушка быстро вышла из комнаты, окинув внука презрительным взглядом. Яна стояла посреди комнаты в пижаме с розовыми рюшечками.

— Какая ты прикольная в бабушкиной пижаме,— сказал Дима и улыбнулся.— Твои работы на столе. Ты опоздаешь. Тебя проводить?

Яна посмотрела на его сонное лицо, по которому было видно, что спать он лёг только под утро, и помотала головой.

— На бабушку не обращай внимания. В целом она хорошая.

Яна кивнула, посмотрела на часы и поняла, что на обиды просто нет времени. Через несколько минут она уже бежала по морозной улице к остановке. В двенадцать дня все пересдачи в Школе заканчивались, и она могла просто не успеть увидеть Кима, который поедет на занятия к себе в университет.

В холодном автобусе она развернула пакет Димы и увидела там семь идеально выполненных работ по морфологическому разбору каких-то слов. Сразу вспомнила Димкину утреннюю улыбку и тоже улыбнулась пробивающемуся сквозь толстую наледь окна солнцу.

Пробка начиналась от микрорайона Северный и тянулась до самого центра. Казалось, стоит весь город. Люди начали возмущаться, кто-то выходил и шёл пешком. Яна спросила кондуктора, почему они стоят уже полчаса. Та проворчала:

— Кто-то из Москвы припёрся… Ещё часа два стоять будем, пока он не проедет из аэропорта.

Янка выскочила из автобуса и побежала.

Наверное, не важно, как быстро она бежала через весь центр города к Школе и к родной пристройке на первом этаже, которую студенты называли «аппендиксом». Янка впервые заметила, что их Школа длинная, серая и похожа на кишку. Вдоль забора к дырке напротив входа в их класс, последние метры, бежать было тяжелее всего.

Янка ввалилась в учительскую к Киму, когда тот уже надевал шапку. Ким холодно смотрел на неё сквозь узкие щёлки своих глаз, потом сел за стол и протянул руку. Яна не поняла.

— Работы. Дайте ваши работы.

— Конечно, конечно,— забормотала она.

И вдруг поняла, нет, даже не так, морозом, поднимающимся от низа живота, почувствовала, что у неё с собой пакета с работами нет.

— Конечно, конечно,— снова сказала Янка.

И отупела. В какой-то темноте перед нею прыгал Ким с немцами и баварским пивом, крутилась новогодняя мишура, улыбался Дима, и что-то злобно шипела кондукторша. Автобус с работами остался на другом конце города.

Из расступившейся темноты клочками проступало лицо Кима. То глаз, то впалые щёки, то подбородок.

— Может быть, я становлюсь старым и романтичным…— сказал Ким, рисуя что-то в своём журнале.— Встретимся в новом учебном году. Вы хорошо изобразили безрогую корову на празднике. Очень драматично.

И снова надел шапку.

А это корова безрогая,
Лягнувшая старого пса без хвоста.
Который за шиворот треплет кота.
Который пугает и ловит синицу,
Которая ловко ворует пшеницу,
Которая в тёмном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Яна открыла кисло пахнувший учебник по современному русскому языку, полистала оглавление и вспомнила Димину бабушку, с которой ей предстояло познакомиться ещё раз на дне рождения Диминой сестры. И прочитала от Димы сообщение: «На что сдала морфологию?» И смайлик.

Глава 10

Катька радостно прыгала рядом и показывала Янке диски с новыми фильмами, который Руслан помог скачать ей с торрента. Катя не разбиралась в компьютерах. Яна слушала подругу и рисовала что-то в тетрадке. Получались только огромные

глаза, свисающая на них чёлка и строгие правильные брови. Руслан хмуро посматривал на неё со своей парты.

Всё опять пошло своим чередом. Дни тянулись бесконечно, наполненные огромным количеством работы. Начались занятия, Яне дали новую программу в музыкальной школе. В газете уже вышли четыре главы романа. Надежда Васильевна гордо выкладывала на сайте Школы отсканированные страницы газеты. Яна с ужасом ждала разгромной критики, но её не последовало. Янка так и не поняла, хорошо она пишет или ей всё прощается из-за её возраста.

В любом случае приближался страшный день первого выпуска телевизионного шоу для подростков. Казалось, Руслану всё даётся очень легко. Он выдавал идеи так, будто они просто высыпались из его головы.

На музыку совсем не оставалось времени. По вечерам, когда приходил отец, Янка совсем не хотела расстраивать его ещё и своей плохой игрой. Её музыкальный талант, о котором все так много и часто говорили в музыкальной школе, стал испаряться. Нужно было усердно работать. Усерднее, чем обычно. Но не могла же Яна бросить музыку? Не могла. Семь лет учёбы собаке под хвост.

После уроков ей нужно было бежать домой, чтобы успеть хоть что-то.

Но они с Димой брели до автобусной остановки, и Яна чувствовала, что он держит её за руку, и улыбалась, спрятавшись в большой вязаный шарф.

Иногда с ними увязывался обиженный Руслан. За Русланом всегда следовала как тень ещё более обиженная Катька. И тогда они разбивались по парам. Впереди шли мальчики, а сзади Катя с Янкой.

Однажды Катя не выдержала и спросила:

— Тебе нравится Руслан?

— Нет! — мгновенно откликнулась Яна. — Ну… то есть он мой лучший друг. Как и ты. Но… Он тяжёлый такой, с ним весело, но очень сложно…

— Да? Мне так не кажется, — грустно ответила подруга. — Я вчера попросила его принести мне книгу почитать. Он принёс Пастернака. А я Пастернака наизусть знаю, но я всё равно была рада. Он меня совсем не замечает.

— Неправда… — ответила Яна, чтобы успокоить Катьку, но она знала, что Катя говорила всё верно.

— Поначалу мне казалось, что здесь всё будет по-другому, знаешь… — Катя вздохнула и посмотрела на спины их спутников. — Я так завидую тебе, как ты радуешься нашему классу и всему, что здесь происходит. Ты такая оптимистичная. Не замечаешь ничего вокруг. А я не умею так искренне веселиться. Я во всём вижу дно… Однажды учительница в моей прошлой школе задала тему для сочинения. Я написала. А учительница мне потом говорит: «Что-то мудрёно… не надо выкаблучиваться… Пиши как надо». И я написала «как надо» и получила пятёрку. Но мне стало скучно в школе. И мне казалось, что у нас в классе такое просто невозможно. Мы можем говорить о чём угодно, читать любые книги и рассуждать о них. Казалось, что мы как мафия. Или как заговорщики. Правда?

— А разве это не так? — спросила Янка.

Она понимала, почему у Руслана и Кати никогда ничего не получится. Они оба — пессимисты. И видят только грязное дно. А Янка пытается увидеть на дне сияющие монетки.

— Как вчера Руслан сказал о наших бывших школах? Наше прокисшее прошлое?

— Помнишь, как из рук твоих горячих томик Пастернака я брала?..

Янка покосилась на подругу:

— Ты начала стихи писать?

Катя молча покачала головой.

— Смотри, какие снежинки становятся толстые, — рассмеялась Янка. — В декабре они такие тонкие-тонкие. А к весне становятся всё пухлее. Правда?

На замёрзшей остановке около Школы они стояли дольше обычного. Наконец девчонки разъехались по домам. Катя залезла в автобус с Русланом. На улице было очень темно, и Янка любовалась новогодними украшениями в окнах домов. В их городе не принято было снимать их до середины февраля. Зима всегда стояла длинная и холодная.

Димка дул на красные Янкины ладошки, и на них оставался его запах. Этот запах казался Янке волшебным.

— Я хочу послушать, как ты поёшь, — прошептала Яна, и Дима обнял её крепче.

— Ещё услышишь, — сказал он, потом ловко столкнулся с ней носами, потёрся щекотно о её ухо только появившимися усами и поцеловал в губы.

Яна замерла. Она долго думала, что ей нужно будет делать, когда она впервые в жизни поцелуется. Но Дима осторожно касался её губ, и Яна почувствовала, что всё будет в порядке. Она закинула ему руки на шею и провела пальцами по замёрзшей щеке.

Казалось, они стояли так, прижавшись друг к другу, целую вечность.

— Тебе точно нужно домой? — спросил её шёпотом Дима.

— Ещё много времени… — ответила Яна и коснулась губами его волос, выбившихся из-под шапки.

Надо было ехать домой и делать уроки. Надо было писать новую главу в газету. Садиться за фортепиано.

Подошёл автобус, Дима оглянулся и потянул Яну к толпе жаждущих уехать по домам. И Янка покорно пошла за ним.

Дима жил на высоком холме в частном доме. К его дому вела длинная дорога вверх. Сначала они шли, прикрываясь от ветра, которого здесь,

на холме, было больше, чем на остановке, вдоль длинного серого забора. Здесь строился новый многоэтажный дом. Затем дорога вела мимо частных домов и коттеджей. Яна держалась за Димину руку и почему-то очень боялась её отпустить. Казалось, что это волшебство может растаять, а Дима—испариться в морозном воздухе.

Дом стоял посреди участка, окружённый невысоким забором. Это был большой деревянный дом, который когда-то поделили между тремя семьями.

Дима постучался, а потом толкнул дверь вовнутрь.

— У тебя кто сейчас дома?—осторожно спросила Яна.

— Сестра с мамой, наверное.

Дима казался совершенно спокойным. Он посадил Яну на табурет в тесном коридоре, присел рядом и начал помогать снимать ей зимние сапоги. Потом провёл её за руку в свою комнату.

— Дима, это ты?—послышался женский голос из соседней комнаты.

Там что-то громко говорил диктор новостей. Янка с ужасом узнала бабушкин голос и поспешила пробежать в Димкину комнату побыстрее.

— Да, баб! Мы с Яной посидим у меня, а потом я её провожу до остановки!

Через секунду в комнате появилась чья-то голова с длинными волосами, уже знакомыми Янке.

— Привет, я Маша, сестра!—девушка помахала Янке рукой и, хитро улыбнувшись, закрыла дверь.

Дима прошёл к письменному столу и сел на него. Яна присела на диван.

— Вот здесь я и живу.

Яна оглянулась и поджала под себя ноги. Все стены были завешаны плакатами. На левой стене Яна узнала Мэрилина Мэнсона, которого в Школе, наверное, уже никто не слушал. На правой—русские панк- и рок-звёзды, их Яна тоже не сильно различала друг от друга. Одинаково глупые лица. На полке около кровати стоял музыкальный центр и валялось очень много дисков. Почти все—с чёрными обложками.

— Ты тоже почти всегда в чёрном ходишь,—улыбнулась Яна и посмотрела на Диму.

Почему-то у неё дрожал голос. Она снова уткнулась в диски. Прочитала названия: «Гражданская оборона», «Чёрный Лукич», «Дорз», «Элизиум».

Дима пожал плечами и взял гитару.

— Слушай, я тебе написал песню. Ты будешь слушать?—он внимательно посмотрел на неё.—Только я стесняюсь…

— Давай!

Яна заметила единственный женский плакат, висящий над зеркалом.

— Дима,—перебила она его,—можно вопрос? А это кто?

— Мадонна. Ты и её не знаешь?

Яна нахмурилась.

— Ты часто будешь этот вопрос задавать? Мадонну любят панки?

— Да не…

— Да, представляю, ты встаёшь каждое утро, подходишь к зеркалу: ах, какой я красивый, ах, какой замечательный. И любимое лицо видишь над собой!

— Ты это к чему сказала?—Дима хмыкнул и провёл пальцами по струнам. По звучанию это был ля-минор.—Ты же не знаешь, кто такая Мадонна.

— У тебя гитара расстроенная,—не выдержала Яна.

Дима приподнял брови и протянул ей гитару:

— На, настрой. У меня слух плохой.

— А я настраивать гитары не умею. Я вообще никогда их в руках не держала.

— Это легко.

Дима подошёл к ней и сел рядом. Положил ей на колени гитару и поднял руки на струны. Он прижал её пальцы к каким-то двум струнам и поцеловал в шею.

— Вот здесь должна быть октава…

Янка закрыла глаза, дёрнула две струны и в ужасе открыла глаза. От фальши у неё совсем пропало романтическое настроение.

— Нет, давай настроим нормально, это убийственно для моего слуха.

Она быстро подкрутила колки и удовлетворённо провела рукой по струнам. Дима же откинулся на стену и гладил ей спину. Яна снова расслабилась, но тут раздался звонок телефона.

Дима подскочил, вытащил сотовый из кармана джинсов и ответил.

— Да?—спросил он в трубку.

И Янка отчётливо услышала девичий голос. Дима посмотрел на Яну и отошёл с трубкой к окну.

— Прости!—сказал он Яне.

А Яна тяжело вздохнула и снова взглянула на Мадонну, а потом на Диму.

— Нет, я сегодня не смогу прийти… Ну что ж теперь. Давай завтра?

Яна взяла в руки сумку и почувствовала странную злость. Почему-то Яну начали раздражать девушки, звонящие Диме. Да и вообще все девушки. Независимо от того, были ли они знакомы с Димой или нет. Из его прошлой школы. Даже из их нынешней параллели, с которыми Дима курил на улице. Все они, толстые, худые, с кривыми зубами,—все они, казалось ей, смотрели на него и хотели с ним встречаться. Даже Мадонна. Яна совсем не похожа на Мадонну. И значит, у Димы другие идеалы красоты. Бабушка говорит, что есть два признака того, что девочка влюбилась по уши и с первого взгляда: трястись при каждой встрече с ним и ненавидеть всех своих подруг. Всех, кроме Катьки. Потому что ей нравится Руслан.

Дима перестал говорить и обернулся к Янке.

Он хотел снова сесть рядом, но Яна протянула ему гитару и отошла в сторону к компьютерному столу.

— Что с тобой? — спросил Дима.
— Ты обещал мне сыграть новую песню, — с трудом произнесла Яна. Она не понимала, почему ей хочется заплакать. — Давай, Чёрный Музыкант, не стесняйся.

> Я сочинил тебе уже столько песен…
> Я хотел тебя удивить…
> И не важно, когда мы будем вместе…

Дима пел хриплым низким голосом, а Янка любовалась его губами и думала, что она превращается в жалкое существо. Она узнала этот голос. Это была Ира. Разве Дима продолжает общаться с ней? Яна знала, что девушки любят превращаться в жертву. Бабушка говорит, что именно женщины начинают истерить по пустякам. Так было почти во всех семьях, которых она знала. Стоит только найти повод. Только в Янкиной семье все были настолько уставшими по вечерам, что договорились срываться вне дома, а не внутри.

Яна слушала Димин голос. Он закрыл глаза и пел очень нежно. А Яна оглядывалась вокруг. В доме было очень тепло. Намного теплее, чем в их квартире в панельном доме. Она с некоторых пор сравнивала все дома по тому, где было теплее зимой. Ещё ей нравилось, что Димина мама и сестра сидят в соседней комнате и не заходят каждую минуту, чтобы проверить, чем дети занимаются. А его бабушке, скорее всего, объяснили, что она не просто кто-то там. И совсем не то ужасное слово.

Яна поняла, что ей всё больше и больше нравится этот старый дом, который когда-то строили не то пленные японцы, не то поляки.

Она закрыла глаза и села на стол.

Дима закончил петь.

— Ну как тебе? — спросил он.

Яна смотрела на него, а из головы никак не выходила Ирка.

— Ты очень хорошо поёшь, только фальшивишь иногда, — засмеялась она, а Дима подлетел к ней, прижался к её телу, обнял за талию и начал целовать шею.

Яна зарылась руками в его волосы и поцеловала в висок.

— Ты сводишь меня с ума, — пробормотал Дима и посмотрел на неё какими-то безумными глазами. — И сводишь меня с ума с первого дня, как я тебя увидел.

Яна провела рукой по его рубашке, по груди, а потом по животу. Она посмотрела на часы.

— Чёрт! — воскликнула Яна. — Я домой опаздываю!

Она вырвалась из Диминых рук и быстро побежала к выходу. На кухне столкнулась с Машей, которая распахнула глаза так, будто в чём-то её заподозрила. Маша с вопросительной улыбкой посмотрела на брата, который выскочил следом.

Дима помог надеть Янке дублёнку.

— До завтра? — спросил он и поцеловал её.

— Да, до завтра… Не провожай меня, я сама добегу до остановки. В следующий раз… — пробормотала Яна и выскочила на улицу, где, наглотавшись холодного воздуха, закашлялась.

Она долго шла одиноко по дорожке и пинала снег.

Яна ехала в автобусе и накидывала какие-то строки в блокноте. Мысли путались. Она могла думать только о Димкиных глазах и о его губах, блуждающих по её шее. А рука писала:

«Дом умел разговаривать. Он скрипел дверьми, жаловался в непогоду на боль в костях. Трубы почти все сгнили. Деревянные стены были съедены насекомыми.

Дом всегда знал, что произойдёт этим вечером, и иногда забывал о прошедших днях. Люди ему об этом напоминали. Они возвращались в заброшенные квартиры своих дедов, брали вещи и выбрасывали их. Хлопали со всей силы дверьми, ковыряли замки.

Люди умирали в этом доме, забытые всеми. И дом долго ещё хранил их запах.

Он стоял на холме и смотрел с испугом вокруг, когда просыпался. Леса застраивались дачами. Остальные дома медленно сносились, и вместо них уже возвышался торговый центр. Дом дрожал на ветру и поглядывал на город через потемневшие окна».

Глава 11

— Чем занята? — Димин голос в трубке звучал очень странно.

Яна утащила длинный шнур провода к себе в комнату. Мама многозначно посмотрела на неё, показала на фортепиано и ушла на кухню.

— Сижу, ковыряю ногу… Там опухоль какая-то. Что делать?

Янке было очень весело говорить с Димкой по телефону. И это было легче, чем при личных встречах, когда какая-то магия его взгляда и голоса просто гипнотизировала её.

— У нас же в городе хороших врачей нет, ты же так говоришь?

— Это моя мама так говорит.

— Вот сиди и ковыряй дальше.

— А я чем занята?!

Дима глухо засмеялся на другом конце провода.

—… Что ещё хорошего скажешь?

— Завтра мы в кино идём — это хорошо.

— Да, это хорошо… У тебя голос испуганный. Рассказывай.

— Сегодня утром случилось что-то страшное, Дим… Я шла на остановку, чтобы поехать в Школу. Ты же знаешь, там дорожка огибает угол серого и огромного дома…

— Нет, Ян, не знаю, я у тебя ещё никогда в гостях не был.

— Да? Ну ладно…

Яна укуталась в одеяло и включила на ноутбуке тихую музыку.

— Что там у тебя играет?

— Чайковский...— Янка смутилась.— Ты не перебивай, в общем... Я никогда не обращала внимания на этот дом и тем более на окна первого этажа. А тут почему-то обратила. Потому что издалека увидела куклу.

— Куклу?— Дима чем-то щёлкнул у себя в комнате.

— Что это было?

— Это я свой «нойз», как ты говоришь, выключил. Мне приятно сидеть и представлять тебя с книжкой, рядом свечи стоят, и ты слушаешь Чайковского... Извини, опять перебил. Так что кукла?

— Кукла — как большая вязаная матрёшка. Стояла, прислонившись к стеклу. Даже с платочком на голове. Метров за десять мне стало понятно: это не кукла. Это старушка с закрытыми глазами, приоткрытым ртом, с жёлтым цветом лица. Видимо, она сидела перед окошком, смотрела на проходящих мимо людей и упала на стекло.

— Ты переучилась?— Дима явно веселился там, у себя дома.

А Яне было очень плохо. Целый день после этого случая её морозило. И теперь снова стало мутно и тошнотворно. Она всё никак не могла собраться с мыслями и приступить к домашним заданиям. Мама просила помыть пол к квартире, да где там...

— Дима... Фигура в окне была неживая. Бабушка умерла, может быть, звала кого-то... А люди шли мимо, никто не поднимал глаза на окна. Только я остановилась, оглянулась, у меня совсем весь воздух пропал. Подбежала к мужчине, идущему впереди, и...

— И?..

— И спросила, видит ли он её.

— Кого?

— Старушку в окне! Кого же ещё?

— И что он ответил?

— «Девушка, отвалите от меня!»

— Что, прям так и ответил? Вот урод! Давай я к тебе приеду!

— Подожди, это не всё... Я встала на остановке. Пойти обратно и проверить ещё раз, подойти поближе? НЕТ! Меня бы стошнило там же,— Яна замолчала, вспоминая дневные переживания.— Я села в автобус. Позвонила Кате.

— Ну, не думаю, что Катя помчалась тебя спасать.

— Нет.

— А почему ты не позвонила мне?

— Я хотела тебе в Школе всё рассказать, а ты не пришёл.

— Да я с температурой лежу — вчера на репетиции орал много. Так что, это же, я подозреваю, не конец истории?

— Нет...— Янка включила погромче музыку и легла на подушку.— Я окольными путями дошла до своего дома. Километра за два обошла серый дом на остановке. Весь вечер я лежала. У меня глаза очень устали — я сегодня Данте наконец осилила, но передо мной стояла эта мёртвая старушка, прислонившаяся к окну. Жёлтая, начинающая разлагаться...

— Я выезжаю...

— Подожди, Дим... И тут я подумала, как в кошмаре: а что, если сегодня опять пойти и проверить? А если не будет её в окне? Она могла упасть и лежать там, под батареей.

— Яна...— обеспокоенный Димин голос раздался в трубке.

— Я даже в милицию позвонила, но мне посоветовали поменьше курить и по всякой ерунде не звонить.

— Поэтому ты мне звонишь?

— Дима! Я пошла туда снова! Ты не представляешь, как я боялась! Ноги не слушались. А старушка стояла там же. Ещё более жёлтая. Я очень боюсь мёртвых. И я подошла поближе к окну. Думала, может, позвонить с соседями в дверь? Нельзя же человека оставлять вот так! Вот у Диккенса был такой случай в... Помнишь «Посмертные записки Пиквикского клуба»? Нет? Ну ладно. И тут, представляешь, старушка моргнула. Открыла глаза, вылупилась на меня под окнами. Знаешь, как я быстро бежала домой?

— Так...— произнёс Дима. Его голос не предвещал ничего хорошего.— Наверное, я всё же приеду.

— Тебя мама не пустит, на ночь-то глядя,— Яне очень хотелось, чтобы он приехал. Но сказала она это очень робко.— Подожди, я у своих коечто спрошу.

Янка поднялась с кровати и пошла в другую комнату. Мама с папой сидели за круглым деревянным столом, пили чай и о чём-то спорили.

— Мам,— произнесла Яна, замотавшись ещё сильнее в одеяло.— Можно мне к Кате поехать в гости? А завтра мы с ней вместе в Школу пойдём.

Мама с папой одновременно подняли головы и переглянулись. Они несколько секунд так изучали друг друга, будто мысленно общались.

— Ты на часы смотрела?— сказал наконец отец.

— Она близко живёт, а до остановки уж я сама доберусь, а там её отец меня встретит. В общем, как всегда.

Янка постаралась сделать лицо попроще.

— Лучше пусть она к нам приезжает,— вдруг сказала мама и встала из-за стола. Она всегда очень элегантно двигалась и была похожа на большую гибкую кошку.— Нам нужно к бабушке уехать на ночь, и мы как раз говорили о том, что делать с тобой. От бабушки слишком далеко ехать в Школу.

Яна быстро закивала головой и побежала в комнату обратно.

— Дим, приезжай через два часа,— прошептала она в трубку.— Я тебе в окне просигналю, что мама с папой ушли.

— Скоро буду.

Всю ночь Янке снились кошмары и сны с таким бешеным ритмом, что она не успела за ночь отдохнуть, а утром нужно было вставать. Накануне Янка сходила с классом на фестиваль «Алексей Баталов и русская литературная классика» — на фильм «Три толстяка». Вечером перед сном Димка включил телевизор и зачем-то смотрел новости. Мелочи жизни. Да ещё и эта история с мёртвой старушкой в окне.

Янке приснилось, что ей уже семнадцать лет, она почему-то высокая стройная брюнетка с короткой стрижкой, учится в университете Иллинойса. И прямо напротив её университетского общежития стоит Белый дом президента США. И говорят им, студентам филологического факультета, что президент объявил конкурс: кто найдёт в других языках самое длинное по написанию слово «солнце», тому дадут приз — одну тысячу долларов. Яна во сне подумала: явно какая-то ерунда. И не стала участвовать. А потом смотрит, бегут девчонки американские с бумажками в кассу и деньги получают. И ей стало так обидно! Написала Яна «солнце» по-алтайски (так ей во сне показалось), подумала — всё равно никто не поймёт и проверять не будет, и подписала ещё несколько слогов. И отдала в кассу. А ей кассирша говорит: денег дать не могу, так как президент должен лично на вашей бумажке со словом свою печать поставить. И Янка побежала в Белый дом. Нырнув в толпу журналистов, увидела президента и протянула ему бумажку. Он так мило на неё посмотрел и говорит: что-то вы, девушка, припозднились, я уже печать свою в кабинете оставил и очень спешу. Но раз вы такая красивая, я попрошу моего сына вынести вам её. И выходит его сын. И сразу прям Яна в него влюбилась, а он в неё (во сне это сразу было понятно!), и они вместе пошли с ним к кассе, а потом куда-то гулять. Сына звали то ли Боб, то ли Мэйсон.

Вечером приходят к нему домой (пока отца нет), только хотели поговорить наедине — и тут заходит девушка. То ли кузина, то ли сводная сестра этого парня. Начинает его к Янке ревновать. Они с ней ссорятся и уезжают подальше, в самый высокий в Америке небоскрёб, где сидят секретные люди с документами. По лестнице они ушли на самый верх, а сын президента Янке рассказал о том, что сестра его Дженни (кузина сводная) питает к нему отнюдь не сестринские чувства.

Они проходят по тайному лазу на чердак, только-только собираются поцеловаться… и снова заходит Дженни. А сын президента куда-то вышел по президентским делам. И пока Яна с кузиной друг на друга кричали, Дженни села на подоконник и отвернулась к стонущим в пробках машинам, где-то там, далеко внизу. В платьице светлом, с кудряшками… И тут Яна сделала то, что в фильме военные делают с куклой наследника толстяков. Кидают её вниз. Яна тоже подошла к Дженни — и выкинула за ноги за окно!

Входит сын президента. Спрашивает, что за шум, а Янка начинает на него кричать, что, мол, куда это он пропал. А он ей: ты, наверное, приезжая?! А она ему: я не приезжая, а самая настоящая иллинойская девушка. Во сне Яна так расстроилась, что спустилась пешком с небоскрёба на улицу и побежала к своей машине. Во сне это оказался уазик «Simbir». Приблизилась к машине, а сын президента Боб-Мэйсон мчится за ней, что-то говорит в оправдание, а глаза злые-злые, какие иногда бывают у Димы. И тут Яна увидела на лобовом стекле машины записку. Мол, я не умерла, буду мстить страшно и долго, и всё равно сын президента будет моим…

Тут Яна проснулась.

Димка тряс её за плечо. Янка смотрела на него так, будто вместо Димы рядом сидел Орландо Блум в образе Леголаса, сына Трандуила. И он спросил:
— Вовремя я тебя из Матрицы вытащил?
— Уф… — выдохнула Яна и легла на спину. Пора было просыпаться. — У меня мозг даже во сне работает.

Димка лежал на диване, едва прикрытый тёплым одеялом. Лучи солнца из единственного в комнате окна причудливо падали сквозь рисунки изморози на окне и ложились ему на живот. Узкая грудь поднималась и опускалась. А родинка на плече по форме напоминала крохотный листок дерева.

А Яна лежала рядом, боясь прикоснуться к нему.
— Давай не пойдём в Школу… — Дима лениво потянулся.

Янка проследила за его взглядом, но так и не поняла, на какую именно фотографию на стене он смотрит.

Она не понимала своих чувств. Пока она лежала здесь, не в силах оторваться взглядом от любимого человека, ей хотелось убежать в Школу и с чувством наслаждения понять, что мозги ещё в состоянии что-нибудь соображать. Но над книгами в школьной библиотеке она только и думала, что об этой родинке на плече, и, закрывая глаза, хотела залезть под одеяло с головой и положить голову Диме на плечо.
— Это первая наша ночь вместе, — прошептала Яна, а Дима фыркнул.
— Это не считается, ничего же не было. Я не хотел тебя заражать этой гадостью. Чувствуешь, как у меня горло горит? Болеть гриппом отвратительно.
— Как я могу чувствовать, что у тебя что-то болит?
— Я просто стараюсь на тебя не дышать.

Яна потеребила пряди его волос. Димка взглянул на неё слипшимися глазами, и Янка подумала, что это самые чудесные слипшиеся глаза в мире.
— Не бойся, я не заболею, я на удивление здоровая. А это что у тебя?

Димка повернулся, и Яна случайно увидела на его теле синяк. Дима дёрнулся и отвернулся к стене.

Янка присела, укуталась в одеяло, так как дома утром было прохладно.

— Не хочешь рассказывать?

— Не хочу.

Яна почувствовала, как между ними встаёт та же самая стена, какая была в первый день знакомства. Молчание длилось несколько минут. Дима неровно дышал и смотрел в стену, а Янка — в замёрзшее окно и быстро моргала. Она поняла, что плачет, только когда ледяные цветы на стёклах запрыгали, как лягушки.

— Ну… я шёл мимо старой школы… опаздывал к нам, и мне было наплевать, выгонят меня с урока или нет. Мне даже было наплевать, какую оценку я получу на творчестве, я писать не умею, не то что ты… И… один чувак попросил у меня сигарету. Я сказал, что у меня только одна. И тогда Макс, ну, так зовут того чувака, сказал, что найдёт меня, выследит мою мать, что я ему теперь денег должен. Я сказал, что я ему ничего не должен, что он ничего не сделает, а он требовал сигарету, я снова сказал, что у меня одна…

Яна даже забыла, что только что плакала.

— Ты это хотела услышать?

— Я… я…

— Ну, он меня вчера вечером на остановке встретил. Я-то один, а их трое. Я сбежал в конце концов. И к тебе приехал. У нас райончик тот ещё.

Прозвонил будильник.

— Может, не пойдём никуда? Фильмы посмотрим, кофе попьём… — Димка боялся смотреть Янке в глаза.

— Нам всё равно нужно уходить. Вдруг родители вернутся до работы? Им-то не объяснишь ничего. Ты выспался?

— Абсолютно. Тебе кто-то звонит. Ответь!

Яна подняла из-под кровати сотовый.

— Да, Катя? — Яна встала голыми ногами на ледяной пол, поёжилась и пошла с телефоном в ванную комнату, чтобы почистить зубы. — Чего хотела?

— Ты где? Почему у тебя «Алиса» играет?

— Я не знаю, что это у меня играет. Но я дома, — многозначно произнесла Яна.

— Значит… Ты с ума сошла? — Яна почувствовала в Катином голосе панику. — Вы там оба с ума сошли? Тебе сколько лет вообще?

— Скоро будет шестнадцать, между прочим! И ничего не было.

— Вот именно! Когда исполнится, тогда и поговорим, а до этого времени даже не смей!

— Катя, ты чего кидаешься с утра пораньше? — Яна взглянула на себя в зеркало и впервые понравилась себе. Стройная фигурка, и даже лицо было красивым. Не зря она занималась художественной гимнастикой почти восемь лет. И как здорово, что ей разрешили бросить танцы ради литературного класса. — Давай в Школе поговорим?

— Ладно, не о том я, я вообще насчёт твоего дня рождения тебе звоню. Потом поговорим, ты права…

Глава 12

— С днем рождения, солнышко!

Мама и папа стояли у Янкиной кровати, а на стуле лежало несколько цветных коробок с подарками.

— К тебе сегодня придут друзья? — спросила мама и автоматически начала прибираться у Яны на столе — там валялось несколько учебников вперемежку с нотами.

— Мам, не надо, я проснусь и сама всё сделаю. Да, мы хотим днём собраться, до того как приедут родственники. Посидим немного, хочу с девочками встретиться из музыкалки и с прошлого класса. Мне даже интересно, кто меня ещё не забыл.

— Тебя невозможно забыть, солнышко, — уверенно сказал папа.

Яна повернулась к нему:

— Вопрос на засыпку: сколько мне сейчас лет?

Это был традиционный праздничный юмор в их семье. Однажды в детстве папа забыл, сколько исполнилось лет его дочке, и теперь Яна постоянно его об этом спрашивала.

Отец развёл руками и с сыгранным ужасом посмотрел на маму:

— Шестнадцать? Двадцать?

Яна кинула в папу подушкой, а он поймал её, быстро подлетел к Яне и слегка придавил подушкой ей лицо. Янка завизжала как резаная и со смехом выползла из кровати.

— Ты даже не подумала, чем будешь кормить гостей.

— Точно, — Янка потащила за собой в ванную одеяло. — Как-то руки не дошли.

— И голова тоже? — отец потряс один из подарков. — Что тут? — спросил он, обращаясь к маме.

Та со смехом пошла на кухню.

— Яночка, торт и несколько салатов в холодильнике. Надеюсь, ты не собираешься приводить весь свой класс, а для десяти человек еды и питья вполне должно хватить. Ты уверена, что не хочешь с друзьями в кафе сходить?

— Нет! — Яна сделала таинственный вид и заперлась в ванне.

— А Руслан придёт? — крикнула мама за дверью. — Об этом спрашивала Катина мама почему-то. Говорила, что ты с ним сурово как-то обходишься. Ты же помнишь главное правило?

Яна выплюнула зубную пасту.

— Да! Я помню! Вежливость!

— Умница моя! Не надо обижать понапрасну людей, которые к тебе хорошо относятся. Их мало на свете.

— Я помню! Можете идти! — Яна помахала из-за двери рукой.

Отец приобнял маму за плечи, и они засобирались в гости к своим собственным друзьям.

А Янка радостно порхала по комнатам, расставила на столе приборы для еды, включила радио и с предвкушением посмотрела на улицу.

Первой, как всегда, пришла Катя. Она протянула большой свёрток в серебряной обёртке.

— Диски? — спросила Яна, прекрасно зная ответ.

— Ты должна посмотреть этот фильм! Это «Фонтан»!

— В смысле — очень клёвый?

— В смысле… — Катя так посмотрела на Яну, будто та была подопытным тараканом в лаборатории. — Ты понимаешь, это как клубок с цветными нитками, которые запутались между собой и образовали новый клубок с оттенками красного и золотого цвета. Золотой — жизнь, «внеземная» любовь, а красный — кровь, смерть, нечто плотское. И…

Но тут в дверь снова позвонили. И Яна, чмокнув Катю в щёку, поскакала открывать.

— Его нужно пересмотреть раза три, чтобы понять! — крикнула Катя вдогонку.

Пришла Надя, девочка, которая очень хорошо играла на скрипке, и их однажды заставили играть дуэтом на каком-то конкурсе. Надя была очень высокой для своего возраста и очень красивой. Она подарила ноты с романтическими пьесами для фортепиано.

Как Янка и думала, пришло восемь человек. Девчонки не знали друг друга, и Яне пришлось всех знакомить и даже играть за столом в игру, название которой она постоянно забывала. Каждый по очереди говорил своё имя, место, где они с Яной познакомились, и одну вещь, которую любят больше всего.

Это было очень весело.

Ленка из бывшей школы включила детские песенки, а Муся вытащила из большого рюкзака кучу тряпок и бросила их на стул.

— Это мама вчера из театра принесла, ей нужно их перешить. Это — костюмы!

— Ура! — завопила Надя и тут же влезла в красивое средневековое платье. — Сейчас накрашусь!

— Какая ты молодец, Мусенька! — Янка выбрала себе зелёное одеяние. — Это чьё? Робин Гуда?

— Я не знаю.

— Круто, — и Яна тоже побежала переодеваться.

Когда она вышла из комнаты, девчонки уже были в различных платьях и костюмах. Катя достала фотоаппарат и начала всех фотографировать.

Кто-то позвонил в дверь, Катя пошла открывать, а Яна с Надей раскладывали карты, чтобы поиграть в мафию.

— Хей! — в дверном проёме появился Дима.

Весь облачённый в чёрное, он стоял с огромным букетом из красных роз. Он оглядел гостей, и на лице у него появилось выражение типа «что за дурдом». Яна выглянула из-за стола и помахала рукой.

— Э… — только и произнёс Дима. — Выйдем на кухню?

Девчонки захихикали, а Яна, смутившись, вышла из комнаты. Дима взял её за руку и поцеловал в губы.

— Я первый раз целуюсь с Робин Гудом, — честно признался он и протянул букет. — Розы!

Янка обняла Димку за шею и пошла ставить цветы в вазу. Это были первые в её жизни розы. Первый букет, подаренный мальчиком.

— Я надеюсь, меня не будут наряжать? — шёпотом спросил Димка и подтолкнул Яну вперёд.

— Познакомьтесь, это Дима. Мой… друг. А это — ты уже знаешь, Катя и Аня. И Надя, Оля, Света, Муся, Нина и Юля. В общем, разберёшься.

— Точно, разберусь!

Дима сел за стол, и в комнате возникла пауза. Катя с Янкой переглянулись.

— Дима, а ты сегодня в образе кого? — спросила громко Катя и налила Диме в кружку сока. — Прости, твоего любимого пива нет.

Яна знала, что Катя его недолюбливает, но надеялась, что подруга сумеет сдержаться и не наговорит грубостей.

— Рано ещё для пива, — ответил Дима и наложил в тарелку салата с картошкой. — Ты всю ночь готовила? — спросила он Яну.

— Ой, ты что! — Янка замахала руками. — Если бы я это приготовила, то вы бы и кусочка не съели.

— Ты же у нас всё умеешь делать, — усмехнулся Дима и пододвинул к себе тарелку.

Яна дружелюбно посмотрела на него.

— Я поняла! — воскликнула Катя. — Ты сегодня в образе вампира! Не хватает только серого цвета лица.

— Нет, он — Чёрный Музыкант… — тихо проговорила Яна.

— Вы все с ума сошли по этим вампирам? — удивился Дима и выпил сока.

— Наверное, — Катя кокетливо ушла на кухню за печеньем.

— Хотя я понимаю, почему девочкам это всё так нравится.

— И почему? — Янка подошла к нему и положила руки на плечи.

— Щас покажу.

Дима вытер салфеткой рот, встал, подошёл к Яне, резко наклонил её вниз и впился губами в её шею.

Янка вырвалась и со смехом упорхнула к другому концу стола.

— Засос ничем не отличается от вампирского поцелуя по сути. Поэтому вам и кажется, что это эротично, — Дима деловито сел на своё место и набил рот салатом.

Яна никогда не видела его таким весёлым. Чтобы Дима общался с людьми?
— Эротично,— хихикнула Света.

Дима хмыкнул и продолжил жевать салат.
— Так…— Катя вернулась с большим подносом печенья.— А перед тем как всем, кроме одного опоздавшего, можно перейти к чаю…— Яна с Димой, переглянувшись, улыбнулись.— Прошу выйти всех из-за стола — хватит жрать, не для этого сюда приехали.

Дима поднял палец вверх и покачал им.
— Хорошо, даже те, кто приехал сюда пожрать, встаём к роялю и фотографируемся. Робин Гуд встаёт в центре, Белоснежка слева, мне оставьте место посередине. Вампир найдёт себе место сам. Итак…

Дима медленно подошёл к Янке, но Нина, усевшаяся на крышку рояля, впихнула между ними свои ноги, и Дима встал рядом так, что Яна даже не смогла бы обнять его. Все улыбнулись, и фотоаппарат сделал кадр.
— А теперь,— не унималась Катя,— повторите мне тот самый поцелуй, который Дима назвал эротичным. А потом пощёлкаемся в разных тематических сценках. Ну же, вперёд!

Через два часа позвонила мама и предупредила, что они уже едут с бабушкой и дедушкой домой с кучей еды. Тётя и двоюродный брат тоже были на подходе.

Янка, уставшая и довольная, провожала девчонок и ждала, когда уйдёт Катя. Но та была на кухне и прибирала посуду на место к приходу родителей. Дима подошёл последним. Провёл пальцами по Янкиным губам. Потом поцеловал в висок и открыл входную дверь, чтобы выйти. Там стоял Руслан.

Яна сложила губы трубочкой и поняла, что забыла пригласить его на день рождения.

Руслан поздоровался с Димой за руку и проводил его взглядом до поворота к лифту.
— Привет. Что у вас тут происходит? Прикольно выглядишь.
— Спасибо. А ты чего пришёл?— Яна чувствовала пристальный взгляд Кати из кухни.
— Ну… типа, просто в гости зашёл. Нельзя?
— Прямо сейчас — нет. Сейчас родители придут, много родственников, у нас тут вроде как праздник. Так что… до завтра, ладно? Прости.

И Яна, не дожидаясь его ответа, закрыла дверь. Выдохнула и прошла на кухню.

Села напротив подруги и грустно вздохнула.
— Спасибо тебе огромное за помощь. И вообще… за всё.
— Что это было?— сухо спросила Катя.
— Ты про Руслана? Не знаю, я его не приглашала.
— Мне всё это не нравится…— Катя покачала головой.— Плохо, что Дима его видел. Плохо, что ты Руслану не сказала о дне рождения. Вообще всё плохо.
— Только что было всё хорошо,— Яна поправила своё нарядное платье и облокотилась о подоконник.— Жаль, что костюм Робин Гуда уже едет обратно домой.
— Послушай…— Катя села рядом и взяла Яну за руку.— Я тебе подарила ещё второй диск. С фильмом, который тебе нужно осилить и понять. Посмотри его. Пожалуйста. Это «Мистер Никто». Это не фильм — это рассказ о судьбе, об эффекте бабочки, о выборе, который мы делаем каждый день. О том, что же такое судьба. О выборе, который мы делаем. Я хочу, чтобы ты не наделала глупостей.
— Ты говоришь как моя бабушка.
— Не ты же одна у нас умная,— сказала Катя и протянула Янке мокрые тарелки и полотенце.

Глава 13

Улица была серой, как стена, протянувшаяся на километр вверх по холму. Вечер тоже был серый, без заката, с обвисшими тучами и каким-то гнусным цветом уставшего лица. Дима опять шёл молча — он вообще в последнее время не любил говорить. Хотя Янка, наверное, это тоже придумала, накрутила. И молчала. Он взял её за руку, отобрал тяжёлый пакет. Далеко за мрачной стеной виднелись частные дома, и только за ними — Димин домик.

Яна начинала бояться его, когда он часами молчал. На следующий день после дня рождения он снова не пришёл в Школу. И ничего не рассказывал.

Звонок. Спасительный стон в этом безразличии. Янка недавно поменяла звонок от Руслана и теперь не узнавала его. Посмотрела на Диму. Дима — на неё. Звонок казался глупым и слишком громким.
— Ответь!— Дима приготовился слушать.

Яна ткнула на зелёную кнопку и с вызовом посмотрела Диме в глаза.
— Привет,— выдохнула она в трубку.
— Привет,— с надеждой в голосе произнёс Руслан.— Как ты?
— Ничего,— сказала Яна и покосилась на Диму.

Всё это казалось странным.
— Я хотел бы с тобой поболтать где-нибудь в центре, побродить по улицам.
— Холодно сейчас по улицам бродить,— Яна откашлялась.

Дима явно прислушивался к тому, что говорил Руслан.
— А ты… Я не совсем понял, что это такое было с твоим днём рождения. Но хотел тебя поздравить сейчас. Ты где?— неловко спросил Руслан и замолчал.— Я как раз насчёт всего этого… насчёт Димы и хотел поговорить. Не хочу, чтобы ты разочаровывалась потом и тебе было больно.
— Да?— с натяжным безразличием спросила Яна.

О чём может с ней говорить Руслан? Да ещё и о Диме? Зачем он вообще вмешивается? С другой стороны, мама просила её быть с ним вежливой.
— Ну, хорошо. Завтра в Школе поговорим.
— Давай сегодня… Вечером, часов в семь, встречаемся у памятника Горькому.

И Руслан отключился. Яна хмуро посмотрела на телефон.
— И чего ему нужно было? — сухо спросил Дима.
— Не знаю… — призналась Яна. — О чём-то поговорить хочет.
— Не встречайся с ним, — вдруг тихо и с вызовом произнёс Дима. — Я не хочу тебе запрещать общаться с другими людьми. Но сейчас прошу об этом. Зачем он пришёл к тебе тогда в гости?
— Как пришёл, так и ушёл. Он вообще-то мой лучший друг, — Яна неожиданно для себя поняла, что сейчас заплачет. — Он, по крайней мере, со мной общается! А почему ты со мной не разговариваешь? С самого дня рождения, всю неделю молчишь! Я что-то сделала не так?
— Всё в порядке, — Дима смотрел в другую сторону.
— Нет, не в порядке! — воскликнула Янка. — У тебя что-то происходит в жизни, а я ничего не знаю! Почему ты мне не доверяешь? Для того чтобы было всё хорошо, нужно общаться! Го-во-рить! Я не умею читать мысли!
— А стихи умеешь на ходу сочинять? — вдруг улыбнулся Дима и на секунду стал таким же, как и раньше.
— Да уж, про твою ревность можно стихи складывать на ходу!
— Ну и?
— «Глазами тебя поедают все девушки жадно. Неверный, отвергну тебя беспощадно!»
— «„Люблю больше всех!“ — однажды воскликнул… Мрачна».
— Кого это — всех? — спросила Яна.
— «Пытался утешить тебя — только повод для ссоры. „Ты всех утешаешь, — Яна твердит, — без разбора“. Взглянул на тебя — вновь обида и слезы рекой: „Меня ты сравнил, наверное, с другой“».

Янка улыбнулась и с ходу вспомнила чьи-то стихи:
— «Любовь лишь повинна, что сердцу желанней всего та женщина, что его истомила…» Помнишь, мы писали сегодня глупое упражнение на риторические вопросы? Когда ты куда-то вышел, а Людмила Аркадьевна зачем-то пошла за тобой?..
— Им не нравится, что я курю…
— Да? Ну ладно. Вот Стас и спрашивает всех: что такое «дьявольская усмешка»? Это у него такая фраза в тексте попалась. Мы отвечаем: метафора. Он: а разве дьявол не может смеяться? Мы: а ты видел дьявола? А тут кто-то с задней парты подсказывает: тасманский дьявол может смеяться! И кто-то ещё: заткнитесь! Наступает тишина, и тут Олег по телефону так громко говорит, продолжая и не замечая тишины: «Да, сижу на уроке, где препод даёт задание и сваливает».

Яна замолчала.
— Ты скажи, где смеяться нужно было, — проговорил Дима.

Яна закусила губу.
— Я просто хотела что-нибудь рассказать, а в голову ничего не приходит. Это лучше, чем идти и постоянно молчать.
— А-а… — протянул Дима и отвернулся.

Несколько дней подряд шёл снег, и дорога была очень скользкая. Вослед уползающей туче, похожей на те, что несут в себе американские смерчи, подул холодный и сильный ветер. Зашумели и задёргались неровно голые тополя за серой стеной. Мимо пролетела по колдобинам машина и, рухнув в яму, которую не было видно из-за снега, обдала стену мелким и грязным снегом. Яна еле успела отпрыгнуть. Дима больше не улыбался, закурил на ходу и два раза выпустил в холодный воздух дым.

Яна не долго сидела у Димы. Его мама вернулась с работы уставшая и расстроенная. Видимо, настроение в их семье передавалось по воздуху. Или что-то случилось такое, во что Яну решили не посвящать. В каждой семье есть свои тайны. И Яна впервые почувствовала себя чужой в этом доме.

Она молча попила чай. Дима сидел на кухне на подоконнике, прижав к груди колено.

Тихо урчал холодильник, где-то на улице выясняли отношения собаки. Дома у Димы было, как всегда, тепло и уютно.

Но в этот раз что-то разваливалось. Когда Дима с мамой вышли поговорить в гостиную, Яна прошла в комнату и села на стол. А вдруг они с Димой сейчас поссорятся?

Бабушка всегда говорила что-то про тех, кто бранится и тут же мирится. А если помириться не удастся? Дима вообще с трудом говорит о своих чувствах и мыслях. Яна же будет ждать что-то от него. Или…

Янка помотала головой и вдруг заплакала. Ей не хотелось уходить сегодня от Димы и встречаться где-то на морозной улице с Русланом. Она вообще никогда не хотела уходить или уезжать от Димы. Его нужно было держать за руку и не отпускать, чтобы не потерять. А потерять его казалось так легко. Он появился в её жизни так неожиданно и внёс столько прекрасных минут, много снега, холодных поцелуев на улице и своего тёплого дыхания. Нужно держать его за руку до того момента, как он оттает и расскажет, что случилось у него в семье.

Дима вошёл хмурый и сел на диван. Вытащил из-под дивана бутылку с пивом и покрутил в руках.
— Мне лучше уйти? — спросила Яна, а её голос задрожал.
— Прости, да, — Дима сидел, понурив голову и обняв гитару одной рукой, а пиво другой.

— Хорошо.

Яна взяла сумку и пошла к двери. Не выдержала и обернулась:

— Не знала, что ты пьёшь пиво.

— Тебя это напрягает?

Яна никогда не думала, что у него бывают такие жестокие глаза.

— Да. У нас в семье не пьют. Я не понимаю, зачем люди курят. И зачем пьют.

— Поэтому ты лучше всех знаешь, как людям стоит правильно жить?

Яна вышла из комнаты.

Руслан радостно распахнул руки, но Яна увернулась от объятий. Тогда он потрепал её по шапке и зна́ком предложил взяться за его руку. Яна сомкнутыми губами улыбнулась впервые за день. Она ухватилась за его локоть и поёжилась.

— Какая холодная и длинная зима. Так ты о чём хотел поговорить?

— Да там… Не, обычная зима. Ещё только конец февраля. Кстати, с днём рождения.

Яна покачала головой:

— Шестнадцать лет—это разве хорошо? Что-то средне-промежуточное.

— Ну да…

— А у тебя когда день рождения?

— Летом.

— Так ты меня младше?—Яна почему-то расстроилась.

— Нет, старше. Я поздно в школу пошёл. А потом попал в больницу и пропустил ещё полгода. Мне летом семнадцать исполнится.

— Ого,—уважительно сказала Яна и засмеялась.—А почему я об этом никогда не слышала?

— Ну да!—Руслан довольно засмеялся.—Я старше, и поэтому я лучше тебя знаю, что происходит в этом мире.

— Так мы куда-то идём?

Яне нравилось, что она не думает о каждом слове и о его последствиях. Ей и правда хотелось погулять по центру города.

— Да нет…— Руслан смутился.—Думал пройтись. Не устала ещё учиться после каникул и экзаменов? Слышал, они тебя чуть не запороли.

— Ужас какой-то был, правда,—Яна начала говорить всё быстрее и быстрее.

Они шли по центральной улице города, было очень шумно. Машины стояли в пробке на светофоре, молодёжь вывалила на улицу погулять под снегом. Всё светилось и сияло, как в новогоднюю ночь.

— Любят у нас праздники!

Руслан оглянулся кругом.

— О да, теперь для двадцать третьего февраля всё украсят и оставят до восьмого марта.

— Пусть висит, красиво же. Так ты расскажи, что интересного случается в Школе за моей спиной? А то в последнее время я ничего не вижу и не слышу.

Руслан покосился на неё.

— Ну что ж… Катя, как всегда, странно себя ведёт. Вчера вдруг позвонила, представляешь? Она редко звонит, больше письма пишет. Связь плохая была, её голос так хлюпал, что я ничегошеньки не понял. Потом связь стала ещё хуже, она заговорила буквенным кодом, морзянкой. Я ничего не понял.

— И что сказала?

— Да ничего толком, про рисунки мои спрашивала и о передаче, которую мы с тобой вести будем,—Руслан толкнул Янку слегка локтем.—А я какой-то растаращенный был, отвечал невпопад, какую-то чушь нёс. По-моему, она подумала, что я обкуренный.

— А ты бываешь обкуренным?—в шоке спросила Яна.

— Не придирайся к словам. Осторожно,—Руслан подхватил Янку под руку.—Здесь скользко, лёд похож на мраморную слизь в центре города. Стас, мне так кажется, влюбился в Катю. Олег от нас уходит.

— Ну и невелика потеря,—Яна посмотрела на большую украшенную ёлку, стоящую около администрации города. Если прищуриться, казалось, что у ёлки есть большой клоунский нос.—Ты чего такой довольный?

— А чего горевать? Жизнь-то, конечно, сложная штука, иногда хоть вены режь. Но с другой стороны—порезал, а очнулся живым, и вроде снова всё хорошо на время. Жизнь, она же по календарю скачет, страницы перелистывает… Столько всего удивительного происходит вокруг. Ирка, например, влюбилась в Диму, они вчера после «репы» куда-то ходили.

У Яны заболела голова. Затем сдавило желудок, и она почувствовала, как кровь отливает от щёк.

«Главное—никуда не упасть»,—подумала она и пошатнулась.

— Я же говорю—скользко, держись за меня крепче. Ты же знаешь, что я к Димычу на «репу» ходил? У них там клёво. От них ушёл басист, поэтому я предложил Димычу научиться играть на басу и войти к ним в группу. Они должны скоро выступать на панк-концерте в дк «Металлург», а тут такая лажа. В общем, остались у них Дима на соло и вокале, Мерк на барабанах и вот…

Яна смотрела, как перед ней расплываются лица прохожих, а фонари образуют одну длинную светящую полосу. Почему прежде ей не было так больно? Даже когда она упала с большой бетонной стройки и сломала ногу три года назад. Или когда проиграла джазовый конкурс. Никогда она не чувствовала, чтобы дома начинали надвигаться на неё и голоса людей просто исчезали из головы.

— Димыч, конечно, туповат. Да, ему не хватает начитанности и своих выводов в голове. Он многие вещи делает, не продумав их до конца.

Янка смотрела себе под ноги, чтобы не упасть. Ей казалось, что в воздухе запахло нашатырём, как в кабинете у зубного врача, когда Янка рухнула в обморок после укола.

— А ещё Катя пригласила меня в театр завтра, вот думаю, идти или нет. А ты с нами?

— А?—Яна увидела, что они подошли к Пушкинскому театру.—Не, я не люблю театры. Что-то я замёрзла. Поехали домой?

Губы Руслана нервно сжались, но потом он посмотрел на Янкино лицо и кивнул довольно.

— Как хочешь. Может, посидим всё же в кафе, не зря же так далеко ехали в центр? Ещё поговорим?

— Хватит с меня разговоров,—прошептала Яна.— Уж лучше бы мы всегда молчали.

— Чего говоришь? Не слышу!—мимо проехала машина, и Руслан наклонился к Яне поближе.

— Ничего. Ты проводишь меня до дома?

Глава 14

Яна подошла к Диме. Она очень хотела поговорить с ним. Поговорить об Ире: вдруг Руслан всё выдумал? Ведь кто не знает Иры! Она просто общительная девочка.

Яна хотела поговорить о передаче и предложить Диме работать с ней вместе. Хотела поцеловать его… Дима подставил губы, погладил Яну по голове и ушёл курить. От него сильно пахло пивом.

На уроках Яна ничего не соображала. Она кусала губы, читала под столом «Джен Эйр», перелистывая по сто раз одну и ту же страницу. Надежда Васильевна говорила с ней о передаче, Руслан—о газете, Катя—о походе в театр с Русланом, даже Стас произнёс несколько глубокомысленных слов об операторской работе и о том, что Яне и Руслану будут выдавать специальную модную одежду для ведущих. Только Дима ничего не говорил. И когда Яна подходила к нему, он всегда находил поводы для того, чтобы испариться. Он держал руки в карманах джинсов и напряжённо слушал что-то в плеере.

В конце дня он привычно подождал Яну на улице, и они пошли к остановке. Руслан с Катей тащились позади, затем обогнали их, помахали руками и побежали в кино, чтобы не мёрзнуть на улице и убить время до вечернего представления в театре.

Дима подпрыгивал на снегу и старался не смотреть на Яну. Они молча прошли от Школы до остановки, он не помогал ей перебираться через сугробы. Он не отодвинул от неё ветки, когда пролазил в дырку в заборе Школы, чтобы сократить путь. И одна из веток сильно ударила Янку по лицу.

Яна шла и чувствовала, как слёзы текут по щекам. Она так хотела поговорить с Димой, но боялась того, что услышит. Боялась, что Руслан окажется прав.

— Дима, давай остановимся…

Дима посмотрел на неё. У него был очень холодный, чёрный взгляд. Чёрный от темноты, окутавшей их, и от гнева. Боль это или гнев? Яна не могла понять. В рюкзаке у неё лежал для него подарок. Просто так, без повода.

— О чём поговорить?—спросил Дима каким-то гортанным голосом и откашлялся.

Яне опять стало очень больно где-то глубоко внутри. Она посмотрела ему в глаза, но, наткнувшись на его холодный взгляд, способный заморозить на месте, как Снежная королева, всё поняла. Что она сделала? Почему она должна каждый день унижаться перед ним? Почему именно она? Она никогда его не обижала. Не хотела ничем обидеть.

— Ты хочешь быть со мной?

— А ты?—Дима снова закурил.

Яна никогда не думала, что он так много курит.

— Я не понимаю, что происходит.

— Так ты мне ответишь?

— А ты?

— Глупости какие-то.

— Почему мы даже поговорить с тобой нормально не можем?—вдруг закричала она и схватила Диму за руку.

— А может, не о чем говорить?

Дима сплюнул в снег, посмотрел Янке в лицо и быстро пошёл к остановке. А Янка осталась одна.

Она оглянулась. Она стояла около школьной помойки с копошащимися в ней крысами и рядом с грязным бомжем, перегнувшимся наполовину в бак. Бомж подозрительно посмотрел сначала на Янку, потом на Димину спину и снова нагнулся.

Как во сне, она увидела удаляющуюся Димину фигуру, согнутую от ветра, заметавшего следы. Яна смотрела, пока Димка не исчез за соседним домом у остановки.

Тогда Яна побежала. Она бежала, запинаясь о сугробы, падая и вставая. Из сумки у неё вывалился сценарий первого выпуска передачи, который написал Руслан, но она даже не подняла его.

Она увидела только, как Дима запрыгнул в автобус и исчез за закрывшимися дверями. Она долго ждала той же маршрутки и залезла в тепло. Люди странно смотрели на её заплаканное лицо. Но ей было всё равно. Ещё пятнадцать минут в автобусе. И пятнадцать минут пешком до его дома на холме.

Дима открыл дверь и пропустил её вовнутрь.

— Ты не успеешь на последний автобус.

— Ну и пусть.

Дима пожал плечами и пошёл в комнату. Яна поняла, что Дима с каждой секундой всё меньше и меньше похож на принца, каким он ей казался вначале. Но он становится более человечным, сложным, непредсказуемым и… родным. Несмотря ни на что.

Как всегда, Дима не хотел говорить. Ни о чём не хотел говорить.

Полоска тонкого света от работающего магнитофона. Кассета кончилась и хлопнула в тишине. Во всём мире люди уже пользовались дисками, а Димка до сих пор иногда включал по вечерам кассеты с «Нирваной».

Янка сидела на кресле, подобрав ноги, и смотрела, как Дима разбирается в своих многочисленных дисках.

Янка вдруг поняла, что задремала, пока Дима выгуливал собаку. Темнота расступалась перед глазами, пока она тёрла их и откидывала волосы на спину. От приоткрытой форточки холод пробирался по шторам и ложился на плед, в который она укуталась. Янке хотелось провести по Димкиному лицу пальцем. Завитки волос, нос, щёки… Светлыми оттенками, как маска, лицо выделялось на тёмной стене.

— Дима…— вдруг поняла Яна.— Дима, милый, мне такие плохие сны снятся в последнее время… Будто ты меня бросаешь. Бросаешь меня непонятно почему. Мы с тобой так мало говорили это время. Дима. Я люблю тебя! Но мне кажется, что ты мне не веришь, ни одному моему слову не веришь.

Яна снова мысленно нежно провела по волосам пальцами. По лицу, шее. Дима не отвечал и по-прежнему сидел к ней спиной. Повернулся. И она увидела глаза — огромные, чёрные, полные презрения. Дима взял стопку дисков и аккуратно поставил их на место. По его худой спине было понятно, что диски свои он любит больше, чем её.

Янка, уже не сдерживаясь, не успевая стирать руками и пледом слёзы, заревела.

— Ты раньше не могла это сделать?! Маму разбудишь… Она уже давно спит.

— Дима, Димочка, ты не представляешь, как я с ума схожу. Почему мы с тобой даже поговорить не можем? Спаси меня. Ты меня не любишь?

— Не любил бы — ты бы здесь не сидела!

Как пощёчина.

Янка слетела с кровати, запнулась о тапочки, которые она оставила около кресла. Голова разламывалась, разлеталась на куски, сердце бешено стучало и рвалось из груди. Бухало, как барабан на похоронах. В темноте еле нащупала собственную дублёнку и сумку. А глаза метались по стенам. Там в темноте висят шарики ещё с её дня рождения, так и не сдулись. Дима выпросил их на следующий день после праздника. На столе, как всегда, стоит мышка с сердечком, которую она купила на занятые у подруг деньги буквально месяц назад. Где-то в столе — её диски, её картинка, которую она ему нарисовала на уроке, её дневник, пачка фотографий. Так ради чего всё это было?

— Яна, ты с ума сошла! Сядь! На улице мороз под сорок, и поздно уже! Ты долго спала!

Но Яна уже застёгивала куртку в прихожей.

— Я устала. Я выдохлась. Разочарована,— повторила она фразу из любимого фильма.— Ты меня бросил вчера, не помнишь?

— Это ты меня бросила!!!

Яна не заметила этой фразы.

— А я притащилась! Надо исправлять свои ошибки! Извини за всё! За хорошее и плохое! За то, что не сумели!

Она вылетела в коридор, сбежала по ступенькам, не оглядываясь. Казалось, он сейчас побежит следом, в одних джинсах и тапочках. Будет просить вернуться. Но он не побежал. И даже когда она обернулась на его тёмные окна, там кто-то задёргивал шторы… Сугробы, пять часов сорок минут утра… Двадцать седьмое февраля. Куда? Зачем? Что это было?

Первая безумная любовь, которая не всем выпадает в жизни? Которую упустили?

Янка разгребла снег, скинула самый грязный верхний пласт. Зачерпнула острые ледяшки и обожгла ими лицо и глаза, красные от этой длинной ночи и слёз. Поёжилась и, уткнувшись в мокрый платок, пошла к остановке.

Кто-то однажды написал в длинной умной книжке, которую им задали законспектировать в Школе: «Есть люди, которые землю называют своею, а никогда не видали этой земли и никогда по ней не проходили. Есть люди, которые других людей называют своими, а никогда не видали этих людей; и всё отношение их к этим людям состоит в том, что они делают им зло… И люди стремятся в жизни не к тому, чтобы делать то, что они считают хорошим, а к тому, чтобы называть как можно больше вещей *своими*».

Яна долго думала над этой фразой, стоя у заплёванной и затоптанной скамейки, пока не подошёл автобус. Смотрела на противоположную сторону улицы, где на тёмном холме стоял дом и спал её музыкант. И дорога эта, как тёмная волшебная река, преграждала обратный путь. Слева она начинала освещаться неоновым светом восхода. Фонари гасли. Солнце куталось от мороза в пуховое одеяло облаков и нехотя просыпалось. Ледяная корка на дороге медленно покрывалась бликами, как крупой. Будто боги рассыпали своё золото, и оно покатилось вниз по холму навстречу Янке.

Глава 15

Мама в синем халате стояла у плиты и устало мешала что-то в кастрюле. Её чёрные густые волосы были собраны в длинную косу. В квартире казалось очень тихо. И только ветер, взвизгивая, бился в стёкла. Мама взглянула на дочь. Медленно и тяжело.

— Мам, я вернулась. Извини, что так…

— Рано?— мама посмотрела на дочку и опустила поварёшку.— Ты же понимаешь, что одной твоей смс недостаточно? Ты пишешь сообщение, что

не будешь ночевать дома, а потом отключаешь телефон! А сейчас сколько времени? Семь утра? Ты где была?

— Мама, мне так плохо…— Яна, расстегнув дублёнку, села на пол в коридоре.

— Что случилось? Ты же умная девочка, мы с отцом тебе доверяем и всегда отпускам туда, куда тебе нужно! Но ты… У тебя глаза опухшие. Плакала?

— Нет, только собираюсь…

И Яна пошла в ванную. Мама подошла к двери, хотела постучаться, но потом передумала и облокотилась о дверную ручку.

— Яна, что случилось?

— Не знаю.

— Ты на чём приехала?

— Я пешком шла… от Школы…

— С ума сошла?

Яна включила воду в раковине погромче, села на кучу нестиранного белья—и оперлась спиной о стенку ванны.

Она закрыла глаза.

Ей теперь казалось, что дни зимой всегда будут начинаться мутно-розовым, а кончаться чёрной мглою за замёрзшими окнами. И что Янка ещё много раз будет врать маме о том, где ночует и почему пропускает занятия в Школе.

— Мам…— позвала она.

— Что с тобой, доченька?

— Я хочу сегодня остаться дома и просто поспать.

— Хорошо.

Яна нашла в себе силы выйти из ванной, промелькнуть мимо кухни незамеченной и упасть под одеяло. Комната расплывалась от вытекающих из глаз слёз. Цветы на подоконнике, ноутбук на стуле, старая наклейка с Винни-Пухом на тумбочке. Под подушкой лежала Димина фотография. Яна, всхлипывая, кинула её под кровать. Потом соскочила, сорвала со стены плакат с Куртом Кобейном, смяла и тоже швырнула на пол.

Бросилась на подушку и зарыдала.

В этот день она в Школу не пошла.

Яна долго не могла проснуться. Ей снилось, что её целуют. Долго-долго длился этот поцелуй, Яна чувствовала, что обнимает кого-то, поднимает руку и проводит ею по волосам.

— Я люблю тебя, люблю,—прошептала Яна и проснулась.

— Родина, Мать и Отец вас зовут! Яна, подъём! Уже обед!

Это был отец. Он тоже не пошел сегодня на работу.

Сон сжался в комок, поднялся над Яниной головой и испарился под потолком. Яна открыла глаза и снова увидела этого глупого Винни-Пуха на тумбочке. Когда она была маленькая и лежала, как кокон, в пелёнках, она, наверное, тоже видела этого Винни-Пуха. Но только при пробуждении ей не было так больно. И зачем Дима случился в её жизни? Без него было так легко и всё понятно. Она всегда знала, что хорошо, а что плохо. И она никогда не врала маме.

Но Яна была собой и получила только этот день, когда нужно заставить себя встать и умыться.

Отец уселся рядом и похлопал Яну по ноге. Морщинки у глаз не улыбались, как обычно, а были взволнованы. Ну вот. Всё-таки на работу он не поехал из-за неё.

— Папа, извини меня. Я больше так не буду.

— У тебя всё в порядке?

Отец знал, что не получит правдивый ответ. Яна поняла, что наступил тот момент, когда она не сможет ему рассказать ничего внятного.

— Будет… будет всё в порядке.

— Хорошо,—отец ещё раз неловко похлопал её по ноге и пошёл на кухню.

Яна посмотрела на потолок—там еле виднелись давно выцветшие звёзды: они с отцом несколько лет назад налепили несколько созвездий. Сами составили их. Созвездия Близнецов, Весов, Северной Короны и Южного Креста.

А ещё Дима родился в один день с её папой. Осенью. Глупое совпадение.

Яна перевернулась на живот, поцеловала в голову Мишутку. Как глупо—страдать из-за Димы и по-прежнему спать с детскими игрушками. Вот что значит—шестнадцать лет. Глупое переходное состояние.

Но Димы теперь нет, поэтому и игрушки она не выбросит—они её защищали всю жизнь и сейчас останутся лучшими друзьями. Пусть они теперь и не разговаривают с ней, как прежде, и вообще стали довольно потрёпанными. Но разве это важно? В детстве Яна считала, что ночью они оберегают её, а днём отдыхают.

Яна разложила Мишутку, Умку и Бабу Ягу на кровати в привычном порядке и потянулась. Она впервые заметила, что у Мишутки нет носа, а место, где, ей казалось в детстве, был его рот, очень грязное. В детстве она его кормила кашей.

Затем провела Яна рукой по карте, которая висела рядом с кроватью. Её края теперь были прикрыты какими-то Димиными плакатами, которые она у него выпросила. Надо будет сегодня снять. Всё-таки «Гражданскую оборону» она слушала только у него.

Отец чертыхнулся на кухне. Видимо, обжёгся чаем. Или макаронами, сваренными в молоке.

Яна стянула со стула в углу—отец с мамой называют его помойкой—мятую футболку. «Буду ходить как бич»,—решила Яна и злорадно усмехнулась.

Яна голыми ногами встала на пол и вздрогнула от холода. Посмотрела на себя в зеркало. Глаза опухшие, прямые волосы еле прикрывают плечи. Умная и красивая. Дима—дурак. Бабушка всегда

так говорит, когда ей плохо. Что мужчины дураки. Какая же у неё умная бабушка!

Яна опять прокралась мимо кухни и закрылась в ванной комнате. Около пятнадцати минут она проторчала под горячей водой. В дверь постучался отец.

— Я ухожу, раз уж ты живая и можешь самостоятельно ходить! Обед на столе! С тебя — приготовленный ужин, раз уж ты себе выходные устроила. И не забудь, что завтра вы идёте с мамой в театр!

— Хорошо! — крикнула ему Яна и легла в ванну.

Заткнула пяткой слив и смотрела, как ванна медленно наполняется водой.

Мечтать было не о чем. Пока не о чем.

Нельзя позволить себе мечтать.

Нельзя думать о Диме.

Надо выйти отсюда и окунуться в работу. Надо быстро дописать этот роман. И написать несколько сценариев для телепередачи, чтобы выбрать из них лучшие для съёмок. А то Руслан написал какую-то «чернушную муть», как выразилась Катя. А Яна эту «муть» даже не открывала. И вроде даже потеряла вчера где-то в снегу.

Да не сошёлся же свет клином на Диме! Есть другие Димы, в конце концов. Стасы, Олеги, Русланы, Саши, Паши разные… У них другие глаза и другая кожа. И пахнут они иначе.

Да, надо писать, садиться за фортепиано. Надо съездить к Кате в гости, напроситься к маме на аэробику. Яна так давно не танцевала!

Яна облилась напоследок холодной водой, чтобы окончательно проснуться, выключила воду и вышла голая в комнату, обернувшись длинным полотенцем. Постояла посреди коридора и вошла в кухню. Всё на своих местах: разноцветные тумбочки для посуды, цветы на подоконнике и уже холодный суп на столе.

Яна развернулась и пошла к себе в комнату. Ей казалось, что она блуждает по странной квартирной траектории. По нарисованным линиям на полу. Как шахматная фигура из набоковской «Защиты Лужина».

Ткнула магнитофон, и там тут же заорал «Элизиум»: «Все острова давным-давно открыты». Яна нажала на паузу, поменяла диск и врубила «Раммштайн». Пусть долбит по голове, чтобы глупые мысли не лезли в голову. Яна сделала погромче, чтобы посуда на столе позвякивала, и снова пошла на кухню. Механически поела. Попила тёплого молока и легла в кровать.

И тут раздался звонок в дверь.

Яна вздрогнула, соскочила с кровати и поняла, что её трясёт. Соседи не любят «Раммштайн»?

А что, если? А что, если это Он?

Яна быстро заскочила в тапочки, накинула мамин халат и посмотрела в глазок. От волнения она сначала ничего не поняла, а потом разочарование навалило, как огромное чёрное пятно на глаза. Ничего не видя от горя, Яна открыла дверь. Там стоял Руслан.

Яна поняла, что у неё по щеке течёт слеза. Она растерянно взмахнула рукой и пошла обратно в комнату.

Сзади раздался голос:

— Так мне можно войти?

— Кто ж тебе запретит? — прошептала она и, укутавшись в одеяло, плюхнулась на кровать.

Только Руслана ей сейчас не хватает для полного счастья.

Руслан прошёл в комнату, сел на стул и неловко покачнулся на нём.

— Ты в порядке? — спросил он.

А Яна глянула на своё отражение в зеркале. Разве, глядя на её лицо, можно задавать такие глупые вопросы?

— Зачем пришёл? — недружелюбно спросила она.

Руслан замешкался и покраснел.

— Ну… Ты же навещала меня, когда я исчез. Я тоже о тебе волнуюсь.

Яна промычала в ответ что-то нечленораздельное и посмотрела в окно. Там опять шёл снег. Когда он, наконец, завалит всё вокруг и не нужно будет вообще никуда выходить из дома?

Руслан вздохнул.

— Ты не пришла в Школу, Димыч тоже не пришёл, а ещё Катя и Ира. Я, как дурак, просидел несколько уроков и поехал к тебе. У вас эпидемия или…

Неужели он и правда ничего не понимает? Яна внимательно посмотрела на Руслана, и тот вновь покраснел. Потом порылся в сумке и достал пачку рисунков.

— Держи. На весь год вперёд хватит.

— Спасибо.

Яне было неловко за свою грубость. Она для приличия перелистнула несколько страниц и ткнула пальцем в какой-то символ над головой главного героя:

— Вас ист дас?

Руслан встрепенулся, подсел к Яне на кровать, отчего она ещё сильнее укуталась в одеяло.

— Смотри, я здесь использовал несколько обозначений… Это известный тебе «пацифик», это «анархия», а это «анк», в египетской мифологии — ключ, символ вечной жизни…

Яна смотрела на шкаф, на Винни-Пуха и на всякий случай кивала. Ей не хотелось сейчас слушать про какие-то международные обозначения. Руслан хотел казаться умным. Да, она поняла. Он умный.

— Ладно, ты устало выглядишь. Можно я завтра утром за тобой зайду, и мы вместе пойдём в Школу?

Яна по привычке кивнула головой и обняла под одеялом колени.

Глава 16

— Ты не куришь? — Яна пристально посмотрела на Руслана.

— Тебе же это не нравится.

Яна удивлённо покачала головой.

— Ну, молодец, что бросил. Может, цвет лица станет нормальным.

— А у меня ненормальный цвет лица?

— Он у тебя странный.

Они шли с остановки в Школу.

Яна любовалась светом зари, падающей сквозь дома на дорогу. Вдоль коричнево-серых линий гаражей и заиндевелых троллейбусов, застрявших от мороза ещё сутки назад посреди дороги.

— Ты знаешь,— говорила Янка Руслану, подтягивая на плече сумку,— в детстве я всегда знала, что солнце, даже если его не видно, когда-нибудь взойдёт из-за гор. У меня за окном было огромное поле одуванчиков, а дальше — горы. Большие, дикие и сказочные…

— Где ты нашла в нашем городе сказочные горы?

— Замолчи. Мама была всегда красивая, как Шахерезада…

— Она и сейчас красивая…

— Да… Она всегда была рядом. И мне казалось, что все идеальные мамы должны быть такие — с большими чёрными глазами, с длинными волосами. Солнце должно каждый день всходить утром из-за гор и светить в окно весь день.

Янка вздохнула. Она очень боялась идти сегодня в класс.

Перед дверьми Руслан спросил оживлённо:

— Ян, давай ты сегодня домой одна поедешь?

— Что случилось?

— Мы с Димычем решили поиграть у Масела.

Яна вздрогнула. Дима как ни в чём не бывало играет в группе с Русланом!

— Ты же ещё не умеешь играть на гитаре!

— Я учусь.

— А ты разве с Димычем нормально общаешься? Ты же говорил, что он болван.

— Ну и что, что болван? Зато у него есть группа. И я буду там петь.

— Ты уже хвастался… Так ты и петь не умеешь! Воешь только!

— Да что ты привязалась? — Руслан стал на ходу быстро запихивать в рюкзак тетрадки со стихами, которые до этого зачем-то нёс в руке. — Я буду им песни писать!

— М-м-м… ну ладно. И всё равно не понимаю: что ты с Димычем связался? То не нравится он тебе, то нравится… — Яна пожала плечами и накинула Руслану свалившийся с его шеи бежевый шарф.

Руслан нервно повёл плечами.

Класс встретил сонных школьников плакатом «Осень — бяка». Кто-то повесил его прямо над входом. Лиза смеялась и как-то демонстративно закатывала глаза. Аня опять рассказывала анекдоты. Кате сказали, что она похожа на Вирджинию Вульф, и она тёрла тени под глазами перед зеркалом, стоя к толпе спиной. Кто-то сквозь шум громко декламировал строки Набокова: «Нас мало — юных, окрылённых, не задохнувшихся в пыли, ещё простых, ещё влюблённых в улыбку детскую земли». По стенам были развешаны новогодние рисунки Руслана с депрессивными драконами и готическими девочками. Когда его спросили, почему он всегда рисует такие страшные иллюстрации с высунутыми и скрученными языками или лужами крови, он ляпнул: «Я немного Достоевский». Кто-то старался включить старенький граммофон пультом от кондиционера.

Весь класс сегодня пораньше собрался в Красной аудитории, рассевшись на большом диване и на деревянных стульчиках около круглого стола. На чайный столик уже вываливались коробки с печеньем, и сильно пахло заваренным «Ройбушем». Около стен стояли стеллажи с книгами и толстыми фотоальбомами, которые быстро заполнялись творческими работами и фотографиями с мероприятий. Надежда Васильевна заказала стилизованные под старину длинные подсвечники. Теперь Янке эта комната напоминала литературную гостиную девятнадцатого века, в которых читали свои произведения Пушкин с друзьями-лицеистами.

Всё как всегда. Только Димы пока не было.

— Ребята,— не здороваясь, начала Надежда Васильевна, едва войдя в комнату. На этот раз у неё были красные длинные серьги. — У нас на носу день рождения Школы! Не могли бы вы дружной компанией написать и разыграть какую-нибудь сценку? Пусть там участвуют музы! Да, музы! Отличная идея,— Надежда Васильевна гордо приподняла подбородок. — Алёна, ты будешь музой любви. Хорошо, ребята? А Руслан — Аполлоном! Все согласны?

Яна критически осмотрела Руслана и подумала, что уж на кого-кого, а на бога он никак внешне не тянет. Маленькие глаза, прижатые к длинному носу с горбинкой. Низкий рост и кривые передние зубы. Да, сильные ноги, сильные и накачанные руки! Но ведь, кроме Яны, никто этого не видел. И то в тёмном коридоре его подъезда.

Надежда Васильевна вещала дальше:

— Я вам подсказывать больше не буду, думайте сами! Пусть этот вечер станет самым незабываемым вашим праздником! Янка, ты могла бы опять сыграть нам на фортепиано на вечере? Согласна?

Яна покорно кивнула и оглядела одноклассников, не обращавших на неё никакого внимания. Руслан раскладывал тетради на столе, Катя шептала что-то на ухо Аньке.

— Ребята, приготовьтесь к тому, что весна у нас будет очень напряжённой! — воскликнула Надежда Васильевна. — Нам грозит очередная аттестация. К нам регулярно будут приезжать телевизионщики. Фактически мы превратимся месяца на два в шоу. Вас совсем немного. У каждого возьмут интервью.

Каждый будет читать свои произведения на радио и на телевидении. Мы проведём два больших литературных конкурса, в которых вы, конечно, должны участвовать. Презентация литературного сборника. Подготовка к первой публикации в литературном журнале! Придётся поехать и читать свои тексты детям в другую школу. Скоро к нам приедет мэр города!

И вдруг в класс вбежал Дима, радостно всем улыбнулся и уселся на стул напротив Яны. А та забыла, как дышать, вцепилась пальцами в стул и опустила лицо. На её счастье, Катя обернулась и спросила про какую-то контрольную работу по русскому языку. Фонетические разборы.

Надежда Васильевна сердито посмотрела в их сторону и продолжила:

— Одним словом… Мы должны будем постараться, чтобы нас продолжили финансировать. Мы должны превратиться в одну большую, крепкую семью. В большой клубок. Мы…

Кто-то ткнул Янку в ногу. Это была большая нога в чёрной лаковой туфле. Яна посмотрела на Диму. Он сделал вид, что ничего не было.

«Вот как странно,— подумала она,— такая здоровая нога, и лицо такое… такое…» Яна прищурилась. Лицо ангела. Немного отросшие золотые волосы под «каре». Тонкое лицо. Именно тонкое и хрупкое, как цветок. Яна не выдержала, открыла блокнот и стала его зарисовывать. Она не хотела этого делать и обычно не рисовала никого с натуры. Тем более людей, которые её бросили. Янка обвила ногами стул, чтобы больше не прикасаться к Диме, и грустно вздохнула. После позапрошлой ночи Янка не хотела ничего слушать про крепкую семью и какие-то клубки. Она видела по скучающим лицам одноклассников, что вся ответственность опять упадёт на её плечи.

Надежда Васильевна тоже перевела дыхание.

Вошёл Ильдар Романович, их главный мастер по творчеству, и, поприветствовав лицеистов папкой каких-то бумаг, сел на своё почётное место. Янкина бабушка говорила постоянно, что Ильдар Романович — очень известный в городе человек. Одно время даже был помощником мэра, редактором толстого московского журнала. Ему до сих пор звонили директора золотопромышленных заводов, а губернатор области ездил к нему на дачу попариться в бане. Но для Янки он был просто Учителем. С раскосыми сибирскими глазами и чёрной шевелюрой. Он вызвался помогать Яне с публикацией в газете.

— У меня для вас сюрприз! — ушедшая было Надежда Васильевна вернулась в класс и опять вышла к доске.— Извините, Ильдар Романович, я буквально на одно слово.

Мимолётно провела рукой по книгам на правом стеллаже. Янка подумала о том, что когда-нибудь на нём будут стоять и её книги.

— Ребята, у нас через месяц ещё и награждение лауреатов журнала «Парнас». Получат несколько человек из города, из наших ребят — Яна и Руслан. Надеюсь, специально приглашать никого не надо? — она улыбнулась.

— Не надо! — рявкнули все.

А Ирка с завистью глянула на Янку. Ирка была на голову ниже её. Очень симпатичная и миниатюрная девочка.

Руслан оторвался от своих стихов и посмотрел на Яну.

— Что рисуешь? — шёпотом спросил он и потянулся за её блокнотом.

Янка вдруг дёрнула блокнот на себя и покраснела:

— Не покажу. Чего ты лезешь?

Руслан не отпускал блокнот. Пальцы у него тоже были сильные. Не только ноги. Послышался противный хрип рвущейся бумаги.

— Хорошо, начнём… — Ильдар Романович потеребил очки, перелистывая тетради.— Руслан, Яна, прекращайте свою возню!

Руслан обиженно откинулся на стуле. Яна быстро засунула мятый блокнот в сумку.

— Яна, ты принесла тексты на обсуждение? Где они?

— Они — везде… Интернет — Всемирная паутина,— Яна, переведя дыхание, молча поблагодарила Ильдара Романовича за спасённый рисунок.

— Дошутишься ты у меня… Ты принесла распечатку?

— Принесла,— Яна пошарила рукой в своей сумке и достала толстую пачку бумаг.

Ильдар Романович хмыкнул и, просматривая текст, стал вытаскивать из Янкиной повести чистые, не пропечатанные листы.

— Яна, у тебя в тексте слишком много белых пятен.

Все засмеялись, а Яна набросила на краснеющие уши волосы.

— Ладно. Начну с задания. Напишите к следующей неделе (все взяли ручки и прислушались к нему)… пародию друг на друга. Должно быть интересно. Дима на Дашу, Яна на Руслана, Рита на Катю и так далее… Ян, почему у тебя такое лицо? Ты чего-то не поняла? Смотрите все. Примитивно и на ходу — пародия на нашу Яну, на её попытки написать роман для газеты, чтобы был понятен принцип. Все читали её роман? Они шли и шли, шли вверх, потом вниз, потом снова вверх, потом снова вниз. Слева была гора. И справа была гора. Устали, поговорили, кого-то встретили и опять пошли…

— Сказка про белого бычка,— ляпнул кто-то сзади.

Яна зло повернулась назад. Димка смотрел нагло ей в лицо и улыбался. Но весь оставшийся день они делали с Димой вид, что не замечают друг друга, и даже не разговаривали. Когда Яна столкнулась с ним в общем туалете, то Дима ловко увернулся и пошёл в класс.

Янка надевала старое чёрное пальто в небольшой прихожей Школы. Почему-то молча и в стороне от подруг. Вышла в одиночестве на улицу, наступила на тонкий лёд и провалилась в лужу. Подошёл Дима.

— Ты со своим «немного Достоевским» сейчас домой? Пешком?

— Нет, мы на концерт. А ты хотел с нами до дома?

— Да, подумывал… Ладно, тогда до завтра.

Дым от сигареты попытался окутать ему волосы, но порывом ветра его отнесло и запутало в голых ветках деревьев. Дима широко зашагал к арке, недовольно поправляя длинный воротник куртки. Яна хотела окликнуть его, поговорить о том, как им быть дальше. О таявшей земле и заходящем солнце. Но сзади хлопнула дверь, и Руслан примирительно обнял Янку за плечи.

На улице было по-прежнему очень холодно.

— Ты рукавицы дома забыла? — спросил Руслан и без предупреждения взял Яну за руку.

Он грел её пальцы, хотя его рука тоже была красной и замёрзшей. Блестящие шары отсвечивались в окнах на другой стороне улицы. Утомительные подмигивающие гирлянды в сияющих бутиках вдоль всего тротуара сливались в одну карусель. Прохожие шли медленно, улыбаясь друг другу и тем, кто шёл навстречу. Янка тоже улыбалась. Она выдернула наконец руки у Руслана, засунула их поглубже в пальто, запихнула нос в белый шарф и улыбалась сама себе, согреваясь дыханием. Мороз всё равно пробирался к лицу, строил ледяные стены на внутренней стороне шарфа. Ресницы слипались от инея. И от этого мир становился радужно-новогодним.

В колонках городского радио на всю улицу играло что-то праздничное и иностранное. Краевая библиотека возвышалась над светящимися надписями и уходила вершиной в темноту, будто напоминая о том, что учебный год, несмотря на мартовский холод, ещё продолжается. И нет ему конца.

Янка очень любила их маленький центр города. Исторические четырёхтажные дома были раскрашены в разные цвета, балконы обрамлены лепниной восемнадцатого века. Надо было просто поднять голову и заметить их красоту. Самый красивый город на земле. Кто-то считал их городок маленьким. Кто-то говорил о том, что он разросся за последние пять лет и превратился в настоящую краевую столицу. Яна всегда чувствовала, что её родной город, за пределы которого она ещё никогда не выезжала, затерян среди бесконечных гор со снежными пиками. Его окружает тайга, вьющиеся среди гор реки. Будто и не было самолётов, поездов, соединяющих их город с остальным миром. Земля Санникова.

Занятые горожане, конечно, мало интересовались архитектурой своего города. Несколько тысяч людей ежедневно пробегали по улицам мимо памятников двухсотлетней давности, проходили по своим делам, на работу, в офисы. Да и неловко было даже разглядывать эти фигурки ангелов, богатырей и витиеватые грозди винограда, когда все спешат по своим делам, сбивая с ног зазевавшегося пешехода. Если кто-то остановился и посмотрел наверх, значит, он — деревенщина из области или иностранец. Таких обычно гордо обходили и бежали дальше.

— Как холодно, Руслан… — пробормотала Янка.

Ей было грустно. Она заставляла себя улыбаться Руслану, но чувствовала себя не в своей тарелке. Как будто она шла по чужой дороге с чужим ей человеком. Если бы здесь был Дима…

— А до филармонии ещё час топать по центральному мосту и центру… Мне бы сейчас укутаться в одеяло, тёплое-тёплое…

— Да, в одеяло с крокодиловой кожей…

— На оленьем пуху…

— С оленьими рогами, пантами…

Янка глухо засмеялась и толкнула Руслана плечом. Снег валил хлопьями, город расцветал перед ночной жизнью. Янка вздрогнула от затянувшегося молчания и этого странного чужого ощущения.

— Что ты сейчас читаешь?

— Блока. псс.

— Чего?

И почему Руслан на элементарный вопрос не может по-человечески ответить?

— Полное собрание сочинений. Я не понимаю, как такой умный человек мог жениться на этой… Любови Дмитриевне Менделеевой.

— Обычно такие вопросы себе задают девочки! — Янка засмеялась. — Она так похожа на своего отца. Волосы тёмные, глаза… Кстати! — Янка даже подпрыгнула от неожиданной мысли. — Тебе не кажется, что она похожа на нашего Ильдара Романовича?

Руслан поморщился. Ему не нравилось, когда кто-то другой делал гениальные открытия вместо него. А Яна продолжала:

— Менделеев из Тобольска! Ильдар Романович тоже из Тобольска! А кто жил в Тобольске? Татары. Вот тебе и вывод, почему Любовь Дмитриевна Менделеева тоже похожа на Ильдара Романовича. Не удивлюсь, если они дальние родственники. А интересно было бы их родословные сравнить.

— Тебе своих занятий не хватает? — проворчал Руслан.

— Как круто! Мне хочется сделать что-нибудь глупое… Например, закричать. Можно?

— Давай, — Руслан засмеялся.

— *Я всех люблю!!!*

Люди обернулись, кто-то покрутил пальцем, одна женщина сказала грубо:

— Дура тупая.

— Ты чего кричишь, как лосиха во время весеннего гона? — Руслан всё ещё смеялся.

— Я не виновата, мне весело!
— А, ну да, конечно, весна ведь…
— Глупый! Ты знаешь, когда я дома нахожусь, то так себе нравлюсь! Так нравлюсь! Такая красивая! А как прихожу в Школу, взгляну в зеркало — так такая страшная, даже хочется спрятаться в капюшон и исчезнуть. И платье это глупое.
— Ян, так ты не ходи мимо зеркал!
— Да ты знаешь, не получается… там везде в Школе зеркала! Идёшь по коридору, а там все стены в зеркалах! И в кабинетах! Перед каждой партой! И даже в туалете зеркала!
— Мне бы твои проблемы…

Яна поняла, что несёт чушь, и замолчала. Ей иногда казалось, что Руслан любит слушать только себя.

Они дошли до филармонии. Мама, замёрзшая, обняла Яну, дала по бесцветному билету, и они зашли в тепло. В антракт, схватив Янку за руку, Руслан потянул к какой-то двери, оставив маму одну. После третьего звонка Руслан сказал:
— Больше туда не пойдём.
— А мама?

Янке стало стыдно. Хотелось вернуться обратно и дослушать Моцарта до конца.
— Значит, пойдём попозже. Ты здесь все закоулки знаешь, веди! Сколько раз ты уже здесь выступала? Хочу за сцену и в подвал! И не ковыряй в носу — мозги поцарапаешь…
— Я не ковыряю! Это пыль…

Яна чихнула и потащилась за Русланом. Плотные старые занавесы, декорации от каких-то спектаклей, сломанный рояль. Всё это было волшебно и таинственно. В этом концертном зале она несколько раз выступала на джазовых музыкальных конкурсах. И много раз выигрывала. Поэтому чувствовала себя тут как дома. Она прыгнула на стол, заваленный костюмами.
— Вот тут я люблю бывать.

Руслан огляделся.
— А почему ты меня пригласила на концерт?
— Потому что папа пойти не смог, и пропадал билет.
— А Дима?

Яна села на стол.
— А что Дима? У Димы, наверное, другие планы. Давай о чём-нибудь ещё поговорим?
— Давай.

Яна заметила, что Руслан очень доволен.
— Расскажи самое ужасное, что с тобой произошло в последнее время.
— Ну… — Руслан замешкался. — Мой отец нашёл котёнка. Он ждал маму из магазина, и котёнок заскочил к нему в машину. Отец не любит животных. Но тут он даже не раздавил его со злости, а взял домой.
— У тебя очень злой отец?
— Он… не знаю. В общем, у нас никогда не было животных в доме. И вдруг — котёнок. Мама с папой отвезли его в деревню — вроде как на свободу, на волю. Мы прозвали его Апельсином. Он ластился, прыгал по стенам, гордо приносил мышей. Я люблю нашу деревню. И могу много о ней рассказывать. Например, однажды в деревенском колодце утонул пьяница, а никто об этом не знал, все пили эту воду около года, пока тело, почти нетронутое в холоде, не достали оттуда.
— Ужас, — Яну передёрнуло.
— Так вот, о котёнке… Вчера отец сказал, что нашёл Апельсина мёртвым на крыльце. Оказалось, он бегал по огороду соседей, а они подманили его, задушили и перекинули через забор. Даже не оправдывались. «Не фиг вашему рыжему бегать по нашему участку!» Так сказали, и всё. Люди вообще добрые.

Глава 17

Так незаметно прошёл месяц и наступили последние дни марта, а с ним — и первые съёмки.

С Димой они не разговаривали. И с Катей тоже не разговаривали.

Катя однажды позвонила Янке домой в час ночи и стала кричать, что она её ненавидит. Что Яне не нравится Руслан, а Кате, наоборот, нравится, и что Яна — сволочь. И что Катя просила подумать её о выборе, а Яна плывёт по течению и вообще не способна мыслить. И положила трубку.

Зато у Яны без личной жизни появилось много времени на работу.

Яна за две недели написала тексты на восемь ближайших выпусков газеты и на полученные деньги купила маме с папой подарки. А себе — три новых коротких платья.

Яна решила не заваливать академический экзамен в музыкальной школе. Даже если она не связывает свою будущую жизнь с музыкой, это не значит, что она может подвести Нину Николаевну и забыть о собственном труде в течение последних шести лет. После Школы Яна два часа честно сидела за фортепиано и смотрела, как её руки автоматически заучивают пассажи. А сама в это время думала о том, как закрутить сюжет в романе.

Когда-то она думала, что её роман в малотиражной газете родного города сможет как-то повлиять на её жизнь. Что в мгновение ока Янка станет известной. Но… ничего подобного не произошло. Правда, за три месяца публикаций газета увеличила тираж. Но редактор никак не связывал это с Янкиной литературной деятельностью. В редакцию стали приходить странные письма от женщин, которые рекомендовали автору, как лучше писать и как повернуть сюжетную линию трёх главных героинь. Редактор очень радовался подобным откликам и звонил в Школу, чтобы дать совет Янке. Иногда ей казалось, что он забывал о её возрасте и предлагал написать вещи, совсем уж недопустимые в шестнадцать лет.

Янке от этого становилось грустно. Иначе она представляла себе свой первый литературный труд. Поэтому и корпела над текстом несколько вечеров подряд. Чтобы отдать редактору готовое продолжение и поставить его перед фактом.

Затем редактор повёл себя совсем уж странно. Он решил уменьшить Янкин гонорар под предлогом, что откликов на её роман приходит слишком мало. Подумав немного, Яна усадила всю семью за письма. Она продиктовала маме, папе и бабушке всё самое лучшее, что она могла сказать о своём литературном детище. Дважды проверила их письма и заставила переписать то же самое, но с ошибками, которые могли бы сделать домохозяйки, читающие романы с продолжением на оборотах телепрограмм и искренне сочувствующие их героиням.

Затем Яна прошла с Русланом по соседним почтовым отделениям и купила три разных конверта.

На один она поставила стакан с кофе, на второй побрызгала отцовским одеколоном, а третий разрисовала сердечками. Отправлять их она тоже решила с разных концов города, чтобы штампы её не выдали.

Пока она таким образом пыталась хоть немного отойти от усталости, в Школе Ильдар Романович разнёс её короткий рассказ. Он возмущённо говорил, что халтура халтурой, но Яна должна в свои шестнадцать лет различать хорошую литературу и заработок. Он ругался с Надеждой Васильевной из-за того, что та отправила его лучшую ученицу писать глупый роман для дешёвой газеты, вместо того чтобы Яна тратила свободное время на чтение классики. А Яна хлопала глазами и не могла понять, чью же сторону она принимает.

Но рассказ пришлось переписать трижды, прежде чем Ильдар Романович молча принял его к печати. Он нещадно перечёркивал целые фразы, выделял отдельные слова, заставлял чистить текст, заново перестраивать композицию, вводить второй план.

Теперь Янке уже некогда было мыть за классом чашки. Этим занималась новенькая девочка, странное имя которой Яна постоянно забывала. На перемене Яну то вызывала Надежда Васильевна, то звонил назойливый редактор.

Однажды на творческом семинаре, сразу после того, как весь класс освободили от математики и Ильдар Романович решил провести два дополнительных занятия по драматургии, вошла Надежда Васильевна и грустно подошла к мастеру. Она положила ему стопку распечатанных текстов на стол.
— Посмотрите: мне кажется, или он издевается? *Как* я могу это опубликовать в журнале?

Так как класс уже пребывал в катарсисе от трёхчасового творческого мозгового штурма, Ильдар Романович радушно отпустил всех погулять пять минут. В классе остались только преподаватели, Катька и Яна.

— Нам нужна эта публикация. Но разве это похоже на литературу?

Ильдар Романович покосился на Янку, которая сделала вид, что ничего не слышит и не видит, и забубнил:
— «Я не вижу его, я не вижу её, я никого не вижу. А всё потому, что здесь никого нет. Я здесь один. И нескоро сюда кто-нибудь придёт». Ну что ж…
— Вы дальше читайте! Там пять страниц *такого!*
— «Я не люблю его, я не люблю её, я никого не люблю. Хотя нет! Я обожаю одну красавицу. Она сидит прямо в углу. Она ослепила меня своим личиком, а глаза! В них видна жизнь, радость и мучения. Я сижу и просто восхищаюсь ею… жаль, что она меня не замечает. И я тоже не замечаю его, я не замечаю её, я не замечаю никого, сидя в своём кресле с гитарой». Ну что вы нервничаете, они же подростки! По-моему, неплохо.
— Ильдар Романович, вы, как всегда, прочитали самое лучшее. И вы слишком добры!

Яна сжала в руках ручку. Она нервно скручивала и закручивала обратно колпачок до тех пор, пока он не выпал из её рук и не покатился куда-то под парту.
— Пусть дети экспериментируют! Зато здесь нет ни одной грамматической ошибки!

Янка поняла, как она любит Ильдара Романовича. И то, как он щурится, и эти морщинки, и чувство юмора, которым он всегда успокаивал усталых преподавательниц их Школы.

Вдруг у Надежды Васильевны зазвонил телефон. Она нервно выхватила его из красной сумочки, и через секунду её глаза округлились:
— Какой кошмар… да… Да!.. А как же…

Когда она выключила телефон, то ещё несколько секунд смотрела в стену, а потом закричала:
— Яна! Руслан! Стас!

Ильдар Романович поморщился.
— Ну что же вы, сударыня? Яна прекрасно вас слышит!

Надежда Васильевна схватила Янку за руку и потащила вон из класса.

По дороге в студию, куда они летели в такси, Надежда Васильевна старалась всё объяснить. Оказывается, телеканал, на котором они так долго планировали снимать собственную подростковую передачу, сделанную самими же подростками, давал им студию и аппаратуру для съёмок пилотного выпуска только на два часа. И только через двадцать минут.

Яна сидела между Русланом и Стасом на заднем сиденье маленькой машины, и её колотило. Она начинала понимать, что роман романом, но телевидение—это нечто совсем другое и страшное. За газетой и телепрограммой можно спрятаться. Но здесь она будет стоять перед камерой. Не будет даже рояля, которым можно загородиться

от зрителей. Там будет только она, заикающийся Руслан и Стас за камерой. Зачем же она согласилась?

Яна в ужасе закрыла глаза и почувствовала, что её тошнит.

В студии все кричали и не могли разобраться, что же происходит. Надежда Васильевна, как курица-наседка, что-то бурно выясняла с продюсером телеканала. Двое мужчин быстро меняли декорации и вытаскивали на середину студии какие-то вещи, которые, очевидно, создавались по рисункам Руслана. И почему Яна это не проконтролировала?

На столике у камер, а в студии было очень много камер, свисающих с потолка, катающихся по полу, стояли две грязных чашки из-под кофе. Янке вдруг захотелось уйти с ними в туалет и помыть. Спрятаться, закрыться. Только чтобы не стоять перед камерой и несколькими тысячами людей. Она совершенно не помнила текста. Пальцы бегали по ноге и нервно вспоминали выученные для академического экзамена ноты. Какая-то девушка подошла к Янке, хмыкнула и бесцеремонно приподняла её волосы на затылок. Стилист? Парикмахер? Местная сумасшедшая?

Мимо прошла ведущая утренних новостей и, сонно попрощавшись, удалилась.

Кричала продюсер, указывая на ужасные декорации. Кричала Надежда Васильевна, тыкая в продюсера каким-то договором. Стас с дрожащими руками стоял рядом с местным оператором и кивал головой. Руслан куда-то исчез.

Как-то в этой суматохе Янка оказалась в новом платье, совершенно ослеплённая прожекторами, напротив тумбы. Шум вокруг постепенно стих. Надежда Васильевна ушла. Вместо неё посреди тёмной студии стояла невысокая блондинка в длинном голубом свитере и стучала указательным пальцем с длинным ногтем по щеке.

— Меня зовут Света. Теперь я ваш продюсер. Думаю, сегодня за два часа мы только научимся держаться перед камерой, не комкать слова, не торопиться и улыбаться. Главное — улыбаться. Улыбнись!

Яна вдруг поняла, что девушка обращается к ней. И улыбнулась.

— Так ты будешь улыбаться, когда твой друг вернётся из туалета. Самое ужасное, когда от паники люди бегают в туалет. Ещё раз улыбнись. Расслабь руки. Не держи их перед собой. Не теребиплатье, оно дешёвое, но моё. Смотри на меня. Теперь смотри в камеру. В левую камеру. В правую камеру. Снова переводим взгляд на меня. Ты когда-нибудь выступала перед людьми?

Янка сглотнула. Она ничего не видела перед собой.

— У тебя профессиональный уверенный вид. Главное — не упасть в обморок. Сейчас — записи передачи. Со временем, если твой друг вернётся из туалета, мы выйдем в прямой эфир, так как аренда студии очень дорогая. А запись ещё дороже.

Когда людей много — выступать легче. Можно смотреть им в глаза, чувствовать настроение. Но когда перед тобой никого нет, но нужно улыбаться, говорить и вести самой с собой диалог, то это полное сумасшествие. Мама всегда запрещала Янке крутиться перед зеркалом и общаться самой с собой. Теперь бы этот навык очень пригодился.

В дверях, как человек в чёрном, появился Руслан. Янка никогда не видела его таким испуганным. По просьбе Светланы он улыбнулся ещё хуже, чем Яна.

Прошли первые три заранее записанных выпуска передачи по местному каналу. И Яну стали узнавать в Школе. Кто бы знал, сколько дублей пришлось им сделать, чтобы на экране это выглядело более-менее естественно. И сколько пота стекло с Яны под этими прожекторами в течение записи.

В субботний апрельский день Янка сидела перед студией, волновалась и поедала сладкую булочку за десять рублей. Джинсы были запачканы тушью — пролила на занятиях по рисунку. Её волосы отросли ещё сильнее и, когда она наклонялась, чтобы дотянуться до лежащего рядом пакета, доставали до колен.

Из офиса телеканала был виден правый берег города и горы, которые считались почему-то заповедником, хотя все школьники проводили там с учителями выходные и учились пить. После этого они демонстрировали друг другу чудеса скалолазания по самым лёгким горам и иногда насмерть падали вниз. Но, даже несмотря на это, горы были местом самого активного паломничества горожан.

Янка же там была всего раз. Однажды отец взял её с собой и оставил ненадолго в домике профессиональных скалолазов, пока сам с друзьями ушёл покорять очередную вершину. Янка знала, что надо молчать. И об этом походе, и о том, что отец оставил ребёнка одного в зимнем доме посреди леса. Маме не стоило об этом знать. За эти пять часов шестилетняя Янка изучила весь дом, выспалась, обожглась о горячую печку (на улице стоял январь с тридцатиградусными морозами) и нашла интересный журнал с непонятными картинками под подушкой у одного из хозяев. В нём рассказывалось о голой женщине, привязанной к кровати, которую спас такой же голый летающий мужчина.

Сейчас в заповеднике уже не то. Множество надписей «Лёха был тут» и бутылок под деревьями.

Подскочил Руслан и свалился на стул рядом.

— Нет, слушай, я всё равно боюсь камеры! Я начинаю волноваться за несколько дней до записи! А сейчас у меня просто все струны выпали, и все дела! А ты как? Боевой Чижик, доложи обстановку! — Руслан откинулся назад и чуть не упал вместе со стулом.

От его коричневой куртки невкусно пахло нагретой солнцем искусственной кожей. Он отращивал волосы. Видимо, чтобы не отставать от Димкиного имиджа. Яне это очень не нравилось. Сначала гитара, потом внешность. Всё равно ему не удастся стать таким же красивым, как Дима. Он—умный. Дима—красивый. Это закон природы.

— Знаешь, я вчера учила лекции к экзамену по зарубежной литературе. К концу дня начала лаять и биться головой об стенки.

— Чижик, это неэтично!—Руслан покачал головой и снял куртку. Подошёл к зеркалу и поправил волосы.—Когда нас в гримёрку пустят?

— Попросили минутку подождать… А ещё экзамен по поэзии двадцатого века. Это же с ума сойти можно! Но я не могу в таком объёме всё воспринимать! Я знаю наизусть восемь стихотворений Есенина, двенадцать Ахматовой, семь Маяковского…

— О, Маяковский!!!—Руслан понюхал огромные лилии в белой вазе на столе. Чихнул пыльцой.— Аллергены!

— И много других стихов знаю! Но мне это не поможет! Хочу прийти на экзамен и увидеть объявление: «Все билеты проданы. Экзамен отменяется». Сегодня буду грызть плинтус.

— А Дима вчера новую девочку на «репу» приводил. Очень милая.

Янка замерла, задохнулась и запястьями с разноцветными фенечками незаметно протёрла глаза.

Хотелось со всей силы двинуть Руслану по лицу рукой и бежать, бежать прочь от видимой идиллии. Пролететь над этими горами за окном и остаться абсолютно одной. Вернуть свои пятнадцать лет, вернуться и отмотать назад, и никогда не слышать таких слов. И всё сделать по-другому. Поговорить с Димой. И не чувствовать два месяца этой пустоты и одиночества.

Тишина ужалила в уши.

Янка вытащила из вазы лилию и положила на грудь. Прислушалась к себе, и ей показалось, что сердце бьётся сосущими, как насос, толчками.

— Ладно, пошли,—выдохнула наконец Яна и направилась к гримёрке.

— Возьми вот диск, послушай!—Руслан протянул Яне какую-то коробочку.

Яна обречённо вздохнула.

К её несчастью, Руслан считал себя меломаном. Панком, рокером, джазменом, поэтом, философом он себя тоже считал. Но больше всего—меломаном.

В их городе быть рокером было круто. Все цепляли чёрные балахоны с центрального рынка, где они продавались только у одного бородатого мужика, закупавшего их в далёкой Москве. Менялись напульсниками, не мыли неделями голову и дышали друг на друга нечищеными зубами. Ухаживать за собой считалось позорным. Руслан с некоторых пор расчёсывался только перед записями для передачи.

В «шмотниках» за спинами все носили по двадцать-тридцать кассет самого крутого «говнопанка» всех времён и народов. И делали вид, что понимают, о чём поют «Ramones». Учиться играть на музыкальных инструментах в музыкальной школе было равносильно учёбе в Оксфорде. Круто было не уметь играть вообще, но копить на самую дешёвую гитару, микрофон и записывать на кассетный магнитофон «лабуду», придуманную ночью под столом.

Утром доставались грязные скомканные листочки с гениальными творениями из чужих джинсов и «пелись» с такими одухотворёнными лицами, которые наверняка бы отбили пару тысяч фанатов у «Скорпионс».

Они, друзья Руслана, думали, что панк—это субкультура.

А из панка и рока они находили самые депрессивные и плохо сыгранные группы. То есть легенд мировой рок-музыки слушать можно было, но говорить нужно было только о неизвестных группах.

Руслан каждый день брал у друзей по нескольку новых дисков, скачивал гигабайты музыки на флешку и передавал их Янке. А на следующее утро спрашивал, что она обо всём этом думает. Янка ничего не думала. Она любила из всей этой коллекции только Александра Башлачёва и «Зоопарк».

Приходя в гости, Руслан ставил диск какого-нибудь индуса, решившего, что он—новый Шаляпин. Иногда Руслан врубал на всю катушку звуки, напоминавшие хлопанье крышек от кастрюль. Где-то в середине «произведения», когда Янкины очумевшие родители забивались на кухню и захлопывали дверь, Руслан восторженно кричал: «А здесь, слушай, здесь он крышкой давит помидоры!»

Яна намекала ему, что есть на свете ещё и другая, более мелодичная музыка, но Руслан мотал головой и принимал такой обиженный вид, будто Яна была буржуем, а он—рабочим с завода, которому зачем-то дарят клавесин. И на следующий день снова ставил «нойз», кислотный джаз, японский фольклор.

Однажды Яна слышала, как её отец говорил маме: «Он же псих!» А мама успокаивала его словами, что дети перебесятся и, дай Бог, расстанутся. Или он Янку бросит, если уж их девочке в художественных, музыкальных, танцевальных и английских школах так и не привили вкус к качеству и культуре. А обучение в литературном специализированном классе не прибавило мозгов…

— Прости, не будет у меня времени слушать твою музыку,—ответила Яна.—У меня вот другие проблемы. Например, иногда мне кажется, что здесь меня всегда будут воспринимать как талантливую девочку-самородка, не замечая того, что эта

девочка уже скоро вырастет и будет готова работать, продолжать то дело, которому её учили. Но ведь никто не заметит и не пригласит! «Ах, как твои дела, Яночка? Ах, как же сложно стало учить детей! Ох, работать за такие гроши некому в нашей Школе! Что грустишь, Яночка, денег на жизнь не хватает? Так иди в газету какую-нибудь, напиши про гидроэлектростанцию. Или вторую часть женского романа». Тьфу, как же надоели эти псевдолитературные изыски, сил нет! Сюсюканья сплошные. Ах, ребятёнок написал новый стишок, давайте дадим ему премию мэра города! Ты помнишь, что было на прошлой неделе? У меня теперь есть фотографии с мэром! Но премию нам с тобой так и не дали. А дали денег девятилетней девочке. Значит, мы с тобой вроде как вышли из гениального детского возраста.
— Нам с тобой совсем недавно такую же премию давали.
— Да! Это была взрослая премия. И мы им казались гениальными детьми!
— Кстати, девочка очень хорошие стихи пишет.
— У неё имя хорошее. Запоминающееся. Лучия. А стихи… Как же, как же там?.. Помню только последние строки! «Про то, как — автобусы, холод и лёд, и каждое утро в школу девочка шла».
— А мне казалось — это очень хорошее стихотворение! Что ты опять завелась? — Руслан обиженно смотрел на неё со своего стула.

А Яну раздражали его взгляд и куртка, пахнущая собаками.
— Может быть, и хорошо, раз я запомнила. Но грань между хорошим и плохим у меня давно уже размылась. Розовые очочки, стихи на крышах. Премии за каждый недоработанный рассказ. А потом Ильдар Романович говорит: чисти текст, чисти! А зачем чистить, если *всему* нашему классу должны дать премии? В разных конкурсах. И все это давно поняли.

Яна, не оглядываясь, вошла в гримёрку. Через некоторое время Руслан вошёл следом.
— Вот скажи как скороговорку много раз фразу: «Тётя чуть чего — Тютчева читает». Вдруг полегчает? — Руслан скрылся за занавеской, чтобы переодеться.

В гримёрке было тесно. В одном углу стоял зачем-то железный тренажёр, сломанный и занимающий половину пространства. На нём обычно висели приготовленные вещи для ведущих утренних передач. Рядом на стене болтался одним краем портрет Велимира Хлебникова. На противоположной стене на него сердито смотрел Владимир Маяковский.

Дожидаясь, когда Руслан переоденется, Янка вышла на балкон и стала рассматривать прохожих. Иногда они шли из гаражей в соседний район. Иногда на длинной деревянной лестнице, ведущей из района Черёмушки к офису телеканала, собирались старшеклассники трёх соседних школ и выясняли отношения. Кастеты, дубинки всегда приносились с собой, но никогда ещё не применялись. Криков не было. Иногда сдавленные слова обрывками доносил ветер. Толпа, рассредоточившись по лестнице в триста ступенек, ходила ходуном. Мальчишки мяли друг друга руками, до ссадин и взбухших глаз, пока кто-то с соседнего этажа не кричал: «Шухер!» — и вся толпа в двести человек за несколько секунд умудрялась растаять и размазаться по грязным кустам, оврагам и гаражам, которых было несчётное количество. Гаражи — как символ дикого детства. Прыжки по их крышам, лабиринты грязных железных и бетонных коробок. И когда Янка последний раз просто так гуляла по городу?

Яна вошла обратно в гримёрку и вдруг упала на пол. Двенадцатиэтажный дом на холме будто лихорадило и выворачивало наизнанку, как после отравления. Качалась люстра. Скрипя, топтался у стенки большой шкаф с плёнками. А Руслан выпрыгнул на балкон и радостно заорал:
— Смотри! Тут люди выскакивают на улицу в ночнушках!
— Ты с ума сошёл! Это же землетрясение! — Яна выскочила тоже на балкон и схватила Руслана за его глупую старую куртку. — Пошли вовнутрь!

В гримёрке со стола упали бутылки с духами, и сильно запахло розой. И тогда Руслан подтянул Яну к себе и поцеловал.

Но из-за нового толчка он промахнулся, и его губы смазанно прошлись по её щеке. Яна выдернулась из его рук, и тут всё встало на свои места.

Яна перед зеркалом причесала волосы, попыталась их уложить в некое подобие причёски. Руслан тяжело дышал и стоял около дверного проёма на балкон. Яна как ни в чём не бывало махнула на себя в зеркале рукой:
— Как я выгляжу?
— Нормально.
— На себя посмотри!.. Хотя… Помнишь картины Пикассо? Так я ему, видимо, позировала…
— Знаешь, какая самая некрасивая часть тела у людей?
— Лицо?
— Голые ноги!
— У некоторых всё же лицо!
— А если ещё и босиком…

Они помолчали. Потом Яна сказала:
— Ни фига себе… у нас бывают землетрясения! Никогда бы об этом не подумала…

Руслан грустно спросил:
— Когда мы, наконец, снова вместе погуляем? Я так соскучился по нашим прогулкам!
— Когда у нас записей на телевидении не будет.

Тогда Руслан снова подошёл к ней и поцеловал в губы. А Янка окунула руки в его кудрявые волосы, а потом, резко оторвавшись, вышла в коридор.

Глава 18

Яна бросила на пол, к креслам поближе, дедову шубу мехом вверх. Поставила рядом чайник и конфеты. Рядом села бабушка, взяла чашки, и они уселись на эту шубу, глядя попеременно то друг на друга, то на старый растрёпанный фотоальбом, который они медленно листали. Это была вторая годовщина дедушкиной смерти, и бабушка просила Янку переехать жить в опустевшую трёхкомнатную квартиру.

Они пили чай в полутьме—лишь дедушкин ночник освещал его картины, висящие на стене, и две фигуры, склонённые над фотографиями почти шестидесятилетней давности.

— Почему у вас нет фотографий, на которых вы целуетесь?—удивлённо спросила Янка.

Бабушка усмехнулась.

— Мы целовались… И фотографировались… Но однажды дед пришёл уставший с работы, взревновав меня к одному генералу, и порезал все наши общие фотографии. Обидно.

Яна пододвинулась к бабушке поближе, прижалась к тёплой и пухлой руке, положила голову ей на плечо. Все последние дни в душе жило чувство этой необъяснимой потери, а теперь тихое бормотание возвращало её к жизни.

— Бабуль, Руслан зовёт замуж, когда мне будет восемнадцать лет… Он такой глупый. Мы с ним толком и не встречались ещё, а он уже зовёт замуж… Ты бы это одобрила?

Бабушка улыбнулась. Она редко искренне улыбалась. Но Янке иногда казалось, что её она любит больше всех остальных людей на свете.

— Не мне тебе советовать, Яночка… Я в семнадцать лет первый раз поехала в гости на другой берег Катуни, в Ильинку. Родственникам некогда было со мной возиться вечерами, и они отправили меня на вечёрку в клуб.

И бабушкин голос замурлыкал историю о том, что после частушек она увидела Янкиного будущего дедушку. Красивого. Высокого. Алтайское лицо, прикрытое чёрной копной волос, и расстёгнутая рубаха почти до пояса. О том, что все девчонки юлили перед ним, старались заигрывать, приглашали танцевать. А он, как бог, стоял выше всех остальных. И тут бабушку будто кольнуло что-то. Она запела громче всех. Пошла в пляс. И через полчаса он уже провожал её домой.

— И вы поцеловались?—зачем-то привязалась Янка к ней с этим вопросом.

— Да что ты!—бабушка поёрзала под Яниной лежащей головой.—Не те времена были! Но я чувствовала себя самой счастливой. Победительницей. Под взглядами завистниц.

А Яна посмотрела на часы. Дедушка любил всё яркое. Купил где-то огромные позолоченные часы на стену, которые ни к чему в комнате не подходили.

Казалось, кто-то прошёл мимо них в эту секунду. Из тёмной спальни в туалет. Там что-то грохнуло, и Яна с бабушкой одновременно подпрыгнули на шубе. Переглянулись.

— Что это?

— Кошка… Муська…

И бабушка вдруг тихо заплакала. Положила левую руку на фотографию, на которой ещё молодой дедушка помогал забраться на дерево Янкиному тоненькому пятилетнему отцу, и осторожно гладила дедушкину фигуру, размазывая по ней слёзы.

Позолоченные часы, как метроном, раскладывали ритм на синкопы, ударами этими подчиняя себе бабушкины бесшумные всхлипы. Съедали секунды, потом минуты. А Яна смотрела на диван, на котором он умер. Рано-рано утром. Обвёл прощальным взглядом комнату, спящие у дивана фигуры жены и дочери, свои картины, вздохнул судорожно и умер. А Яна в этот день, после известия о его смерти, сдавала экзамены по зарубежной литературе. Пока он лежал здесь. На этом диване. С откинутыми с лица седыми густыми волосами, которыми гордился даже во время болезни. Тётя Маша весь день простояла у дивана на коленях, уткнувшись лбом ему в руки. А бабушка? Что делала в тот день бабушка? Яна не знала. Яна сдавала экзамены…

— А дальше… Дальше всё было очень быстро. Я была старшей дочерью в нашей знаменитой родове с левой стороны Катуни. Он—в своей… Как сейчас помню. Речка тогда наша глубока была, не то что сейчас, насосами всё выкачали. Вышла я из клуба, времени часов двенадцать доходило. Иду к дому тётки через лес, иду—не боюсь. А чего бояться-то? Весело мне! А там как раз эта речка протекает, и нужно по мосту проходить. Иду я, и вот как с мостика-то этого сходить, смотрю—сидит она, спиной сидит.

— Кто она?

— Ты слушай, не перебивай. Меня как в сердце стукнуло: русалка! В такое-то время, да в полнолуние, они как раз и показываются. Волосы у неё как у лошади—чёрные, густые. По плечам спущены в две стороны. Она сидит, а волосы на берегу лежат. Я так и подумала: то ли баба, то ли лошадь! Но хвоста-то нет, и ноги как у человека. Только уж больно здорова. Вот бывают такие бабы здоро-о-овые! Тут она как вскочила, увидела меня, ноги кверху, а головой-то туда, вниз, и поплыла. А я как заору: «А-а!» И побежала. Бегу и ору. Прибежала к тёткиному дому, дверь дёргаю. Девчонки, что там были, услыхали, что я кричу, подумали, что за мной парни из соседней деревни гонятся, и заперлись, гадины такие. А я стучусь, стучусь. Пока тётка не проснулась и не открыла мне дверь. А потом все не верили мне. Даже смеялись. И в деревне все не верили, но потом её ещё несколько раз видели…

— Да ладно, бабушка! Откуда же в алтайской деревне русалки?
— Как откуда?.. Они же везде живут! В жизни таких глупых вопросов не слышала!
— Ты о вас с дедушкой рассказывала!
— Да… Нас решили поженить. А мы, конечно, были не против, хотя знали друг друга всего час. Через два дня нам сделали настоящую русскую свадьбу с уводом, песнями, выкупом и тройкой лошадей… — вспоминая свадьбу, бабушка опять улыбнулась. — И там только, на свадьбе, под пьяные крики «Горько!» мы впервые поцеловались…

Она поднялась на минуту, зачем-то погладила дедушкину картину с алтайскими горами, выглянула в окно и сипло сказала:
— Деревья под окнами быстро выросли. А тебе уже шестнадцать.

Яна тоже привстала и посмотрела в темноту за окном.

Комната погрузилась в тишину, и, чтобы разбить её, Янка спросила:
— А ты когда-нибудь гадала на деда? Он у тебя выходил или кто-то другой?

Бабушка очнулась от своих мыслей.
— Да, гадала. Тогда все гадали. В двенадцать часов открыла я в подполье западню, села к столу, говорю: «Суженый-ряженый, выйди ко мне». Смотрю в зеркало — вышел парень с тёмными волосами, в полушубке. Я когда его в клубе увидала — дед в таком же полушубке был. А у одной нашей девчонки другая история была. У неё жених в армии был. На святки гадала в бане. А у нас почему-то считалось плохой приметой гадать в бане. В двенадцать часов, как положено, увидала в зеркале его в военной форме. Испугалась. Убежала. А потом нашла в бане ружьё, фуражку. И спрятала зачем-то их. Когда пришёл с армии жених — свадьбу сыграли. И уже лет через пять показывает она ему ружьё его и фуражку. «Где взяла?» Она ему и рассказала про гадание. А он её из этого ружья и застрелил. Потому что в армии за них под трибунал попал, что ли… Вот так-то гадать.
— Ужас какой-то, — Янка содрогнулась и отошла к окнам.

Она вспомнила, как стояла у Димы за спиной и шептала глупые заговоры. Не работает это. Не в современном мире.

Когда бабушка и дед только приехали сюда и после нескольких лет работы им наконец-то выдали эту квартиру, за окнами, говорят, ходили коровы. Около горы протекала небольшая речушка, в которой купалась вся местная ребятня. А бабушка, которой тогда было всего тридцать лет, посмотрела в это окно и сказала мужу: «Вот и чего мы из деревни сюда ехали? Что там коровы, что здесь коровы». Дедушка говорил, что коровы тогда обиженно посмотрели в их сторону и принялись жевать траву дальше. На горе стояло несколько деревенских домиков, а длинные деревянные лестницы спускались оттуда к самой воде. А теперь за тёмными окнами серели бесконечные девятиэтажки, линии электропередач и местная АТС. Ни речки, ни коров. Крестьянские домики превратились в заброшенные дачи. На деревенском кладбище построили гаражи.

Но Янке хотелось сейчас видеть только то, что видел её дед, когда только приехал в город. Ей вдруг стало очень уютно. Показалось, что дедушка поднялся с дивана, стоит сзади и тоже смотрит в это окно на деревья и далёкие горы, на которые они так часто ходили втроём. Бабушка, дедушка и Янка.

Глава 19

— Ну как же ты не понимаешь, что я тебя не люблю?!
— Тише, тише…

Яна стояла у двери квартиры Руслана и плакала. Не разуваясь, не раздеваясь. Села на стульчик у входа и плакала от бессилия, после целого дня учёбы и вечерней домашней и не домашней работы. Опять пришлось сидеть в ночном дворе и ждать, пока его отец уедет на вечернюю смену, чтобы повидаться с Русланом. Он позвонил ей и попросил приехать.

Яна очень устала. Вот уже и середина апреля. И ничего хорошего в её жизни не происходит. Она бы отдала газету, и премии, и телевидение только за один нежный взгляд того, кто на неё никогда не смотрит. Ей постоянно казалось, что Руслан ей врёт. Он был таким милым. Он читал ей стихи по телефону и постоянно был рядом. Да, её раздражало, что он всегда был рядом. Везде. И она зависела от его настроения, от рисунков, от его ужасной музыки.

А ещё она не понимала, зачем он тогда ей сказал про Иру. За все два с половиной месяца Дима ни разу не подошёл к Ире. А сегодня Ира заявила всем, что хочет уйти из литературного класса в театральный. В соседний лицей. Так для чего тогда Дима ушёл с ней? Уходил ли?

Почему Яна всё это время чувствует только боль? Её всё раздражает, она забросила музыку и чувствует себя самой страшной на свете. Почему?
— Почему я должна ждать, когда твой отец уйдёт? На улице поздний вечер, мне надо домой! Я летела сюда по твоему зову для того, чтобы ждать, когда уйдёт твой отец? Почему?

Яна сжала руку в кулак, подняла взгляд на Руслана. У того от злости пошли странные морщинки по лбу, и он стал похож на старика. Янка помолчала и прошла в коридор. В комнате Руслана светилась настольная лампа. А на столе лежала очередная умная книга. Черепашка плавала в аквариуме. Недавно к ней запустили несколько рыбок и улиток, очищающих огромные пространства

«черепашкиного» домика. Яна заметила, что одной красивой рыбы уже нет. Видимо, черепашка её уже съела, проохотившись целый день. Яна примирительно, но с дрожью в голосе произнесла:
— Руслан, она же ночью будет их кушать! А они будут кричать, умолять о помощи, эти ультразвуки помешают сну. Ужас… Ночью произойдёт убийство. У тебя такая чавкающая черепашка…
— Ты перетрудилась.

Янка взяла учебник по старославянскому языку со стола и открыла на середине. Почему она никогда не чувствовала себя здесь как дома? Она всегда была чужой у Руслана. У Димы было тепло даже в декабре, и сестра Маша иногда заглядывала и улыбалась из-за двери. А у Руслана холодно даже в апреле.

Руслан протянул руки к гитаре. Он всегда её брал, когда у него было плохое настроение и он не хотел разговаривать. А в последнее время это случалось всё чаще и чаще. Почти каждый раз, когда они виделись.
— Я тебе спою несколько новых песенок…
— Покойся с миром, мой дорогой сигматический старославянский аорист. Не выучу я тебя… Может, завтра споёшь? Я устала… Если нет ничего серьёзного, я лучше поеду домой.
— Неужели ты за шесть часов не выспишься?
— Кто рано встаёт, тот весь день ходит не выспавшийся… это закон. А мне ещё на фортепиано завтра после Школы, опять допоздна.
— Уже от своей учёбы пухнешь… Ты так говоришь с укором об усталости, будто я не работаю!
— Ты, работа, нас не бойся, мы тебя не тронем. Смотри, какая замечательная весна на улице. Деревья расцветают. Ночной ветер шелестит. А ты в депрессии постоянно. Каждый день в депрессии! Ты радоваться жизни умеешь?

Яна присела на край стола. Всё было каким-то неудобным. Она повернулась к Руслану и задала самый любимый женский вопрос:
— О чём ты думаешь?
— Могла бы придумать что-нибудь пооригинальнее. У меня болит голова. У меня всегда весной болит голова.

Яна хмыкнула и надела шапку.
— Поздравляю тебя с прошедшим вчерашним праздником!
— Каким? — огрызнулся Руслан, почёсывая ногу.
— Веры, Надежды, Любови и матери их Софьи!
— Подумай хорошенько над этими своими словами… — Руслан выговаривал каждое слово. — А знаешь, что самое ужасное? Что в конце концов мы запомним из наших отношений только хорошие моменты!
— И не надейся!

Янка схватила сумку и хотела хлопнуть дверью, но Руслан сорвался с места и перегородил ей дорогу. Он обнял её и прошептал:
— Не уходи, прошу тебя.

Яна помотала головой.
— Ты будешь отмечать свой день рождения, Руслан? Всё-таки семнадцатилетие.
— Буду. С тобой посидим где-нибудь. А потом с друзьями.
— А я в их числе буду?
— Зачем? Там одни парни, пить будут, как без этого… Ты ведь постоянно говоришь, что все мои друзья пьют дни напролёт, что они тупые и не могут нормально развлекаться, пока трезвые. Ты мне потом все мозги промоешь.

Яна осторожно спросила:
— Дима будет?
— Димыч с Ваней гитары принесут. Как же без гитар?

Янка судорожно вздохнула и снова села на край стола. Руслан предложил выпить чая. Он зажёг по всей комнате индийские благовония, и их дым стелился по комнате. Форточки были закрыты, спасая от ночных выхлопов ближайшего завода. Руслан что-то говорил про Кафку, а Янка смотрела на его горбинку носа, на кудри, на черепашку в аквариуме и не могла поверить, что хочет больше этого не видеть. Она сидела в углу комнаты на столе, поджав ноги. И так же, как у Димы дома, она чувствовала, что это «перемирие» случилось в последний раз. И не знала, радоваться ей или горевать по этому поводу. Дрожь облегчения пробежала по ней от ног до плеч. Так бывает, когда после долгого напряжения понимаешь, что всё позади, и откидываешься назад в умиротворении. Хотелось почему-то выйти отсюда в ночь, зайти в ближайшую больницу и попросить перелить ей всю кровь. Поменять со старой на новую, неиспорченную, свежую. Способную дать новые силы и веру в себя.

И в то же время она боялась потерять его. Руслан был её лучшим другом. Даже если он думал иначе.

Яна вспомнила, как он ей запретил покупать платье с декольте. Оно ей безумно нравилось, а знакомая продавщица даже сказала, что так, наверное, выглядела Мэрилин Монро в свои шестнадцать лет. А Руслан был против. Сказал, что не подобает девушке ходить как проститутке. Что, может, ей как монашке ходить? И они опять поссорились… Чёрт с ним, с платьем этим.
— Останься у меня… — попросил вдруг Руслан.

Яна покачала головой.
— Останься… — повторил он шёпотом, подошёл к Яне, встал на колени и положил голову ей на руки.

Яна вздохнула. Она очень боялась его обидеть. Она хотела уехать домой. Но на улице было холодно.

Яна посмотрела на Руслана, тот целовал ей руку, а потом снял одной рукой её куртку. Яна замерла и провела рукой по его щеке.

Янка лежала под кроватью, под низкой и душной кроватью. Руслан ещё специально прикрыл низ покрывалом. Как же хочется в туалет! Ужин его отца явно длится уже больше двух часов.

Руслан ворвался в комнату, наклонился к полу:
— Чижик, ты как там?
— Что я должна тебе ответить?—она натянуто улыбнулась.—Здорово. Просто здорово!
— Я вижу, ты книжку взяла?
— Да. У тебя замечательная библиотека. Когда он уйдёт, Руслан?

У него болезненно искривилось лицо.
— Я не знаю… Он заехал поужинать, что-то забыл ещё… Теперь фильм смотрит…
— Давай я выйду! Скажешь—я спала! Я не хочу больше прятаться под кроватью!
— Нет!!! Ни в коем случае! Он расскажет всем! И тогда прощай всё! Ну потерпи, прошу тебя, Чижик!
— Принеси горшок! У тебя дома есть горшок?
— Только цветочный.
— Чёрт…
— Руслан!
— Он тебя зовёт! Иди!

Но отец уже вошёл в комнату. Руслан выхватил у Яны книгу и как ни в чём не бывало сел на кровать. Отец плюхнулся рядом.

Его зад провалился почти до её лица. Прижал ещё ближе к полу. Яна ненавидела в этот момент старые кровати, отцов-военных, ужины, пыль и Руслана… Не так она представляла себе свой «первый раз»!
— Что, книгу уронил?
— Да, пап.
— Слушай, дай я посплю… мне ещё можно отдохнуть с полчасика.
— А дежурство?
— Подождёт. Куда солдаты денутся?

Он заржал, похлопывая себя по толстому животу, поворочался над Янкиной головой, вздохнул судорожно и приказал сыну:
— Пошёл вон. Помой посуду.

Руслан вышел на кухню. Янка слышала, как он включил воду. Тело сверху отяжелело, и вскоре раздался храп. Яна понемногу начала выбираться из-под кровати. Сантиметр за сантиметром. А как хотелось приподняться, столкнуть его на пол и заорать: «Почему? Почему вы меня так ненавидите??? Что я вам сделала?!»

Осторожно освободив ноги, она поползла в другую комнату. Руслан стоял и смотрел. Помог встать. Зашептал:
— Ты чего?! Он же не спит!

Она молча пошла к туалету. Вышла и протянула руку:
— Руслан, дай мне одежду, я поехала домой.

Янка стояла посреди комнаты в платье. Куртка, сумка и обувь лежали в комнате родителей, тоже под кроватью. Руслан закинул их туда при первом звонке отца в дверь. Когда тот начал открывать своими ключами замок, засунул туда ещё и Яну.
— Руслан, ты с кем разговариваешь?!

Стукнули об пол ноги. Отец вставал, поправлялся, кряхтел, хрипел, как больной.

Одним движением Руслан запихнул девушку в «темнушку», туда, где стоял только холодильник да висели старые вещи. Янка огляделась. Ей было холодно, противно за себя. «Боже, дожить до шестнадцати лет, чтобы так унижаться…» От мыслей этих по телу расползался странный холод, будто она перепила чая с мятой. Моль пролетела в тонком луче света из комнаты. Янка взяла какую-то ткань, обернулась ею. Интуиция подсказывала ей: отец сейчас решит что-нибудь взять себе из холодильника. Ему обязательно приспичит достать сало, или варенье, или яблоки! Всё, что угодно! Поэтому она, стараясь не шуметь, подтянулась на руках, уселась на ворчащий холодильник, обняла коленки, укуталась тканью и старым пальто. Так когда-то она пряталась в детстве от подруг на Новый год. Было темно. В двухкомнатной квартире спрятаться было сложно, все девчонки просто менялись известными к концу вечера местами. А Янка подскочила к мешкам со старыми вещами, приготовленными дальним родственникам, и вжалась в них, оставив на свету только круглую спину с тряпочкой, которая до этого момента изображала плащ. Её искали минут десять, стали волноваться. Пинали мешки, думая, что она в них зарылась, пнули и её спину… А она молчала, молчала, пока мама не заволновалась всерьёз…
— Всё, я поехал на работу! Утром чтоб был в Школе! Мать с сестрой вернутся из деревни завтра.

Стукнула входная дверь.

Яна вышла на свет и прошла в родительскую комнату. Там она быстро оделась и молча смотрела, как одевается Руслан. Оставаться в чужой квартире с постоянной угрозой приезда отца было страшно и неприятно.

Крепко обняв Янку, Руслан молчал. Иногда только целовал её волосы, выбившиеся из-под вязаной шапки, чуть дышал ей в ухо. Шапка становилась влажной от его дыхания. Они дошли до остановки и сели в автобус. Наверное, последний автобус до её района.

Примерно через двадцать минут в автобус зашла красивая девушка с чёрными волосами, пирсингом в брови и гитарой за плечом. Она, увидев Руслана, радостно засмеялась и подсела к ним, спихнув Янку к холодному окну со слоем пушистого, как сикоз, снега.
— Руслан, привет! Как дела?—спросила она, не замечая Янку.
— Прекрасно. Вчера купил диски, у тебя их точно нет.

Они разболтались о рок-поэзии, о каких-то репетиционных и музыкальных делах, а Янку начало вдруг бить как в лихорадке. Она тёрла ногтем с чёрным лаком лёд на автобусном окне и делала вид, что ей интересно разглядывать обгоняющие автобус машины и заиндевелые фонари. Улицы были белыми от снега и огромной слепой луны. Луна мутным и туманным пятном застыла над тёмным девятиэтажным домом. Яна чувствовала, что она, ещё недавно лежавшая под кроватью и мечтавшая только о туалете, теперь потеряла любую таинственность в глазах Руслана. Никакой пирсинг не поможет. И рыжая шапочка стала казаться старой, и всклоченные волосы, свисающие на глаза,—отвратительного цвета. «Да как он может?»—думала она в полубредовой панике. Он даже их не представил. В такой вечер! Янка поморщилась, положила руку на низ живота, который иногда пульсировал, когда автобус колесом попадал в ямы на асфальте. От девчонки на пол автобуса легла противная серая тень. Янка отвернулась и прижалась лбом к стеклу, чувствуя, как лёд колет её кожу и проникает далеко вовнутрь головы. Вот замёрзнуть бы так и перестать думать о Руслане, о Диме и о боли в низу живота. Апрельский ветер припадал к земле и потом бешено бросался на автобус, раскачивая его. Ещё было холодно, но через неделю обещали уже плюсовую температуру и первые цветы. Сегодня снег—завтра цветы.

Девушка вышла только через десять минут. Янка смотрела на кондукторшу. Руслан тоже. Автобус медленно тащился, пробиваясь сквозь ветер и гололёд, по пустынной улице. «Наверное, опять до минус десяти температура опустилась»,—подумала Яна. Руслан, переведя взгляд на заплёванный пол, сказал:

— Это Лена. Я тебе рассказывал.

— Да, вы с ней возвращались домой. Несколько раз… Я помню.

— Да.

— Ты сказал, что она маленькая девочка из седьмого класса… А ей как нам… Зачем ты мне врал?!.

— Чтоб ты не ревновала. Ты же у меня ревнивая.

Приговор.

Они вышли из автобуса на конечной остановке. Справа—лес, слева—несколько бетонных домов на окраине города. Они уныло гудели на ветру, сливаясь с невидимым небом. Янка пошла вперёд, против ветра, к своему дому. Ветер преследовал её. Он огибал бесконечные ряды гаражей, выл тоскливо и, запутавшись, бился в проводах и качал столбы. Руслан держал Янку за талию, иногда прикрывая глаза от острых льдинок, поднимаемых бураном с земли. Но она не замечала этого. Она смотрела на одинокий замёрзший фонарный столб, от которого ползало по земле туда и сюда пятно света. И ей казалось, что она во всём мире одна с этим скрипящим на ветру фонарём и деревьями, политыми густым серебром. Янка хотела развернуться и попросить Руслана больше не идти за ней, но потом вспомнила о том, что им сидеть за одной партой в Школе ещё целый год, ездить на одном автобусе домой, и ничего не сказала.

Они шли молча вдоль гаражей, а Янка пыталась избавиться от детской привычки высчитывать чётное количество проходящих гаражей и столбов. Нужно было идти так, чтобы, вступая напротив фонарного столба левой ногой, оказаться этой же ногой напротив следующего. Или чтобы опор в витиеватой изгороди было десять, двадцать, тридцать. Но ни в коем случае не пятнадцать или двадцать три. Тогда забор браковался и вызывал внутреннюю досаду. Янка знала, что это бред или психическое нарушение, как и желание некоторых людей обходить трещинки в асфальте или пересчитывать ступеньки в родном доме, но ничего поделать с этим не могла. От остановки до поворота на улицу—семьдесят шесть гаражей, сорок фонарей и сто тридцать тополей.

Она поцеловала Руслана на прощание в щёку и без слов вошла к себе в квартиру.

Глава 20

Яна стояла у рояля в холле издательства и водила мизинцем по чёрной изогнутой крышке. Она несколько раз хотела бросить музыкальную школу, и каждый раз у неё не хватало на это мужества. Яна вспомнила, что уже две недели не садилась за фортепиано.

Когда Янка открывала крышку и произносила вслух первые ноты, у неё оживало сердце.

Оно размокало, стенки его становились мягче. И оно снова начинало пульсировать так, как осенью. Нервно, болезненно и в ожидании чудес.

И потом требовалось время, чтобы засушить его до прежнего состояния и укутать тканями. Чтобы не мешало и не напоминало о себе.

Янка водила ладонью по спине рояля.

И снова думала о том, чтобы открыть. Заиграть. Снова захотеть чудес и вспомнить о том вечере перед Новым годом и глаза Димы. И его подарок. Но её позвали, и Яна пошла в студию.

Прожектора кинокамер были направлены Янке в лицо. Утренний эфир. Семь утра. Май. Глаза, похожие на щёлочки, не раскрывались даже на ярком свете. Экраны на стенах прямого эфира транслировали запись на весь край. Какая она молодец, какой замечательный вышел у неё роман, и какой успех приобретает подростковая передача. Ведущая на шпильках что-то говорила о высоких рейтингах, о презентации на московском фестивале СМИ. Янка устало смотрела на микрофоны и думала о том, как бы не забыть улыбаться. Ещё ей показалось на огромном экране, что она сильно похудела и щёки выглядят очень впавшими.

А глаза — бесцветными. Конечно, сидячая учебная жизнь никому не приносит красоты.

Руслан стоял за дверью студии. Он очередной раз хотел помириться. За несколько минут до эфира подарил Янке огромный букет белых лилий — и как вспомнил, что это единственные цветы, на которые у неё аллергия?

— Мы слышали, что тебе предложили место редактора нового детского приложения в той газете, с которой вы сотрудничаете всего пару месяцев? — задавала ведущая вопросы.

А Янка почему-то думала о том моменте, когда через много лет она станет известной журналисткой и вернётся в родной город из… Англии, например, и нечаянно встретит на центральной улице Диму… Она слышала, что Дима хочет уйти из их класса в другую школу. На другом берегу реки. Его семья переезжала. А другой берег реки для них — это дальше, чем Англия.

— Мы знаем, что ваш литературный класс закрывают. Он многое тебе дал?

В городе по-прежнему будет три центральных улицы, по которым будут гулять школьники. Взад-вперёд, взад-вперёд. Люди так же будут мёрзнуть зимними вечерами на остановках, потому что в их городе никогда не построят метро. Дома будут вкусно пахнуть воспоминаниями о первом годе в их литературном классе, об уроках и свешивающихся над книгами Димкиных волосах. Каким он будет? Успешным музыкантом или юристом? Вспомнит ли о ней когда-нибудь? О том, что была у него девочка, которая всего боялась? Она писала всеми забытый роман. Выходила перед камерами и говорила что-то о приехавших в город музыкантах, о моде и новинках литературы.

А может быть, он просто не узнает её и пройдёт мимо? Янка не знала, хорошо это или плохо, что он уже месяц не ходит к ним в Школу. Что он садистски не появляется в её районе. Не пытается с ней дружить, как все. Они не встречались даже на этих трёх улицах. И Яна заставляла себя ходить на запись передачи для того, чтобы он увидел её по телевизору. Или чтобы его мама видела её по телевизору.

Нельзя воспринимать мир таким, со всеми его острыми углами и страшными чужими картинами по стенам, говорит Янкина бабушка. Надо уметь ставить барьеры, иначе можно сойти с ума. Яна поставила первый в жизни барьер между собою и Димой. Барьер из бездушных камер.

Вспомнила Янка во время эфира, глядя в глаза незнакомым ей людям с экрана, как осталась вчера вечером в классе. Она медленно ходила по кабинетам. По стенам — рисунки детей и никаких новогодних плакатов. Второй этаж, откуда зимой было видно звёзды и снег. Здесь стоял грязный теннисный стол, а теперь Надежда Васильевна сделала ремонт и красивый конференц-зал. Вспомнила Янка, как пели они с Димой: «Далёкая Офелия смеялась во сне, усталый бес, ракитовый куст. Дарёные лошадки разбрелись на заре на все четыре стороны, попробуй поймай». Они прогуливали уроки под предлогом похода в библиотеку, говорили о музыке. И столько недоцелованного и недосказанного вспомнится на тех улицах через десять лет. И вспоминается сейчас. А ведь было всего два месяца. Всего два месяца счастья и тёплого дома на холме.

Яна шла по улице Мира и вдруг увидела Диму. Он стоял около неработающего фонтана и курил. Как всегда, весь в чёрном. С гитарой за спиной.

Яна остановилась как вкопанная. На улице было очень тепло в эти майские праздники. И Яна шла в кино, где они собирались встретиться с Катькой. Уроки в Школе должны были начаться лишь через три дня. Класс решили сохранить до окончания учебного года. А летом Надежда Васильевна мечтала выиграть новый грант.

— Хай! — послышался Димкин голос, и его наглая искрящаяся улыбка появилась прямо перед её лицом.

Яна подняла глаза и почувствовала, как сердце ухает глубоко внутри. И опять это ужасное ощущение в животе.

— Привет, — ответила Яна и сжала за спиной руки. Это помогало ей сосредоточиться.

— Ну и где твой ненаглядный? — спросил Дима издевательским голосом. — У нас «репа» вчера была, скоро концерт, запись сингла. У него телефон отключён.

Он встряхнул над ней своими пушистыми длинными волосами. Янка промолчала. Дима вёл себя так, будто он никогда не целовал её. Никогда не был её Чёрным Музыкантом.

Она пожала плечами и, чтобы не смотреть Димке в глаза, достала сотовый телефон и нажала на вызов номера Руслана. Звонок сорвался.

Яна огляделась. Около университета, на небольшой полянке, заваленной жёлтыми берёзовыми листьями, бегали за мячом два парня в чёрных кепках. Они смеялись, кричали друг на друга шутливо. Солнце перевалило зенит и светило за городским парком между по-весеннему воздушных сосен. Димка подошёл к Яне и встал рядом. У неё почему-то вспыхнуло лицо, она дёрнулась и наступила ему на ногу. Его огромные серо-зелёные глаза сияли совсем близко, так близко, что перехватывало горло. Янка сглотнула и прислонилась спиной к решётке забора.

— Может, сходим к нему домой? — предложил Димка.

Яна, не поднимая глаз, кивнула.

Они молча сели в автобус и через полчаса приехали к Руслану домой, постояли у его двери в подъезде, пока Димка курил.

— Может, он у тебя под домом сидит? — спросил сквозь дым Дима, и Янка пожала плечами.

Они накручивали километры по району, мимо гаражей и складов, где между бетонных плит приютились скользкий юный мох и крапива. На окнах противоположных домов—массивные решётки.

И шли они всё медленнее и медленнее. Янка лихорадочно думала о том, что она в джинсах и гадкой фланелевой рубашке, что она уже давно не подравнивала волосы и у неё пожёванные губы. Такие губы никого не привлекут.

Они постоянно сталкивались у светофоров, Дима элегантно предлагал руку, чтобы перейти по залитому водой тротуару или вместе перепрыгнуть заросшие открытые колодцы.

— Так как поживаешь?—спросила наконец Яна.

— Ничего. В новой школе не хватает прежнего «литературного» безумия, а так… всё в порядке,—ответил Дима.

Яна облизала засохшие губы.

— Ты же знаешь, что нас закрывают?—Яна осмелилась посмотреть Диме в глаза.

Он пах горячим асфальтом и сигаретами, его загоревшие руки с мозолями от гитары подкидывали сумку с тетрадками и медиаторами. А выглаженная рубашка потемнела от пота.

Янке хотелось сделать что-нибудь очень хорошее для него. Прийти к нему домой и накормить его. Или расчесать его длинные волосы, помыть пол в доме и даже выгулять собаку! Почему-то, кроме этих странных вещей, в голову ничего больше не приходило.

— Не закроют,—засмеялся Дима.—Сестра сказала, что я буду теперь жить с ней в старом доме и вернусь к вам.

— А…— только и произнесла Яна.

— А… ты… ты бы хотела, чтобы я вернулся?— вдруг спросил Дима, и его голос сорвался.

Яна кивнула и сильнее вцепилась руками в свою сумку.

— Может, Руслан к себе в деревню поехал?—как ни в чем не бывало спросил Дима.

— Может…— согласилась Яна.

Ей было всё равно, куда идти или ехать. Главное, что Дима был рядом. И что он пах тёплым асфальтом.

Не дожидаясь электрички, которая ходила в тот день всего два раза в сутки, они пошли пешком до деревни Руслана. Ветер ерошил сухую траву. Димка ругался, вытаскивая из налакированных ботинок камушки, щурился на солнце и начинал понемногу оттаивать. Пел на ходу:

Она—маленькая девочка,
потерявшаяся в собственном мире.
Она выглядит такой счастливой,
но ей та-а-ак плохо!
А-а-а! Ё-о-о! Э-э-эй!
Я так хотел бы помочь ей!
Она говорит с птицами и ангелами,
она говорит с деревьями и пчёлами,
но она не говорит со мной!
А-а-а! Ё-о-о-ой!
Она не говорит со мной!

Яна никогда ещё не видела его таким. Таким… счастливым. Обычно он молчал, а сейчас рассказывал возбуждённо о новых песнях, изображал преподавателей в новой школе, пел рок-н-ролл, улыбался так открыто и наивно, что Янка им залюбовалась. Она никогда не могла понять, что творится там, у него в голове. Казалось, что Димка звенел. Звенел, как звенела, качаясь в тени шарами, деревенская мошкара над древними курганами. Звенела и тишина, а горячие дневные краски уходили за горизонт. И не хотелось уже идти к Руслану, к его депрессии и повалившемуся забору деревенского дома. И впервые почувствовала Янка, что счастлива, что этот звон, и мошкара, и глупая песенка пройдут сквозь неё насквозь и пустят там свои корни. Печать уходящего учебного года. Такого сложного и запутанного.

— А я музыкальную школу так и не бросила, хотя хотела,—призналась Яна.

— Ну и молодец, что не бросила. Ты замечательно играешь. А ещё пишешь и глупости перед камерами говоришь,—Дима захохотал.—Я смотрел ваши передачи. Большей глупости никогда не видел. Кто вам тексты писал?

Яна многозначительно посмотрела на него, и Дима засмеялся ещё громче.

— Ну да, как же я сразу не понял. Такой бред мало кому в голову приходит! Руслан вообще шизик,— Дима усмехнулся.—И как ты с ним вообще решила встречаться?

— Я?..—Яна растерялась. Она не готова была сегодня говорить о своей жизни без Димы.—Да ты же меня бросил! Не помнишь?

— Я хотел, чтобы ты меня ненавидела. Так легче забывать людей.

— Ты—дурак!

И вдруг Яна заплакала. Дима протянул руку к ней, а потом отдёрнул.

— А ты—девушка моего «одногруппника» и отвратительного басиста.

— Я… я…— Яна вытерла слёзы и остановилась в поле.—Он сказал, что ты встречаешься с Ирой. Что он видел вас вместе. А я тогда в тот день была с тобой! И ты целовал меня! А потом не хотел со мной об этом говорить!

— О чём говорить, Янка?—воскликнул Дима и развёл руками.—У меня были в семье проблемы, я вообще хотел, чтобы меня оставили все в покое! Да при чём тут Ира? Мы с ней и говорили всего несколько раз в жизни!

Яна глубоко вздохнула и взмахнула руками:

— То есть ты с ней не встречался?
— Это ты с Русланом встречалась и хотела от меня отделаться! Я мешал вашему безоблачному и литературному счастью! Вы с ним и в газете, и на телевидении! Вы везде с ним вместе были! Вы же такие оба гениальные, куда уж мне…
— Ты думаешь, мне это нравилось? — заорала Яна и удивилась тому, что она умеет так кричать.

Из травы испуганно вылетела птица и понеслась с воплями над землёй.
— Он сказал, что ты гуляешь с Ирой!
— А мне сказал, что ты гуляешь с ним, и я вам мешаю, и у тебя нет сил со мной расстаться… — Димины глаза были такими огромными, что Яна испугалась.

Она покачнулась и пошла по дороге. Где-то впереди уже виднелись деревенские домики.

Руслан очень удивился этому неожиданному появлению, но был раздражён. Дождавшись вечера, они втроём решили пойти в лес. Пока Дима с Русланом что-то выясняли в доме, Янка вышла за ограду, к холмам. Зелёная и по-весеннему яркая листва деревьев на склонах холмов едва шевелилась, как рыба в воде. Почему-то Яне было очень тепло в этот вечер и постоянно вспоминались Димкины волосы и улыбка. Этот ласковый солнечный день уходил в прошлое, и лениво двигались по траве и пятнышкам трав узорные тени от деревьев.

Дима и Руслан наконец-то вышли из дома, взяли гитары, какие-то тексты, купили еды в смешном деревенском магазине. В сумерках становился призрачным этот вечер с оранжевыми деревьями и струйками дыма, уходившими в небо. Призрачной стала деревня с покосившимися заборами и голыми грядками.

Как только стемнело, они отправились к тёмному лесу, видневшемуся недалеко от деревни. Шли по утоптанной земляной дороге, огибая коровьи следы. По краям невозможно густо росла молодая полынь, и после жаркого дня запах её струился по еле слышному ветру, огибал озеро, последние домики деревни в закатной тишине. Яна впервые почувствовала наступающее лето. После холодной зимы она хотела впитать в себя всё тепло, которое только могла дать ей природа. Заканчивались экзамены в Школе. Вышла последняя в этом году передача. Яна хорошо сдала академический экзамен по фортепиано, и Нина Николаевна была за неё рада. Правда, взяла с неё слово, что Яна не будет поступать в музыкальное училище.

Они прошли пустые поля картошки и остановились перед красотой гаснущих лугов. Руслан крепко держал Янку за руку и мягко направлял её по нужной тропе, а Димка прыгал по полю и кричал что-то про коноплю.

Долго у костра сидеть оказалось скучно. Поели, попели песни.

Димка перебирал гитарные струны, а его позолоченные костром волосы спускались на лоб и плечи. В тот момент он был очень красивый. Янка, прислонившись спиной к дереву, стараясь не мешать, смотрела на небо и удивлялась тому, что хочет встать, перейти на другую сторону костра и положить голову Димке на колени. А потом возвращала себя к действительности, ругала и повторяла себе, что Руслан такой умный! Он цитирует Маяковского и Кафку. И знает наизусть все песни Петра Мамонова. И надо напрямую спросить его о том, что он натворил зимой. И надо кричать на него, влепить ему пощёчину. Яна смотрела на кроны деревьев, подбрасывала в костёр ветки и потихоньку, без слов, грустно подпевала словам Башлачёва:

Прозвенит стекло на сквозном ветру,
Да прокиснет звон в вязкой копоти,
Да подёрнется молодым ледком.
Проплывёт луна в чёрном маслице,
В зимних сумерках,
В волчьих праздниках
Тёмной гибелью
Сгинет всякое.
Там, где без суда все наказаны,
Там, где все одним жиром мазаны,
Там, где все одним миром травлены.

Около четырёх утра пошли домой, в деревню, в тепло.

Дима сидел на заборе и смотрел на ночное поле. Руслан раздражённо складывал остатки еды в пакет. Яна набралась храбрости и подошла к нему.
— Зачем ты зимой сказал, что Дима встречается с Ирой?
— Я не помню, — буркнул Руслан и положил пакет в холодильник, который почему-то у них стоял в сарае. — Я вообще не понимаю, зачем ты его сюда притащила.
— А ему наврал, что я люблю только тебя. Мы же с тобой были просто друзьями!

Руслан осклабился.
— Потому что жизнь — это сделка. Кто её лучше провернёт, тому и достанется приз. А что?

Яна задохнулась. Она сжала руки, посмотрела на Диму и вместо ответа, глядя в землю, произнесла:
— Мне пора…

Пока Янка шла калитке, она всё вспоминала, как Дима вытряхивал дорожный песок из начищенных ботинок, жмурился на солнце, а его волосы развевались по ветру.

Она очень долго шла к забору.

Яна просто проплыла мимо Димы и вышла в калитку, в ночь. Руслан не пытался её остановить. А Яна услышала сзади, как Дима спрыгнул

с забора, схватил в охапку свою ветровку и пошёл следом.

Когда Яна оглянулась, его огромные глаза горели на худом лице, длинные волосы в кучу сбились под капюшоном на голове. Он вдруг бросился на колени перед Янкой, прямо на землю, и прижался лицом к её ногам…

— Дима, ты чего? Димочка! Ну…

— Ты теперь будешь со мной? Ты ведь хочешь ещё быть со мной?

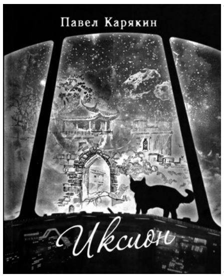
— Какой же ты глупый, Дима…

— Ты сама глупая,—хихикнул Дима, и Яна увидела, как засветились в темноте его глаза.

Димка подпрыгнул, сделал какое-то странное па в воздухе и упал со счастливой улыбкой на землю. Янка подошла к нему. Села рядом.

Дима обнял её и прижал к себе.

Рядом стоял чей-то забор, а за ним рос большой куст сирени с остатками засохших цветов. В его ветвях сидел большой толстый кот и одним прищуренным глазом, будто улыбаясь, поглядывал на Янку, которая не знала, смеётся она или плачет.



Павел Карякин

Иксион

Челябинск: ЧГИК, 2017.

Бабочка *(этюд)*

Сижу, смотрю в окно. Уже час я—созерцатель хорошего настроения природы. Под третью кружку чая мысли текут неспешно. В приоткрытое окно осторожно и смущённо просовывает свою руку ветер и без устали всё дёргает край скатёрки. Чаем наслаждаюсь уже долго, но только многое время спустя осознаю, что внимание моё не отпускает бабочка, попавшая в паутину за окном,—небольшая, но замечательно красивая. «Красота спасёт мир!»—говорили и будут говорить. Но кто, скажите, спасёт красоту—это хрупкое проявление высшей гармонии? Опутанная сетями, бабочка продолжает неравный бой за жизнь, не обращая внимания на заинтересованный взгляд восхищённого созерцателя. Она обречена—это очевидно.

Мне хочется что-нибудь для неё сделать. Несколько запоздало прихожу к ней на помощь: открываю окно и разрываю сеть паутины. Теперь этот прекрасный комочек жизни бьётся в моих руках, оклеенный липкими нитями, и приходится потрудиться, чтобы освободить крылья этого маленького чуда от вязких пут. Бабочка продолжает трепыхаться, тем затрудняя мою работу. Однако вскоре всё сделано, и она свободна.

Но что это?! Бывшая пленница не спешит улетать! Она сидит на моей ладони, и лишь ветер колеблет её крылья, как этот край скатёрки. Благодарность? Может быть! Конечно, не проявленная разумом или сознанием, но, возможно, эмпатией высшей гармонии, которая благодарна за спасение любой сущности. Наконец прекрасная гостья тихонько взлетает с моей ладони и улетает прочь. Я же долго смотрю ей вслед. Мой разум, испытавший восторг, однако, не свободен от разных противоречивых мыслей. Вот я перевожу взгляд на полуразрушенную паутину—тоже, между прочим, плод чьего-то созидания—и вижу пару- тройку мумифицированных мух. Они мертвы, и помочь им невозможно. Но будь они живы, сподвигся бы я вызволять их из плена? Навряд ли!.. Скорее позлорадствовал бы: мухи—отвратительные и надоедливые существа, их никто не любит. Даже те, кто согласен с определённым значением этих неприятных существ в общей космогонии. Хотя виноват: люди просвещённые, достигшие иных высот в духовном отношении, свободны от условных категорий прекрасного и безобразного. Для них любая форма жизни имеет абсолютное право на существование, и сам факт, что понятий полезности, вреда, красоты или уродства для высшей гармонии не существует, для них созвучен. Моё обывательское сознание «попроще»: я из того большинства, кто «привязан» к прекрасному и тяготится неприятным. И это было бы полбеды, но схожее отношение я нередко проецирую и на людей—вот в чём загвоздка. Думаю, это вообще характерно для многих. Как часто хочется помочь людям симпатичным! Те же, кто вызывает неприятие, автоматически попадают в список «не заслуживающих» благосклонности. Хорошо то или плохо—каждый решит самостоятельно. Но совершенно очевидно: пока делишь людей на приятных и не очень, хороших и плохих, добрых и злых—ни о каком духовном прорыве не может быть и речи. Как же быть? Возможно, начинать с малого. И это в равной степени касается как бабочек, так и мух.

Владимир Алейников

Дым дождя

К весенней музыке

I.

Издалече начиная,
Не обмолвиться ли мне,
Что отдушина хмельная
Приоткрылась при луне?

В душах что-то надорвалось—
То ли небыль, то ли боль,
И напруживает жалость
Лунных бликов канифоль.

В душах что-то надломилось—
То ли ветка, то ли свет,
Но оправдываем милость,
Ну а ей пределов нет.

В душах что-то отворилось,
Закружилось, как жара,
Как дитя, зашевелилось—
И теперь уже пора!

То ли Моцарт поселился
В этом сердце, как в гнезде,
То ли небу изумился,
Чтоб искать его везде.

В этих лужах да разводах
Подмигнёт оно потом—
Значит, в наших небосводах
Добывается с трудом.

Лучше голову закину
Да губами прикоснусь—
До чего же ломит спину!—
Знать, уверую, вернусь.

По хребту в поту горячем
Ощутима ты всегда,
Незаметна лишь незрячим,
Нашей музыки звезда!

Изначальнее причалов
К нам протянуты смычки,
Чтобы чувство привечало
Над течением реки.

Что за Стиксовы пороги
Да химерный Ахерон,
Если ангелы и боги
Окружат со всех сторон!

Мне языческие чаши
Для того даны судьбой,
Чтоб сияла вера наша
Надо мной и над тобой.

Чтоб изнеженнее жёнам
Вырастал любви цветок,
Встану с ликом обожжённым,
Отопью воды глоток.

Возле косного истока
Им, единым на веку,
Шепот Юга и Востока
Шёлком истинным истку.

В неразумности шаманства
Закипит из синевы
Инкрустация пространства
Шевелением листвы.

Изобиловали боли—
Обовью их, как ручей,
Словно дали в Диком поле,
Изреченьями ночей.

Именуемой минутой
Мы насыщены сполна—
И прекрасна потому-то
Интуиции цена.

II.

Очи долу опуская,
Ну-ка, Шуберт, шепотком
Расскажи на грани края,
С кем ты коротко знаком.

Знаю, знаю: там, налево,
Кознодействуют кусты—
И величие напева
В том, что сам он—это ты.

Не грусти же, стриж мой венский!
Не столица в том виной—
Пусть она улыбкой женской
Одарит тебя весной.

Век напрасно надрывался—
Ты и сам его принёс
Для смущающих сквозь вальсы
Вечных мельничных колёс.

Нет на свете состраданья
Тем, в чьём сердце, как пчела,
Еженощные желанья
Пьёт не молодость, а мгла.

Насмотрелся в зеркала ты,
Манускрипты искромсав,—
Оттого-то и хвала-то,
А не просто—ледостав.

Испытующе шумяща,
Привлекла тебя листва—
И вода струилась чаще,
Чем кружилась голова.

В этой вещей круговерти
Точат казни остриё—
Но, однако, нету смерти,
Если с нами—бытиё.

III.

Где загубленное благо
Состраданьем не вернёшь,
Пробуждается отвага,
Хоть веди её под нож.

Только даже под нажимом
Гибче ласки и лозы,
Дышит в неопровержимом
Приближение грозы.

Точно жертвенная чаша
Опрокинута рукой,
Чтобы шествовали краше
Хрипота и непокой.

Где заглазным пересудам
Надо ставни открывать,—
Набродившимся повсюду,
Нам-то нечего скрывать!

Нас не схватят и не сыщут
Там, где мера, как слеза,
Загребущие ручищи,
Завидущие глаза.

Оттого ли, как подмога,
Запрокинута листва?—
Запредельная тревога,
Заговорные слова.

Где раскинуты потише
Задушевности мосты,
Там и мы бродили свыше—
И прищуривался ты,

И была тоска уступки
Заклинательницей змей—
Но без права на поступки
Задевать её не смей.

Домовиты идиомы,
Как привычки у крестьян,—
Ты опять остался дома,
Семизначный Себастьян.

Каждый звук в небесной гамме
Был отчётлив и велик,
Точно почва под ногами,—
До того к нему привык.

Как заласканные дети,
Эти звуки извели,
Перед ними ты—в ответе,
Пред тобой они—вдали.

Мне виднее не напрасно,
Где замаливать грехи—
Это сказано прекрасно
У Матфея и Луки.

Это читано запоем—
Что же! Вместе запоём—
Для того и дан обоим
Этот вешний окоём.

Возвышаясь и скитаясь
Во спасении дневном,
Пред Тобой, Господь, склоняюсь,
Певчий в хоре неземном.

Зимние цветы

I.

Вот роза белая—для встречи золотой,
И роза алая—от Матери Небесной,
И всё, что зимнею зовётся красотой,
Преобразит привет Её чудесный—
Её улыбчивы скорбящие уста
Хотя б на миг сегодняшнего взгляда,
В них сокровеннее открыта высота,—
И рвутся к ним цветы сии из сада.

II.

Ромашки снежные расправят лепестки
Над сердцевиной солнечного круга,
Чтоб те слова, что были так близки,
Не замела непрошеная вьюга,
И флоксы пряные затеют карнавал
Меж суеверий, ставших незабвенней,—
И там, где сроду я смущённей не бывал,
Настанет час для откровений.

III.

Как некогда загаданная даль
Глаза сощурить ныне заставляет,
Где, имени туманнее, печаль
Голубкой кроткой прилетает,
Сей день подъемлет звёзды хризантем
Судьбе в подарок и в благословенье,
Чтоб оправдать понятное не всем
Непостижимое горенье.

IV.

Всечеловечного мы ищем языка,
Рукой касаемся незыблемых понятий,
Чтоб образ верности пришёл издалека,
Не ускользая из объятий,
Чтоб восприятия широкое крыло
Оберегало и хранило
Всё то, что к сердцу сразу подошло
И душу гордую пленило.

V.

Покуда теплится заветная свеча,
И согревает, и тревожит,
И весь огонь подобием луча
Остаться в музыке пытается, быть может,
И нет на свете горькой пустоты,
Но всё заполнено и жизнью, и движеньем,—
Пусть эти зимние поющие цветы
Твоим земным пребудут продолженьем.

Присутствие Галактиона

I.

Где образ мира связан навсегда
С небесной безупречностью потери—
И ты неподражаем, как звезда,
А на земле постигнет это Мери—
Но поздно!—без возврата и надежд,
Без нежности, растерянной и дикой,—
И нет на свете горше милых вежд
Невесты, наречённой Эвридикой,
И нечего оглядываться: там
Полынный стон да ночи звёздный храм.

II.

Я слышу колокольный разговор:
Забудься—смилуйся—оставь земле хоть слово!
Как будто эхо выдышано с гор
Величьем памяти, несущей там дозор,
Где не найти свидетеля другого,—
И временем, рассыпавшим песок,
Струится прошлое—обиды и утраты,—
И непокорности стекает горький сок,
Янтарной накипью растаявший когда-то,
Покуда был, как голос, одинок.

III.

Есть птичий Бах—прислушайся порой
К неведомому рядом, за чертою,
Ребёнком в горести глаза свои открой,
Премудрость имени скрывая за игрой
И правду—за наивною мечтою,—
Ещё останутся следы на берегу—
Смотри внимательней—природе не стереться!—
Кто мыслит музыкой—у жизни не в долгу,—
Он с чашей поднятой, как в дружеском кругу,
Встаёт к звездáм, чтоб жаром их согреться.

IV.

Где книга есть, открытая всегда,
Зовущая пророческой страницей,
Душой неукротимого труда
И верностью, вернувшейся сторицей,
Заполнившей дрожащие уста
Подобно нескончаемому зову,—
Присутствует меж нами красота,
Тропинки указующая к слову,—
И ангелы в сиянье золотом
Поведают о спутнике святом.

Дым дождя

I.

Дым дождя над туманом садов—
Это грустное зрелище капель,
Воплощенье июня, что запил
Горечь слёз покаяньем трудов,—
Над прибоем таким
По-пластунски ползут самолёты,
В рёве вздрогнув, ненастные ноты
Застилают мой слух, как Пекин,—
Мы ничьи—ни к чему уже счёты,—
Но меня не покинь.

II.

В небесах
Воронья круговая орава,—
То ли справа,
То ли слева пробор в волосах,—
Голоса
Голубей заросли и промокли,—
Поднимают бинокли,
Чтобы впрямь разглядеть чудеса.

III.

Не в глазах
Это зарево участи зрело—
Ты войти не успела
И живёшь, как ребёнок, в азах,
В болтовне
Озарённой листвы и сирени,—
Преклоняю колени,
Да и горестно, грешному, мне.

IV.

Есть в друзьях
Ожиданье момента,
Где разрезана лента
На бегу в полудиких краях,
В полусне,
В полудрёме и боли немилой,
Где дрожит сердоликовой жилой
Пребыванье в ночной тишине.

V.

Подожди!
Эти руки вернее желанья—
Мы себе назначаем страданье,
Сердце бьётся под ветром в груди,
И гостить
В нашей жизни, почти в укоризне,—
Как брести по отчизне,
Где не могут любви запретить.

VI.

Вот и свет—
Вышел Феб, и цветёт Подмосковье,—
Красота добывается кровью
Наших праведных лет,—
Шестикрыл
Серафим, повстречавшись с тобою,—
Мук не скрою,
А Надежде глаза не закрыл.

VII.

Участь сада—во власти людей:
Погляди на безвинные дачи—
Быть не может иначе,
Так бери и владей,
Просветлённой душой холодей,
Белым телом других согревая,—
И когда постигать успеваю,
Не до сцены и не до затей.

VIII.

В жизни есть зачарованный час—
Наши губы зовутся устами—
И тогда открывается пламя,
Словно Спас,
Богоматерь стоит средь толпы,
Обнимая Младенца,
И разрозненных сосен коленца
Вертикально возносят стопы.

IX.

Даже заговор—звёзд уговор,
Преткновенье о камень,
Прославляющий женщину пламень,
Бессловесного счастья укор,
Обретаемый спор лепестков,
Мотыльки с фитильками,
Словно свечи в истоме и драме
Зажжены ипостасью веков.

X.

Где ты, юность? Мне легче с тобой!
Где ты, святость? Мне проще с тобою!
В нашей радости есть голубое
Впереди, за чертой,—
Только ангел не носит вериг,
И в рыдании лиры
Не напрасно является миру
Совершенства даруемый лик.

Ольга Андреева

Мантры

• • •

Иногда в этом воздухе ложно-весеннем
намечаются волны—изгибы—ступени,
и по ним неожиданно просто струятся
леера… поднимаешься в мир вариаций
и прозрений—о ком-то, расслышавшем гимны,
о мозаике дней, что могли быть другими,
и навстречу безмолвному воплю заката
устремляешься радостно и виновато.

Словно сколы скалы, кучевые террасы,
заповедные трассы неведомой расы…
…я вернусь после краткого чуда побега
в нераскрашенный мир, не отбеленный снегом,
в лунный стылый пейзаж из бетона, асфальта,
непромытого китча бессолнечной смальты.

Завтра выпадет снег—значит, всё перепишем
по-хорошему, набело—если запомню
этот свет и озноб, а ступени всё выше,
завтра всё ещё чисто, как снежное поле,
как морозные ветви кружат сквозь ресницы
февраля, колядуют, искрят, расплетаясь,
чтоб остаться собой, я должна измениться,
непрерывно меняться, как их очертанья.

Я тоскую по солнцу, как дерево Лема,
душу тянет в воронку—не скрыть до апреля.
Нелегко отделяются зёрна от плевел,
за соломинку слова держусь еле-еле.
Мир становится тесен—роднее, больнее,
и обидчивей. Хрупок, как зимние ветви.
Жить, наверное, можно—но я не умею.
И закаты о чём-то кричат безответно.

• • •

Мокрый снег, нулевая погода,
переход состояний, портал,
зомби света и времени года—
ветви мокрое держат,
устал
весь изрытый проспект
от нагрузки,
только вниз, только вниз
не смотреть,
это очень светло и по-русски—
в нерастаявший снег умереть.

• • •

Я забыла, как звать моё слово,
среди сотни волшебных имён
затерялось, уже не готова—
дикой птицей… Вот разве что сон—
всё по Гоголю—ведьму покажет,
я узнаю себя по строке,
и составлю натальные карты,
и по ним полечу налегке,

дифирамб—то есть дважды рождённый—
ветру, воле, траве и волне—
станет радугой, дикой жердёлой,
Афродита поможет влюблённым,
а глаголы вернутся ко мне.

• • •

Я сегодня слепая и косная,
я спала с четырёх до шести,
я одно поняла: дело к осени,
только мне до неё не дойти,

только нет ни линейки, ни правила,
отделяющих твердь от воды,
глупо две бесконечности стравливать,
на обеих оставлю следы.

• • •

Мой летящий анапест,
ты бог на своей колеснице,
льётся слово, как олово,—
только б не в землю пролиться,
спицы плотно сливаются,
кудри сплетаются ветром,
но кончается нить—
не тянуться же ей километры,
нить—клубочком под горлом,
клубочек из снов—он конечен,
только хвостик покажет—
и всё погружается в вечность,
тонешь в ней, онемев,
нет в тебе даже слова «не надо»,
но в зерне перемен
вызревает твой новый анапест.

Лиственница

Стать деревом?—струиться, шелестеть,
дарить листвой и тенью, пить корнями,
не сдвинусь—мир во мне продолжит течь
прозрачными на вкус ночами-днями…

Не горевать, когда покинет снег,
последний снег—ненужный, лишний, жалкий,
цветные птицы прилетят ко мне,
заблудится в моих ветвях русалка.

Одной из тысяч дев—в колхидский лес—
стать лиственницей—длинной, долговязой,
жить сотнями сюжетов, бликов, пьес,
и сверху, с облаков,—единой фразой,

и неразлучно видеть всех детей
своих—длинноволосых, длинноногих,
с очами в небо…
ленту новостей
заменит ветер—мой приятель строгий.

Придут ко мне—кто очень ждёт весны
и те, кто ни во что уже не верит,—
в мой светлый мир звенящей тишины,
пружинящей травы заиндевелой.

Не буду знать бессилья и тоски—
меня со мной ничто не разделяет,
молитву пишут только от руки,
ветвями на ветру, эпистолярно…

Стать деревом… вобрать рассвет седой,
кружить над белым синеватым полем,
искристым, кучевым… Держать ладонь
чуть напряжённой, как в реке,—поскольку
не исчерпать…

• • •

А главное—что всё-таки мы живы
и всё ещё серьёзными не стали,
расцвет пиратства в Аденском заливе
уютным светом соляных кристаллов

нейтрализуем. Так легко—сорваться
и выдохнуть: я больше не могу.
А мы с тобой умеем распрямляться,
как тетива, согнутая в дугу.

Неправда, что счастливым Бог не нужен,
но боль трусливо уползает в сны.
Не нам кричать: спасите наши души,—
что-что, а души наши спасены.

Где тонко—там и рвётся? Тоже верно.
Срываются от крика голоса.
Не толстокожи мы. Так, может, нервы—
из лески той, что крепит паруса?

Мантры

Выбрить тонзуру,
солнцу подставить—
демоны, сгиньте.

Всё по наитью,
собственно, сдуру,
не по уставу.

Киньте нас оземь—
мы не заметим,
крылья поднимут.

Смерть—просто осень,
не бесконечны
белые зимы.

Небезупречны,
глупо смешливы,
неистребимы,

тонем в наиве,
пленники речи.
Демоны, мимо…

Нет, не терновый—
солнечный венчик,
не по уставу,

вспоят гипофиз
первоосновы—
солнцу подставить.

Сокодвиженье
в мире очнётся
и заструится

в острых, солёных,
вечнозелёных
листьях и лицах,

скорбных главою
вечно живою—
демоны, сгиньте.

Дальние гимны,
кроны секвойи,
вольному—воля.

Если колокол бьёт,
золотую листву отражая,
если небо синée воды,
день торжественно-зыбок,—
значит, завтра зима
обнажит прописные скрижали,
слово в строчке качнётся
молочным не выпавшим зубом.

Что кому-то штурвал—
для других колесо обозренья.
На просушку туманы развешены—
кончилось лето.
Бог уже не вверху, Он—везде,
Он во всех измереньях,
мокрой взвесью балует, жалеет,
дарит напоследок.

Ночью шёл звёздный дождь,
а к утру расцвели хризантемы…
Духу тесно везде, кроме неба,—
на что ему эхо,
отражения, мнения,
дискурс, раскрытие темы?..
Пусть пари́т, это первое право
детей и поэтов.

Всегда остаётся хоть что-то для будущей сказки—
завязка сюжета, намёк на желанье героя,
пучок перспектив, не сулящих понятной развязки,
возможность опять уклониться от общего строя,

всегда есть цепочка, хоть ниточка, краешек скотча—
потянешь и выйдешь внезапно в осеннюю рощу,
и слово наивное падает в жирную почву,
и видишь, насколько всё было сложнее, и проще,

и ярче. И дерево жизни ползёт и ветвится
змеистыми мыслями, формами гнева и света,
и корни его обнимают нежнее планету,
и крону его навещают нездешние птицы,

герои с большими сердцами и маленьким мозгом
страдают, рыдают, сдают и сливают что можно,
а хищные вороны свет заслонили крылами,
и лижет подножия башен ползучее пламя…

Я снова приеду—знакомиться, а не прощаться,
глядеть, ликовать, открывать и записывать в строку—
платаны, бакланы, жасмины, и ямбы, и тропы,
пока не накроет туман пеленой без пощады
и не засияет, рекой притворяясь, дорога.

Евгений Минин

Жизни сон тяжёлый…

Экзальтическое

Ты примус починял, когда вошли команчи,
увешанные скальпами, и вождь…
Михаил Дынкин

Когда я сочинял, ворвались кхмеры
и кровью перемазанный Пол Пот.
Они орали, словно пионеры,
так что меня прошиб холодный пот.
В окошко залетел безумный аист
с намёком: мол кого-нибудь роди.
Когда уже очнулся, доктор Фауст
водил фонендоскопом по груди…

Крутожизненное

Жизнь перевернётся на живот,
проморгавшись, глянет в пустоту…
Ирина Евса

Вот такою жизнь моя слывёт,
но об этом, граждане, молчок:
то перевернётся на живот,
то беспечно ляжет на бочок,
то прижмётся попою к стене,
то ложится прямо на краю,
а когда надоедает мне—
тут уж проморгаться ей даю…

Александр Орлов

Меча неведомого сила

• • •

У осени выманивала посох
Зима на протяженье двух недель.
Я растворился в дождевых расспросах,
Встречая хладнокровную метель.

Я видел, как ложатся солнца дроби,
Как час рассветом был перерождён,
Как ночь ползком на тающем сугробе,
Отдавшись лужам, провожала сон.

Ввысь испарялись призрачные нови,
И в прошлое открыт был тайный ход,
Где ждал гостей, извечно наготове,
Ключарь блаженный у земных ворот.

Благотворец

Схиархимандриту
Власию (Перегонцеву)

И солнца луч мертворождён,
И холод нагнетает пытки,
И всё же требует подпитки
Листва, спадающая с крон.

Скажите мне: а можно ей
Чего-то требовать в приплясе
И падать в дождевой проказе,
Забыв о крепости ветвей,

И умолять—кого? о чём?
Листвы смердеет позолота,
И время вьюжного подлёта
Предсказано календарём.

И что листва оставит нам?
Кого, прощаясь, обессилит?
Кто будет, раненный навылет,
Вверять болезни образа́м?

И чья смиренно теплота,
Когда рассвирепеют стужи
И станет всем безвольно хуже,
Летит сквозь темень от скита?

Кто в разночтенье катавасий
Окажется с тобой вблизи?
Ты сердце тихо расспроси—
Оно ответит: старец Власий.

• • •

Молитвами не требуешь ты льгот,
Ты кажешься себе малоимущим,
Идущим день и ночь к священным кущам,
Где именитый Кто-то вечно ждёт.

Ты веруешь: Он—Альфа и Омега,
Он в тайной тридевятой стороне
Выходит неожиданно извне,
И полон мир архангельского снега.

И духовитой памятью сновидца,
Не замечая происков шептух,
Ты не хотел бы с Ним объединиться?
—Хотел бы. Я один из Его слуг.

• • •

Я шёл к тебе—и становился старше,
И прятал чувства в сумерках земных,
Где двое огневых сторожевых
Хранят извечно слово *патриарше*,

Где сходятся обрывы разных линий,
Где знают всё о мире и о нас,
Где вечный свет Спаситель нам припас
И жизнь моя не кажется рабыней,

Где так ясны три тысячи поверий,
Где собраны мольбы монастырей,
Где ты стоишь у золотых дверей
И ждёшь меня в преддверии мистерий.

• • •

День сухо говорит со мной, покуда
Его не сменит дождевая тьма,
И вдаль его погонит листьев груда,
И свистнет хладнолицая зима.

И млечный свет мне ляжет на оплечье,
И мир накроет дымкой снеговой,
И тьма найдёт обличье человечье
Безумной юной девушки с косой.

С ней наши встречи будут неслучайны,
И в жадном преткновении сердец
Две тени унесёт, рассеяв тайны,
Предзимья ключник—молодой снежнец.

Венец

Иеромонаху Макарию (Комогорову)

Меча неведомого сила
Вошла в меня по рукоять.
Скажи, когда всё это было?
Мне больше нечего терять?

И почему на перекрёстке
Священных праведных путей
Не вижу русских я людей,
А лишь огонь в кровавом воске?

И почему мой дух-кромешник
Стоит один у Царских врат,
Скрывая поугасший взгляд,
Сжимая вечности трёхсвечник?

И почему от колоколен
Исходит звучный перезвон?
И почему я вечно строен
И в крест святой перерождён?

• • •

Хранитель, объясни и напиши,
Мне не понять теченье нашей жизни.
Мы гибнем в затяжной дороговизне,
Мы в пересудах только хороши,
Не думая о страстной укоризне.

Случалось, я бросал и предавал,
И путались у ног моих интриги,
Но не был я героем высшей лиги—
Я брал на миг недолгий интервал
И силы черпал из отцовской книги.

Я жизнью громкой пропитался вволю,
Я вдаль смотрю, ни капли не дрожа,
Сердито пью и, закусив с ножа,
Иду на свет по царственному полю,
И надо мной—святые сторожа.

Галина Данилова

Отель «Вилла „Гортензия“»

Красноярск: «Офсет», 2018.

В средние века арабы, завоевав страны Средней Азии, сделали арабский язык государственным и языком науки.

Нация, давшая миру таких великих людей, как астроном и энциклопедист Райхан Беруни, знаменитый математик, философ и поэт Омар Хайям, поэт и мыслитель Алишер Навои, которые жили до арабского закабаления, к началу 20 века в массе своей была безграмотна. Число детей, обучавшихся в это время в школах, составляло всего два процента.

Октябрьская социалистическая революция дала народам Узбекистана возможность учиться. В стране стали создаваться советские школы, техникумы, вузы. Но вот преподавать в них математику было возможности из-за отсутствия учебников на узбекском языке, а большинство студентов не знали русского языка. Необходимо было перевести учебники с русского языка на узбекский, а для этого сначала разработать математические термины.

— А что это такое?

— Понимаешь, надо было подобрать к таким словам, как, например, «окружность» или «пирамида», эквиваленты, ну, то есть заменяющие их слова на узбекском языке, а так как таких понятий не было, приходилось подходить к этой проблеме упрощённо. Так, «радиус» дословно переводился как «спица», а «цилиндр»—«бревно». Ну и много таких казусных терминов было придумано, которые потом пришлось пересматривать. Когда термины были разработаны, необходимо было что?

Необходимо было создать непосредственно сам математический язык, а это ещё более сложная работа. Одно дело знать термины, другое—с их помощью точно сформулировать то или иное математическое положение.

Олег Ващаев

Темнее крови

● ● ●

…Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!..
А. С. Пушкин

В двадцать лет? «под Бродского»?
Нормально.
В двадцать пять? Ещё куда ни шло.
Но потом… Неправильно. Провально.
Если по-простому — западло.
Да, повально. Да, неисправимо.
Синтаксис привился и пророс.
Кто они, промчавшиеся мимо?
Шебутной на «мерине» «барбос»,
фифа-эрудиня пешкодралом
или тот, кому по кайфу рэп,
тихой сапой или со скандалом.
Не оригинален, а нелеп
колкий слоган, перевод о жизни:
сразу не успеешь — никогда
не успеешь; точно — не в Отчизне.
Бродский не сумел, а ты — куда?!
В чартах, чатах, плей-листах и топах —
чепуха, пиар и плагиат.
Ловчий слов то в «штопоре», то в стропах
«тонет», как спортивный акробат.
В сорок лет другим уже не станешь.
В пятьдесят — известен результат.
Бремя славы, конъюнктура, статус
Или — резонанс и самиздат.
Как подъём-переворот у цели —
«соло» на повышенных тонах.
Это жизнь: колёса и качели,
творчество, затворничество, прах.

Осень на море

Листья потухли, скрылись под снегом,
чтобы не напоказ
кануть на дне, освещаемом небом, —
осень волнуется «раз».
Серой становится и не волнует.
Краски ушли, как планктон.
Листья застынут и перезимуют,
лягут цвета в полутон.

● ● ●

Большинству неинтересен. Потому
жизнь проходит среди песен на дому.
Самому шепчу, под запись или так.
А душа, она от плоти — ни на шаг.
Разохотишься, расхочется — молчит.
Мизантроп, правдоискатель-интуит.
Заскучал — и зазвучала невпопад.
Что случилось? Почему себе не рад?
Раз — гастроли, два — гастроли. Надоел.
Как фанера над Парижем пролетел.

● ● ●

Собака, которая умирает и знает,
что умирает, как собака… есть человек.
Эрих Фрид

Карельское домашнее варенье —
морошка и брусника на пару.
Казалось бы, зачем? За неимением.
Икра была бы слаще на пиру.
Пиры сейчас — жестокая забава.
Не жировать, а выживать пора.
Ловкач и плут напутствуют лукаво:
— Что ваша жизнь? Азартная игра!
Как Форрест Гамп — иду, когда мне плохо.
Глух, как стрелок, и нем, как пилигрим.
На вдохе долго не хватает вдоха,
и выдох тоже больно уловим.
Собака лает не переставая.
Собака знает, что её убьют.
Без вариантов, логика простая.
Затем и лает, может быть, что ждут.
Впадает в транс от запахов и видов:
охотники пускают в норы дым.
Будь как собака, не копи обиды.
Забудь про них — и ты неуязвим.
Основы жизни — воля и охота.
Труба зовёт, попробуй отдохни.
А ягода… Приятная забота.
Вари варенье, самогон гони.

Темнее крови

Беспробудным утром, та́я, пламенеет лёд в тумане.
Наша жизнь как на ладони, только знай себе держись.
Но и это не поможет, и она тебя обманет,
Беспробудным утром ранним отпуская душу ввысь.
И, как в песенке поётся, остаётся то, что свято.
И печальнее заботы не придумано для нас.
За грехи и за обиды неминуема расплата.
Ничего не нужно, кроме перепутья в страшный час.
Не лишай меня свиданья с этим утром. Где угодно!
Я готов. Я присягаю крыльям и колоколам.
На пороге ожиданья наша жизнь бесповоротна.
Что же с нами завтра будет? Страх с похмельем пополам.
Ничего не нужно, кроме перепутья. Божья осень
Наступает незаметно, и уводит, и ведёт.
А вернуться можно только со всего размаха оземь.
Потому и не погаснет в наших душах этот лёд.
Полпути—как полстакана самогона или водки.
Баловство, пустая трата упоительных минут.
Направление на выбор. Путь прямой или короткий,
Но заранее известно, чем закончится маршрут
Наших душ, и тел, и прочих составляющих движенья,
Всё равно что в жмурки с тенью, неизбывная тоска.
Это близко, даже очень,—как свободное паденье
От рождения до смерти—появлению стиха.
Близко нам с тобою. Вот и чёрный ветер, будто Блока
Отпустили извиниться за напрасную печаль.
Два стакана самогона; два—берёзового сока;
Половиночка молитвы, и—не жаль, не жаль, не жаль…

Странник

Запах жареных каштанов, запах кофе с коньяком.
Чёрно-белый Параджанов новым русским незнаком.
Под замком и под запретом, в разрушительной среде,
был пришельцем и аскетом он на хлебе и воде,
где не нюхали Gitanes, но варили «концентрат».
Кровь гоняет, и—летаешь. Сердце рвётся, как гранат.
От прародины—далёко. Дома—всё наоборот:
Подцензурная морока, нецензурный перевод.
Чёрно-белая планета—среди красных и цветных.
Запах моря, запах ветра между мёртвых и живых.

● ● ●

Занесло—и остался. Созерцал, рифмовал.
И Шопен продолжался, когда Скрябин играл.
Уходящие вальсы завершал Парсифаль.
Вагнер слышал нюансы, и менялся Грааль.
Всем, кому не сидится, всем, кому не впервой,—
белая голубица реет над головой.
Кто не сдулся, не сдался, к покаянью пришёл,
тех от фальши и фарса защищает глагол.
Кто легко и открыто о себе говорит,
где ничто не забыто и никто не забыт.

Анатолий Янжула

И жили они долго и счастливо…

Окончание. Начало см. «ДиН» №1/2019.

По тому, как построен дом, можно судить о характере хозяина. Витина дача была рублена из бруса, аккуратно проконопачена, окна окантованы незатейливыми, но добротными наличниками, окрашенными традиционной голубой краской. Взглянув на дом с улицы, можно предположить, что хозяин — без особых фантазий в голове, но на земле стоит крепко. К дому пристроена просторная веранда, соединённая крытым переходом с баней. Всё просто, продуманно и функционально. Андрей однажды был на Витиной даче, но это было давно, они завалили туда шумной компанией поздним вечером и, прогуляв почти до утра, на следующий день уехали. На этот раз Андрей, неторопливо обойдя всё Витино хозяйство, удовлетворённо хмыкнул:

— Крестьянских кровей ты, Воронцов, несмотря на свою фамилию.

— Да, мы из крепких крестьян. Если бы не Великая да Октябрьская…

— То что?

— А ничего. Пойдём, покажу, как воду добывать.

Прямо в бане была пробурена скважина, стоял насос и воду качал — хоть в бутылки разливай.

— Как ты в бане скважину-то пробурил?

— А я сначала пробурил, а уж потом баню поставил. Умные люди всегда всё по порядку делают. Ладно, устраивайся. Постельное бельё в шкафу, поливать каждый день надо только редиску и огурцы, газовый баллон на кухне сам обменяешь, тот почти пустой. Всё, я поехал, не скучай.

Андрей неторопливо обошёл весь огород, попинал лопухи, буйно разросшиеся у калитки, закурил и, облокотившись о забор, долго глядел на пустынную дорогу.

«Как Василий Алибабаевич говорил: „А в тюрьме сейчас макароны дают…“ А дома, наверное, Евгения щей наварила… Нет! Всё! Отрезано! Хватит! Бесконечно это продолжаться не может. Всему есть логическое завершение. Всему должно быть логическое завершение! Хватит ныть!»

Андрей, зло плюнув, бросил сигарету и пошёл в дом. Поднявшись на крыльцо веранды, увидел сидевшую на скамеечке соседнего дома женщину, пристально глядевшую на него. Рассеянно махнув головой, неуверенно поздоровался.

— Вы кто? Родственник Воронцовых?

— Нет. Я друг Вити.

— А… Вы остаётесь ночевать?

— Да. И не только сегодня. Я тут задержусь на некоторое время.

— Как славно, — женщина встала со скамейки и быстро подошла к штакетнику. — Вы знаете, последние две ночи по дороге какие-то хулиганы ходят. Орут как оглашенные. Я по полночи не сплю.

— Так вы здесь постоянно живёте?

— Да… Знаете, в городе так душно, пыльно. Я вот тут…

— И не страшно?

— Нет, что вы, я не трусиха. Так, тревожно иногда. Меня зовут Серафима.

— А по батюшке?

— Нет… — она замахала руками. — Просто Серафима. Как вы славно сказали: «По батюшке…» Вы филолог?

— Ну конечно, — Андрей засмеялся. — Вечная тройка по русскому. Нет, я программист, и зовут меня Андрей. Мы с Виктором работаем в одной шарашке. А он не предупредил, что у меня будет такая прелестная соседка.

— Он меня мало знает, мы недавно эту дачу купили. И живу я тут всего неделю.

— Хорошо, Серафима. Будет страшно — зовите на помощь. Только учтите, я крепко сплю, и разбудить меня будет трудно.

— Я постараюсь вас не тревожить. Спокойной ночи.

Наталья «прокрутила» Чмарова через информационный центр, и выяснилось, что за плечами этого милого «родственничка» уже две ходки в зону. Последняя, по сто девятой, с небольшим сроком за неумышленное убийство, просто выпирала недосказанностью умышленного. С таким гусем ухо надо востро держать. К первому допросу приготовилась очень тщательно. Вспугнёшь его раньше времени — потом поминай как звали. Голова, она при любом раскладе дороже квартиры. Наталья, проходя по коридору, засекла, что Чмаров пришёл раньше назначенного времени и тихо сидел в коридоре, даже не пытаясь напоминать о себе.

— Андрей, пиши протокол, не задавай вопросов и внимательно приглядывайся к этому мужичку. Не исключено, что тебе с ним придётся ещё поработать. Понял?
— Не дурак. Зовём?
— Приглашай.
Чмаров тихо вошёл и, вопросительно взглянув на Наталью, остановился в двери.
— Входите, Чмаров, садитесь.
— Рано садите, гражданин начальник. Присесть могу.
— Хорошо... присаживайтесь.
То, что Чмаров «гусь», было очевидно. Зона учит думать, прежде чем рот раскрывать. Даже на простые и тысячу раз задаваемые ему протокольные опросы: кто да как зовут,—отвечал неторопливо, выдержав паузу.
— Виктор Сергеевич, что вы можете пояснить по поводу гибели вашего родственника?
— Кого вы имеете в виду?
— А что, у вас много родственников погибло?
— Да нет. Последнее время только один.
— А раньше?
— А за раньше я не в ответе.
— Хорошо. Вы знаете, о ком я спрашиваю?
— Это вы о Борьке, что ли?
— Да. Что вы можете пояснить по поводу гибели Промахова Бориса Петровича?
— А чего мне говорить? Сиганул в окно Боря Промахов, вот и всё. А я тут при чём?
— Как вы считаете, у него были причины в окно сигать, как вы говорите?
— Это вы у него спросите. А мне откуда знать?
— Какие у вас были отношения?
— Какие у нас могут быть отношения? Это у него с женой были отношения. А у нас какие?.. «Здравствуй» и «прощай». Вот и все отношения. Не любил он меня,—впервые на лице у Чмарова мелькнули какие-то эмоции, он дёрнулся глазами, но сразу опустил их в пол.—Сиделый я, вот и не любил. Зэков кто у нас любит? «Зэка»—он и есть «зэка».
— И по каким вы статьям привлекались?
— А то вы не знаете,—Чмаров зло сверкнул глазами.—Гражданин следователь, не надо меня на «понял» брать. У вас там всё уже давно написано—и по какой, и на сколько. Не надо мне под губу заглотыш подводить. К Борькиной смерти я никакого отношения не имею.
— А что это вы так разволновались, Чмаров? У меня к вам вообще никаких претензий. У вас, кстати, неплохое алиби. Вы ведь в это время были на рынке?
— Да. Я в это время был на рынке, с корешами пиво пил. Меня видело не менее трёх человек.
— Вот и славненько. И не надо так волноваться. Я должна опросить всех, кто имел хоть какое то отношение к происшедшему.
— А я и не волнуюсь. Что мне волноваться?
— Прекрасно. Давайте вашу повестку. Вы никуда уезжать в ближайшее время не собираетесь?—подписывая повестку, Наталья из-под ресниц внимательно наблюдала за Чмаровым.
— А куда мне ехать? Некуда мне ехать.
— Хорошо. Если будет что сообщить по факту—милости прошу.
— Как только, так я сразу,—Чмаров нахлобучил кепку до бровей.—До свидания, граждане следователи. А про Борьку... Борька давно уже психовал из-за Зойкиной дурки. Вот сам и дурканул.
— И в чём же выражалось его психование?
— Не знаю. Мне так кажется. До свидания.
Так и не поднимая глаз, Чмаров быстро вышел из кабинета.
Наталья долго и, казалось бездумно смотрела в протокол допроса, пытаясь мысленно настроить себя на объективную точку зрения на ситуацию. «Кто он, Чмаров? Тёмная и затаившаяся тень или реальный злодей?»

— Ну и что скажете, молодой человек?—Наталья приколола протокол на усы скоросшивателя.—Как вам этот красавец?
— Не знаю, Наталья Максимовна. Чужая душа—потёмки. Тип не очень симпатичный, но детишек мне с ним не крестить. Я думаю, надо тех корешей за хвост подёргать. Они единственное его алиби.
— Вот и подёргай. Только тихо и быстро. Прямо сейчас, до того как Чмаров с ними ещё поговорит. А он с ними обязательно поговорит. Я понимаю, что это не твоё дело—по пивточкам бегать, но... Во-первых, просто некому, все опера́ в разгоне, а во-вторых, «постановка на нюх», как говорит подполковник Смагин, должна быть всесторонней, чтобы знал, что оперов кормит, и не гонял их потом по собственной прихоти. Без обид?
— Какой разговор. С удовольствием пивка попью, с мужичками за жисть покалякаю.
— А почему не спрашиваешь, где они пиво пили?
— Обижаете, Наталья Максимовна. Не маленький, сам разберусь. «Погоняло» у него какое?
— Андрей... Не хочу быть занудой, но...
— Понял, Наталья Максимовна. Больше не бу.
— Чего «не бу»?
— Так какая у него кличка?
— Ну ты и...— Наталья покачала головой.—Кличка у Чмарова...— Наталья полистала бумажки.— А кличка у него—Чмо. Да... Очень образно. Расшифровывать надо?
— Не утруждайтесь. Ну так я пошёл?
— Идите. Андрей, и всё-таки это ничего что я вас на «ты»?
— Нормально. Мне приятно слышать ваше доверительное «ты». Разрешите идти, товарищ старший лейтенант?

— Иди… Отпускаю одного только потому, что мне туда никак нельзя. Никуда не соваться, тихо потолковать с мужиками — и ко мне. Ясно?
— Вы как Джульбарсу… «ко мне».
Наталья покачала головой.
— Иронии у тебя на троих хватит. Иди, горе луковое.

Прокурор наотрез отказался дать разрешение на эксгумацию.
— Тоже мне, моду взяли. Чуть что — сразу и копать. Помер, так пусть лежит человек, нечего его прах беспокоить. Не вижу оснований для столь серьёзного дела.
Смагин попытался было возразить, но потом махнул рукой.
— Ну, как знаете, Николай Михайлович. Можно, конечно, и так, по течению пустить, тем более что «парашютисты» сегодня чуть не каждый день летают. Но тут особый случай.
— В жизни все случаи особые. Родился человек — особый случай. Помер — тоже не из рядовых. Я не могу при столь слабой аргументации дать разрешение на очередное гробокопательство. Судмедэксперт смотрел, смотрел. Что ему сейчас надо?
— Мы на это дело под другим градусом посмотрели, вот и сомнения появились.
— Смагин, я верю, что вы очень опытный в своём деле человек и зря сюда не пойдёте. Но вы и меня поймите. Мёртвым всё равно, закапывают их или раскапывают. Не всё равно живым. Эксгумация — это ещё и социальное явление. А лишний трёп и разные досужие домыслы, бродящие по городу, мне ни к чему! Всё! Вопрос пока закрыт. Будет достаточно оснований — будет вам и разрешение. А пока так работайте.

Наталья, пока аккуратно не дописала отдельного поручения операм по присмотру за Чмаровым, не успокоилась. В хлопотном следовательском деле, если не будет порядка в бумагах, проку не жди. Утонешь, как в омуте. Только приучив себя пунктуально доводить все бумажные дела до конца, можно спокойно браться за другие, зная, что позади тебя дыр не осталось. Взяла трубку телефона, немного подумала и набрала знакомый номер.
— Здравствуйте. Андрея Николаевича, пожалуйста… Здравствуйте, Андрей Николаевич. Как жизнь, как дела?
— Наталья?! Вот это сюрприз. Вы мне позвонили… Тронут вашим вниманием. Как у вас? В выходной собираетесь домой ехать?
— Если и да, то что?
— Не напрягайтесь. Я вашему замечательному отцу пообещал не показываться на глаза, пока не решу все свои проблемы. Просто привет ему передайте. И непременно Галине Михайловне. Она у вас тоже очень замечательная мама.
— Льстец. И хвастун.
— За что, Наталья Максимовна?
— За самоуверенное обещание решить все свои проблемы. Это невозможно.
— Ну почему же?..
— А потому. Любое решение любых проблем есть рождение новых, порой ещё более сложных. Всех проблем решить просто невозможно. А значит, вы хвастун.
— У вас игривое настроение. Наверное, жулика какого-нибудь разоблачили. Карточного шулера, который опустошил три казино. Их, говорят, поймать очень сложно.
— Нет, к сожалению. Жулики все хитрые, а карточных жуликов я и в глаза никогда не видывала. Я в карты только в подкидного. Кстати, а вам не знакома фамилия Промахов?
— Что за Промахов? Нет, первый раз слышу. А он что, крупный жулик?
— Нет. Он тоже программист. Был, к сожалению. В окно выбросился, с седьмого этажа.
— Ни фига себе, сокол ясный. А чего это вы параллели проводите? Если программист, значит, склонен к прыжкам в окно?
— Нет. Пока не увидела имя на корочке дела — чуть с ума не сошла. Я не знаю вашей фамилии.
— Наталья… — Андрей замолчал.
— Алло… алло! Андрей Николаевич…
— Здесь я. Наташа, я даже не знаю, что сказать.
— Да ничего и не нужно говорить. Просто при знакомстве с девушкой надо называть свою фамилию.
— Назаров моя фамилия. Наташа, я хочу вас увидеть.
— То, что вы Назаров, это ещё не повод… А вы ещё не решили все свои проблемы.
— Все нет, но одну уже решил. Я ушёл из дома.
— Куда, если не секрет?
— Живу на даче у друга.
— Дичаете помаленьку.
— Сливаюсь с природой. Хотите ко мне в гости?
— Ехать на дачу к мужчине, впервые услышав его фамилию, безнравственно. Слышала бы моя мамочка. Ох, она бы вам задала!
— А правда, Наташа? Можно я за вами заеду после работы?
Дверь резко распахнулась, вошла Катерина и, покрутившись у зеркала, уселась на стул.
— Не знаю… — Наталья, покосившись на Катерину, замолчала.
— Соглашайтесь. По лесу погуляем, чайку попьём, и я вас аккуратно отвезу домой. Там такая чудная природа. Ну, соглашайтесь, не пожалеете.
— Хорошо. После пяти… Только не у райотдела. Стойте на углу.
— Хорошо, Наташа…
— Извините. У меня тут люди пришли.
— Хорошо. Как договорились.

Глаза у Катерины загорелись, как галогенные фары:
— Кто?!!
— Дед Пихто. Просто знакомый.
— Не финти. Последний раз спрашиваю: кто?! Не скажешь—застрелюсь! И тебя застрелю!
— Помнишь, мужчина подвозил меня на тракте?
— Это который с тебя денег не взял? Старый и умный?
— Ну, не такой уж и старый…
— Наташка… Во тихоня! Жена, дети, машина, дача?
— Ты сразу на вещдоки: дача, машина. Не знаю и знать не хочу. Конечно, жена, конечно, дети. Дети уже взрослые, с женой какие-то проблемы. Из дома ушёл, живёт на даче у друга.
— Ну ты даёшь… Так он тебя клеит или ты его? Хотя нет, ты не тот кадр. Значит, он! Ну а ты чего?
— А ничего. Ничего я, Катерина, не знаю…
— Всё ты знаешь. Вижу, зацепило.
— Не знаю, зацепило или нет, но мне с ним просто интересно.
— Поплотней познакомишься, ещё интересней будет. Это я тебе говорю.
— Всё-то ты знаешь, Катенька. Дома меня уже запилили.
— Так он у тебя и дома был?!
— Был. Отцу очень понравился, но он ему прямо сказал, чтобы тот сначала свои домашние проблемы решил, а уже потом к порядочным девицам подкатывал.
— Ну ты даёшь, тихоня. А маманя?
— А мама сказала, что быть стервой, отбивающей отца у детей и мужа у жены,—крайняя степень падения для женщины.
— Ой-ёй-ёй… какие мы щепетильные. Ну ладно, они родители, им положено за детей беспокоиться. А ты сама-то чего?
— Я же тебе говорю: не знаю. Честно говоря, не очень хочется быть стервой.
— Ты же сама говоришь, что у него проблемы с женой. И, скорей всего, давние. Ну не мог же он уйти из дома только потому, что один раз подвёз тебя на машине?
— Два.
— Что «два»?
— Два раза подвёз.
— Два? Тогда это в корне меняет ситуацию. После такой близости он, как честный человек, просто обязан бросить жену,—Катерина покачала головой.—Чего ты мелешь, как малахольная? Такой шаг обдумывается долго, и, скорее всего, у них там давно уже зашло в тупик.
— Умная ты, Фрося. И рассуждаешь ты логично. Но логика в таких делах—не самое главное.
— По-моему, ты просто усложняешь ситуацию. Он что, тебе уже замужество предлагает?
— О чём ты говоришь?..
— Ну вот видишь. Встречаться с мужиком только для того, чтобы просто потрепаться,—это не преступление. Как я понимаю ситуацию, дальше трёпа у вас пока ещё не дошло?
— У нас ещё ни до чего не дошло.
— Вот видишь, как всё прекрасно. И что тебя гложет?
— Перспективы.
— Не опережайте свои неприятности, мадемуазель. Всё придёт в своё время.
— Послушаешь, так все вокруг такие умные. А я вот дура дурой.
— Ты не дура. Ты просто молодая и неопытная. А этот недостаток со временем проходит. Ого… Время за пять перевалило. Твой Ромео на углу уже, наверное, дымится. Говорят, у пожилых людей время быстрей бежит, так что побереги человека.
— Ох и язва ты, Катерина. Ты только рот на замке держи.
— Обижаете, Натали. Не волнуйтесь, тайну свято сохраню. Даже от близкого друга Мишани.

— Да, Назаров, вы явно не простак.
— И за то спасибо.
— Пожалуйста. Я к тому, что место для ссылки вы выбрали знатное,—Наталья шла по тропинке вдоль ситцевого светлого березничка.—Как товарищ Ленин в своё время в Шушенском. Здесь и страдать не так тоскливо. После моего прокуренного и заматеренного райотдела… Вот уж здесь действительно рай.
— А вы оставайтесь.

Наталья глянула на Андрея остро и сердито:
— В качестве кого?
— Вы умеете задавать вопросы, на которые трудно отвечать неконкретно.
— Издержки профессии. На работе мне не нужны неконкретные ответы.
— А вам профессия в жизни мешает или помогает?
— Не знаю… Скорее мешает. Трудно нарастить шкуру чтобы грязь не липла, трудно не пропускать всё через себя, да мало ли… Но есть и положительные стороны.
— Их, конечно, больше?
— Хоть отбавляй. Умение мыслить логично никогда не помешает.
— И вы искренне в это верите?
— А вы?
— Сухая логика столько прекрасных вещей погубила. Логика—холодный и расчётливый убийца. Всё, что украшает нашу жизнь,—музыка, живопись, поэзия—всё это создано вопреки всякой логике! Не благодаря, а вопреки.
— Ну… Этот спор бесконечен.
— А я и не буду спорить. Это очевидно любому здравомыслящему человеку.

— Ну, так то здравомыслящему. А я — мент! Где уж нам, дуболомным.
— Наташа, не обижайтесь. И старайтесь не говорить это поганое слово — «мент». Просто вы ещё максималистка. Со временем это затушуется. Интересно… — Назаров показал пальцем в сторону дачного посёлка. — Это же Мишка идёт. Точно. Наверное, меня ищет.
— Кто?
— Мой младший.
— Вы идите, а я здесь подожду.
— Ну конечно. Будете вы тут одна стоять. Я очень хочу вас познакомить. Он интересный парнишка. Он вам понравится.
— Вы считаете, ему необходимо знакомство со мной?
— А что в этом плохого?
— Ну хорошо.

Ещё издалека узнав отца, Мишка помахал рукой. Подойдя ближе, разулыбался:
— Ну как ты тут? Не озверел?
— На природе люди, наоборот, добреют. Что случилось?
— Да нормально всё… Я так, проведать.

Бросил тревожный взгляд на женщину в милицейской форме. Назаров перехватил его взгляд.
— Познакомься. Это Наталья Максимовна, следователь.
— Ты что-то натворил?
— Да нет… Она мой гость.
— А-а-а… — Мишка внимательней, теперь уже оценивающе, глянул на Наталью. — А я уже всполошился. Батя у нас человек импульсивный, в ярости может и дров наломать.
— Вот уж не сказала бы.
— А вы сколько его знаете?
— Да… В общем-то, недавно…
— А я давно. Он может. Это он с виду тихий.
— Напугаешь человека. Как там у вас?
— «У нас» — это где?
— Так, вообще.
— «У нас» у меня — всё нормально. Учусь, работаю. Компик обновил. Круче, чем у Билла Гейтса. «У нас» у матери — всё так же. Вчера был.
— Она в клинику не собирается?
— Да никуда она не пойдёт. Слушай, а чего ты нам чайку не предлагаешь? Я с пирожными.
— Ну, чайку так чайку.

Пили чай, трепались ни о чём. Мишка, изредка поглядывая на Наталью и пытаясь угадать степень знакомства её с отцом, понял, что дальше разговоров и пристрелки глазами у бати не дошло. Это успокаивало. Он очень болезненно переживал его разрыв с матерью. Душой понимая, что её болезнь морально давила отца, и оправдывая его как мужчину, он не мог оправдать его как отца. Родители слились в его понимании в одно целое и неразделимое. Дети иногда говорят «мамапапа», воспринимая маму и папу единой средой окружения. Вот и Мишка. Взрослый умный парень, давно уже понявший принципы одиночного плавания по жизни, не мог себе представить, что отец и мать могут жить порознь. Но дело шло к этому, и с ситуацией, видимо, придётся смириться. Мишка, поглядывая на Наталью, невольно сравнивал её с матерью и с сожалением отметил про себя, что мама по многим позициям проигрывала. Правда, немного отталкивала милицейская форма. Даже кокетливый галстучек вытянутой бабочкой не скрашивал казарменности. Форма противоестественна женской природе, бесформенной, необязательной и капризной. Несмотря на младые годы, Мишка уже понял некоторые особенности психологии женщины.
— Ну ладно, папаня, я, пожалуй, пойду.
— А чего заторопился? Сиди…
— Электричка скоро.
— Можно я тоже с вами? — Наталья потянулась за сумкой.
— Ну вот… — Назаров досадливо сморщился. — Чего засуетились? Я увезу вас на машине.
— Не надо, батя, отдыхай. Мы с Натальей Максимовной на электричке.
— Я уже сто лет не ездила на электричке.
— Ну вот и прокатимся. Я вам анекдоты буду рассказывать.

Мишка пытался шутить, но Андрей видел, что глаза его напряжены и он не так уж и весел, каковым пытался казаться. Андрей пошёл провожать их на платформу и, улучив момент, когда Наталья отвлеклась, тихо дёрнул Мишку за рукав:
— Слушай, ты чего такой напряжённый? Ты мне это кончай…
— Да всё нормально, батя. Я глупостей не буду делать. Просто приглядываюсь.
— А тебе нечего и приглядываться. Это пока ещё ничто.
— Ну… не скажите, Андрей Николаевич. Я уже большенький.
— Вот и слава Богу. Придёт время — поговорим и на эту тему.
— Можешь не беспокоиться. Я всё понимаю.
— Ух… смотри мне.

Никаких анекдотов Мишка, конечно же, не рассказывал. Достал из сумки затрёпанную книжонку и, привалившись к стенке, читал, иногда коротко поглядывая на Наталью. Подъезжая к городу, Наталья перехватила его взгляд. Наклонившись к уху, тихо спросила:
— Ну… и какие выводы?
— Это вы о чём?
— О том. Считаешь, что я стерва?
— Считаю что вы симпатичная женщина. Но при этом ещё считаю, что такая большая разница в возрасте, как правило, счастья не приносит.

— Откуда мудрость не по летам?
— Акселерация плюс информация, знак равенства — ранняя зрелость.
— И преждевременная старость, — Наталья засмеялась и, шлёпнув его по лбу, встала. — Пойдём, акселерат.

Наталья сунула ключ в замок, привычно пыталась повернуть — ключ не поворачивался. Попробовала ещё раз... дверь легко подалась и открылась. Встревоженно заглянув в кабинет, Наталья увидела, что за столом Семён Семёныча сидит стажёр и, привалившись щекой к сейфу, сладко спит. Положив ключ на стол, молча смотрела на юного помощника. «Ещё один акселерат. Спит, как суслик... губы оттопырил».
— Пинкертон... Царствие небесное проспишь. Утро красит нежным цветом...
— А?.. — практикант открыл глаза, подскочил на стуле. — А... Это вы, Наталья Максимовна, — сладко потянулся. — А я тут прикорнул.
— Мама, небось, уже потеряла ребёнка? А чего дома не спишь, в мягкой постельке?
— Не стал беспокоить. Я позвонил, соврал, что у друга заночую.
— А сам с подругой допоздна прогулял?
— Нет, за Чмаровым следил.
— Да ну-у?.. И чего же выследил?
— А вот... Сейчас расскажу. Можно я быстренько умоюсь?
— Конечно, можно. Даже нужно. Со сна опух, как лопух.
— У вас хорошее настроение... Это замечательно! А припух я от пива. Ненавижу пиво, а вчера пришлось выпить литра два. Производственная травма.
— Ну, иди, травмированный, умывайся.
Через десять минут стажёр, умытый и причёсанный, как первоклассник, сидел за столом, нетерпеливо ожидая, пока Наталья договорит по телефону.
— Докладывай, акселерат. Вижу, что горишь от нетерпения.
— Почему акселерат?
— Это я так, своё, девичье. Докладывай.
— У Чмарова стопудовое алиби! Зуб даю.
— Зубы побереги. Почему стопудовое?
— Во время падения Промахова он пил пиво с мужиком по имени Васёк.
— Это могут подтвердить свидетели?
— Могут, но, скорее всего, не будут.
— Подробней.
— Когда Васёк смикитил, что я интересуюсь Чмаровым не просто из любопытства, он, под предлогом сходить... извините, отлить, о чём громко уведомил всех присутствующих, увёл меня за павильон. Там под большим секретом рассказал, как мужики трепались по пьяни, что какой-то крутой перец хочет подставить Чмарова. Но как и где — Васёк не знает. Вот такие дела.
— А чего это твой новый друг Васёк так перед тобой разоткровенничался? А может, ты тоже «крутой перец»?
— Там ребята тёртые. Я думаю, что моя персона для него не загадка. А Чмаров ему друг. Вот он и подсуетился.
— Может, он дурит тебя, а ты — «стопудово». А вот что это за «крутой перец» и зачем ему надо подставить твоего друга Чмарова?.. Если эта информация правдива, конечно. Так, значит, он в это время как раз пил пиво с Васьком? В какое время?
— Да, и ещё несколько человек с ними. Кстати, Чмаров угощал. А время я посмотрел в протоколе осмотра места происшествия — четырнадцать сорок пять пополудни.
— Ладно... Молодец. Поработал как надо. Ну и как работа у оперов?
— Вредное производство. Молоко надо давать.
— С похмелья? Разрешаю идти домой и выспаться как следует. Считай, что отгул ты заработал.
— Спасибо, гражданин начальник. Кстати, подскажите своим друзьям-операм, что в этом павильоне такие колоритные личности ошиваются — пальчики оближешь. Если частым неводом пройтись, можно хороших карасей наловить.
— Ладно, скажу, Пинкертон. Во вкус входишь. Заразное это дело.
— Скорее на любителя. Как сыр с плесенью. Ну, я пошёл?
— Иди.
Немного потоптавшись у двери, стажёр нерешительно открыл створку шкафа и вынул оттуда... букет роз. Встряхнув и оценивающе взглянув на букет, положил его на стол Наталье. На недоуменный взгляд смущённо пробормотал:
— Это вам. В честь моего вступления в работу.
— Андрей... Что за штучки, простите?
— Это не штучки, Наталья Максимовна. Это розы.
— Я вижу, что розы. Немедленно заберите.
— Нет, Наталья Максимовна. Я знаю, что, когда на работу приходишь, положено проставиться. Обычно бутылку ставят. Ну не буду же я вам бутылку?.. Вот я и решил, что вам больше розы подходят. Белые... Как тот тютя поёт. Ну, я пошёл.
— Ох и фрукт ты, Андрей Павловский. Как тот «тютя».
— Вот такой я... До свидания.

Наталья нашла в шкафу стеклянную банку, налила воды и пристроила розы на окне. Ближе к обеду в кабинет зашёл Смагин. Долго молча смотрел на букет, деталь, надо сказать, очень необычную в следовательской прокуренной комнатушке.
— Это что, благодарные подследственные?
— Да нет, так, один человек.

— Надо же. На меня кляузы и доносы пишут, а ей розы носят. Да ещё белые. Ничего устроилась. Ну, что у нас по Промахову?
— Стажёр в пивнухе потоптался. Говорит, у Чмарова железное алиби.
— А ты что, его уже в дело закрутила? Не рано? Тем более по злачным местам. Пришибут где ненароком.
— Шустрый, надо сказать, этот «пацан». Так вот, один из завсегдатаев пивного заведения доверительно шепнул ему, что кто-то очень хочет подставить Чмарова. Или это направленная «деза», или и вправду Чмарова, как бывшего зэка, хотят подрисовать под ситуацию. Операм надо бы поприглядываться к этой пивточке.
— Ладно, поприглядываемся. А ты покрути Промахова по окружению, по его занятиям. Мы ведь, по существу, ничего о нём не знаем. Промахов и Промахов. А может, он и сам парень был не промах? Может, квартира для Чмарова — это ложный след? На эксгумацию прокурор даст санкцию только при очень веских аргументах.
— Ладно. Я попытаюсь навести справки по Промахову.
— Так, говоришь, парнишка шустрый?

Наталья молча показала глазами на букет.
— Да...— Смагин выразительно повёл бровью.— Ты смотри...
— Да что вы, Михаил Васильич,— Наталья смутилась.— Юный пионер.
— Сама же говоришь — шустрый. А они сейчас знаешь какие? Подкрадутся — и охнуть не успеешь. Разбирайся потом.
— Да ну вас...
— Ну ладно, давай работай.

Смагин ушёл. Наталья ещё раз поглядела на букет. «И правда, что подумать могут. Надо этому пионерчику голову сразу вокруг провернуть, чтобы только прямо смотрел».

Катерину розы сразили наповал.
— Господи! Это кто же такой букетище?! — Катерина утонула лицом в бутонах.— А как пахнут! Это он?!
— Кто «он»?
— Не придуривайся. Так это он?
— Нет, не он. Это стажёр.
— Кто? Какой стажёр?
— Андрей Павловский, стажёр. Проставился так. Сказал, что это вступительные, вместо бутылки.
— Знаешь, милочка. Я хоть ещё молодая, но в мужиках кое-что понимаю. Женщине, которая не нравится, букеты роз не дарят. Сколько ему лет?
— Да пацан ещё. После юрфака.
— Если бы мне Мишаня подарил такие... Я бы... ему... Ух, что бы я ему! Небо в алмазах я бы ему!
— Скряга твой Мишаня. Удавится он за такие розы.
— Ну вот...— Катерина на одну секунду обиделась. Но всего на одну секундочку.— Не скряга он. Он хозяйственный... Домовитый.

Заезжая во двор дачи, Андрей увидел мелькавший в кустах малины вдоль забора белый платок Серафимы. Достав из багажника пакет с продуктами, Андрей захлопнул багажник и, не видя в кустах соседку, крикнул наугад:
— Серафима, здравствуйте.
— Здравствуйте, Андрей,— Серафима неожиданно вынырнула совсем рядом.— Замучалась я с этой малиной. У меня от неё давление, и есть её совсем не могу, а вот жалко — осыпается.
— Да плюньте вы на неё. Заходите ко мне, я пивка свежего привёз.
— Хорошо. Сейчас приведу себя в порядок и зайду.

Андрей быстро поджарил глазунью, настрогал огурцов с помидорами в большую толстостенную глазурованную чашку, под пиво поставил большие чайные чашки.
— Серафима... Вы где?
— Иду, иду.

Серафима принарядилась не на шутку. Льняное облегающее платье в стиле «кантри» эффектно подчёркивало фигуру, на ногах — мягкие туфли-мокасины жёлтой кожи, на запястье — браслет тёмного серебра. В руках — чашка с пирогами.
— Ну вы красавица,— Андрей, нарочито восхищаясь, оглядел соседку оценивающим взглядом.— Стиль выдержан до последнего штриха.
— Возражать не буду. Выдержать стиль — показатель вкуса человека. И не важно в чём: в одежде, в пирогах... Кстати, пироги со свежей капустой.
— Спасибо, давно домашнего не ел,— налил Серафиме полный бокал.— Так как вас по батюшке, Серафима?..
— Истратовна. А вас, Андрей?..
— Николаевич.
— Ну вот и за знакомство. Я уже знаю, что вы программист.
— А вы?
— Языковед.
— Я так и подумал. На маляра вы не похожи. А почему языковед в ссылке?
— Уточняю: в творческой ссылке.
— Пишете диссертацию на тему...
— «Говоры нижнего Приангарья».
— Интересно,— Андрей на секунду замолчал, вспоминая.— Как там? «Наши-то девки басче ваших... Нонеч как лызнулся...»
— Откуда вы знаете этот диалект? — Серафима от удивления отставила бокал с пивом.— Вы с Ангары?
— Да что вы! Вы бы сразу это учуяли. Просто несколько раз был в тех местах. Кежма, Мотыгино. Дело в том, что я на язык очень липуч. Стоит

мне чуть побыть в любой языковой среде, совсем немного,—я невольно начинаю попугайничать. Это со мной происходило и на Украине, и в Москве.
— Вы прирождённый лингвист. А вы на каком-нибудь инструменте играете?
— Нет, но слух у меня абсолютный. Меня режут по ушам грязные звуки. Я с трудом слушаю музыку современной эстрады, мне кажется, что она вся аранжирована на наждаке.
— Тонкий вы человек, Андрей Николаевич. Извините, а вы почему в ссылке?
— Надо спокойно разобраться в себе, вокруг себя. Проблем много скопилось, опрокидывающий момент возник.
— Это хорошо, что вы так пытаетесь разобраться в себе. Мой муж делал это с помощью водки.
— Почему «делал»?
— Потому что его уже нет. Всё. Разобрался и ушёл.
— От вас ушёл?
— Ото всех ушёл. Он умер.
— Простите, я не понял сразу. Пивка ещё?

Наталья уже собиралась уходить и запирала сейф. Это было непросто. Железное чрево, ровесник Феликса Эдмундовича, было упрямо, как осёл, и капризно, как женщина. На этот раз сейф повыламывался совсем немного и сдался. В дверь, как всегда—одной головой, заглянула Катерина:
— Наташ, тебя просят зайти в архив.
— Ну вот. Я чего, тут до утренней звезды опять париться буду?
— Ты там чего-то накосячила со сдачей документов.
— Да ничего я…
— Иди, иди, дитя неразумное… Иди, люди ждут.

Внутренне приготовившись дать отпор, Наталья решительно толкнула дверь. По архиву косяком табачного дыма и запахом оливье плыла откровенная пьянка. Пьянка-девичник, потому как мужиков не было.
— Наташка!—из-за стола к ней ломанулась уже изрядно поддатая Аня Михайлова.

Сзади в спину подталкивала Катерина.
— Ну ты, Катька, и коза. «С документами накосячила». Что, нельзя по-человечески?
— Не ругай её, это я. Да ты бы западло какое-нибудь придумала и отвалила. Я тебя знаю,—Анька обняла Наталью и потащила к столу.—Давай проходи, уважь хороших девок нашего полка.

Аню ещё в прошлом году перевели в горувд, и в райотделе она бывала набегами. Шебутная, абсолютно беззлобная и необидчивая, Анютка была заводилой застолий и всяких шумных мероприятий. Таня и Люда, следователи обэп, тоже порядком раскрасневшиеся, смолили в две сигареты.
— Ну вы и накурили, красотки. По какому поводу поляна?
— Садись, слушай. У нас тут бабье толковище. Анька с мужиком разводится.
— Да ты что?! Ни фига себе. Слушайте, вы что, серьёзно или придуриваетесь?
— Да какое «придуриваетесь»! Повариху себе нашёл!—Анька без перехода всхлипнула.

Приглядевшись, Наталья увидела, что выглядит Аня вообще-то жалко. Такое выражение бывает у женщин, когда они понимают, что уже надули, но ещё пытаются показать, что им всё по барабану.
— Да не может быть. Куда он без тебя, малахольный? Какая повариха?
— Выпей—расскажу. Ну, давайте, девки… Чтоб им всем карачун пришёл.
— Ну чего ты про всех-то? Мой Мишаня хороший,—Катерина отодвинула рюмку.
— Ну ладно. Только тем, которые козлы.
— Ну вот, другое дело. А то всех под одну гребёнку…
— Ой, молчала бы уж со своим Мишаней. Кстати, а чего это он тебя замуж не берёт?
— А я сама не хочу.
— Ты нам только лапшу не строгай, подруга. Не хочет она. Все мы не хотим.
— Анька, а он у тебя раньше по бабам ходил?
— Да вроде не замечала.

Серёга Михайлов был из тех мужиков, о которых говорят: ни украсть, ни покараулить. «Серёга парень неплохой, только ссытся и глухой»,—так его язвительно охарактеризовала своим родственникам его любимая тёща. Аня вечно крутилась на двух работах, брала какие-то кредиты, занимала, с трудом отдавала потом долги. Жили в наёмной квартире, и заиметь свой угол не было практически никаких перспектив. Куда она только его не пристраивала. Работал даже гаишником. Уж такое хлебное место, деньги сами в руки лезли. Нет, ушёл. Заявил, что выть в этой стае в унисон не для него. В общем, третий ребёнок в семье. Трудный ребёнок.
— Так где он сейчас у тебя?
— Уже не у меня. Поехал вахтовым методом лес возить. Разведка донесла, что схлестнулся там с поварихой. А намедни сам позвонил и сообщил, что на праздники не приедет. Спросила про медовый месяц—молчит… козёл! Значит, правда. Всё, развод!—Аня всхлипнула и отчаянно мотнула головой.
— Может, торопишься?
— Да правильно! Гони его к е… матери! Кому он на хрен нужен, косорукий?—Людмила ухмыльнулась.—Тоже мне—сокровище.

Дело в том, что и Таня, и Людмила уже давно в разводе. У обеих по ребёнку, но с мужьями не живут. Бывший муж Люды, майор милиции,—абсолютная её противоположность. Гусар и гуляка, после развода продолжает приходит к ней в гости вместе со своей мамой, сестрой и двоюродными

братьями. Приносит дочери подарки, какие-то продукты. Однажды даже набрался нахальства отметить у неё свой день рождения. Новую жену, правда, ни разу не приводил. Боится крутого нрава Людмилы. Ей всё это не нравится, но терпит ради дочери. Новый невенчанный «муж» тоже не возражал против их визитов, от знакомства со «старым» уворачивался и вообще старался держаться в стороне.

— Мой хоть и бабник был, но семью содержал как надо. А этот — чудо гороховое, — Людмила плюнула. — Скажи, ты без него сможешь детей тянуть?

— А кто их сейчас тянет?

— Ну вот и весь колер. На фиг тебе ещё один ребёнок?

— А вы знаете, что мой вернулся? — Татьяна сказала это тихо, как бы для себя, но эффект был что надо.

— Как вернулся? — у всех вытянулись лица.

— Вот так. Димка привёл за руку и сказал, что папа будет жить с нами. Иначе он убежит так далеко, что мы его никогда не найдём.

— Ну ты даёшь. Уже лет семь как прошло. А он что?

— А ничего. Смотрит как побитая собака… и молчит. Девчонки, я же его не люблю совсем. Он чужой… Да какое там «люблю»! Я на его рожу смотреть не могу! Как вспомню, как он…

— Ну дела… А спите вместе?

— А куда денешься? Ложится в уголочек, как суслик, и затихает.

— Ну, ты бы с Димкой поговорила. Он же взрослый, должен понять, что так жить нельзя.

— Пыталась. Он сразу в истерику. Орёт, что его дразнят и обижают, потому что отца нет и некому заступиться. Чего мне делать, девчонки?

— Дела…

— Да, красотки. Смотрю я на ваши проблемы и думаю…

— …И на хрена мне всё это нужно?

— Угадала с первого раза. Ещё пара таких девичников, и я вообще никогда не выйду замуж.

— Девки, а вы знаете, что у неё воздыхатель есть?..

— Катерина!

— А что «Катерина»? Лучшим подругам могла бы и рассказать, что там за мужчинка возле тебя вьётся.

— Забыла, что в ментовке работаешь? Давно уже трёп идёт, что тебя мужик на «Жигулях» возит. Колись: стоящий мужик или так себе? — Татьяна безуспешно пыталась выловить пластмассовой одноразовой вилкой шпротинку в консервной банке.

— Он просто хороший знакомый. Отношений никаких. Он значительно старше, у него сложности в семье… И вообще — это не вариант.

— А вы знаете, что эту скромницу стажёр белыми розами засыпал?

— И об этом трёп ходит. Диапазон у тебя, девушка, от пионеров до пенсионеров.

— Вы что, собрались мои знакомства обсуждать? А пионерчику я башку откручу, чтобы не компрометировал.

— Не торопись. Подрастёт — может, и пригодится. Держи про запас.

— Ладно, хватит обо мне. Анютка, ты-то что надумала?

— Не знаю, девки. Выпереть — оно, конечно, никогда не поздно. Другого вот найти трудно. А я ещё молодая, мне ещё мужик нужен, — Аня сладко потянулась. — Подушку потом по ночам грызть. Не знаю. Приползёт на коленях — может, и прощу…

В дверь резко и настойчиво постучали.

— Кого это чёрт принёс? — Катерина вопросительно посмотрела на примолкнувших собутыльников. — Открывать?

— Чего прятаться будем?.. Посмотри.

В приоткрытую дверь сунулся было стажёр, но, увидев компанию за живописно раскинутым столом, дёрнулся обратно.

— Ой, извините… Мне бы Наталью Максимовну.

— А вот и пионерчик. Заходи, чего испугался? Не укусим.

Наталья встала и вышла в коридор.

— Извините, Наталья Максимовна, я не знал… У меня срочное дело, и мне подсказали, что вы в архив пошли.

— Что у тебя срочного?

— Покушение на Чмарова. Увидел в сводке, навёл справки.

— Кто покушался? Какое состояние?

— Кто покушался — не сообщили. Врач по телефону сказал, что колото-резаное ранение грудной клетки. Состояние средней тяжести.

— Так… Твой поход в пивточку сдвинул ситуацию… Похоже, ты был прав.

— А чтобы эта версия была основной…

— Его попытались убрать…

— Чтобы не вякал.

— Молодец, Пинкертон, мыслишь в струе. Ты сильно занят?

— Нет. Я схожу.

— Куда ты собрался идти?

— Ну как куда? Схожу в больницу, поговорю без протокола с Чмаровым, поговорю с врачом.

— Стоять! Смирно! Вольно… можно расслабиться. Шустрый пацан. Ты сходишь в пивточку, постараешься найти своего друга. Но ничего о Чмарове не расспрашивай. Даже виду не подавай, что интересуешься! Если сам чего расскажет — хорошо. Нет — молча отваливай. В тёмные углы не соваться, быть только на людях, только на виду. Я думаю, звон пошёл, и ты узнаешь чего-нибудь интересного. Цель-задача ясна? Иди.

— А Чмаров?

— Это моя задача. Для порядка завтра схожу. Будет молчать — ну и Бог с ним. Пусть полежит, подумает. Клиент должен созреть. Чтобы он что-то сказал,

его к этому надо подтолкнуть. А у нас с тобой пока ничего нет. Ясно?
— Ясно,— Павловский через плечо Натальи попытался заглянуть в приоткрытую дверь.
— А туда тебе ещё рано. Там старые и немного пьяненькие тётки рассказывают друг другу, чего тебе и знать не положено. Иди, иди, парнишка.

Когда Наталья вошла, все опять замолчали и вопросительно уставились.
— Да… Это стажёр,— Наталья коротко и выразительно глянула на Катерину.— Принёс новость по делу.
— Хорошенький стажёр. А чего так строго с ним?
— Хорошеньким стажёрам надо головёнки-то сразу скручивать, пока шейка не окрепла. Потом поздно будет.
— А чего розы не вернула?
— Ну, девки. Вы меня уже совсем за стерву считаете. Мне было приятно.
— Во…— «девки» разом захохотали.— Всем приятно.

Чмаров молчал как рыба. «Кто ударил — не видел, за что — не знаю». Наталья и не настаивала. Молча подала протокол для росписи, Чмаров молча карябнул закорючку, даже не заглянув в текст. Врач сказал, что он пролежит не меньше месяца, и удивился везучести больного. Чуть-чуть в сторону, и…
— Вы уверены, что били на убой?
— Абсолютно. Просто вёрткий мужик оказался. Видимо, в последнюю секунду крутанулся.
— Ясно… Вы только держите его всё время в многолюдной палате, чтобы на глазах был.
— Боитесь, что могут исправить ошибку?
— А чёрт его знает? От греха подальше.
— А что, он что-то натворил? Может, вы его заберёте, а то он тут моих кого покоцает, как очухается.
— Не волнуйтесь. Ничего он не натворил. Просто кому-то надо, чтобы он замолчал. Лучше навсегда. А так он тихий. А сейчас ещё и напуганный.

Павловский из пивточки тоже ничего не принёс. Было видно, что новоявленный друг стажёра Васёк знает, что Чмарова порезали, но по теме — ни слова.
— За всеми этими козьими делами стоит человек серьёзный,— Павловский безуспешно пытался пришить оторванную пуговицу на пиджаке.— Чмаров мелковат.
— Устами младенца…
— Ну Наталья Максимовна…
— Ладно, не обижайся. Молодец, что быстро просёк ситуацию. Похоже, выйдет из тебя толк…
— А бестолочь останется.
— Если не прекратишь перебивать старших по званию. Вот тебе адрес фирмы Промахова. Сходи, как будто ищешь работу. А я через ОБЭП их прозондирую. Давай пришью, а то без пальцев останешься.

Воронцов подсел к Андрею, долго молча, глядя в монитор, сопел. Сопение его было так привычно и по-домашнему уютно, что можно было задремать. Наконец встрепенулся:
— Пойдём покурим. Поговорить надо.
— Слушай, Андрюха, тебе не надоел наш Моня?— Моней Воронцов звал хозяйского управляющего Гроднянского.
— И что? Есть варианты?
— Есть. Я регистрирую свою фирму.

У Андрея чуть сигарета изо рта не выпала.
— Какую фирму?
— ООО «Вита». Компьютерные программы любой сложности. Взял кредит, закупаю оборудование, помещение в аренду. Мне нужен администратор.
— И ты мне предлагаешь…
— А кому больше? Маринка переходит, уже дала согласие, Саша Берёзкин, и беру ещё двух пацанов, выпускники политеха. Ты будешь за пахана, и считай это официальным предложением. По зарплате пока негусто, раскрутимся — будет густо.
— А Модест знает, что ты его кидаешь?
— Ни ухом, ни духом. Сурпрайз будет.
— Ну ты даёшь, буржуй.
— А что мы — глупее того фраера, что в Москве наши сливки слизывает? Ну так что? Кстати, у тебя нет знакомого юриста? Я твёрдо убедился, что юрист в фирме всегда себя обработает. Волки кругом, защищаться надо, Андрюша. Даю тебе на размышление два дня, до понедельника. Рот на замок.
— Да, ты меня загрузил не по-детски,— Андрей от догоравшей сигареты прикурил ещё одну.— А юрист знакомый у меня есть. Следователем сейчас в милиции работает.
— Мужчина, женщина?
— Молодая и красивая женщина.
— Переманивай. Молодые и красивые юристы женского пола, как правило, беспощадны и расчётливы. Нам сейчас нужна именно такая.
— Ты в плену стереотипов. Беспощадности в ней не видел.
— Значит, плохо ещё её знаешь. А вот Витя плавал, и Витя знает.
— Самоуверен ты стал, Витя, как в буржуи переметнулся.

— Наташ, привет. Я как-то читал одну статистику, так вот, оказывается, семьдесят процентов нормальных людей хотят изменить свою жизнь, но не знают, как это сделать.
— Я ненормальная.
— И вас устраивает ваша жизнь?
— Меня с детства приучали довольствоваться тем, что Бог дал. Не ходите кругами, колитесь.
— Я предлагаю вам бросить свой рай.
— И?..

— И занять достойное вас место.
— Чего вы опять придумали, неуёмная душа?
— Это не я придумал, это мой друг Витя Воронцов придумал. Он придумал фирму по созданию компьютерных программ, и этой фирме нужен юрист. Я предложил ему вас.
— А почему вы считаете, что это лучше, чем то, что у меня есть?
— А что у вас есть? Погоны старлея, мизерная зарплата и гарантированное общение каждый день с деклассированными элементами. Зачем вам эта грязь? Я же вижу, что это не ваше.
— Много вы про меня знаете… Мне вот скоро капитана присвоят.
— И что?
— И то…— Наталья вздохнула.— Капитаном буду, вот что. Вы-то, конечно, тоже переходите к другу Вите?
— Да, администратором. Переходите, вместе работать будем.
— И что?
— Чаще вас видеть буду.
— Да… перспектива заманчивая. Весь день глаза в глаза. И через месяц вы узнаете, какая я грымза.
— Вы не можете быть грымзой. У вас глаза не грымзовые. Наташа, это официальное предложение. Я советую вам очень хорошо подумать.
— Мне сначала надо на вашего друга взглянуть.
— Да ради Бога. Когда за вами приехать?
— После пяти.

Витя Наталье понравился. Неторопливо прерывая свою речь уютным сопением, он рассказал блестящие перспективы процветания будущей фирмы «Вита». Наталья попросила неделю на размышления. Когда Андрей подкатил к Наташиному подъезду, глаза упёрлись в зад знакомого «Жигуля».
— Наталья Максимовна, что я вижу?! А почему пешком?
— Боюсь. Честно признаюсь: боюсь.
— А как сюда приехала?
— Вот так и приехала. Ехала, и хвост трясся.
— Предлагаю себя в качестве инструктора. Беру недорого.
— Чем?
— Пирогами с картошкой.
— Идёт.

— Ну вот и доченька… Отец, гляди… И голова цела, и машина не разбита. Бывают же чудеса на свете!— Галина Михайловна, стоя в калитке, смотрела, как Наталья вытаскивает из багажника сумку.— Отец, иди глянь на своё чадо!
— Мама, ну чего ты? Да всё нормально, жива я и здорова. Ну чего ты паникуешь?
— Я не паникую. Я просто уже неделю не сплю, всё жду звонка, что ты шибанулась где вместе с этой лихорадкой!— Галина Михайловна, в сердцах махнув рукой, резко пошла в дом.

Максим Иванович, вытирая руки замасленной тряпкой, подошёл к машине, попинал колёса.
— Как конь?
— Конь как конь. Пап, да успокой ты её. Я езжу очень тихо, по стеночке, не больше сорока километров. Мне все пикают, пальцами показывают, что я баба-дура и моё место на кухне, а я, как каракатица, вылезла на дорогу. А я не обращаю внимания. Я же знаю, что все проходят через это, а кто пальцем показывает — сам дурак.
— Молодец, доню. Умная ты, а это в нашей жизни многого стоит. Как дела?
— Как, как… Приехала вот за советом.
— Тю-ю… Не замуж ли собралась?
— Да какое там замуж. Замуж меня пока не берут. Работу предлагают новую.
— Ну вот это уже совсем интересно. Закрывай свою тарахтелку,— Максим Иванович подхватил сумку.— Никак капитанская звёздочка капает?
— Да нет, совсем даже наоборот.
— Даже так?.. Сгораю от нетерпения.

Обсуждение был недолгим. Галина Михайловна всегда считала, что в милиции должны работать только мужики. Максим Иванович хоть и гордился тем, что его любимая доча работает следователем, но с ходу признался, что «юрист» звучит куда как серьёзней.
— Как я поняла, эта инициатива того же Андрея. Он всё так и вязнет следом?
— Мама, это слово абсолютно неприемлемо. Он не вязнет, он старается помочь.
— Не надо дыму напускать. Я вижу, чего он так старается. Глаза как у кота блестят.
— Стоп, Галочка. Разве это плохо, что наша дочь нравится мужчине? В её возрасте у нас уже пара внуков должна быть. Наталка, он тебе нравится?
— Не знаю, папа… Наверное, нравится, иначе давно бы шуганула.
— Да ты уже многих пошугала,— Максим Иванович вздохнул.— Не прошугай своё счастье. Принцы, они, знаешь, только в сказках водятся, а на нашей грешной земле всё куда как проще.
— Так что у него с семьёй?
— Живёт один, на даче у друга. Недавно познакомил меня со своим младшим сыном.
— Ну и как сынок?
— Хороший сынок, в папу. Учится в институте, голова на месте. Умный, ироничный, самостоятельный. На меня смотрел без злобы.
— Да… Не знаю, Натаха. Ты у меня девушка умная, смотри сама. Но честно тебе признаюсь: чего я больше всего хочу сейчас от жизни, так это внука. А ещё лучше — внучку. Махонькую такую, в платочке.
— Ладно, отец, не жалоби. А то сейчас все тут заревём. Сама смотри. Может, и есть смысл, если

и не для жизни, так хоть ребёнка себе родить. Смотри сама…

Написанный Натальей рапорт об увольнении лежал в столе уже второй день. Набраться смелости и отнести его начальнику следственного отдела у Натальи просто руки не поднимались. Кому он передаст кучу дел, накопившихся в сейфе, кому поручит присмотреть за стажёром, и кто вообще будет работать в отделе?.. Всё это походило на откровенное предательство. С какими глазами идти к Смагину, Наталья не знала. Но, как говорится, не Магомет к горе, так гора… Смагин, тяжело отдуваясь, зашёл в отдел, шумно придвинул ближе стул, сел и замер на минуту. Наталья молчала, опустив глаза.
— Наталья Максимовна, из прокуратуры вчера звонили…
— Я знаю, Михаил Васильевич. Казьмин мне позже перезвонил. По Промахову, скорее всего, открываются новые обстоятельства, и, скорее всего, они дадут разрешение на эксгумацию. Михаил Васильевич, я вот тут…
Интонация, с которой было сказано, насторожила Смагина. Он быстро вскинул глаза:
— Что «тут»?..
— Я вот написала…— Наталья быстро достала из стола рапорт и положила его перед начальником.
Смагин, ментовская душа, мог бы и не смотреть на бумагу. Коротко взглянув на Наталью, он и без слов догадался, что она там такого «написала». Подтянув пальцем рапорт, коротко взглянув, тяжело упёрся взглядом.
— Вот от кого от кого, но не от тебя. Под дых бьёшь.
Помолчал.
— Я все понимаю: зарплата, работа собачья, обзывают нас по-всякому. Но ты же вроде зацепилась, нюх у тебя прорезался. Как же это, Наталья?
— У меня нюх прорезался замуж выходить, нюх у меня детей рожать да мужику щи вовремя варить. Михаил Васильевич, а вы бы захотели, чтобы ваша жена тоже в милиции работала?
— Опять ты под дых. Нет, Наташа, не захотел бы. Кругом ты права. Ладно, диспуты тут разводить. Ты хорошо и долго думала? Подумай ещё. Через полгода капитанская звёздочка упадёт.
— Хорошо и долго.
— Ну ладно, не ты первая, не ты и последняя. Хотя искренне тебе говорю: жаль. У меня на тебя другие планы были. Куда уходишь?
— Юристом, в частную фирму.
— Развелось этой гнили — на каждом углу.
— Ну почему же гнили? Время сейчас такое.
— Вот я и говорю — гнилое,— сгрёб со стола рапорт, тяжело отдуваясь, встал.— Кстати, ты про мужика тут обмолвилась. Замуж выходишь? Что за человек?
— Нет пока никакого человека, но замуж выходить пора. И ребёнка пора заводить. Давно пора…
— Наташ…— Смагин жалостливо сморщился.— Может, пока не нашла никого, так поработала бы? Ты же понимаешь, положение — во…— он сделал резкий чирк по горлу.— А как кандидат появится, так сразу пожалуйста, иди и вари ему щи.
— А кто меня с местом ждать будет? Всё, Михаил Васильевич, я уже сломалась. От работы толку не будет.
— И тут ты права на все сто. Ну вот как такую умницу отпускать? Пойду сейчас и напьюсь, чтоб тебе совестно было.
— Не надо, товарищ подполковник. Спасибо вам за «умницу», спасибо за науку. Я вас всегда буду помнить как своего первого учителя.
— Ладно, не надо сантиментов. Худо будет в той гнилухе — приходи. Я тебя возьму не оглядываясь.

Не прошло и десяти минут, как прилетела Катерина.
— Наташка, это правда?!
— Что меня начальником РОВД назначили?
— Кончай дурить. Все уже знают.
— Тогда чего спрашиваешь?
— Ой, Наташка! Он тебе сделал предложение и приказал уйти из ментовки! Я угадала?
— Тебе бы женские романы писать, с продолжением. Не угадала.
— Наташка, ну не ври. Не могла ты так просто уйти. Ты перспективный следователь, до капитана уже доплюнуть можно. Нет, не могла ты без его помощи на такое решиться. Колись: он тебя в шоры взял?
— Ну почему взял? Скорее, предложил.
— Что? Работу или руку и сердце?
— Романистка. С сердцем надо осторожно. Не настолько я его знаю, чтобы о сердце говорить. Не забывай, что он женатый человек.
— Ой-ой-ой… Кого-то это сегодня останавливает? А чем ты хуже его жены? Почему ей можно с ним спать, а тебе нельзя?
— По кочану. Спать я с ним пока уж точно не собираюсь. Слушай, давай закроем эту тему. Он посодействовал, и мне предложили должность юриста в частной фирме. Вот и всё. А то, что ты напридумывала, можешь в своём романе описать. А я вот пока рапорт написала.
— Ой, Наташка. Но без шуры-муры тут не обошлось. Это я уже нюхом чую, хоть ты и темнишь. Могла бы подруге и рассказать.
— Тебе бы всё шуры-муры. Катюня, какая же ты у нас любвеобильная. Играй, гормон, на всю катушку.
— А что, девушка я, как говорится, в самом соку. Пора пришла.
— Рапорт-то я написала, а вот что дальше?.. Ой, Катюха. Это ж я так, для понтов храбрюсь. А душонка трясётся. Куда иду, чего я там найду?

— Дура ты, Наталья Максимовна,— Катерина вздохнула.— Иди и не оглядывайся. А чего ты тут найдёшь? Раскинь мозгами. Работая здесь, нужно только за мента замуж выходить. Нормальный мужик не поймёт ментовской службы. А за кого тут выходить? Один Мишаня, и того я заняла.
— Ну, пока он тебя замуж не зовёт, насколько я в курсе.
— Не в курсе. Уже позвал.
— Наверное, пистолет у него выманила и курок взвела?
— Представь себе, нет. Сказал, денег подкопит, и к зиме под венец.
— Ну, дай вам Бог. Очень буду рада за тебя. Ты честно выстрадала.
— Да уж… Героя России таким девушкам выдавать надо вместе с обручальными кольцами. Слушай, слушай, ну чего тебе Смагин — наверное, золотые горы обещал, говорил, что имеет тебя в виду для серьёзной работы и тэ дэ и тэ пэ? Да?.. Жди. Завтра всем гамузом опять пойдёте бичей из колодцев вытаскивать. Забыла, как блох из мундира вытряхивала?
— Бр-р… Как вспомню, аж мороз по шкуре. Спасибо, Катечка, добрая душа. Ты меня хоть согрела. А то сижу как сыч, ем себя по кусочкам. Стажёра вот куда бы ещё пристроить. Хоть объявление на столб: «Отдам стажёра в хорошие руки».
— Ты его в мои руки пристрой,— Катерина томно потянулась.— Уж я его направлю, уж я его отполирую по всем направлениям, особенно по части роз.
— Ты Мишаню своего полируй. А пионерчика оставь для ментовских дел. Он уже копытом роет, в раж вошёл. А… вот и лёгок на помине.

Стажёр, ощутив на себе внимание сразу двух женщин, вспыхнул на секунду ушами и, коротко поздоровавшись, сел, уткнувшись в стол.

— Ну ладно,— искоса глядя на Павловского игривым глазом, Катерина с грациозностью пумы встала.— Пристраивай юное дарование, а я пошла.
— Наталья Максимовна, я с утра с операми проскочил, они меня тут натаскивают… ну, в общем… чего почём. Я вчера на Промахова запрос в налоговую отправил.
— Андрей, обстоятельства немного изменились. Дело в том, что я… В общем, я увольняюсь.
— Вы?..— Андрей замер с глупой улыбкой.— Как увольняетесь? Совсем?
— Да, уже написала рапорт.
— А я? А я с кем останусь? А Промахова на кого?
— С уходом одного человека РОВД не умирает, Андрюша. Ты чего? Всех пристроят: и тебя, и Промахова.
— Она это и имела в виду?— показал глазами на дверь.— Это я юное дарование?
— Да не слушай ты её, такая уж она шалунья.
— Не надо меня никуда пристраивать! И я не юное дарование!— Андрей, сжав кулаки, пошёл красными пятнами.
— Это что за крик?! Ещё не хватало. Ты что себе позволяешь?!
— Простите, Наталья Максимовна. Всё так неожиданно. А куда вы уходите? Вы в другое подразделение?
— Нет, я увольняюсь. Совсем увольняюсь и перехожу юристом в частную контору.
— Я не буду здесь работать. Наталья Максимовна, я только… Возьмите меня с собой!
— Не поняла. Куда «с собой»? Ты чего городишь?
— Ничего вы не поняли. Я только… Я с такой радостью на работу ходил… А вы…
— Андрей, тебе не кажется, что это детский лепет?— Наталья была просто ошеломлена реакцией стажёра.— Я не хочу больше работать в милиции. А ты ходи с радостью на работу. Говорят, «на работу с радостью» — это везение. Не каждому даётся.
— Ничего вы не поняли…— Андрей опустил голову.
— Чего я опять не поняла?!
— Вы мне очень… нравитесь. Я когда первый раз вас увидел, ещё тогда, когда утром за вами шёл и не знал, что с вами буду работать, даже тогда сразу подумал, что это и есть моя женщина. Наталья Максимовна, я не могу вам это не сказать… я…
— Павловский, прекратите немедленно! Не могу я быть вашей женщиной. Я старше вас на… Я старше вас на целую вечность. О чём вы говорите? Это уже патология.
— Возраст тут ни при чём. Вы просто в плену у стереотипов.
— Это ты в плену у детской влюблённости, когда влюбляются в воспитательниц детского сада и учительниц. Очнись, парнишка. Если ты такой акселерат, то должен знать, что это через неделю проходит. Господи, кто бы услышал этот разговор — со стыда хоть застрелись. Андрей, прекрати!— Наталья встала, подошла в упор к столу стажёра.— Дай мне честное мужское слово, что разговоров на это тему до моего ухода больше не будет. Не позорь мои седины.
— Не волнуйтесь, Наталья Максимовна. Не будет больше разговоров. Я вам обещаю.

Наталья присела рядом на стул.

— Андрюша, ты хороший парень, и ты мне понравился как человек. Но ты пойми меня, я не могу тебе ответить ничем. Я для тебя уже старовата, мне давно пора замуж, мне детей надо рожать. Ну, ты меня понимаешь?..
— Всё понимаю. Ладно, Наталья Максимовна, переживу. Вы так ласково сказали: Андрюша.
— Павловский, равняйсь, смирно!— Наталья резко встала.— Пока я ещё твой начальник, отправляю тебя в отгул за прошлое ночное дежурство. А то это не работа, а дурдом. Всё, свободен.

После ухода стажёра Наталья долго сидела под впечатлением происшедшего. «Во пионерчик, во даёт. Хорошо ещё при Катьке истерику не закатил. Вот был бы цирк. Этого мне ещё не хватало. Детский сад на прогулке. Ну Андрюша… Влюбился, гусар. Интересно, радоваться или огорчаться, что в тебя пацан влюбился? Хотя, надо сказать, немного даже приятно. Не такая я уж серая мышь и явно не грымза, тем более что и пацан не дурак, понимает, что к чему в этой жизни. Но ситуация абсолютно нереальная. А я, получается, ненормальная. Один Андрей старше, другой — моложе. А я — как роза в проруби. Да…»

Начальник райотдела попросил Наталью поработать ещё пару недель, закрыть кое-какие мелкие дела.

— Вы уж подумайте, Наталья Максимовна, за это время. Нам не хочется отпускать перспективного работника. С кадрами, сами понимаете…

— Я долго думала, товарищ полковник. Вопрос для меня решённый.

— Хорошо, неволить не буду. От подневольной работы толку всё равно нет. Как вам стажёр?

— Парень молодец: хваткий, умный, логика развита. Увлекается только, надо притормаживать.

— Хорошо, присмотрим. И нюх поставим, как Смагин говорит. Идите работайте и думайте.

Дело по самоубийству Промахова передали другому следователю. Андрей в кабинете почти не находился, а в краткие заходы больше молчал.

— Андрей… не таи обиду. Чего примолк?

— Это не обида, Наталья Максимовна, это грусть. Я, конечно, понимаю, что это не последнее моё разочарование в жизни, но всё равно грустно.

— Не придумывай себе ничего, фантазёр. Всё гораздо прозаичней и проще.

— Да ладно. Переживу эту грусть. Буду радоваться за вас, если всё будет нормалёк. А можно вопрос?

— Я уже боюсь твоих вопросов.

— И всё-таки. Вы что, никого не любили, коль до сих пор не замужем?

— Я же тебе уже сказала, что в реальной жизни всё гораздо прозаичней. Ты думаешь, если ты кого-то полюбишь, то сразу женишься на ней, вы будете сто лет жить счастливо и умрёте в один день?

— Вы уходите от ответа.

— Ну ты и фрукт. Однозначного ответа на твой вопрос просто не может быть. Кто-то мне нравился, да я ему нет, были предложения, да я ещё не была к этому готова. Звёзды должны на небе в кучку собраться, чтобы это случилось.

— А кто вам скажет, что они собрались?

— Я думаю, что сердце должно подсказать.

— А я думаю, за это бороться надо, а не ждать. Можно всю жизнь прождать и не дождаться.

— Не согласна. Бороться, конечно, надо, но не за это. Хотя… — задумалась. — Может, ты и прав. Выстраданное счастье дороже. Не знаю… Всё! Андрей, дай мне спокойно доработать.

— Да ради Бога. Я же дал слово. Надеюсь, мы останемся друзьями?

— Конечно. Очень хочу, чтобы тебе встретилась хорошенькая девчушка. Только чтобы умненькая. С глупыми не общайся.

— Глупых не люблю. Вы вот умная.

— Андрей…

— Молчу, молчу.

Витя Воронцов, оказывается, не такой уж и мишка плюшевый. В работу вцепился как клещ. Новоявленных сотрудников зажал в такой кулак — ни вздохнуть, ни выдохнуть.

— Мы должны показать своим клиентам, что обязательность и порядочность в нашей фирме абсолютная. К нам приглядываются, и если лоханёмся изначально, так и приклеится.

Наталья, после уголовных дел в родной милиции, ложилась спать в обнимку с гражданским правом и просыпалась с ним. Витя чётко определил приоритеты:

— С криминалом бодаться не будем, платим всё, что определили, так себе дешевле будет. А этих шакалов, что называют себя контролирующими службами, фильтруйте по полной программе. Защищайтесь от них законами. Я им в лапу ни копейки не дам.

Наталья, когда вникла в смысл всего комплекса обдираловки, с удивлением обнаружила, что разумнее и человечней всех берёт рэкет. Они точно определяют подъёмность своих поборов, с расчётом того, чтобы не валить дойную корову. А вся чиновничья свора работает только на убой. Они не знают, сколько времени им дано обдирать, потому и не думают о завтрашнем дне. И ещё одно откровение: оказывается, гражданские законы всех уровней построены по принципу «казнить нельзя помиловать». Расстановкой запятой можно и защищаться, и нападать. Необходимость крутиться заставила Наталью научиться ездить на своём «Жигуле» за пару недель. Уже никто ей не показывал, что она спутала машину с поварёшкой.

Андрей тоже пахал как каторжник. Жил на даче, по вечерам иногда беседовал через забор с Серафимой. Отношения с Натальей остановились на стадии редких разговоров. Андрей несколько раз заходил домой и каждый раз всё больше убеждался, что ситуация заходит в тупик. Женя впала в психологическую кому. Абсолютно пустые глаза, апатия, говорит медленно и неохотно. На предложение пойти в больницу молча показала на дверь. Андрей приводил, как ему казалось, веские доводы в пользу лечения, но его слова падали в вакуум. В доме идеальная чистота, в холодильнике много продуктов, но дом был пустой. По дороге на дачу Андрей взял бутылку и вечером всю её

выпил. Неожиданно, без приглашения, что было несвойственно Серафиме, она постучала в дверь и, не ожидая ответа, вошла. Молча села напротив. Андрею стало стыдно, что он в таком виде, он неуклюже попытался оправдываться, но Серафиме не нужны были его оправдания. Она и не слушала, что он говорил. Она молча смотрела на него мудрыми глазами степного идола, что скифы ставили на холмах. Серафима смотрела на Андрея, как доктор смотрит на больного, в уме определяя диагноз и не говоря его до времени пациенту.

— Серафима, вы почувствовали, что мне плохо?

— Да, Андрей Николаевич. Ваша душа плакала, и я это услышала.

— Вы жрица?

— Я женщина.

— А та женщина, от которой я пришёл, смотрит другими глазами.

— Все женщины разные. Но почти все несчастны. Их надо жалеть.

— А меня? Меня не надо?

— А вас не надо. Вас жалость унизит. Вы сильный. Вы победите.

— Серафима… мудрая змея. Откуда вы всё про меня знаете?

— Мужчины — они как открытые книги. Надо немного усилий чтобы читать эти книги.

— И что вы прочитали в моей?

— Отпустите свою женщину. У неё другая дорога. У неё другая судьба. Вы связаны, но давно уже идёте разными дорогами. Отпустите её, и она спокойно доживёт свой век.

— Это будет честно с моей стороны?

— Да. Ей совестно из-за вас, это её мучает, и ей от этого плохо. Скажите своей женщине, что вы её отпускаете, и она успокоится.

— Спасибо, Серафима. Вы ясновидящая?

— Я ясноглядящая.

— А вы счастливы?

— А что такое счастье?

— Честно, я не знаю.

— Вот и я не знаю. Андрей Николаевич, ложитесь спать. Утро всё расставит по своим местам.

Серафима ушла. И Андрей почувствовал, что душа словно вернулась на своё место. Она удобно улеглась там, где всегда лежала. Ей стало уютно, тепло, и она затихла. Это было так приятно и неожиданно, что Андрей в ту же секунду провалился в сон. Лёгкий, чистый, светлый. Сон маленького мальчика, у которого и огорчений-то не должно быть.

А Наталья в тот вечер не могла уснуть чуть не до полуночи. Неожиданно накатила острая тоска по райотделу. Вспомнились прокуренный кабинет, кудрявая голова Катерины, её хитромудрый Мишаня, вечно сонный Смагин. Вспомнился добрейший прокуренный Мицневич с его неуклюжей заботой, практикант Андрюша. Как он там, кто за ним присматривает? От тоски и острой жалости к себе немного и поплакала. Жалко было всех: и родителей, переживающих за неё, и Андрея, неприкаянно мотавшегося на чужой даче. Может, это судьба, и не надо противиться? Катерина, мудрая своей практичностью, не сомневалась бы ни минуты. Бог дал — бери и не сомневайся, Он лучше знает, кому что давать. И Наталья для себя решила, что пора приглядываний прошла. Может, эта встреча всё-таки судьбоносна? Если раньше на детей она смотрела спокойно, то сейчас ощущение материнства начало просто выпирать. При виде ребёнка, а особенно грудного ребёнка, внутри всё замирало, хотелось взять его на руки и прижаться к этому сладко пахнущему свёртку. Природа взбунтовалась, и с этим уже ничего не поделаешь.

Утром в комнатушке, где сидели программисты, никого, кроме Андрея, ещё не было. Маринка, как всегда, опаздывала, а парни вчера работали за полночь и сейчас отсыпались. Наталья тихо подошла сзади и положила Андрею руки на плечи. И сразу почувствовала, как он напрягся. Что надо говорить, она не знала, и пауза затягивалась.

— Наташа…

Наталья молчала.

— Наташ… Я вчера был дома. А потом напился, как свинья.

— Помогло?

— Наверное. Она меня отпускает. Я ей больше не нужен.

— Она сама тебе это сказала?

— Нет, Серафима.

— Это кто, святая?

— Да, почти. Она ясноглядящая.

— И она это увидела?

— Увидела и мне сказала. Наташ…

— И что ты решил?

— Мне важнее, что ты решила.

— Я… Я почти решила.

— И что тебя останавливает после «почти»?

— Не знаю. Совесть, наверное.

— И всё? Хотя… Совесть — это тоже много.

Андрей резко встал, повернулся и обнял Наталью за плечи. Ощущение было столь необычным, что Наталья замерла в его руках, как испуганная птаха.

— Наташ… Я…

— Андрей, не торопи события. Я многое для себя решила, но дай мне ещё чуть-чуть подумать.

Наталья набрала бумаг по согласованию в самую дальнюю точку и, стоя у окна автобуса, бездумно глядела на пробегающий пейзаж. Безликая, серая окраинная застройка — как бесконечное кино. Смотреть можно долго и бессмысленно. Магазины, ларьки, раскопанные траншеи. На козырьке автобусной остановки ровные красные буквы:

«Остановка автобуса „Улица Жукова“». Улица Жукова... Улица Жукова, тринадцать, квартира пятьдесят шесть... Это же адрес Андрея! Жукова, тринадцать—пятьдесят шесть. Наработанная милицейская привычка запоминать детали, случайно попадавшие на глаза, сработала, и Наталья чётко вспомнила сочетание букв и цифр, увиденных однажды при заполнении документов. Остановка медленно поплыла за окном.

— Остановите! Остановите, пожалуйста, я проехала свою остановку,—Наталья суматошно застучала в окно водителя.

Скрипнули тормоза, двери зашипели, и Наталья шагнула на ступеньки.

— Тетёха сонная,—получила вслед от кондуктора.

Решение поговорить с женой Андрея вспыхнуло так быстро и так толкающе, что сопротивляться было уже невозможно. Дом тринадцать был почти рядом с остановкой. Наталья торопилась, словно от быстроты того, что она хотела сделать, зависела вся её дальнейшая жизнь. Очнулась только у двери с табличкой «56». И, чтобы отрезать себе пути к отступлению, резко нажала на кнопку звонка.

Долго, мучительно долго за дверью не было слышно никакого движения. Энергия рывка тихо таяла, и Наталья каким-то дальним уголком души уже начала жалеть о содеянном. Всё, надо уходить. Быстрей уходить.

Но дверь неслышно и тихо приотворилась. В узком проёме стояла женщина в махровом блёклом халате и молча смотрела поверх узких очков. Обычно такие очки надевают только для чтения. Взгляд был очень спокоен, скорее даже—равнодушен. Наталья стояла и не знала, с чего начать. Ступор прочно впаял её в коврик у двери.

— Вам, вероятно, нужен мой муж, Андрей Николаевич? Так он здесь больше не живёт,—женщина говорила тихо и бесцветно.—Съехал он.

— Да вы знаете,—голос охрип, и Наталье пришлось прокашляться.—Скорее всего, мне нужны вы. Вас зовут Евгения?

— Да, Евгения Борисовна. А вы кто?

— Я... Дело в том, что я...

— Я догадалась,—Евгения покачала головой, и в её глазах мелькнуло некое подобие интереса.—Не утруждайтесь в объяснениях. Миша мне рассказывал о вас. Так, правда, в общих чертах. И что вас привело сюда?

— Как вам сказать... Вы знаете, наверное, совесть.

— Совесть? Это интересно... Это интересно. В таком случае заходите. Совесть нынче в дефиците. Проходите, проходите, не бойтесь, я не кусаюсь. Вам, наверное, Андрей рассказал обо мне всякие страсти-мордасти. Не опасайтесь, я тихая, я не укушу.

Евгения шагнула в глубь коридора, освобождая проход. Наталья несмело шагнула и остановилась сразу за дверью.

— Знаете что, проходите сразу на кухню, там удобней. Гостевые шлёпанцы,—подвинула ногой шлёпки с помпончиками.—Проходите, а я пока чай поставлю.

Когда Наталья вошла, Евгения сидела за столом, чайник тихо шипел.

— Значит, вы любовница моего мужа? Интересно...

— Евгения Борисовна, чтобы наш разговор вообще состоялся, давайте сначала расставим всё по местам. Во-первых, я не любовница вашего мужа. Нас объединяет только случайное знакомство, и больше ничего. Правда, мы сейчас работаем вместе. Он предложил меня Вите Воронцову, и я согласилась пойти в их фирму в качестве юриста. Во-вторых, никаких ужасов Андрей Николаевич мне о вас не рассказывал. Просто я знаю, что вы есть и что вам плохо. И вместе с вами и ему плохо. И всё. А почему я пришла...

— Вы тут что-то о совести упоминали. За что она вас тогда гложет, коль вы абсолютно не грешны?

— Я вижу, что я ему нравлюсь. Вначале, узнав о вашем существовании, я категорически отвергала все его поползновения, а сейчас... А сейчас я чувствую, что начинаю помаленьку сдаваться... Зная о вас и о вашем состоянии...—Наталья замолчала. Вздохнула.—Я не знаю, что мне делать. Я пришла у вас спросить.

— Интересное кино. И телевизор смотреть не надо. А вы смелая женщина. Мишка говорил, что вы милиционер? Это заметно по вашей решительности.

— Была. После юрфака работала следователем. А смелой себя назвать не могу. Я просто ехала мимо, увидела вашу остановку. И мгновенно вспомнила адрес Андрея Николаевича. А дальше всё на взрыве. Если бы вы ещё минуту не открыли дверь, я точно бы убежала.

— Ваша правдивость подкупает. Вы всегда такая откровенная? Как же вы работали в милиции? Там нельзя говорить что думаешь.

— Там тоже разные люди работают. Надо везде оставаться самим собой.

— Так, значит, ваша совесть не даёт вам сделать шаг, к которому вы уже готовы. И вы решили у меня спросить, не отпущу ли я вам ваш будущий грех.

— Если вы скажете, что я стерва, я не сделаю никаких шагов. Мама мне уже сказала, что только стервы так поступают.

— Хорошая у вас мама. Честно, завидую. Значит, вы не хотите быть стервой...

Евгения пристально смотрела на Наталью, удивляясь ситуации. Это надо же... К ней, прямо домой, пришли за благословением на её законного мужа. И не какая-то охотница на мужиков. Симпатичная женщина, честная и открытая. Евгения остро позавидовала ей. Позавидовала её чистоте, позавидовала, что у неё такая мама. Что бы сказала в такой ситуации её мама, предположить трудно.

И вот сидит эта в общем-то симпатичная ей женщина, смотрит на неё своими серыми глазами и ждёт, как она, Евгения, поступит. По совести, по-человечески — или как многие женщины по отношению к другим женщинам.
— Как вас зовут?
— Наталья… Максимовна.
— Знаете что, Наташа? Я старше вас, потому так и обращаюсь. Несмотря на комичность ситуации, вы симпатичны мне. Вы честны и открыты, что не так уж и часто в нашем бабьем мире. Так вот… С Андреем мы уже давно чужие друг другу люди. Любовь… она так непрочна, призрачна. Дети выросли, а мы… Мы как-то оказались на разных берегах. Много моей вины. Эта дурацкая болезнь… Да и он не святой. Он такой, как и все мужики. Не лучше и не хуже, и не идеализируйте его. Хотя… особых претензий у меня к нему нет. Просто он мне больше не нужен, так же как и я ему. Вот и всё.

Евгения бессмысленно выводила вензеля на скатерти чайной ложкой. Вздохнула как-то по-бабьи, жалостно, но тут же, исправляя секундную слабость, встряхнулась, поправила причёску.
— Пусть вас совесть не мучает. Я не беспомощная и брошенная женщина. У меня, как вы видите, всё в порядке. Просто мне никто не нужен. Вообще никто! Я могу спокойно существовать только одна! Понимаете?! Только одна и в своей оболочке! — было видно, что Евгения внутри начала накаляться. — Всё! Простите, Наташа, но вам нужно идти. Я хочу быть одной. Идите спокойно, он мне не нужен. С ним мне ещё хуже. Берите его. Всё, всё, всё!! И делайте с ним что хотите. Всё! До свидания.

Выйдя из подъезда, Наталья присела на скамейку. Ноги мелко и противно вибрировали, во рту пересохло. Абсолютно не свойственный ей спонтанный поступок отнял все силы. И вместе с тем камень с души тихо пополз вниз. По крайней мере, маме в глаза можно смотреть спокойно. Наталья уже хотела вставать, как неожиданно какая-то бродячая собачка уселась напротив и пристально уставилась на неё.
— Привет. Тебе чего?

Собачка, наклоняя голову то влево, то вправо, облизнулась.
— Ты есть хочешь, вот что.

Порывшись в сумочке, нашла конфету.
— Ну, на. Больше у меня ничего нет.

Собачка очень аккуратно взяла конфету с руки и, запрокидывая голову и закрывая глаза, стала жадно грызть.
— Ну ладно, собачка, я пойду.

В это время открылась дверь… и вышла Евгения.
— Вы ещё не ушли?
— Собачку кормлю.
— Да, Наталья Максимовна, — Евгения подошла, присела рядом. — Вы как-то след в след за мной идёте. Дело в том, что я всегда сижу на этой скамейке и на этом месте.
— Да я могу и пододвинуться. Я же не знала, что это ваше место.
— Сидите, сидите. Мало того, я именно эту собачку и прикармливаю.
— Ну вот уж с собачкой…
— Да ладно, это я так, параллели провожу.
— Я, пожалуй, пойду. А то что-то наши параллели часто пересекаются.

В пятницу Наталья допоздна работала и в Зубовку поехала рано утром в субботу. Шоссе было абсолютно пустое, и Наталья прижала газ покрепче, чем обычно. Поймала себя на мысли, что ей стало нравиться быстро ездить. Она, конечно, понимала, что это от лукавого, но иногда желание было выше разума. И как можно было называть машину бездушной железякой? Чем больше Наталья ездила, тем больше одушевляла свою «Жигулю». Да, действительно, когда на улице дождливо и холодно, она неохотно и откровенно лениво заводилась, вяло разгонялась и вообще была не в настроении. У её «Жигули» был чисто женский характер, нелогичный и непредсказуемый.

Дома мама встретила выговором:
— Вчера чуть не до ночи бегала от окна к окну. От твоей чёртовой машины всё время душа неспокойна. Чего не приехала?
— Мам, так работа. Пахала вчера, как раб.
— В милиции работала всё время, как раб, ночь да полночь, и сюда перешла — то же.
— Мам, но там была служба, а здесь надо деньги отрабатывать.
— Что-то не видно твоих денег.
— Начальник обещает, что будут. Ждём-с… А где наш папаня?
— Корову в стадо погнал. Пастух опять запил, некому собирать, один подпасок остался. Пьют все поголовно.
— Мам, а я позавчера была у Евгении.
— У кого?
— У жены Андрея.

Галина Михайловна села на табурет, опустив руки.
— Господи… Наташка, ты что, сдурела? Зачем ты ходила к ней?
— Мама, я так не могу, — Наталья вздохнула. — Надо определяться. Или гнать окончательно, или…
— Что «или»?
— Не знаю, что «или». Неплохой мужик, можно и полюбить.
— Любят не за то, что плохой он или хороший. Любят, потому что любят.
— Раньше я просто гнала его, не задумываясь, потому что он был чужой муж!
— А сейчас он что, не муж?

— Вот я и выяснила, муж он или не муж.
— И что выяснилось?
— Она сказала, что они абсолютно чужие друг другу люди. Она сказала: «Забирай его и делай с ним что хочешь». Она очень несчастная женщина.
— Ну вот видишь. Ты хочешь, чтобы она была ещё несчастней?
— Она видит, как он мучается, и ей от этого ещё хуже.
— Это она тебе сказала?
— Да. Так и сказала.

Галина Михайловна, перебирая в руках полотенце, молча посидела в своих думах. Встряхнулась.
— Да, действительно несчастная. Мне надо с ней поговорить.
— Тебе? Мам, ну ты-то здесь при чём? Да она с тобой и говорить не будет.
— Много ты понимаешь. Всё, я решила, так и будет. На неделе приеду, ты меня к ней свозишь. Всё, кончен разговор. Вон и отец пришёл. Ему ни слова, поняла?
— Поняла. Лучше бы тебе не рассказывала.
— Дурочка.
— О… А я ещё издалека наш «Жигуль» разглядел. А чего вчера не приехала? — Максим Иванович поставил палку-погонялку в угол веранды, подошёл, поцеловал Наталью. — Мать тут уже и Боженьку, и чертей вспоминала.
— Работа, пап. Как дела?
— Так как?.. Пастушу вот. Мужики как с ума посходили, пьют по-чёрному. Как у тебя дела? — Максим Иванович, отдуваясь, устроился за кухонным столом. — Галя, чайку холодненького нацеди мне. Запарился с нашей Майкой. Хара́ктерная коровёнка, вся в хозяйку.
— Ладно тебе. Зато удоистая. И молоко — чистые сливки.
— Так как дела у моей дони?
— Ты о каких делах, папочка?
— Не дуркуй, ты знаешь о каких.
— Всё идёт своим чередом.
— Чего привязался к девочке? — Галина Михайловна поставила кружку с чаем. — Пей свой чай да приляжь, отдохни. А ты, красава, живо переодевайся, завтракай, и будем убираться. В доме — как в хлеву.
— Приехала доня к маме отдохнуть. Фельдфебель, чисто дело.

Максим Иванович, шумно выпив залпом кружку чая, пошёл в боковушку. Кровать под ним жалобно скрипнула.
— Наташ, так как у тебя с твоим?..
— Да никак, пап. Пока никак.
— Ну чего, он решает свои проблемы?
— Наверное… — Наталья переглянулась с матерью. Та приложила палец к губам. — Не до этого сейчас. Работаем по двенадцать часов. Период становления — самый трудный.
— Ну-ну. А жизнь проходит. Внуков на руках ещё не держал — разве это дело? А у вас становление. Ох-хо-хо…

В понедельник Наталья с утра уехала в городскую администрацию и в фирме появилась только к обеду. Прямо посреди большой комнаты стоял стол, уставленный бутылками с шампанским, фруктами и разными вкусностями.
— Наташа, молодец, как раз вовремя! Ну, всё. Можно начинать, все в сборе.

Публика была слегка возбуждена. Маринка подбежала раскрасневшаяся:
— Наташ, представляешь, а у нас сегодня неожиданный праздник — первая получка. Мой руки — и к столу. Быстренько, быстренько… Товарищи мужчины, открывайте шампанское.

Захлопали пробки, и пока Наташа приводила себя в порядок, разнокалиберные кружки уже были налиты. Витя, на правах хозяина, вышел на середину.
— Уважаемые коллеги. Я специально слегка затянул это знаменательное событие, чтобы вы все прочувствовали, какая зарплата будет у вас, если мы будем работать с полной отдачей. Поработали мы неплохо, и вот результат. Главная задача на сегодня — создать имидж фирмы. Имидж надёжной, обязательной и квалифицированной фирмы. Мы к этому идём, и мы этого достигнем! Ура, господа-товарищи!

Публика дружно подхватила. И, как бывает на таких междусобойчиках-корпоративах, скоро все разделились на группы по интересам. Наталья стояла с женщинами, бурно обсуждавшими, как ловчее потратить деньги, Андрей — с молодыми парнями. Один, жестикулируя, что-то рассказывал, и все хохотали через каждую минуту.

Витя подошёл с двумя бокалами и увлёк Наталью в сторону.
— Наталья Максимовна, поздравляю вас, — подал бокал. — Подойдите к Тамаре Григорьевне и получите ваш конверт, — наклонился ближе к уху Натальи. — Вы молодец, Наташа. Ваша хватка мне очень нравится. Вы не зря побывали в шкуре следователя. Как вы их… Ух, прямо иногда завидую. Я с удовольствием буду с вами работать ещё лет сто.
— Спасибо Виктор Константинович. Я стараюсь.
— Я вижу. И ещё… Очень хочу, чтобы вы подружились с Андреем.
— А мы и так дружим.
— Не надо, Наташа. Вы прекрасно понимаете, о чём я. Андрей очень хороший человек, и я хочу, чтобы он был счастлив. А вы как раз та женщина, которая может его осчастливить.
— И я не против.
— Да?.. Так в чём же дело?
— Там есть то, через что я не могу перешагнуть.

— Вы имеете в виду Женю? Так, насколько я знаю, у них уже давно нет никаких отношений.
— Отношений нет, а Женя есть. Живая, не очень здоровая, но очень несчастная женщина.
— Вы так прониклись её судьбой?
— А вы хотите, чтобы я думала: так ей и надо?
— Да вы что! Да не приведи Господи! Я её давно знаю, знаю её очень непростой характер и, поверьте, сочувствую ей не меньше вашего. Просто у каждого своя судьба, и с этим надо мириться.
— Чтобы спокойно спать, надо стараться меньше поступать не по совести.
— Ваша праведность может вас...

Подошёл Андрей.

— Привет. Чего празднику не рады? Сделайте лица попроще, и люди к вам потянутся. Я вот уже потянулся. Наташа, ты рада оценке своей деятельности?
— Безумно рада. Ещё бы посмотреть, сколько там мне отвалили. Будем стараться, господин-товарищ директор!

Витя, откланявшись, ушёл.

— Наташа, ты чего так напряжена? Случилось что?
— Сегодня нет. На прошлой неделе — да.

Андрей, наклонив голову, заглянул Наталье прямо в глаза:

— Что?
— Я была у твоей жены.
— Ты? У Евгении?
— А что, у тебя есть ещё одна жена?
— Не шути. И чего ты пошла к ней?
— Да я и сама от себя такого не ожидала. Как-то на рывок получилось. Ехала в автобусе, увидела остановку «Улица Жукова», вспомнила: Жукова, тринадцать, квартира пятьдесят шесть... и взрыв. Очнулась — и начала трусить, уже у двери, когда нажала на кнопку звонка.
— Да... Вот уж не ожидал, — Андрей вытер со лба пот. — Ну и что у вас за разговор был? — изумлённо: — И она тебя впустила в дом?
— Представь себе, впустила. Поговорили. Расстались очень мирно.
— Фантастика. И чего она обо мне говорила?
— Она сказала, что ты такой же мужик, как и все, что ты ей абсолютно не нужен и я могу делать с тобой всё, что хочу.
— И что ты хочешь?
— Хочу привыкнуть к этой мысли.
— Ну так привыкай скорей. Я свой конверт уже получил. Пойдём в ресторан, пропьём его и... Хватит тебе одного вечера привыкнуть к мысли, что я свободен и твоя совесть абсолютно чиста?
— Много вопросов для одного раза. Не торопи меня, Андрюша. Я ещё не созрела для такого решения.
— «Андрюша» — это уже теплее, — Андрей приобнял её одной рукой за талию. — Наташ, скажи ещё раз: «Андрюша».
— Андрюш, пойдём в люди, а то скоро все на нас будут смотреть.
— Да и пусть глядят. Так идём в ресторан?
— В ресторан идти готова.
— А потом?
— А потом — суп с котом.

Наталья подошла к крыльцу райотдела и остановилась. Сердце мелко забилось. Она не была здесь уже больше месяца. Новая работа, новая жизнь... Всё так захлестнуло и заполнило паузы, что воспоминания о недавней работе почти не приходили. Но вот что-то щёлкнуло внутри — и потянуло так, что удержаться стало почти невозможно.

Дежурный узнал сразу и расплылся в улыбке:

— Наталья Максимовна, какими судьбами? Случилось что?
— Случилось, Саша, случилось. Заскучала по нашему раю. Пропустишь по старой памяти?
— Да какой разговор? Проходите.

Пока шла до кабинета, перездоровалась со многими. Вот и дверь с табличкой «№12». До боли знакомая и почти родная. Много чего за этой дверью было: и неудачи были, и слёзы, и радость первых побед. Кто там за ней? Оказывается, никого. Дверь закрыта. Ну что же, есть запасной аэродром. Катерина чуть не завизжала, увидев входящую Наталью:

— Наташка-а!

Выскочила из-за стола, восхищённо оглядывая, кошкой пошла вокруг.

— А какая лощёная, а какая буржуинка! Наташка, там всех так полируют?
— Да ладно тебе. Ты просто видела меня всегда в форме. А форма — она и есть форма.
— Ну не скажи. Буржуйский лоск я за километр вижу. Молодец... девка. Горжусь знакомством с такой бизнес-леди. Я сейчас рот раскрою, а ты рассказывай!
— Да и рассказывать особенно нечего. Соскучилась я по вам. До тоски заскучала.
— Тю-у... Нашла о чём скучать. Заскучала она... И ведь не позвонила ни разу, стервь ты этакая. Деньжищи, наверное, лопатой гребёшь. Не то что мы, нищета тоскливая.
— Особых денег пока нет, но... не сравнишь, конечно. Как тут у вас — все живы-здоровы?
— А чего им сделается? Слава Богу, стрельбы не было.
— Как мой стажёр?
— Не стажёр он уже, а лейтенант. Нормально живёт твой стажёр, шустрый пацан. Ребята говорят, правильный мент растёт. С утреца видала, шнуровался тут по коридорам. А чего это ты сразу о нём? Как у тебя с тем мужиком, лучше скажи?
— Всё так же. Дружим.
— Дружите под одеялом или на скамейке?

— На работе. Иногда на скамейке. Да, честно говоря, особенно и дружить некогда. Работаем как лошади, без выходных и праздников. Лицо зарабатываем.
— Лицо вширь твой хозяин заработает. А ты себе заработаешь гастрит и стародевичество.
— Болезнь ты какую-то новую придумала.
— Эта болезнь стара как мир. Да, действительно, тебе только с пионерами общаться. «Дружит» она… Когда гуляете, за руки держитесь?
— Держимся. В ресторан вот недавно ходили. Первую получку пропивать.
— Ну а после ресторана?
— А что «после ресторана»? Кать, ты же знаешь, там всё сложно.
— Если бы у тебя была голова правильно на плечах пристроена — всё было бы куда как проще. Раз — и нет проблем. Тебе уже давно рожать надо, а ты о его проблемах думаешь, пионерка.
— Умная ты, как погляжу. А сама-то чего ждёшь?
— Я… я девочку жду.
— Да ты что?! Правда?!
— Правде́е не бывает. На четвёртом месяце мы уже.
— Давно ли ты говорила, что ещё рано?
— Я же тебе чего толкую: ушами прохлопаешь — поздно будет. Так что поспешать надоть.
— Мишаня, конечно, обрадовался новости?
— И не говори. Как узнал — напился до бесчувствия. Два дня с унитазом в обнимку просидел. Сейчас попривык и уже тихо радуется. Имя даже придумал — Сонечка.
— Когда свадьба?
— А мы решили без свадьбы. Сходим в загс, зарегистрируемся, небольшой фуршетик для самых близких — и всё, дорогая. Людей сейчас ничем не удивишь, а куда деньги засунуть, я и так знаю.
— Практичные вы люди, с Мишаней. Ну ладно, я ещё в отдел. А то дверь была закрыта.

На этот раз дверь была не только не замкнута, а открыта настежь, дым из неё валил, как от пожара, и слышно было, что разговор шёл по крупному.
— …Целовать я его ещё буду. Сейчас! Да я дам ему в репу, и пусть потом доказывает, что он не с печки упал.
— Надо будет — и целовать его придётся. Слово «дисциплина» знаешь?

Наталья заглянула в дверь. За её столом сидел незнакомый капитан, а Павловский, стоя к ней спиной и размахивая руками, доказывал, что целовать он «его» не будет, а просто даст ему в репу. Капитан, увидев Наталью, раздражённо крикнул:
— Вы ко мне, девушка? Подождите, мне некогда.
— Да, собственно, я…

Павловский, услышав её голос, медленно повернулся.
— Наталья Максимовна… Вы?
— Нет, не я. Это дух святой. Чего собачитесь?

Андрей ломанулся к двери:
— Наталья Максимовна, проходите. А у нас тут планёрка.
— Да я уже слышу, как ты планируешь кому-то в репу дать. Смотри, Андрюша, упекут тебя в темницу.
— Вот и я ему говорю. Извините, Наталья Максимовна, никогда не видел вас в лицо, — капитан встал, протянул руку: — Капитан Литвиненко. Лезет на рожон, понимаешь. Следователь должон головой думать, не кулаки криминалу в морду совать. Заходите, гостем будете. Он мне тут всю плешь продолбил рассказами о вас.
— Наталья Максимовна, — Павловский восхищённо смотрел на Наталью, — какая вы! Я уже стал вас забывать.
— Ну ты как, лейтенант?
— Нормально. А Чмарова всё-таки замочили. Помните такого?
— Помню, Андрюша, помню. Я ещё, помню, говорила тебе, чтобы ты не заражал свой язык поганой феней.
— Вспомнил. Застрелили нашего друга Чмарова. Оказывается, знал он, урка, кто Промахова в полёт отправил. Слава Богу, успел своему корешу шепнуть. А уж тот как узнал, что Чмарова зам… застрелили, мне и подсказал.
— И кто?
— А напарника его по бизнесу, некоего Болховитина помните? Тинейджер такой зачуханный… Свидетелем проходил. «Ничего по делу не могу пояснить, друга потерял». Прижали — сразу и раскололся. Должен он был Промахову почти миллион, вот и вся проблема. А шуранул его в окошко — и нет проблем. Хорошо хоть по лбу сначала дал, а судмедэксперт разглядел гематомку. На этом и сломался, гнилой кредитор.
— Что, и эксгумация была?
— Да уж, — Павловский покачал головой. — Зрелище не для впечатлительных. В ту ночь так потом и не уснул.
— Не заплохело?
— Вытерпел. Мужик я или не мужик? Да ладно о нашем. Вы-то как, Наталья Максимовна?
— Прекрасно. Всё там хорошо, только вот этого шалмана не хватает. А так всё прекрасно. Работаем, ребята программы клепают, как оладьи стряпают. А я со всяким шакальём бьюсь. Ух, сколько их, шакалов, на пути добропорядочного предпринимателя.
— Ладно, вы поговорите, а я пошёл. Дел куча, — капитан, подхватив со стола папку, вышел.
— Андрюш, ну как он?
— Да чего он? Мент как мент, — Павловский махнул рукой, повернулся к Наталье. Было видно, что волнуется, щёки запылали. — Наталья Максимовна, я, наверное, никогда вас не забуду. Наталья Максимовна…
— Андрей, прекрати, а то я сейчас же уйду. Андрюша, успокойся.

— Я пытался. Пытался забыть. Дружил тут с одной девчушкой. Ну дитя дитём. Лопочет чего-то. Смотрю на неё, а вы перед глазами.
— Андрей, представь нас с тобой лет через десять-пятнадцать, а? Я — старая, растолстевшая, оплывшая местами тётка, и ты — молодой мужик. Какими глазами ты бы на меня смотрел?
— А я и не хочу думать, что будет через пятнадцать лет. Я сегодня хочу жить. Понимаете?.. Сегодня хочу, сейчас!
— Житейской мудрости ты ещё не нажил, потому и хочешь всё сегодня, прямо сейчас. Капризки это. Андрюша, ты внимательно посмотри на меня, близко посмотри — и увидишь, что я уже старенькая.

Андрей сделал два неуверенных шага, подошёл вплотную, внимательно посмотрел прямо в глаза. И вдруг, резко подавшись вперёд, быстро поцеловал Наталью. От неожиданности она даже не отстранилась и почувствовала вкус его припухлых губ.
— Андрей... Ты что себе позволяешь? Ещё не хватало, чтобы кто-то вошёл. Знаешь... это уже через край.
— А пусть. Сейчас мне всё равно. Мне так давно этого хотелось... Я всё равно вас никогда не забуду.
— Андрюша... — Наталья погладила его по щеке. — Не надо. Пройдёт время, всё забудется. Я не твоя женщина, у нас не может быть ничего. Ты очень хороший парень, и даже если ты мне и нравишься, я никогда не смогу себе позволить тебя любить. Ты для меня дитёнок, маленький и глупенький. Это дикость, когда рядом со старой тёткой молодой пацан.
— Всё-таки я вам немного нравлюсь? Ну скажите, мне так хочется это услышать от вас.
— Это ничего не меняет, даже если я ещё раз повторю это. Ничего... Всё, Андрей, не трави мне душу. Всё!

Уже дома, вечером, Наталья вдруг вспомнила вкус его губ. Чуть припухлые губы молодого парнишки... Накручивая бигуди, Наталья разглядывала себя в зеркале. «Ну и что, Наталья Максимовна?.. Признайся сама себе: тебе это понравилось. Понравилось, не отрицай. И на Андрюшу ты поглядела другими глазами. Что, тебя уже не держат служебные дела? Да нет, не лукавь... Ты просто его долго не видела, и время показало, что он тебе небезразличен. Да, девушка, признайся, что это так. Признайся, что этот парнишка тебе нравится, несмотря на то что ты его гонишь от себя. Да, Наташка, нравится, и не отпирайся». Наталья прикрутила последнюю бигудюшку, повязала косынку и, поджав губы, ещё раз критически осмотрела себя. «Да вообще-то ничего женщина. Зря из себя старуху строю». Сложила остальные бигуди в коробку. Дурацкую привычку каждый вечер накручиваться сохранила ещё со студенческой поры, и это уже стало ритуалом. Есть ненавязчивый повод неторопливо оглядеть себя, подумать перед сном, разложить мысли по полочкам.

Подошла к окну. На улице тихо шуршал дождь, косо поблёскивая в свете фонаря. Расстёгивая халат, пошла в спальню. Резко и коротко прозвонил дверной звонок. Так резко и неожиданно, что вздрогнула. Быстро подошла к двери.
— Кто? — взглянула в глазок.

Господи, Павловский.
— Андрей, это ты?
— Я, Наталья Максимовна.

Открыла дверь. Павловский стоял нахохленный и растрёпанный, как мокрая курица. С одежды набежала приличная лужа. Значит, стоял под дверью уже долго.
— Ты что тут делаешь?
— Шёл мимо... стоял вот, глядел на ваши окна.
— Но ты же промок, наверное, насквозь. Ты что, заболеть хочешь?
— И умереть под вашей дверью.
— Шутник ты, однако, парень. Как тебя прогнать такого? И правда заболеешь ещё. Ладно, заходи, поздний гость.

Павловский потоптался у порога, разулся.
— Ты не обращай внимания на мой наряд, гостей, как ты понимаешь, я не ждала. Давай снимай куртку и клади её в угол, а то и моё всё вымочишь, — осмотрела ещё раз сверху вниз неожиданного гостя, покачала головой. — Слушай, ну чего ты пришёл? Андрей, прекрати меня измором брать. Я сегодня тебе всё сказала.
— Да я... вот... мимо шёл.
— Ты не ври так откровенно. Чего тебе тут ходить? Так, снимай и носки, они тоже насквозь. Сейчас сухие дам.

Когда вернулась с носками, Андрей стоял, подогнув пальцы синих от холода ног. Рубашка прилипла к телу.
— Это сколько же ты простоял под дождём? И какого чёрта ты там стоял, скажи мне, чудо ты гороховое?
— Да я сначала хотел зайти, потом испугался, а потом пошёл дождь, а я не мог уйти. Вот...
— Так... носки тебя уже не спасут. Иди в ванную, я тебе принесу полотенце и свой спортивный костюм. И чай сейчас вскипячу. А иначе ты можешь серьёзно залететь с простудой.

Наталья столкнулась с Андреем, когда выходила из кухни. Узкий проход хрущобной квартиры не позволил им сразу разойтись. Андрей остановился, и когда Наталья оказалась напротив, он, глядя ей прямо в глаза, медленно поднял руки, обнял и, положив ей голову на плечо, поцеловал в шею, в завиток, вырвавшийся из-под бигуди, ухо... И всё...

Что было потом, Наталья в деталях не вспомнила даже утром, когда проснулась. Андрей сопел, зарывшись в подушку, и был виден только вихор на

затылке. «Господи, какая же я дура! Что я наделала? Он же совсем ещё мальчик. А я его, кажется, люблю. Люблю, потому что дура, потому что уже не могу не любить. Что я скажу маме? Как объясню свою глупость? А Андрей?..»

У Натальи практически не было сексуального опыта, и то, что случилось однажды в студенчестве, объяснялось, скорее, желанием повзрослеть. А вот вчерашний взрыв безумия и неуправляемой реакции от поцелуя Андрея объяснить было невозможно. Ни логикой, ни разумом, ни совестливостью. Всё исчезло в одну секунду.

Андрей проснулся и, как нашкодивший школьник, посматривал из-под простыни одним глазом.

— Ты вчера специально так намок?

— А то. Как бы я иначе проник в помещение?

— Ну и как ты считаешь, чего ты добился?

— Да я ничего не считаю. Я просто счастливый.

— А что мне делать?

— А ничего. Жить и радоваться жизни.

— Вот я и радуюсь. Стыдно на улицу выходить.

— Наталья Максимовна, да вы что! — Андрей высунул голову из-под простыни. — Вы такая суперская женщина! Наталья Максимовна, я в сексе не очень чтобы специалист, но вы… Я думал, умру сладкой смертью.

— Прекрати! Тоже нашёл специалистку. Проснулась — чуть от стыда не сгорела. Все слова, что я тебе тут в горячке говорила, — навек забудь! Это было в бреду.

— Ну как это можно забыть?

— Забудь, сказала! Не пользуйся тем, что у меня крышу снесло. Я сама не поняла, как это случилось. Господи, ну откуда ты взялся на мою…

Остальные слова Андрей погасил поцелуем.

В контору Наталья пришла только к обеду. Не успела разложить бумаги, подошёл Андрей.

— Что-то случилось? Я уж думал, приболела.

— Нет, всё нормально.

Андрей, наклонив голову, присмотрелся.

— Нет, ты сегодня какая-то не такая. Что случилось?

— Да нет же, всё нормально. Просто дома были дела. Витя сразу установил мне режим свободного посещения.

— В субботу в Зубовку едешь?

— Ещё не знаю, а что?

— Хочу у твоих родителей просить твою руку и сердце.

— Может, сначала надо у меня?

— А ты что, против?

— Я не знаю. Я совсем уже ничего не знаю и не понимаю.

— Что-то всё-таки случилось… Ладно, позже поговорим.

Наталья сидела с пустыми глазами. Это же надо: банальный любовный треугольник. Банальней просто не бывает. И это не с кем-нибудь, это с ней. И она — персонаж этого треугольника! Истинный Бог — мыльная опера, над которыми она всегда смеялась, считая, что это примитивные выдумки для дурочек. Вот тебе и выдумки. Да… И кто же дурочка? Надо же такому сложиться. В сумочке запел мобильник.

— Наташа, я на автовокзале. Ты можешь меня увезти к той женщине?

— Мама… А ты чего на автобусе? Не могла дождаться, пока я приеду? Мама, ну ты чего?.. Горит, что ли?

— Так можешь или скажешь мне её адрес?

— Да, конечно, могу. Жди, я махом.

— Махом не надо, не гони. Я тут на скамеечке посижу, не торопись.

Усаживаясь в машину, Галина Михайловна не удержалась от упрёка:

— И всё-таки гоняешь. Действительно махом прилетела.

— Мам, а ты уверена, что она тебя не выставит за порог? Или вообще не пустит в квартиру? Мам, для чего тебе это? Люди сейчас зачастую просто не понимают таких поступков. Ну ладно — я пришла, это ещё как-то можно объяснить. Но ты… Для чего?

— Для того. Не понимает тот, кого жизнь в тупик не загоняла. А тот, кто там был, — поймёт. Поймёт и оценит. Надо всегда надеяться, что внутри человек лучше, чем снаружи. Вот и надо добраться до того места, где он лучше.

— Но я с тобой не пойду и до двери. Увидев нас, она чёрт-те что подумает. Хочешь — иди одна. Я тебя в машине, за углом, подожду.

Галина Михайловна пробыла у Евгении больше часа. Вышла сосредоточенная и серьёзная. Молча села в машину. Наталья тоже молчала, хотя любопытство тихо грызло внутри.

— Она согласилась, — Галина Михайловна перекрестилась. — Господи, помоги ей. Дай покоя её душе.

— На что согласилась?

— Пожить в Зубовке.

— В Зубовке? У нас пожить?!

— Зачем у нас? Говоровы свою бабушку в город увезли. Я тебе рассказывала, что она ногу сломала. Ну вот, изба стоит пустая. Их Зинаида, как приезжала, заходила к нам. Всё горевала, что изба без присмотра осталась. Бабушка-то к зиме, как поправится, вернётся. В городе не хочет оставаться. Зина заплатила соседу, тот собаку кормит, а огород зарастает. Вот я и предложила Евгении пожить лето в полной тишине, покое. Пусть на звёзды посмотрит, по утренней росе босиком походит, птичек послушает, если захочет — травку в огороде пощиплет. Это лучше, чем в своей квартире бирюком сидеть. В этой темнице-одиночке совсем озвереешь.

— И как же она тебя пустила в квартиру?

— Очень спокойно. Спокойно приняла, спокойно выслушала. Вначале удивилась, узнав, кто я. Выслушала, чего я пришла, и впустила в квартиру. Спокойно выслушала. Почти сразу согласилась пожить в деревне. Похоже, даже обрадовалась, когда я сказала, что у нас церковь есть.
— А чего так долго была?
— Потом разговорились. Ты ей правда понравилась, и ей действительно абсолютно всё равно, что будет дальше делать её Андрей. Знаешь, с ней разговаривать — как на волнах качаться. То взвинтится до верха, то погружается куда-то в глубину себя. Её только покой может вылечить. Полный покой, умиротворение и молитвы. Я с батюшкой поговорю, чтобы он на неё внимание обратил. Отец Михаил хоть ещё и молод, но мудрости душевные раны лечить уже хватает. Да ладно о ней. Ты-то как?
— Да как… Текла жизнь ровно, текла, и вот нá тебе — всё разом, — Наталья вздохнула.
— А что «всё разом»?
— Да всё. Не спрашивай, мам. Я ещё и сама не разобралась, как эту кучу разгребать.
— Какую кучу? — в голосе Галины Михайловны заслышалась тревога. — Ну-ка признавайся, чего за куча. Что у тебя с этим Андреем?
— Мам, ну рано ещё говорить. Дай мне разобраться самой.
— Нет уж, девка. Признавайся, а то и мне покоя не будет. Так что у тебя с Андреем?
— С которым?
— ???.. А что, у тебя их два?
— Да… — коротко. — Выходит, два.
— Во как… Андреи пошли во множественном числе? И кто он такой — второй Андрей?
— Второй… Второй — молодой парнишка… Был у нас в отделе стажёром.
— И на сколько годов он моложе?
— На пять.
— Да… Ох ты, моя скромница. То ей никого не надо, то жених множественно пошёл. Ну так и что у тебя с тем Андрейкой?
— Всё, — бухнула Наталья. Подрулила к обочине, остановилась, заглушила мотор. — Всё, мама, было. Сама себя не узнаю, но вот так случилось. Как шквал налетел. Когда очнулась, так сначала стыдно было, а потом… Потом, ты знаешь, это удивительно, но на душе стало тепло. И такое ощущение вдруг возникло, что нашла то, что долго искала.
— Не знаю, что и сказать. Может, это и есть то, что ты так долго искала. Может… — Галина Михайловна помолчала, вздохнула. — Но уж больно молод. Хотя… Пять лет. Вроде не так уж и много. Смотри сама, тебе жить. Отец прав на все сто: внуков очень хочется. В душе много пустот уже образовалось, надо внуками их заполнять.
— И мне ребёнка захотелось. Так остро вдруг ощутила запах детских пелёнок, молока. Хочу ребёнка. Вот как никогда сейчас хочу.
— Ну так и рожай. Да и Бог с ним, что там дальше будет. Сладится — хорошо, не сладится — сами вырастим.
— Да зачем безотцовщину растить? Нагляделась я в милиции той безотцовщины. Ребёнку папа и мама нужны. Не знаю… Но мне кажется, это моё.
— А раз кажется, слушай себя. Уж лучше коротко — но по любви, чем долго, но с мыслями, что чужую жизнь проживаешь. Отцу ничего говорить не буду, как всё образумится, сама и скажешь Да… а вот о том, что ты к Евгении ходила, придётся рассказывать. Не хотелось бы… мужикам не обязательно всё знать, но придётся, — вздохнула. — Ничего, у нас батька умный, поймёт. Всё, красавица, поехали, а то батька там один. Сообразят ещё с дружком, будет опять ходить, порядки наводить.

Только Наталья вошла в офис и села за стол, быстро подошёл Андрей.
— Ты где была?
— Это что, допрос? Требую адвоката.
— А серьёзно?
— С мамой ездила.
— Как Евгения связана с Зубовкой? Ты можешь мне всё объяснить, а то я ничего не пойму?
— Что ты имеешь в виду?
— Позвонила Евгения и попросила меня перевезти её с вещами в Зубовку. Куда, зачем — объяснять не стала.
— Да всё очень просто: когда я рассказала маме о своей встрече с Евгенией, она захотела с ней поговорить. Сегодня я её возила на Жукова, к Евгении. Недалеко от нас стоит пустующий дом, бабушку Говорову до осени перевезли в город, и мама предложила ей пожить лето в этом доме. Тишина, свежий воздух, уединение. Будет ходить в церковь, к отцу Михаилу. Чай будут по вечерам с мамой пить, о жизни говорить.
— Дурдом какой-то… Вам-то зачем это надо? Евгения невыносимый человек, твоя мама через пару дней взвоет от её выходок.
— Маме небезразличны страдания других людей, она просто не проходит мимо чужого горя.
— Или я что-то не понимаю, или вы блаженные.
— Ты зря нас с мамой отождествляешь. Это её желание, и я тоже не сразу его поняла. Но и перечить не стала. Если ей нравится чужие души лечить — ну и пусть. Кому от этого хуже?
— Не знаю, хуже это будет или лучше, но как я буду с тобой в Зубовку приезжать?
— А почему со мной? Просто приезжай.
— Не понял… Наташа, что-то произошло? Я считал, что все недоразумения исчерпаны, обещание, данное Максиму Ивановичу, я выполнил. Что ещё надо сделать?
— Ничего не надо делать. Я тебе ничего не обещала.
— Как?.. А последние наши разговоры? А «я почти решила»?

— Андрей, мне кажется, что наши отношения, вероятно, так и останутся дружескими.
— Вот как?.. А я думал... У тебя кто-то есть?
— Не знаю, но, скорее всего, да.
— Женская логика всегда для меня была непостижима: «Не знаю, но, скорее всего, да». Так да или нет?
— Андрей, я сказала, что сказала. И не требуй от меня конкретности, я сама её не знаю.
— Когда узнаешь — скажешь?
— Наверное, скажу.

День случился суматошный. Витя настаивал срочно разобраться с предписанием антимонопольного комитета, требовавшего, как ему казалось, невозможного. А тут ещё клиент, приняв продукт без замечаний, вдруг заявил о нарушении договорных обязательств. И мотив абсолютно идиотский: его не устраивают некоторые компоненты программы, потому что другой разработчик мог бы это сделать лучше.
— Да пошёл он к чёртовой матери! А лучше пусть идёт к тому, кто сделает это лучше. А мы потом посмотрим! Наталья Максимовна, мы нарушили хоть одну запятую условий договора?
— Нет, Виктор Константинович.
— Вот и пошлите его к... В общем, вы знаете, куда его послать. Ну какие же придурки! Видите ли, ему не нравится. Мало ли что мне не нравится? Может, мне тоже моя жена не нравится? Ну и что? Женился, расписался — живи. А ему не нравится... понимаешь.
— А что, вам правда ваша жена не нравится?
— Да Бог его знает — нравится, не нравится. Живём. Всяко бывает. Что, разводиться каждый раз? Вы-то, сударыня, когда за Андрюху замуж пойдёте?
— Ой, Виктор Константинович, не знаю. Всё так сложно в этом мире.
— Хороший мужик, но чего-то жизнь его косяком идёт. Жалко мне его.
— Мне тоже. Но это не повод выходить за него замуж. А любовь-морковь как же?
— Да бросьте вы. Как одна тётя говорила: «Кака́ така́ любовь?» Любовь проходит, как получка. Сегодня вроде полный карман был, а завтра фу-фу — и нет ничего. Одни воспоминания.
— У мужчин логика в этом достаточно примитивная. Женский ум по-другому устроен.
— Да уж... Скорее всего, Андрюхе облом в этом деле светит. Жаль. Хорошая бы пара сложилась.
— Есть у него уже пара. Ну так что, Виктор Константинович, от винта этой шараге по полной программе?
— Нет, — вздохнул, — не время ещё «от винта». Пусть покапризничают. Мы там лёгкий глянец наведём. Пусть потешат своё самолюбие. Рано нам ещё таких козлов шугать, — Витя встал, встряхнулся всем своим могучим телом. — Как почувствую, что закрепились на этом фронте, — захохотал, — вот тогда, кто первый попадётся, тому и влепим всю картечь в одно место. А пока пусть немного повыкобениваются. Напишите, что мы извиняемся, что мы готовы к долгосрочному сотрудничеству и всё им переделаем, как они захотят.

Вечером заявился Павловский. Весь из себя вылизанный, с букетом белых роз, тортом и вином. Проходить не торопится, стоит у порога, ждёт разрешения.
— Ну что, Андрей Павловский. Конфетно-цветочный этап ухаживания у тебя как-то не в той последовательности, как положено. Отстал немного.
— Да, Наталья Максимовна, хронология сломана. Но старых добрых традиций ломать не будем. Так приятно потом в старости будет вспомнить.
— Да уж... Воспоминаний предостаточно. Ну что, проходи, жених.

Вино было прохладное, торт вкусный, а розы просто благоухали. Сидели на кухне друг против друга, молчали.
— Наталья Максимовна, а я пришёл сделать вам предложение.
— Руки и сердца, конечно?
— Да. А ещё любви, верности, терпения и желания иметь много детей.
— Да, грандиозно. И ещё скажи, что ты, как порядочный мужчина, после того, что между нами произошло, просто обязан на мне жениться.
— Нет, это вторично. Я лучше ещё скажу, что я серьёзный человек, что я уже взрослый мужик и прошу вас относиться ко мне по-серьёзному.
— Прости, Андрюша. Это я от волнения. Мне впервые делают предложение.
— Вы принимаете моё предложение?
— Андрей, ты понимаешь, что я не могу за несколько дней полностью поменять своё отношение к тебе, даже после того, что произошло?
— Понимаю. А вы понимаете, что я уже не отступлю и буду биться до последнего? Все мужики по моей родове были однолюбами. Мало того, они ещё все были настырными. Моего отца лупили каждый день, когда он познакомился с моей мамой и ходил её провожать. Его колотили, а он ходил. Колотили, а он ходил. Ходил, пока не зауважали. Все Павловские такие.
— Заявление серьёзное. Андрюш, не обижайся. Может, ты для начала перейдёшь на «ты»?
— Наташа, тебе чаю подлить?
— Ну ты и жук, Андрей Павловский. Тебе и брудершафта не надо.
— Я бы не отказался. Вы... ты так нежно целуешься. Умопомрачительно...
— Андрей, мы договорились не вспоминать тот угар. Не надо играть на слабости женщины.
— Наташа, то, что было, я уже никогда не забуду — это раз. Второе: я тебя люблю с тех минут,

когда даже ещё не знал тебя и просто шёл следом в первый день. И третье: то, что ты называешь угаром, это и твоя любовь, но на подсознанке. Значит, ты тоже меня любишь, но не хочешь в этом себе признаться. Поверь мне, мы обязательно должны прожить вместе всю жизнь и, чтобы родственникам было не накладно, помереть в один день. У меня всё,—Андрей встал, слегка поклонился.— Прошу считать это официальным предложением.
— Предложением чего?
— Предложением выйти за меня замуж.
— Присаживайся, молодой человек. Во-первых, ты нахал; во-вторых, я не тороплюсь замуж; а в-третьих… Твоя самоуверенность просто ставит меня в тупик.

Андрей вздохнул, вытер пот со лба.
— Да, с подсознанкой я загнул немного, прости. Просто я очень хочу, чтобы ты меня полюбила. Очень… Наташ, клянусь тебе, я сделаю всё, чтобы влюбить тебя в меня. Что ты хочешь, чтобы я сделал?
— Да помолчал бы для начала. Много говоришь, герой-любовник. Как это ты полюбил меня, ещё не зная, кто я такая? А если бы я была воровка или, допустим, проститутка?
— Интуиция подсказала, что ты хорошая и что ты моя судьба. Наташ, ну неужели ты меня ну нисколечко не любишь?

В Андрюшиных глазах можно было утонуть. И Наталья понимала, что тонет. Столько обаяния на неё ещё никогда не обрушивалось.
— Если бы нисколечко, летел бы ты… Значит, сколечко. Хотя не пойму ещё за что.
— Любят не за что, а вопреки.
— Да? Интересная новость. Главное—свежая.

Уходя утром, Андрей, поцеловав Наталью в щёчку, потянул за ручку входной двери, и ручка осталась у него в руке. Приткнув её кое-как на место, посмотрел на Наталью. Она молча пожала плечами.
— Да, мужика в доме нет—считай, разруха. Вечером починю.

Андрей ушёл, а Наталья стояла в коридоре, глядя на дверь. «Ну что, вот оно и пришло. Пришло то, чего ждала, чего боялась, на что надеялась и не верила, что оно будет. Оно и пришло неожиданно, не с той стороны, откуда ждала, и совсем не так, как думалось. „Вечером починю“. Мужик в доме. Мужик со своими повадками, своими привычками, человек другой породы, человек с другой планеты. К нему надо приспосабливаться, надо учитывать в своих планах. Но всё равно приятно. Неужели я его полюбила? Наверное, да. Он такой забавный. Как он уютно сопит, когда засыпает. А какой он сильный! Здоровый мужик будет, как заматереет. Интересно, как он к детям относится? Я же не знаю, из какой он семьи. Вообще ничего не знаю. Надо вечером узнать. Господи, я уже жду, что он придёт вечером. Это что? Наташа, что с тобой? Ты почувствовала себя замужней женщиной? Нет, это не замужество. Это просто ощущение мужчины рядом. И, надо признаться, это интересно…»

Евгения вошла в дом и замерла. Она совсем не знала деревенского уклада жизни и никогда не жила в деревенском доме. Когда-то давно, наверное, ещё в той жизни, они с Назаровым ездили к его дальним родственникам в деревню. От той поездки остались ощущение тесноты, запах ржаных калачей в сенях и тусклая темнота керосиновой лампы. Всё. И вот её временное пристанище, дом в деревне Зубовка. Назарова она отправила сразу, как он выгрузил вещи, нечего ему тут делать. Взяла только самое необходимое, привычное. Галина Михайловна сказала, что в доме всё есть, просто хозяйка временно уехала. Да, ощущения брошенности в доме не было. Всё чисто, прибрано, постель застлана свежим бельём, цветы политы. Евгения не знала, что Галина Михайловна вчера добрых полдня приводила дом в божеский вид. Разложив вещи в шкафу, Евгения села в угол, на широкую лавку. Говорят, раньше на них спали. Евгения тихо сползла по стене и улеглась вдоль лавки. На божничке стояла тёмная икона какого-то святого, едва проглядывавшего сквозь темноту. В лампадке маленьким язычком пламени чуть светился огонёк. Его свечение было таким умиротворённым, что Евгения через несколько минут тихо задремала. Пришёл даже не сон, а какое-то лёгкое парение между бытием и небытием. Сколько это длилось, она не знала. Всё улетело куда-то тихо и легко, и ничего не связывало её с земной жизнью. «Наверное, так умирают? Если так, то совсем и не страшно. А где же святые, что должны меня встретить? Нет, я ещё не умерла, это просто так, не взаправду. Просто мне показывают, как всё это будет, когда я умру по-настоящему».

Очнулась она от лёгкого постукивания в окно. Привстала. За окном сидела птичка и что-то искала клювом в щёлочке за наличником. Евгения вышла на крыльцо, присела на верхнюю ступеньку. Было и не тепло, и не холодно, не сухо и не влажно. Идеальная среда для тела. Да и для души, пожалуй. Ничто не мешало жить.

Галина Михайловна пришла под вечер, принесла кринку молока и круглую булку хлеба.
— Ну что, Божья душа, пришлась к месту? А я тут хлеб пекла, вот и принесла гостинец. Парное молоко организм принимает?
— Не знаю, давно не пила.
— Вот и попей,—налила в кружку молока, отломила краюху хлеба.—Покушай, очень полезно.

Евгения понюхала краюху и медленно откусила, зарывшись носом в душистую мякоть. Молоко было тёплое и густое.

— Больше стакана за раз не пей, пусть твой городской желудок привыкнет. Завтра молодой картошки подкопаем, в молоке отваришь, ангельская еда получится. И ещё: я говорила с отцом Михаилом, он ждёт тебя к вечерней службе.
— Я не знаю ни одной молитвы.
— И не надо. Молитву не надо учить. Душа примет — сама запомнится. Приди в храм, постой, послушай. Не хочешь с ним говорить — не говори. Батюшка не милиционер, с ним говорят, только когда самому захочется. Он хоть и молод, а человеческую душу понимает. Поговоришь с ним — и полегчает. А тяжело будет всю службу выстоять — присядь в уголочке.
— Галина Михайловна, не обременяйте себя заботами обо мне. У вас свои дела есть.
— Ой, Женя, да какие там дела, — Галина Михайловна присела на табуретку. — Живём с мужем вдвоём. Хозяйства — одна корова да курей с десяток. Совхоза давно уже нет, народ шатается без дела. Максим сильно переживает. Пройдёт по деревне, насмотрится на этот разгром — домой иногда чернее тучи приходит. При мне-то опасается материться, так на огороде один душу отводит. Он же всю жизнь на земле работал. Орденом наградили, знатный механизатор был. И как ему на всё это смотреть? Землю дурниной зарастили, трактора поразворовали. Вот так и живём. Ну да ладно, — поднялась с табуретки. — Я тебе докучать не буду. Тебе надо одной, в тишине первобытной побыть. Утром обязательно босиком по росе походи. Только рано, ещё до солнышка. Молока я тебе буду приносить… — сделала упреждающий жест. — Корова удоистая, иногда и выливать приходится, так что и на тебя с избытком хватит. Остальное в лавке прикупишь. С бабами в разговор там не вступай, не бери лишнего мусору в голову. Заскучаешь — приходи, неторопливо чего и поговорим. Всё, девка, оставайся с Богом, пошла я, а то мой Макся меня потеряет, — и уже с порога: — Банку, как молоко выпьешь, сполоснёшь — да на штакетину. Я потом заберу.

Максим Иванович и правда потерял жену.
— Ушла молчком, нет её и нет.
— Евгении булку хлеба да молока отнесла. Да… Глаза у неё пустые. Может, отогреется в тишине да в чистоте. Есть будешь? — забрякала посудой. — В городе чтобы жить, надо или очерстветь до корки, или особачиться до злобы. А такой ушибленной — совсем погибель.
— Ты, доктор Пилюлькин, ты-то откуда её диагноз знаешь — ушиблена она или с рождения такая?
— С рождения все ангелы. Это уж потом — как судьба развернёт. Кого погладит, а кого и по темечку тюкнет. Натаха говорила, что она при разговоре ей позавидовала, что у неё такая мама. Я думаю, этой Жене её мама ещё в детстве что-то недодала. Вот она и озлобилась на весь свет. А в злобе какая жизнь? Тут, на природе, может, и отогреется душа, встанет на место. В церкву походит, перед иконами постоит, с отцом Михаилом поговорит.
— Ты в церкву как в поликлинику отправляешь.
— Э-э… старый. Как был ты нехристь, таким и остался. От иконы да молитвы в тысячу раз больше пользы, чем от таблетки. Душу надо лечить, а не тело. Вот отсюда все болячки, — постучала ему пальцем по голове, — это и лечить надо.
— У меня душа не там. Да лечи, я что, против? Интересно, как её Андрей сюда ездить будет?
— Так и будет.
— Будет-то будет, в чьи тока ворота?
— В жонины.
— Не понял. А Наталья? — Максим Иванович встревоженно глянул на жену. — Так… Выходит, я что-то опять не знаю. Выкладывай, а то пытать буду.
— Дёрнул меня чёрт за язык. Похоже, всё у них разладилось.
— Ну вот. А я думал, как раз всё налаживается. А что, поругались?
— Да нет… — Галина Михайловна вздохнула. — Другой на её горизонте всплыл. Тоже Андрей, но на пять лет её моложе.
— Во даёт Наталья. И что, там всё серьёзней, чем с этим?
— Да куда уж серьёзней. Втрескалась наша доча по самы уши.
— Но он-то хоть холостой?!
— Холостой-неженатый. Работал с ней стажёром в милиции и прилепился. Да так, что наша Наташа сразу вспомнила, что и замуж ей пора, и детей рожать пора.
— О це дило! Ото оно как добре… Нашёлся-таки орёл, шо Наташка вспомнила, шо она женщина. Хочу на него глянуть.
— Погоди. Наглядишься ещё, как сладится. Молод уж больно.
— Но шустрый, видно, парень. Наташке голову вскружить — это, я тебе скажу, надо быть орлом. А насколько моложе?
— На пять.
— Ну, то ерунда. С молодым мужиком сама помолодеет. А что за семья? Парень местный?
— Да не знаю я ничего. Она обмолвилась, а я не стала сильно приставать. Придёт время — расскажет.

Подходил к концу третий месяц работы ООО «Вита», и чем больше становился поток заказов, тем больше менялся её хозяин — Витя Воронцов. Из уютно сопевшего плюшевого медвежонка Воронцов всё явственней превращался в свирепого гризли. Разбита о стенку уже вторая мышь, любой разговор с первых звуков переходил на приказной крик. Все тихо сидели по углам, общение в курилке прекратилось. Маринка, как самая пугливая, не поднимала голову из-за монитора в страхе

попасть под Витин гнев. Наталья со своим столом территориально была ближе всех к Воронцову и, наблюдая за ним, поняла, что его гнев—от страха. От обычного меркантильного страха потерять что-либо. Те разумные траты, для затыкания ртов всех грызущих и спокойствия, уменьшались и уменьшались, катастрофически увеличивая его тревогу. Растущие нули в суммах прибыли, как опухоль, сжирали большой организм Воронцова.

Момент для серьёзного разговора с Андреем всё как-то не складывался, да, пожалуй, уже и терялся смысл этого разговора. Андрей видел, что Наталья отдаляется, и понимал, что за этим стоит мужчина. А кто… Да какая разница кто? Другой мужик, не он. А ему что остаётся? А ничего. Утереть сопли, и всё. Обида тихо глодала душу изнутри, и однажды, просидев допоздна на вечерних мужицких посиделках в офисе и хорошо набравшись, Андрей поехал к Наталье.

Открыл дверь Павловский. Он ночевал у Натальи не каждую ночь, но часто. Об Андрее Николаевиче знал в общих чертах, но подробностями не интересовался. И вот встреча, как говорится, нос к носу. Павловский сразу не понял, кто это.

—Здравствуйте… Наташа, это, наверное, к тебе. Проходите.

Наталья, выглянув из-за угла кухни, замерла и остановилась. Но, взяв себя в руки, шагнула к двери.

—Здравствуй, Наташа. А я вот решил заглянуть.

—Проходи… Андрюша, познакомься… Это… Это Андрей Николаевич Назаров, мой старый знакомый.

—Проходите, Андрей Николаевич. Раздевайтесь. Может, чайку с нами? Или водочки?

—Да нет. Водочки, чтобы зайти в гости, мне уже хватит. А пройти… Что же, пройду, взгляну, как вы тут устроились.

Повесив плащ на вешалку, неторопливо прошёл на кухню, уселся на табуретку. Павловский—напротив. Поняв, кто поздний гость, Андрей внутренне насторожился, но вида не показывал. Наталья так и стояла у входа на кухню.

—Ну что, Андрей Николаевич, от водки вы отказываетесь. Вам чай покрепче?

—Да мне всё равно.

—А вы интересуетесь, как мы тут устроились, на правах старого друга?

—А вы, собственно, вообще-то кто? Наташа вас даже не представила.

—Ну, если вы старый друг Наташи, то я, выходит, новый.

—И уже на правах хозяина. А не быстро?

—Стоп, мужики,—Наталья, пододвинув табурет, села на торце стола между Андреями.—Стоп! А то, я гляжу, градус растёт. Дайте слово даме.

—Да я что? Я ничего, я очень даже спокоен,—Павловский встал и пошёл к плите за чайником.

—Андрей Николаевич. Я видела ваши попытки поговорить, но всё как-то не складывалось. Вот… Мы с Андрюшей живём вместе. Мы так решили, и нам хорошо.

—Это хорошо, что хорошо. Скажи, ну вот почему у меня в жизни всё так получается? Почему моё место в этой жизни всегда кем-то занято?

—А вы считаете, что он,—кивнула на Павловского,—занял ваше место? Андрей Николаевич, у нас с вами были чисто дружеские отношения, и я вам ничего не обещала. Не ставьте меня в неловкое положение

—Да что вы, Наташа. Ни в коем случае. Какие у меня могут быть претензии? В этом отношении вы абсолютно чисты. Это так… Это просто громко высказанная досада.

—Андрей Николаевич, я уже предлагала вам остаться хорошими друзьями. В жизни не всегда складывается, как нам бы хотелось.

—Да… Андрей, повезло тебе,—вздохнул.—Не мой сегодня праздник. Ладно, спасибо за чай, пойду я,—встал, слегка поклонился.—Счастья вам. Люби её, Андрей, она замечательная женщина.

Быстро накинув плащ, Назаров ушёл. Андрей закрыл дверь и вернулся на кухню.

—Ну что, замечательная женщина, продолжим чаепитие? А завещание этого дядечки я обязательно исполню и любить тебя буду всегда.

—Не ёрничай. Он хороший человек. Хороший, но несчастный. Мы с ним случайно познакомились. Он как-то подвозил меня из Зубовки. Потом помог перейти на эту работу. Не скрою, я могла за него выйти замуж… если захотела бы. Но это так… номинально. Особо тёплых чувств у меня к нему не было. Может, и могла бы… Если бы ты, как подарок судьбы, мне на голову не свалился. Вовремя тебя Бог послал.

—Он знал, когда посылать.

—Ну ладно, и коль уж сегодня такой судьбоносный вечер получился, есть для тебя ещё одна информация.

—Хорошая или плохая?

Наталья захохотала:

—А вот это не знаю. А чего напрягся?

—Так интересно.

—Ну, коль интересно… Да… Ну так вот…

—Наташ, ну не тяни.

—Так вот что… Возможно, я скоро буду мамой.

Андрей медленно встал с табуретки. Вихрь чувств просквозил на лице: радость, удивление, глаза повлажнели. Подошёл к Наталье, опустился на колени, обнял, положил голову ей на грудь.

—Наташка ты моя… Господи, как здорово. Я буду отцом…

—А не рано для тебя?

—Что ты говоришь! Да почему рано? Это же так здорово, когда у тебя есть ребёнок, ты можешь

его учить чему-то. Наташа!!! Это же так здорово! Рожай быстрей!
— Шустрый ты больно. Не надо быстро, вовремя надо.

— Здравствуйте, Михаил Васильевич.
— Наталья Максимовна,—Смагин встал из-за стола, подошёл, приобнял за плечи.—Рад тебя видеть, очень рад. Проходи, присаживайся, Ты же теперь не Коренко—Павловская. Павловская Наталья Максимовна. Непривычно на слух. Но молодец… Отхватила себе орла. Андрюха такой важный стал, грудь колесом, серьёзный весь из себя. Муж!
— Да, он здорово изменился. Михаил Васильевич, я вот что зашла…
— Молодец, что зашла. Стоп, стоп, стоп…— глаза Смагина хитро заблестели.—Хочешь, угадаю, зачем пришла? Неужели?..
— Ужели… От вас ничего не скроешь. Возьмёте обратно?
— Мы же договаривались. А ментовское слово Смагина—железное.
— Но у меня особые обстоятельства.
— Что за обстоятельства?
— Мне в декретный идти.
— Ха… Напугала ежа. Я сказал, что у меня слово железное,—значит, железное. Да рожай себе на здоровье. Рожай Павловскому сына или дочь, да хоть двойню. Иди, мы подождём. Тебя стоит подождать.
— Спасибо, Михаил Васильевич.
— Ну что, прав я был, когда предупреждал, что всё это гнилухи?
— Да, Михаил Васильевич, деньги—страшная штука. Клыки на глазах росли. Такой тихий и милый человек был—и во что превратился.
— В тихом болоте чертей всегда больше. Он лысый или лохматый?
— Лохматый.
— Жаль, а то можно было бы прямо на лысину плюнуть. Забирай свои бумаги и приходи. Дам команду, оформят влёт,—оценивающе, наклонив голову, оглядел Наталью.—Я гляжу, в декретный тебе ещё не скоро, успеешь поработать,—потёр руки.—А работы у нас… ух… Невпроворот работы!

Наталья съехала с тракта и тихо покатила по гравийке. Андрей ушёл на дежурство, успев за утро убедить её съездить к родителям. Наталью Смагин от дежурств освободил, свалив ей на стол кучу недооформленных документов—вечный бич отдела. Главное оружие мента—не пистолет, главное оружие—ручка. На любой чих должен быть документ, иначе потом не отмашешься и не отбрешешься. Вот Наталью до декретного и усадили для подбирания всех хвостов. Катерина дорабатывала последние дни и ходила как арбузик на ножках, подурневшая и капризная. Райотдел жил обычной полнокровной жизнью. По коридорам пугливо жался деклассированный элемент, вызванный на исповедь и напряжённо думающий, чего бы ему соврать, да разный милицейский люд, вечно затурканный всякими противоречивыми указаниями и невыполнимыми заданиями. Ментовская жизнь кипела. Наталья, после стерильности офисного бытия, подковёрной возни и интеллигентного, но откровенного вырывания куска изо рта ближнего, вошла в эту воду привычно. Народ в основном не очень интеллигентный, а порой и совсем не интеллигентный, но в спину не стреляют. А если и идёт какая борьба за лычку или власть, то, как правило, на виду. Да и вообще, при всей непрезентабельности ментовской работы—воздух чище.

Витя Воронцов удивился до изумления, увидев заявление Натальи на увольнение.
— Как так, Наталья Максимовна?.. Мы же… Вы же… А?..
— Не моё это, Виктор Константинович. Извините, что не оправдала ваше доверие, но не могу. Отпустите.
— И куда же вы—снова в милицию?
— Скорее всего, да. Там всё понятно.
— Только приличные деньги стали зарабатывать—и опять на гроши?
— А вы думаете, деньги—это главное?
— А что, по-вашему, главное в нашей жизни?
— Но не деньги, это точно.
— Вы, может, на меня за что-то обиделись?
— Вы очень изменились, Виктор Константинович. Вы раньше были добрее. И вы, извините, плохо выглядите. Деньги не стоят здоровья. Не будет здоровья—никаких денег не надо будет.
— Вот тут вы правы,—вздохнул.—Так, может, останетесь?
— Нет, я решила.
— Ну, вольному воля,—подписал заявление.—Что скажете на дорогу?
— Да что сказать?.. Уважайте людей, кто за вами пошёл. Без них вы ничего не будете стоить.
— Ну что же, спасибо, учту. И всё-таки вы с обидой уходите.
— Скорее, с облегчением.

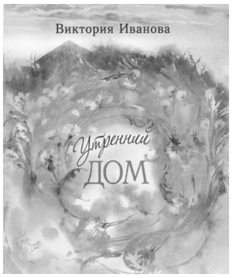
Машина тихо мурлыкала. За окном вовсю багровела осень. Наталья накупила разных фруктов, пару астраханских арбузов—порадовать Максима Ивановича. Беременность ещё протекала спокойно, никаких дурацких и навязчивых желаний не было, губы не распухали, да и вообще как будто ничего не произошло. Чтобы не беспокоить маленького, узи не стали делать, но Андрей, уверенный, что у них будет сын, дурачился как мальчишка, прикладывая руки рупором к животу и рассказывая своему «Илюхе», какая хорошая у него будет мама и умный папа.

— Папа у тебя полный дурачок,— щёлкала Наталья его по лбу.— И вообще, там не Илья, а Настёнка.
— Илюшка, не слушай маму, Настёна у нас будет в следующий раз, годика через два.
— Неправильно. Сначала няньку — потом ляльку.
— А давай сразу двоих — Илюху и Настю?
— Вот сам и рожай сразу двоих.

За окном показались крайние дома Зубовки. Наталья поехала ещё тише, свернула на свою улицу. Впереди слева, у дома Говоровых, стояла знакомая машина. Подъезжая ближе, увидела сидящего на скамейке у ворот Назарова. Подъехав ближе, остановилась, опустила стекло. Андрей поднял голову, кивнул, вяло махнул рукой. Наталья, тоже молчком кивнув, посмотрела долгим взглядом и тихо тронула машину. Назаров отвернулся.

Бабушка ещё в детстве нагадала Наталье, что выйдет она замуж за молодого и счастливо проживёт с ним всю жизнь…

ДиН ревю



Виктория Иванова

Утренний дом

Челябинск: ЧГИК, 2017.

Письмо

Мне нужен залив. Я требую залив! И даже твой прибой любимый, наверно. И соль на коже вместо одежды. Просто необходима! Вся эта морская волокита, связанная со вторым южнославянским влиянием, привела тогда нас в Новороссийск. Мне жизненно необходимо…

Сколько можно копаться в этом дырявом деревянном корыте? Послушай… Мне на мой двадцать первый год подарили огромный… Нет, послушай, не смейся, мне подарили просто гигантский зонт! Под ним уместились бы все наши дети. Представляешь, если бы у тебя и меня было вдруг одиннадцать детей! И все бы под этой радугой на ножке-крючке уместились бы… Долго ещё ждать? Пока ты там копаешься, я уже пятый замок смогу построить, благо песка полный пляж… Ты знаешь, что я увезу отсюда в Уральские горы? Нет, не обнажённые тайны моря… Не то… Я увезу мокрую прилипшую к телу одежду…

Помнишь, мы бежали с берега, когда дедушка-море рвал и метал под дождём? Ты упал на песок, и он, дрожа от морского гнева, прилип к твоей груди, ты после жаловался, что у тебя песок на зубах скрипит… Фу! Целоваться ещё лез. На набережной расстелилась я: босоножки изжили свой срок — ремешок вовремя лопнул — нога соскользнула и подвернулась… Ты ещё крикнул: «Выбрось их к чёртовой…» Присев на корточки, осторожно стал убирать порвавшийся подол сарафана с разбитой коленки. Падать я мастерица. Это тебе не песок во рту.

Помнишь?.. Помнишь кафе это?.. Будто стеклянный куб… Название никак не могу схватить… Что-то похожее на «Гамбринус» или «Бегемот»… При чём тут бегемот?

Оно светилось, будто к Новому году его фонарями опутали. Но главное — музыка. Она лилась, струилась оттуда, будто и правда чудесный Сашка там на скрипке играл… И мы танцевали. На улице. Под диким ливнем, который соревновался с нами в пьяном безумстве танца. Я — босиком (сделала как ты велел — босоножки оставила в урне), ты — песочный, взъерошенный, как весенний воробей.

Вода на ещё горячем асфальте расползалась в тёплые лужи, скрючившаяся одежда, бесстыдно прозрачная, прилипала к телам… А посетители кафе приклеились к стеклу и смеялись, фотографировали. Ты, раззадоренный этим вниманием, так лихо скакал и вертел меня, что танцевать было просто невозможно! Смех так и пробирал… потом ещё как-то глупо раскланялся, пустил парочку воздушных поцелуев со словами: «Спасибо, спасибо! Цветов не нужно!» Дурачо-о-ок.

Но ведь это был ещё не конец. Помнишь, что ты сделал потом? Нет, вспомни! Ты же меня взвалил на плечо при всех и поволок, махнув: «Adios, amigos». Дурачок.

Вот что я увезла от тебя. Всё-таки хорошо, что тогда мы не взяли мой зонт-радугу. Сейчас я запечатаю это в конверт, вложу купленную в субботу открытку, наклею марку и верну то, что увезла,— тебе. Бумерангом. Мне сейчас очень нужен залив! Просто жизненно необходимо, чтобы ты снова копался в этом деревянном корыте, многообещающе мне показывая, что «ща всё будет».

Олег Рябов

Хочу в семью

1.

В день похорон жены своей Глафиры Алексей Александрович Вашурин сразу после поминок, назначенных в заводской столовой рядом с кладбищем, не заходя домой, отправился на вокзал, а оттуда — прямиком в родную деревню: сначала до райцентра Семёново на электричке, потом — на автобусе двадцать километров, и там от трассы пешком ещё пару. Да какая она родная, деревня эта, если за последние двадцать лет и был-то там раз пять, не больше, а в последние годы, как похоронил отца с матерью своих, так и не бывал вовсе? По большому счёту — это и не деревня, а довольно большое село Емелино.

Заявление на административный отпуск он на заводе загодя написал, «до востребования» вроде как, ещё до смерти Глафиры, — никто и не возражал, ожидаемо было. Кому он там шибко нужен, на заводе, — вахтёр в ватнике?

Глафира была ему чудесной, настоящей женой — с любовью, заботой, нежностью, если бы не два больших «но»: были они с ней не расписаны, как бы «гражданский брак» это называется теперь, и не было у них детишек общих. А были бы, так, может, и зарегистрировались ещё.

Барьером для неосуществлённого их загса была причина, о которой знал лишь Вашурин, а Глафира его, может быть, только догадывалась. При расставании в больнице в последний раз после операции лечащий врач, профессор-кардиолог, сморщившись и жалостливо пожимая руку Алексею Александровичу, предупредил его: «А с сосудами у вас всё очень и очень скверно! В любой момент там всё может лопнуть!»

Потому шли они с Глафирой к своему концу наперегонки, но Глафира выиграла: рак скоротечный.

Родня Глафирина, как стая, налетела, даже погрустить не дали как следует. Только и разговоров все три дня: кому, да чего, да сколько. Машина «Лада Ларгус» была на Любавина записана, и относительно неё претензий никаких не было. Квартира, в которой они жили с Глафирой, по документам Ваньке отходила, сыну её старшему от первого брака, а тапочки протёртые и пачку старых газет, что на кухне в углу лежат, пусть делят эти налетевшие, вместе с холодильником и панелью-плазмой, что на стенке на крючке висит.

А у Вашурина своя квартира есть двухкомнатная, которую они с Глафирой сдавали паре молодых женатиков с ребёнком для собственной финансовой поддержки.

Так, рядом с Иваном, сыном её, и просидел Алексей Александрович на стуле около гроба два дня последних. Молча просидели — они и в светлые-то дни не больно разговаривали друг с другом. Если что и было дорого в этом доме Алексею Александровичу, так то уже в гробу лежало, а хвататься за барахло нажитое — только душу травить. Паспорт с правами в кармане, деньги на карточке и счёт в банке, телефон есть; договорились, что на девятый день он приедет и у Ивана что-то своё, что-то такое, что, может, ещё и понадобится, заберёт.

На поминках ему не пилось, не поминалось, а в Семёнове на станции засвербело — зашёл в буфет вокзальный да махнул сто пятьдесят и кружку пива какого-то немецкого.

Водитель автобуса высадил его на трассе. Хотя раньше, когда и асфальта-то ещё не было, а было всё защебенено и забутовано, заходил автобус в село. А теперь — нет. Зато асфальт теперь — от трассы до села. Успел к себе ещё засветло. Шёл меж полей: жаворонков уже не слышно, поздно, не утро раннее, оттрезвонились, но ласточек в небе чистом прорва, и высоко все — завтра снова вёдро будет. Воздух встал в ожидании лета — не шелохнётся. А зелень листвы — свежая-свежая: не запылилась, не задумалась ещё.

Дом его, точнее, родительский, самый видный когда-то в селе был; стоял дом на пригорке, над прудом сельским, прямо напротив храма. Да и сейчас он видный — место такое. Только качнулся ли он или задохнулся, а может, и оглох, и ослеп сразу: и окна все целы, только крест-накрест досками заколочены, и как будто паутиной покрылся весь он.

От дома дорога спускалась к дамбе, а за ней уже шёл главный порядок, улица Центральная. Пруд этот обустраивал отец когда-то, когда сам Вашурин ещё пацаном был. Строился он как пожарный водоём, но сразу и мальков карпа запустили, и мостки для купания наладили. Пруд красивый когда-то был, да и сейчас ничего; правда, наполовину камышом берега уже заросли, и от мостков

остались только сходни гнилые без перил, на которые ступить страшно. Кувшинок жёлтые мячики радостно светятся, а вот лилии белые болотные уже уснули, наверное, уползли под воду, на ночь спрятались.

Решил Алексей Александрович заглянуть сначала к соседу Николаю, чтобы прояснить обстановку на месте, а для того надо было в магазин зайти за бутылкой. Но Николай уже на завалинке сидит и подманивает Вашурина к себе пальцем. Алексей Александрович и подошёл, уселся. Николая в деревне «комсомольцем» звали: и голос начальственный, а толку — нет, и знает всё, а рассказывать начнёт — всё переврёт.

— За бутылкой не ходи, я сегодня норму выполнил, — начал он, солидно поставленным голосом и строго посматривая, — завтра сходишь.

— Хорошо, завтра схожу, — поддержал солидный разговор Алексей, усаживаясь рядом.

— Ну и что?

— Что — что?

— Чего приехал, спрашиваю? Мне же знать надо, с меня спросят.

— Кто?

— Ты, Алексей Александрович, дурачком не прикидывайся. Знаешь ты всё. Надолго, спрашиваю, приехал?

— Сам не знаю: может, на день, а может, навсегда. Закопал я сегодня Глафиру свою.

— Это жену, что ли?

— Жену, жену.

— А как же ты теперь жить-то будешь? Пенсия-то у тебя большая ли?

— Большая, большая, подполковничья.

— А-а, ну это другое дело. Так тебе теперь просто жить негде, что ли? Мне говорили, что ты там, в городе, на птичьих правах жил. Так, смотришь, и пригодится теперь батькин куток, — Николай подёрнул головой в сторону заколоченной вашуринской избы.

— Может, и пригодится, — поддакнул Алексей Александрович. — А скажи лучше, Коля, топор у тебя есть? И вообще, помоги мне: надо запоны с окон и дверей снять. Ну, доски отодрать нужно.

— Топор, говоришь? Не знаю — есть ли. Пойду у Архиповны попрошу — не знаю, даст ли. Я у неё ведро на прошлой неделе эмалированное украл и пропил. В смысле, продал, а потом деньги уже пропил. Я ж не знал, что её ведро. Смотрю — стоит, я и взял. Так что, может, и не даст. Сходи сам к ней — она ведь сродница тебе. Ты, может, забыл, что у тебя здесь половина деревни родня? По крайней мере, в старые-то времена Вашуриных тут у нас — через дом жили. А уж помочь доски-то отодрать — я тебе помогу.

Николай встал, и его крепко качнуло — стало заметно, что он не просто пьян, а совершенно никакой.

Архиповна, а точнее, тётка Наталья, или просто Наталья, топор не дала, а усадила Александра Алексеевича за стол и велела ждать сына Сашку, который вот-вот явится. А как только шлёпнул выключатель вскипевшего электрического чайника, в дверях появился и Сашка. На тракторе припылил, трактор под окошком бросил, в избу шумно зашёл.

— Са-ашк, знакомься, — протянула голосом тётка Наталья, — это дядька твой, Алексей Александрович, троюродный или пятьюродный — и не сосчитаю уже сейчас. Так ты, чай, знаешь его! Когда он в армию уходил, мне, наверное, семь лет было, а сейчас он уже полковник, поди.

— Да нет, Наташ, — подполковник.

— Как же так? И в прошлый раз, пять лет назад, подполковником был.

— Так я же на пенсии уже десять лет. Мы, лётчики, рано на пенсию уходим.

— Про твою Глафиру я всё знаю и про рак её. Звонила подруга мне. Я от неё про вас с Глафирой всё знаю. А сейчас скидывай своё шобоньё. Сашка сейчас там баню ладит — банный день у нас сегодня, попаришься, городской мусор смоешь, повечеряем, спать мы тебя у себя уложим, а с утра Сашка тебе поможет с домом разобраться. Как раз завтра-послезавтра выходные. Делов там немало, наверное.

Сидели вечером допоздна: всё про жизнь говорили, и самовар чая выпили (самовар, правда, электрический), и самогонки попробовали, и наливки на каких-то лесных ягодах. У Натальи беда схожая была: похоронила она мужа — и года не прошло.

— А тебя, Алексей, я тут в деревне быстро к кому ни на то пристрою — баб молодых да хороших у нас много. Это мне уже ничего не надо, а вам, мужикам, если со здоровьем всё в порядке, то и до восьмидесяти лет только подавай. Вот я на десять лет тебя младше, а рядом нас поставь, так тебе на десять лет меньше дадут.

— Дадут, дадут — а чего подавай-то? — не понял, но почему-то встрепенулся Алексей Александрович.

— Чего, чего — наше, бабье! А со здоровьем у тебя как?

— Как, как — хорошо. Три стента, это железяки такие, в сердце торчат, два инфаркта было, три таблетки каждый день пью — одну утром, две вечером. И так всю жизнь пить буду.

— В смысле — до самой смерти?

— Нет, не до самой смерти, а доктор сказал, что всю жизнь.

— А у тебя ведь где-то и сын есть?

— Да должен быть, а вот где — и сам не знаю. Когда благоверная моя двадцать лет назад от меня сбежала, испугалась гарнизонной жизни, то я долго не знал — куда. А потом, лет через пять уже, мне сказали, что она в Калининграде. Поехал я туда на

сына посмотреть, неделю там прожил, всё искал их, да так и не нашёл.

Так за житейскими разговорами полночи и просидели.

2.

За то время, что дом приводил в порядок, и топор, и калёвка, и стамеска как приросли к рукам-то, родными стали. Алексей Александрович и не представлял, сколько инструмента отличного, красивого да сручного в запасах у батьки его родного лежало. Сердце, а может, и не сердце, а что-то другое там, внутри, задрожало прямо, затрепетало при виде всех этих богатств. Хороший инструмент, и столярный, и слесарный,—это радость для мужика нормального. Нормальный мужик гаечный ключ на дороге увидит—машину остановит, выйдет, подберёт, а потом уж дальше поедет.

А тут—наверное, он родился столяром, да не знал! А вот теперь разглядел или разузнал.

В батьку, значит, пошёл—батька столяром был. И понял Вашурин вдруг, и сам расшифровал для себя даже—чем столяр от плотника отличается: столяр столы, то есть мебель красивую, делает, а плотник топором плоты из брёвен работает.

С домом действительно всё в порядке было, ревизию с Сашкой сделали капитальную: столбы—и фундаментные, что под срубом, и под печкой русской которые,—сохранились прекрасно. Печка нигде не потрескалась и не дымит. Дров в дровянике на две зимы хватит. А вот баня того, подвела: щели между венцами такие, что ладонь пролезает,—но соседский Сашка посмотрел, в загривке почесал и сказал, что всё это чепуха: пробьём!

Трава первая, майская, ещё не озаботила пока—позже выкосит; забор качнувшийся выправил, крышу шиферную менять надо, но потерпит ещё. А вот наличники, когда-то голубенькие, выцвели до серого и крошиться гнилою трухой начали. Архиповна, то есть тётка Наталья, велела наличники менять, сказала, что наличники—вход в душу хозяйскую: хозяин поменялся, и наличники менять надо.

Пошёл пешком Алексей Вашурин в соседнюю деревню Губино за пять километров к какому-то своему очередному родному племяннику Стасу—даже представить себе он не мог, сколько у него тут в округе родни всякой дальней, а все его помнят. Стас был мастер на все руки, но Вашурину нужны были новые наличники на окна, восемь штук, и размеры он снял и на бумажке записал.

Стас был мужиком мелким, молчаливым и, чувствуется, с хитринкой деревенской; молча и прищурившись разглядывал он Вашурина, пока тот ему выкладывал свою просьбу.

— А ты Вашурин ли?—спросил вдруг Стас.

— Вашурин, Вашурин,—ответил Алексей Александрович.

— Дяди Сашин сын?

— Точно.

— Так пойдём в сарай. И как же это дяди Саши Вашурина сын наличники на окна на стороне заказывает и деньги ещё платить собирается?

Сарай у Стаса был шесть на восемь, и убиралась в сарае не только машина, но и большая мастерская.

— Вот смотри, тут одному дачнику ту же работу работаю—тоже ему надо восемь наличников. Орнаменты, рисунки под прорези—я тебе сколько хочешь дам, да сам ты нарисуешь лучше, каких душе захочется, хоть с ромашками, хоть с фараонками. Доски, хоть липовой, хоть сосновой, хоть берёзовой, хоть любой толщины, на лесопилке за бутылку тебе мужики сколько хочешь настрогают и нарежут. Лесопилка сейчас у кооператоров городских на бывшей ферме колхозной, в аренде, что ли. Помнишь где? На полпути от нас к вам.

— Это где голые деревья сухие стоят, что ли?

— Да, да, да, голые берёзы высохшие, правильно сказал ты—голые. Сам ты, Вашурин, наличники себе сделаешь: не могу поверить, чтобы дяди-Сашин сын столярку кому-нибудь заказывал. Так что—смотри здесь всё, спрашивай: тут вот наличники от доски до готовых, вон уже покрашенные в голубенькую стоят. Краску там у вас, на селе, не бери, неправильная она у вас, не масляная, бодяжная, дождём смоется. За краской в район езжай, в Семёнов.

Так без заказа и ушёл от Стаса Вашурин к себе домой.

А в город он съездил на девятый день: на могилку к Глафире сходил, с завода уволился, у Ивана какую-то мелочёвку забрал, по рюмке с ним выпили, помянули. На квартиру свою, которую сдавал, заглянул, поговорил с квартирантами, объяснил, что едет жить в деревню, а надолго ли—не знает. А на другой день уже на машине своей, не новенькой, но и не убитой «Ладе Ларгус», в деревню покатил—решился, значит.

Скоро наличники на окнах избы его засияли новые, яркие, жёлтые. Сам сработал, и не трудно вовсе. Пока пилил, резал, красил, устанавливал, думалось всё время: подполковник, лётчик-испытатель, неужели я не могу делать обычную мужскую работу, которую выполняют все мужики на всём земном шаре? Да любую мужскую работу подполковник, лётчик-испытатель сможет сработать.

Самое любопытное во всей этой истории с наличниками случилось на другой день после того, как засветились они, жёлтенькие, на всю деревню своим жёлтыми глазами. Пришёл к Вашурину дачник-москвич, который купил тут же, в деревне, дом, уже несколько лет как, и приезжает

он жить сюда только летом с семьёй да с детьми, чтобы порыбачить, да поохотиться, да позагорать и покупаться, да сходить в лес за грибами, за ягодами. А точнее, не пришёл он, а приехал на «гелендвагене» своём, и сам пузатый такой, того и гляди треснет.

— Хозяин,— говорит он, обращаясь к Вашурину,— мне такие же наличники нужны. Сделай, прошу тебя. Бабки плачу сразу, прямо сейчас.

Хотел было Вашурин поначалу отказаться от предложения толстяка: показалось ему, что вот это барское отношение нового русского богатея к его, вашуринскому, мастеровому умению унижает его же офицерский статус. Но как-то быстро сообразилось у него в голове, что, только зарекомендовав себя сельским, деревенским мастером, он сможет завоевать и положение, и уважение своих односельчан, с одной стороны — новых, а с другой — очень даже родных. Да и москвича этого, который к нему пришёл с просьбой. А ведь так и бывало в жизни Вашурина, и не раз, что приходили к нему, правда, при других обстоятельствах. И поехал он к заказчику первому своему окошки замерять.

А через короткий срок к нему с заявками уже чуть не со всего района приезжать стали. Оно и понятно: Вашурин намастырился не просто треугольнички да кружочки в дощечках своих наличников прорезывать, а мог увековечить он и год установки дома, или инициалы хозяина, или кота злого и шипящего, или мышку-норушку. В общем — с фантазией мог работать Вашурин по дереву.

И оттого, что столько людей его знают и его работу знают, и оттого, что нужен он им, теплее как-то становилось.

3.

Мальчик незнакомый, лет шести-семи, сидел на крыльце вашуринской избы. Он шмыгал сопливым своим носом, выдувая из него пузырь, и водил пальцем по доскам половиц, как бы что-то рисуя по памяти. Он не плакал, но вздрагивал остатками рыданий, и на грязных щеках его были видны полоски — следы высохших слёз.

Вашурин был не готов к такой встрече, тем не менее он тоже уселся на своё крыльцо с мальчиком рядом и спросил:

— Тебя как зовут, пацан?

— Иван. Ваня меня зовут.

— А ты где живёшь?

— На том конце,— мальчик махнул рукой куда-то в сторону леса.

— А ты что — плакал, что ли? Тебя обидел кто?

— Обидела мамка. Она набила меня.

— За что?

— Ни за что — она пьяная.

— Понятно. А ты ел чего-нибудь сегодня?

— Нет.

— А вчера?

— Хлеб.

— Понятно. Сейчас я тебе дам мыло, полотенце — умоешься, а потом мы с тобой будем есть макароны с тушёнкой. Будешь?

Мальчик кивнул головой.

Ваня хотя и умылся, но грязь с него по-прежнему готова была кусками отваливаться. И Вашурин, по натуре абсолютный аккуратист, испугался, что с ним тихая истерика случится от внешнего вида мальчика. У Вани кроссовки были без шнурков, а если внимательно приглядеться, то можно было заметить, что и из разных пар они, хотя это и не очень бросалось в глаза из-за пыли, футболка была надета наизнанку, а штаны порваны на обеих коленках. У Вашурина засвербело всё внутри — поправить бы как-то Ванин внешний вид, но он понимал, что такие вещи так просто не делаются. Хотя что-то перещёлкнуло у Вашурина в голове, и затеплилось что-то, и чувство это было ему незнакомо.

После макарон Алексей Александрович похлопал Ваню по плечу, пригласил приходить завтра, а сам уселся разбираться с бумагами: надо было платить налоги за дом, да переводить землю на себя, да прописываться в деревне, чтобы пенсию здесь получать. Дел — делать не переделать. Ваня тем временем, взяв маленькое ведёрко в сарае и подобрав нужную тряпку, занялся мытьём колёс вашуринской машины. Да так старательно, да так въедливо он отмывал диски колёс, что подивился Вашурин, заметив это, когда вышел через час во двор покурить, и подумал, что напрасно он заподозрил мальчика в неряшливости: «Нет — аккуратный он. Тут другое что-то».

Вечером, правда, ещё засветло, июньские вечера длинные да тёплые, сидели вдвоём за столом, пили молоко с хлебом. Через день Вашурин брал у тётки Натальи кринку молока и десяток яиц. И вообще, надо сказать, деревня богатая была: стадо деревенское — тридцать коров, не считая коз и овец. После молока вышли на крыльцо, и Вашурин спросил у мальчика:

— Ну что, Ваня, до дому добежишь?

— Добегу,— с глубоким тяжёлым вздохом ответил Ваня и пошёл по дамбе на ту сторону.

Вашурин вроде как даже и не удивился, увидев рано утром на крыльце свернувшегося калачиком и завернувшегося в старый рваный половик спящего Ваню. Ну, прямо как собачка какая. Вашурин взял мальчика на руки и отнес его в дом, и положил его на кушетку — мальчик не проснулся.

Вашурин обычно не завтракал с утра, только кружку кофе сладкого растворимого выпивал. Так и в этот день. Он уже работал в крытом дворе, который когда-то у родителей скотным был — и для коровы, и для поросёнка, и под курей, а вот теперь, вычищенный, да облагороженный, да освещённый,

в мастерскую превратился, когда к нему вышел заспанный Ваня.
— Ты чего не дома ночевал? — без обиняков и даже сердито спросил Вашурин.
— А там, дома, мамки не было, а какие-то двое мужиков пьяные ругались — я и вернулся сюда.
— Что за мужики? Незнакомые, что ли?
— Незнакомые. То есть — не наши, они из Горюнова, из деревни соседней. Я их там видел.
— Так, давай я тебе молока налью и яичницу сделаю. Ты ешь, а я пока к тётке Наталье схожу. Посоветоваться мне надо.

Тётка Наталья в огороде возилась.
— Присядь, — махнула она на завалинку, поняв, зачем пришёл Вашурин.

Тётка Наталья популярно и на пальцах объяснила ему, что в районе у них ни материнских прав, ни прав человека, никакой социальной защиты нет; ни матери-одиночки, ни матери-алкоголички никого тут не интересуют, море их.
— Школа у нас в селе одна на всю округу. Мальчику Ване в школу идти в этом году — как и куда он пойдёт, непонятно. Мы, бабы, думаем — ничего придумать не можем. Мать его, Ирка, спилась за год — в прошлом году мужа её Серёгу, мужика работящего, трактором задавило. Так вот: год — и от бабы ничего не осталось. Она не наша, не местная, Серёга её из Прибалтики привёз, из Латвии, что ли. Рига — это Латвия? Ездил он туда к друзьям отдыхать да и познакомился. Она и говорит-то так, что половины слов не поймёшь. Ильзой её по-ихнему звать. Это наши уже стали её Иркой звать, а сейчас уж и вообще: Ирка-Криводырка. Поначалу приехала — по деревне в шортах, коротеньких штанишках таких, ходила, девок наших курить да пиво пить учила. Дома у неё всегда всё было чистенько да аккуратно, а вот огородом заниматься она — ни-ни! Хотя мне говорили, что там, в Латвии, народ хозяйственный в смысле огородов. Да, видать, с гнильцой в любом народе экземпляры попадаются. Родительских прав её не лишишь, мы уже думали, — там у неё свои варианты и прихваты есть. Не такая она дура, или — не так уж она пока ещё и спилась. Но очень быстро она катится. Скорее всего — замёрзнет Ванька Иркин этой зимой, как прошлой зимой в Горюнове уже было: двоих ребятишек малолетних заперли в феврале в чулане холодном (это при минус-то тридцати), чтобы не орали и не мешали вино пить. Потом заснули родители счастливые и забыли их там; проснулись, а в чулане ледышки замороженные — аж звенят! В общем, беда, и не знаю, что тебе посоветовать. А ты сходи да познакомься с ней. Только предупреждаю: хамоватая да наглая она, да беспардонная.

4.

Ирка сидела на завалинке своей избёнки в таком непотребном виде, что Иркой её, и Ильзой тоже, назвать было сложно: что-то истерзанное, оборванное, мычащее и ни на что не похожее, но живое. Алексей Александрович даже засомневался: а не подойти ли сюда в другой раз или попозднее? Хотя ничего не изменится — это было очевидно.
— Любезнейшая, — обратился Вашурин к этому существу, которое пыталось, опираясь на руку, удержаться на завалинке и не свалиться.

Как ни странно, существо отреагировало и, встрепенувшись, превратилось в женщину. В грязную, непричёсанную, растрёпанную, с мутными глазами и даже с синяком, но женщину — это было очевидно.
— Мужчина, присядьте на минуточку — я сейчас приду в себя, — Ирка пыталась усидеть на завалинке и не упасть на землю. — Мужчина, опохмели меня, а то я сейчас умру.
— Любезнейшая, — попытался Вашурин ещё раз пробиться к сознанию пьяной женщины, — это вас зовут Ильзой? И не вы ли мать мальчика Вани?

Кажется, вроде пробился!
— Да, я — Ильзе. Ваня — мой сын. А что с ним?
— Да ничего. Просто он ночевал сегодня на крыльце моего дома, и я заволновался — не бросились ли вы искать его.
— Нет, не бросилась. И это… он предупредил меня, что будет ночевать у товарища. А ты кто? И зачем тебе мой Ваня?
— Мне ваш Ваня не нужен. Но, видимо, он и вам не нужен. А фамилия моя Вашурин. И потому — если будете искать Ваню, то он у меня переночует, и вам волноваться не следует.
— Как это? И почему у тебя? А ты не этого, в смысле того?
— Что того?
— Ну, не с мальчиками любишь того?
— Нет, я не с мальчиками. А про меня можешь расспросить у тётки Натальи.
— Тогда я скажу тебе так, — в голосе у пьяной женщины прорезались театральные нотки. — Сейчас ты мне приведёшь ко мне моего Ваню, и я займусь его воспитанием. Или, вообще-то, есть вариант замены. Ты слушаешь меня?
— Слушаю, слушаю…
— Ты идёшь сейчас в магазин, покупаешь мне мой продукт, приносишь бутылку сюда и можешь идти воспитывать моего Ваньку.

После этих слов пьяная женщина всё же не удержалась на завалинке и, взмахнув рукой, свалилась на землю. Какое-то время она, стоя на карачках, пыталась подняться, но силы всё же оставили её, и она, свалившись, уснула под окнами своей избы.

Ни за какой бутылкой Вашурин, конечно, не пошёл, а пошёл он через всё село к себе домой, наполненный омерзением. Много он видел грязи на своём веку: и в деревне у себя, пока пацаном был, и в солдатском быту, и в офицерском, и на войне… Но женщина, жена, мать были всегда

понятиями святыми при любых обстоятельствах, в любых склоках, в любых конфликтах, самых безобразных и самых кровавых, а тут…

Ваня перемыл все тарелки, стаканы, кружки и кастрюли в доме и теперь из маленького полиэтиленового ведра мыл полы в большой комнате: видимо, помнил ещё, как это делала когда-то его мать.

— Ты к мамке ходил?—спросил он, стоя с тряпкой в руке и глядя на Вашурина взрослыми и умными глазами.

— Ходил,—ответил Вашурин.

— И что?

— Да ничего. Ты сейчас полы домоешь, и мы с тобой поедем в район, купим кое-что тебе из одёжи—вечером баню топить будем. Ты баню топить умеешь?

— Умею. Меня папка учил, пока он жив был.

В райцентре, в Семёнове в смысле, в магазине купили Ване и штаны, и маек три штуки, и носки, и трусы, и кроссовки, и ещё всякого барахла не перечесть, и в «Продукты» зашли.

Вечером после бани чай пили с пряниками.

Потом Ваня лёг спать в чистую постель, на свежую простыню. Вашурин обустроил ему лежанку на надувном матрасе на полу около печки.

— Вашурин, а как мне теперь тебя звать?—спросил, уже лёжа, из-под одеяла мальчик.

— Как, как—так и зови Алексей Александрович.

— Нет, так не пойдёт!

— Почему же?

— А потому, что у нас с тобой теперь семья. Давай я тебя буду звать папа Алёша?

— Ну, давай—я не против.

— И знаешь что ещё, Вашурин? В смысле—знаешь что, папа Лёша?

— Что?

— Женщина нам с тобой нужна.

— В смысле? Зачем нам женщина?

— Ну как же? У нас получается неполная семья. А если будет женщина, то будет настоящая семья. Ты не волнуйся—я не бабу тебе предлагаю. Не то что бы там—жениться тебе надо. Нет—просто в доме нужна женская рука. Я это точно знаю. Ну, про это мы завтра с тобой поговорим.

На том Ваня и заснул.

5.

Если назавтра разговора про женскую руку в доме и не произошло, то это совсем не значит, что про неё кто-то забыл. Женская рука в доме появилась через два дня. И проявилась она в самом неожиданном качестве.

Уже второй месяц Вашурин думал, как ему обустроить огород и усад, который тянулся от дома прямо к оврагу, а дальше спускался к пруду. Когда-то в детстве там на грядках и репа, и морковь, и редиска, и лук, и чеснок, и огурцы росли и проживали—да всё, чем жив русский деревенский человек. Да и под картошку—пятнадцать соток, которые полынью сейчас заросли, стоят неприкаянные. Земля там как пух должна быть: десятки лет весь навоз из коровника, перепрев, прямиком в эту землю шёл.

Вашурин вернулся домой далеко после обеда: в район заказ отвозил. Зайдя в избу, он окликнул своего Ваню—ответ послышался с участка. Прямо под окном, выходящим в огород, он увидел своего мальчика; Ваня был не один: с ним копалась в земле ещё какая-то девочка. Девочка была постарше Вани, но уж больно худа: ножки и ручки будто спичечки, шейка—хворостиночка, косички—хвостики мышиные. Штаны мальчишечьи на девочке перекособочены и почти сваливаются, а торчат их них острые косточки, пергаментной кожицей прикрытые. Майка на ней тоже была не поймёшь с чьего плеча, а обута она в сапоги резиновые.

Вашурин вышел через двор на свой заросший и неухоженный пока что огород. Небольшой клочок земли, буквально два квадратных метра, прямо рядом с завалинкой, был старательно вскопан и обихожен граблями, и лопата ржавая и грабли из сарая валялись рядом. Девочка оторвалась от грядки своей и уставилась на Вашурина с застывшим лицом, выражавшим неопределённое состояние: то ли радость от встречи, то ли вынужденное признание какой-то своей вины за неизвестное пока что ей самой неправомерное действие.

— Давай знакомиться,—сказал Вашурин, обращаясь к девочке, но ответил за неё Ваня:

— Знакомься, папа Лёша. Это—Танька, подружайка моя. Это я так придумал её называть—подружайка. Помнишь, я тебе говорил, что нам в доме женщина нужна? Так вот Танька у нас с тобой хозяйкой в доме будет. И будет тогда у нас с тобой настоящая семья!

— Это я уже понял. А что вы тут делаете?

— Лук сажаем.

— А зачем вы лук сажаете?

— Как же? Он же расти будет. Лук должен расти.

— Так,—ответил Вашурин,—я что-то приустал, видимо, с дороги и не очень хорошо понимаю вас. Давай пройдём в дом, сядем и поговорим на эту тему серьёзно.

— Пойдём поговорим,—откликнулся Ваня,—а ты, Танька, сажай пока свой лук.

— Не-ет, Ваня. Пусть твоя Танечка идёт в избу с нами. Раз мы с тобой семья, то я хочу познакомиться со всеми твоими друзьями, чтобы знать про тебя всё-всё-всё.

В избу, точнее, в горницу, прошли все трое уже босиком, так часто летом в деревнях наших поступают. Ребята уселись на стулья, а Вашурин, включив электрический чайник, прошёл к кухонной раковине помыть руки. Только после этого уселся он рядом с ребятами.

— Вот теперь, Таня, расскажи мне: кто ты и откуда и как здесь появилась и зачем?
— Давай я расскажу, папа Лёша? Так…
— Нет, ты, Ваня, помолчи. Я хочу Таню послушать. Ну-у?
— Я из Семёнова к бабушке приехала. Меня мамка выгнала,— просто и без запинки ответила девочка.
— И где же живёт твоя бабушка?
— Нигде она не живёт — она умерла уже. Она почти год назад умерла.
— Так. А как же мама-то тебя к ней отправила?
— Так мамка пьяная, она и не помнит уже, что бабушка, то есть её мамка, уже умерла. Она, мамка моя, и осенью, когда бабушка умерла, к ней на похороны пьяная поехала, а назад привезли её на чужой машине какой-то и просто свалили около дома. А жила бабушка у Ваньки в соседнем доме, он сейчас заколоченный стоит.
— Так. И куда же ты поехала?
— А не знаю я. Сейчас каникулы, я второй класс закончила, хватит. А раз мамка выгнала, значит — взрослая жизнь началась. Будем думать, как жить.
— Ну, думать, наверное, всё же мы будем, взрослые, а вы всё равно ещё дети, у вас всё равно ещё детство.
— Нет, Вашурин, вы даже не понимаете, когда у нас взрослая жизнь начинается. И за дураков или за детей, Вашурин, ты нас не считай: таких, как мы с Ваней, ой как много. И в семье каждому жить хочется, и даже не для того, чтобы детство было, а просто так. А — не получается! Вот я назавтра буду стирать ваши с Ванькой майки с сорочками, я уже и корыто, и мыло, и порошок нашла. И стирать буду не по-детски, а по-взрослому. Мне ведь тоже в нормальную вашу семью хочется,— последние слова девочка произнесла совсем уже тихо, и Вашурин чуть расслышал их.
— Ты, папа Лёша, Таньку сразу не прогоняй, она нам пригодится, и вообще — я её хорошо знаю и поручиться за неё могу. Знаешь, она у своих никогда ничего не ворует. И главное: ты знаешь, она тоже хочет, чтобы у нас была семья. Как и мы с тобой. Давай её возьмём в нашу семью.
— Ладно, вы пока тут чай пейте, а я к тётке Наталье схожу. А потом надо и дом Танин посмотреть, проверить, что там осталось.
— Папа Лёша, ничего там не осталось, уж я-то знаю. Пионеры и комсомольцы уже всё, что можно было, спёрли.
— А ты откуда знаешь? И кто такие пионеры и комсомольцы ваши?
— Дом этот с нами соседний, и я там всё вижу и всё знаю. Пионеры — это пацаны, которым надо украсть и продать, а комсомольцы — это мужики-пьяницы, которым бы только бы выпить, и всё. Ну а для этого тоже — сначала украсть надо. Так что и не ходи туда.
— Ну, я всё же к тётке Наталье схожу, посоветуюсь. А вы что там, в огороде, делали?
— Папа Лёша, Танька моя, ну, наверное, теперь уже наша, любит, когда всё вокруг цветёт, и растёт, и плодоносит. Ну, она так говорит и так считает. И правильно это: все женщины должны в жизни рожать и растить, а если женщина не растит, и не следит, чтобы правильно росло, и не воспитывает, и не ухаживает, то это и не женщина, а не поймёшь что. Недоразумение! Или детей они должны родить и растить, или коров, или курей, или картошку, в конце концов. Вот Танька сегодня украла варежку, точнее, голичку с луком-севком и сразу пришла ко мне, чтобы посадить. Мы уже грядку сделали — сейчас Танька сажать будет, а я буду следить.

6.

Тётка Наталья только руками взмахнула, услышав от Вашурина про новую его девочку Таню.
— Ты, Алексей Александрович, совсем с ума рехнулся. Я понимаю, что ты человек богатый и можешь себе позволить два рта детских прокормить, обуть их и одеть, но ведь учти: а все ли законы ты соблюдаешь? И на каждый роток не накинешь платок. А может, уже и разыскивают твою девочку, а ты её прячешь. А в милиции знают, где она?
— Знаешь что, Наташа, я ведь не для того к тебе пришёл, чтобы эту девочку в детский приют отправить, а мать её родительских прав лишить. Это дело нехитрое, и нашего с тобой ума для этого не требуется. Только через пять или семь лет из этой девочки воровка или проститутка вырастет, через пятнадцать её уже кладбище ждёт. Редко кто из приютов этих детских современных в люди выбивается. Семья ей нужна.
— Знаю я это. Была я в таком приюте как-то раз. Это ведь у вас в городе ребятишки на улицу рвутся из-под родительской опеки, стоят в подъездах, курят, дворовой романтикой наслаждаются. А у этих всё наоборот: улицы им — во, по самую маковку хватило, им в семью хочется. Вот ты возьми да усынови или удочери их обоих — вот и выход из положения. Сначала женись на Ванькиной Ирке-Криводырке, Ильзе в смысле, потом Ваньку усыновишь, а дальше — разводишься и Ваньку с собой оставляешь. Зная, что Ирка — алкашка, суд Ваньку с тобой оставит. А потом и с Таней, девочкой этой. Вот и вся проблема твоя решена. Зато будет у вас очень необычная семья.
— Это всё, Наташа, я бы, может, и проще сумел бы решить, да вот забываешь ты, что недолго мне тут куковать осталось. Я же тебе говорил, что мы с Глафирой наперегонки шли, только она опередила меня. И рисковать ребятишками я не могу. Они этого удара могут не выдержать. Вот сегодня очень горячо в груди было, так у меня перед инфарктом последним тоже было — очень горячо.
— Они, эти твои ребятишки, такие удары уже по жизни выдержали, что, по-моему, выдержат всё,

что угодно. У нас на Руси такие кошмары семейные вечно творятся, что люди, то есть дети, железными вырастают. И все войнушки взрослые им потому забавами детскими и кажутся.
— Наташа, Наташа! А могу я ещё к тебе с одной просьбой?
— Да конечно, Лёша.
— Вот есть у меня заначка небольшая денежная, двадцать тысяч долларов, спрячь их у себя. Если мне понадобятся когда-то деньги такие, я у тебя их спрошу, а если что-то плохое случится со мной, то прошу—потрать их так, чтобы ребятишкам этим помочь. Или опекунство оформи, или в хороший детский дом определи их, есть сейчас частные, хорошие,—Вашурин передал тётке Наталье свёрток, упакованный в полиэтиленовый пакет.
— Лёша, я ничего в этих долларах не понимаю и понимать не хочу. Вот как дал ты мне этот свёрточек, так я его и сохраню. Не волнуйся!

Дети сидели за столом, когда Вашурин вернулся.
— А вы чего сидите? Я думал, что вы уже поели.
— Нет, папа Лёша, если уж мы теперь семья, то должны, как и положено в семье, завтракать и ужинать вместе.
— Ну хорошо, я не против. А что у нас на ужин сегодня?
— А Танька наша сварила кашу гречневую, а я за молоком сбегал.
— Тогда я руки сейчас мигом помою—и уже готов.
— Так,—уже садясь за стол, объявил Вашурин,— завтра мы втроём с Таней и с тёткой Натальей едем в район, в Семёнов,—надо кое-что прикупить. Ты, Ваня, остаёшься завтра за старшего в доме. Ясно?
— Ясно,—ответили хором.
— Таня, ты сейчас идёшь ночевать к тётке Наталье, а завтра уже мы определим тебе место здесь, в нашей избе. Ясно?
— Ясно.
— Если ясно, то ещё: сначала постриги ногти, прежде чем пойдёшь к тётке Наталье. А то у тебя под ногтями траурные ленточки видны.
— Хорошо. Папа Лёша, а мне завтра с утра сюда приходить, или вы сами зайдёте за нами к тётке Наталье, и мы оттуда уже поедем?

Наутро к тётке Наталье прибежал с выпученными глазами Ваня.
— Тётка Наталья, а папа Алёша умер. Я его толкал-толкал, а он ничего. А за ногу потрогал я его, а он ещё вовсе не холодный. Его хоронить надо.
— Ох вы, горе вы моё луковое!—запричитала тётка Наталья, и сразу видно стало, что она тоже уже годах.—Тащи, Ваня, свою Таньку сюда. В сенях она. Сидите здесь на диване и ждите меня.

Тётка Наталья накинула на голову тёмный платок огромный какой-то, махнула им, как крылом, и, что-то про себя шепча вполголоса, вышла на улицу.
— Танька,—шёпотом вдруг спросил Ваня у своей подружки, когда они уже сидели рядом на диване,—а давай папу Алёшу похороним в огороде у нас. Я по радио слышал, что в Америке сейчас делают семейные кладбища. Вот и у нас будет своё кладбище, прямо под окнами.
— Нет, Вань, наверное, это не разрешат. Это что же—кто где захочет, то там кого угодно и хоронить будет? Нет.
— Ну, кого хочешь, где хочешь—нельзя! А вот заслуженных, необычных людей можно. Вон я по телевизору видел, что для фараонов пирамиды в Египте прямо посреди пустыни ставят. А мавзолей Ленину, что на Красной площади? Я считаю, что Вашурина можно в огороде у нас похоронить. Земля-то в том огороде его, Вашурина. И будет у нас своё семейное кладбище.
— А жалко, что Вашурин умер,—не успела я в семье пожить.
— Конечно, жалко. Я вот и успел немножко, а всё равно жалко.

Послышался стук входной двери. На улице послышался голос тётки Натальи, она что-то спрашивала у своих курей и у петуха ихнего. В избу вошёл Вашурин.
— Что же ты, Ваня, друг мой ситный, будил меня так плохо? Тётку Наталью напугал до полусмерти. Да уже и похоронить меня решили, что ли? Где хоронить-то будешь?
— В огороде. Да не буду я тебя хоронить—что ты чепуху какую-то? Мы ещё за грибами всей семьёй, с тобой и с Танькой, сегодня пойдём.

Любовь Буршина

Я буду жить

В лицо девушки остервенело хлестал холодный дождь, сопровождаемый сильными порывами злого ветра. Вода струйками стекала по её разгорячённым щекам, смывая крупные капли слёз. Даша не замечала дождя, она горько всхлипывала, проглатывая комки страха и обиды. Девушка изо всех сил бежала по мокрому уличному тротуару, стараясь убежать как можно дальше. Даше хотелось втиснуться в ночную темноту, раствориться в громаде городских домов, чтобы никто и никогда её не нашёл. Сбросить с себя запах вонючего перегара и рвотного ощущения омерзительно скользких рук, лапающих юное девичье тело. «Лучше бы мне умереть!»—мелькнула горестная мысль. Коротенькое разорванное платье еле прикрывало её угловатые худенькие плечи. Спутанные длинные мокрые волосы свисали беспорядочными прядями по спине. Босые ступни хлюпали, издавая чмокающий звук при попадании ноги в многочисленные лужи, образованные дождём.

Наконец девушка устала, бег замедлился. Ноги предательски стали цепляться друг за друга, потом совсем остановились: они не смогли удержать ношу и подкосились, увлекая тело за собой в глубокую канаву. Даша упала и на некоторое время потеряла сознание. Короткий миг забытья перенёс девушку в призрачный сон, который ей часто снился…

Даша оказалась на солнечной лужайке, усыпанной полевыми цветами. Она почувствовала нежный аромат клевера и незабудок. Маленькая девочка идёт по мягкой шелковистой траве на встречу с мамой, которая ласково улыбается и приветливо машет ей руками, протягивая их к малышке. Она ждёт, когда дочка коснётся добрых, нежных материнских пальцев. Даша уже почти приблизилась к ним, но вдруг лицо мамы меняется, становится непроницаемо строгим. Женщина прячет руки за спину, её силуэт медленно исчезает в пространстве воздушного тумана. Даша слышит до боли знакомый, родной голос: «Не надо, не приходи ко мне, дочка, тебе ещё рано. Ты такая молодая, красивая, у тебя вся жизнь впереди. Живи, родная…»—«Хорошо, мама, я буду жить…»—хочет ответить девочка, но её губы только беззвучно шлёпаются друг о друга, а голос срывается в черноту…

Даша очнулась от резкого звука удара грома. Распластанная в грязной жиже, она сильно дрожала и тихо плакала. Кричать беглянка не могла, потому что боялась—её может услышать и догнать самый ужасный человек на свете. «Гадкий, гадкий!»—с глубоким омерзением повторяла Даша, глотая слёзы. Девушка поднялась и быстро побежала, прокладывая себе дорогу в ночной мгле, пробиваясь сквозь густой небесный поток. Дождь всё усиливался, водяные струи становились толще, они больно, с остервенением впивались в тонкую кожу. Где-то в глубине чёрного неба раздавались сердитые раскаты грома. Сверкнуло яркое пламя молнии, осветив одинокую фигурку.

Всё, сил больше нет бежать. Даша остановилась и опасливо оглянулась. Кругом было пусто, только шум дождя звучал монотонно и бесконечно. Девушка в непроглядной темноте по звукам шелеста листьев, стонам раскачивающихся под ненастным ветром стволов деревьев поняла, что находится в городском парке. Она почти ощупью пробралась к одной из беседок, забилась в угол и, как смогла, обхватила плечи руками, согревая себя своим же теплом, которое в ничтожном количестве сохранилось в ней. Всё её хрупкое тело дрожало. Напитанное холодным дождём платье прилипло к фигуре, не оставив Даше никакой надежды хоть как-то согреться. Через некоторое время дрожь превратилась в сильную лихорадку. Всё тело знобило от холода так, что зубы между всхлипываниями отстукивали дробь. Неожиданно проблеснул фонарный лучик света.

— Кто здесь?—раздался мужской голос.—А ну выходи!

Даша ещё сильнее вцепилась в деревянные ограждения беседки. Ужас парализовал её продрогшее тело. Она втянула ноги под себя и маленьким комочком вдавилась в скамейку. Худенькие пальцы побелели от напряжённого давления хозяйки.

Человек, шаркая подошвами ботинок по деревянному покрытию строения, стал продвигаться к девушке. Из ночной темноты Даша ощутила приближение мощной глыбы с булькающим, посвистывающим дыханием. Мелькнул отблеск разряда молнии. Где-то в глубине рассерженного неба раздался мощный взрыв грома. Потом ещё и ещё. Лесной массив содрогнулся от тяжести водяного потока.

— Кхе, хм, кхе, хм… Ты откуда тут взялась? — удивлённо спросил человек. — Ты, дочка, не бойся, я тебя не обижу. Совсем продрогла. Пойдём, красавица, ко мне в сторожку, чаем тебя напою. Я сторожем этого парка являюсь, ты меня не пугайся. Фомич меня зовут.

Старческий голос неожиданного пришельца беглянке показался добрым, по-отечески успокоительным.

— Я здесь, в городе, работаю, а живу недалеко, в деревне. У нас там нет работы, народ весь разъехался, — будто не замечая состояния девочки, продолжал обстоятельно рассказывать старик, тем самым располагая к себе её доверие.

Голос его был обычным и спокойным. Девушка мысленно благодарила старика за то, что он не стал восклицать и охать, глядя на её состояние. А наоборот, будто ничего не замечал, всё говорил и говорил.

— Вот и лето почти уже заканчивается, скоро осень наступит, а там зима не за горами. Не люблю я этот бесконечный холодный дождь. Сердитая осень всё норовит поскорее власть отнять у лета, а у меня ревматизм в такой период сильно ноет! Э-хе-хе!..

Даша не знала этого чужого человека, но отеческая простота, с которой он обратился к ней, вызвала нескончаемый поток жалости к себе. Даже такой малости, как ласковое обращение, она очень давно не слышала.

После трагической гибели родителей Дашу взяли под опеку дальние родственники, которым сам ребёнок был не нужен. Их привлекало денежное пособие на девочку. Жизнь сироты была не по-детски суровой. Её часто били, не кормили, заставляли ухаживать за младшими детьми. В очередной раз оставленной без ужина, Даше очень хотелось есть, поэтому она украдкой грызла заранее припрятанные ею хлебные сухари — остатки с общего стола. Днём приёмыша мучили непосильной, длительной, изнурительной домашней работой. Девочке хотелось поскорее вырасти и уйти из этого злого, не материнского дома. Она часто вспоминала своих родных — любимых маму и папу.

Фомич снял с себя тёплую фуфайку, заботливо накинул на плечи девушке. Даша тряслась от холода и страха так сильно, что от неожиданного тепла она испугалась ещё больше, но потом чуть согрелась и внимательно взглянула на человека. Фомич был высоким, крепкого телосложения мужчиной. Не зря он ей показался огромным и страшным. Но когда она услышала его добродушный голос, то немного успокоилась. Почему-то этот большой человек не вызвал у неё того отвращения, которое только что пылало у неё в груди при воспоминании о пережитом ужасе. Все особи мужского пола собрались в омерзительном лице брата её названной матери, напавшего на неё ночью и терзавшего юное первозданное тело. Вновь на девушку надавили страх и ненависть, и Даша, содрогаясь всем телом, зарыдала в голос.

— Ну нет, так дело, дочка, не пойдёт! Давай вставай, пойдём, — осторожно пытаясь дотронуться до вздрагивающего плеча девочки, сказал Фомич. — А как же ты пойдёшь? Ты же без обуви, босая! — воскликнул старик. — Подожди, я сейчас принесу что-нибудь.

Фомич вернулся быстро, в руках у него были большие калоши. Они имели такой размер, что девушке хватило бы одной, чтобы надеть на обе ноги.

В сторожке старик ни о чём не спрашивал неожиданную гостью, укутал её тёплым пледом, напоил чаем с брусникой. Даша ещё долго тряслась, приглушённо всхлипывала, но потом сознание провалилось в черноту бездны, и она забылась в беспокойном полусне. До её слуха отдалённо доносились раскаты свирепствующего грома, сопровождаемые шумом дождя, а ещё непонятные звуки скрипа дверей и монотонный скрежет движения колёс. Постепенно глухая мгла окончательно навалилась на неё и заставила заснуть.

— Где же ты, дед, раздобыл такую птаху? Какая она тощая, грязная! Бедненькая доченька! — причитала Аксинья, жена Фомича. — Похоже, брошенное совсем дитя, никому не нужное!

— Тише, тише! Не разбуди девчонку! Получше укрой её, а я завтра из деревни привезу медсестру Катерину, пусть посмотрит, что с ребёнком, — строго сказал Аксинье Фомич.

Ночью из сторожки он перевёз Дашу к себе в деревенский дом, но потом решил увезти её подальше, в зимник. Старик понял, что девушку могут искать злые люди, которых так боялось это неокрепшее под тяжестью жёсткого бытия создание, поэтому он не оставил её в деревне, а запряг буланого и отправился в таёжный стан, прихватив с собой жену Аксинью.

Небольшой хутор, окружённый глухим лесным массивом, состоящий из охотничьего домика и двух-трёх хозяйственных построек, находился далеко от деревни. Добраться до зимовья можно было только на лошади, потому что путь пролегал по непроходимому сухостою и густым зарослям и имелась только неширокая дорога, которую сам Фомич проложил. Хутор служил для семьи Фомича не только как необходимое жилище для любого добытчика природных даров, но ещё отличным местом отдыха от людской суеты. Рядом с поселением протекала бурная река. В некоторых местах берега были достаточно крутыми, они резкими обрывами спускались прямо в воду. Здесь река бурлила и пенилась, сердито омывая разбросанные огромные каменные валуны, образованные затвердевшим песком и гравием, намытым быстрым водяным потоком. Стихийный валежник поваленных грозой деревьев в некоторых узких

заводях реки являлся естественным материалом для строительства бобровых нор. Рыба, попадая в такие места, не могла протиснуться сквозь густые строительные переплетения веток и водорослей, ставших для неё ловушкой. Рыбные косяки, подгоняемые сильным течением, безуспешно бились о препятствие, но не могли выбраться, образуя естественную приманку для рыбаков. Поэтому Фомич недалеко ставил небольшие верши — сети, сплетённые из тонких веток. Улов всегда получался знатным. Рыбы хватало на уху и на зимние запасы. Фомич любил не только рыбалку, охота тоже доставляла ему большое удовольствие. Он мог часами бродить по лесу, длительно сидеть в засаде, выжидая появления куропаток. Охота и рыбалка были хорошим подспорьем в хозяйстве. Тайга давала возможность собрать припасы ягод, грибов, мяса дикой птицы и зайца. Вкусный аромат заполнял избу, когда Аксинья стряпала пироги с лесной земляникой, а запах, идущий из чугунка в печи, в котором томился наваристый суп из зайчатины, заставлял разыграться богатырский аппетит.

Дикие, неухоженные лесные просторы, хранившие немало опасностей для человека, поражали мощью, необузданной красотой, щедро созданной природой. Таёжный массив привлекал взгляд своей стихийной широтой и буйством красок, одновременно доставляя удовольствие ощущать благоухание трав и убаюкивающее слух умиротворённое шуршание листьев.

«Как же здесь хорошо!» — восхищалась Даша, стараясь глотнуть в лёгкие как можно больше полезного лесного воздуха. После болезни она чувствовала, что ещё никогда не была так счастлива. Она быстро пошла на поправку. Лечение Аксиньи приготовленными снадобьями, подкреплённое густыми борщами и вкусными пирожками с малиной, дало хороший результат. А кедровый отвар добавил девушке силы и настроения.

Пока Даша выздоравливала, наступила зима. Пушистый снежный покров мягкой периной накрыл лес, богато украсив бело-серебристым одеянием стройные ели, высокие сосны, тоненькие берёзки. Снега намело так много, что зимовье почти под крышу спряталось в сугробах, только издали можно было увидеть полоску дыма, поднимающуюся из печной трубы. Чем крепче случался мороз, тем дым получался гуще и обильнее, даже немного темнел и интенсивно клубился над крышей, устремляясь в небо. А когда особенно свирепствовала зима, Фомич подбрасывал в печь толстых сосновых поленьев, и тогда труба начинала трещать от разогрева, выбрасывая вместе с дымом пучки искр, отчего казалось, что зажгли петарду. Выходить в такую погоду на улицу не хотелось не только человеку, домашние животные тоже попрятались в тёплом сарае, а лесное население укрылось в норах и звериных жилищах.

В такие зимние вечера Даша забиралась на печь, с удовольствием укутывалась старым овечьим бушлатом, всем своим телом прильнув к теплу печной кирпичной кладки, и слушала усыпляющее потрескивание прогорающих поленьев. Она впитывала в себя жар огня, стараясь выжечь ужасные воспоминания насилия над ней, которые угнетали и будоражили память безысходностью случившегося. Пламя, будто понимая девушку, разгоралось всё сильнее и сильнее, стараясь отогреть раненую девичью плоть: «Кроха, не вспоминай ни о чём плохом. Я помогу тебе своим теплом, согрею твоё хрупкое сердечко! Ты верь мне! У тебя обязательно будет всё хорошо! Придёт большая любовь, ты будешь самой счастливой! Засыпай!..»

Потом вновь приходила мама: «Доченька, ты должна жить! Ты будешь очень счастлива! А мы с папой всегда рядом! Живи, родная…» — «Мама, я тебе обещаю, я буду жить…»

Днём Даша помогала Аксинье по хозяйству. Бралась за любую домашнюю работу. Особенно ей нравилось заниматься приготовлением еды. Кухня Аксиньи была оборудована старинной крестьянской утварью, что для Даши стало в диковинку. Освоив названия и предназначение каждого предмета, девушка с восхищением наблюдала за тем, как ловко Аксинья управляется с чугунками с помощью ухвата. В руках этой доброй женщины обыкновенное мучное тесто складывалось во вкусные толстые пироги и булочки.

Нравилось девушке гулять по лесу. Они вместе с Фомичом подвешивали на деревья самодельные кормушки, куда каждый день насыпался корм — хлебные сухарики, пшено, семечки подсолнуха. Пернатые радостно поедали угощения, доверчиво подпуская Дашу к себе. Часто такие лесные столовые опустошали шустрые белки. Однажды Даша застала за таким занятием оголодавшую лесную хозяйку — лисицу. Серо-рыжая шубка, которая промелькнула среди кустов. Плутовка после неудачной попытки достать кормушку, завидев людей, удирала так, что только пушистый хвост виднелся вдали.

— Надо бы закрепить ещё несколько кормушек пониже, под соснами, пусть рыжая немного поест, а то сильно истощала за зиму, — рассудил Фомич. — Голодная лиса — это ещё ничего, а вот если медведь-шатун не заляжет в берлогу, то быть беде. Сильно злой косолапый в такую пору.

— Расскажи, Фомич, пожалуйста, что тогда будет? — взмолилась Даша.

Ей нравились почти сказочные повествования Фомича, он не раз рассказывал интересные истории. Девушка в такие минуты чувствовала себя малышкой, которой на ночь рассказывали сказку. Даша не знала, правдивыми были рассказы Фомича или нет, но только очень они получались содержательными, красочными, а иногда даже

и страшными. Конечно, повествование имело хорошее завершение. В такие минуты к ним обязательно присоединялась Аксинья. Даша прижималась к ней, и так, в обнимку, они слушали рассказы Фомича.
— Ты, дочка, хотела узнать про то, как медведь-шатун может напроказить, когда не спит и голодный? Так вот, слушай,—начал рассказывать старик.— Река-то у нас здесь бурная, таёжная,—продолжал Фомич,—быстротечная и даже опасная. Воды её намывают не только крутые пороги, но кое-где и золотишком могут одарить старателей. Тут много таких бывает, только не всем она отдаёт эти драгоценности. Если человек алчный, а золото ему нужно для совершения зла, тогда не отдаст вода сокровища. А если добрый, сердечный пришелец, а золото ему нужно, только чтобы хоть немного облегчить трудную жизнь своим детям, и нет у него никакого злого умысла, то получит он щедрый речной дар.
— Фомич! Как же узнает река, хороший человек или нет?—спросила Даша.
— Река мудрая, она определяет, кому помочь облегчить существование, а кому нет. Откуда у реки такое умение, мне неведомо, но то, что вода не ошибается, это уж точно. А когда она определила, с какой целью пришёл старатель, то плохого человека обязательно отвадит от этих мест, да ещё на помощь призовёт медведя-шатуна. Как-то, лет пять назад, появилась здесь недалеко группа старателей. Поселились они в шалаше за горкой и начали просеивать воду, а заодно и рыбу ловили, все силки мои раскурочили. Да это ещё полбеды, у меня-то рыбные ловушки стояли в тех местах, где всё равно рыбе не выбраться из-за бобровых заводей. А вот пришельцы оказались злыми и жадными, помимо золотишка понадобилось им много рыбы. Стали они взрывчаткой реку беспокоить, гибли целые косяки. И это ещё не всё, так как рыба им особенно не нужна была, так, для куража они это делали, чтобы напакостить. Я пробовал их приструнить, да куда там, мне с ними не справиться. Они превзошли меня, старика, и численностью, и силой. Тогда-то река рассердилась: забурлила, зашипела, как кипяток, в некоторых местах вышла из берегов. Но старателям-то что: перенесли шалаш подальше к лесу и вновь взялись золото искать, а потом продолжили бить беззащитную рыбёшку. Может, злые люди хотели взрывчаткой дно раскурочить, чтобы река быстрей отдала свои сокровища. Тогда река призвала на помощь хозяина тайги—медведя. Косолапый разворошил стоянку старателей, людей прогнал из лесу, даже одного покалечил. Возбуждённый зверь так рассвирепел, что к зиме не лёг в берлогу. Да ещё тот год оказался неурожайным, еды в лесу было мало, поэтому медведь не накопил жира. В народе такого зверя кличут—медведь-шатун. Много бед может принести такой шатун. Всю зиму зверь будоражил окрестности и в деревню забредал, чтобы корм отыскать, нападал на домашних животных. У нас с Аксиньей несколько загашников с припасами опустошил, но зато река довольна осталась, не любит она алчных людей. Природа много даёт, но и взамен требует бережного отношения к себе, чтобы надолго всем хватило,—закончил рассказ Фомич.
— Фомич, расскажи ещё, какие случаи бывают у вас тут, очень интересно!—попросила Даша.
— Нет, сегодня уже поздно, а завтра я вам расскажу загадочную историю о том, как в наших местах большой, размером с яйцо, изумруд нашли.

Девушка улыбнулась, предвкушая, что услышит то ли быль, то ли сказку от старика, заранее зная, что повествование о том, как добро победит зло, даст ей заряд положительных эмоций, которые постепенно возвратят веру в хороших людей…

Прошла зима, наступившая весна разогрела снежные намёты, скинула с деревьев зимнее одеяние, вздула почки, развеселила птиц. Из норок и всевозможных укрытий повылазили лесные жители, подставив затёкшие за зиму бока погреться на солнышке. Своевольная река раскурочила ледяные тиски, бурные потоком погнала подтаявшие глыбы вдоль берегов, чтобы быстрее растрепать их и превратить в воду.

Девушке настолько было спокойно и хорошо у Фомича с Аксиньей, что не хотелось возвращаться в ту тяжёлую, страшную жизнь, в которой она еле выжила. Но не всегда действительность соответствует желаниям.

Даша осторожно, с опаской подошла к квартире названных родителей, со страхом дёрнула дверную ручку, крепко зажмурила глаза и переступила порог. Каждая её клеточка была напряжена настолько, что, казалось, ещё немного—и нерв лопнет. На неё из глубины помещения повеяло несвежим духом и подвальной сыростью. Она тихо, медленно передвигая утяжелённые напряжением страха ноги, скользнула в детскую комнату, не обращая внимания на спящих детей (было раннее утро), хаотично схватила свои вещи, учебники и выскочила на улицу. Её преследовало чувство неприязни и брезгливого омерзения к этому злому дому. Она ещё долго не могла осмыслить, что больше никогда не вернётся сюда. И когда писала заявление участковому, и когда некоторое время жила в интернате, потом, после окончания школы, гостила у Фомича с Аксиньей, ставших для неё родными, самыми близкими людьми.

Тяжёлые детские воспоминания постепенно забывались. На смену им пришла любовь с восхитительным чувством семейного счастья и радости материнства. Даша всегда помнила о сне, в котором мать просила её жить. «Мамочка, любимая! Я буду жить!»

Василий Бабушкин-Сибиряк

Воробьиные ночи с тёткой Степанидой

Когда-то очень и очень давно жил я в деревне.

В те давние времена деревня наша была похожа на тысячи других таких же, разбросанных по всей России. Десятка два домов, протянувшихся одной улицей. Дома не лепились друг к другу, а разделялись огородами, хлевами для лошадей и коров.

Каждый хозяин старался украсить свой дом резными наличниками, некоторые дома хозяйки постоянно подбеливали известью, и выглядели они очень даже празднично.

Почти перед каждым домом — палисадник, в котором росла черёмуха или рябина. Цветники в те времена ещё не вошли в моду, но в каждом доме были горшки с геранью и ванькой мокрым.

Никто не ставил на доме номер, и улица была просто улица. «Мамка, мы пошли на улицу», — говорили дети и босиком выскакивали на заросшую травой землю, иногда наступая ногой на куриный или гусиный помёт. «Что, вляпался?» — кричали отставшему, который оттирал ногу о зелёную траву. Бежали улицей по мягкой коричневой пыли, стараясь загрести её ногами, чтобы поднять в воздух.

Эта пыль, похожая на муку, в дождь становилась густой, словно тесто, грязью, которую взбивали копытами бредущие с пастбища коровы с телятами и лошади. Да и мы любили детьми ходить по ней, чувствуя, как она проскальзывает между пальцами, щекоча ноги.

За деревней — городьба, отделяющая поля от потравы, это и граница для мелкоты, которой строго-настрого наказано за поскотину не выходить.

В те времена в деревне было только электричество для освещения и радио. Это чёрные бумажные тарелки-динамики, до которых ток доходит по проводам на столбах, тянущихся от деревни к деревне. Мы детьми верили, что если прижаться головой к столбу, можно услышать музыку или разговор, что несётся по проводам.

Это уже после появятся телевизоры, когда деревни-улицы начнут собирать в сёла.

В третьем доме от поскотины жили дядька Степан и тётка Степанида. Это был самый уютный и нарядный домик на улице. Тётка Степанида — из хохлушек, она белила весь бревенчатый домик и раскрашивала его подсолнухами и уточками, плавающими на воде.

В палисаднике у них росла рябина, которая была похожа на тётку Степаниду — невысокая, круглая. Под рябиной дядька Степан сколотил столик и поставил скамью.

Это любимое место всей уличной мелкоты. Своих детей у дядьки Степана и тётки Степаниды почему-то не было, и они любили, когда ребятня шумела у них под окнами.

Любили мы собираться у этого дома и потому, что по вечерам тётка Степанида выходила в палисадник, садилась на скамейку и начинала нам рассказывать сказки.

Дядька Степан почти всегда сидел у открытого окна в комнате, покуривал или что-нибудь делал, прислушиваясь к сказкам, и иногда подшучивал над нами или рассказами тётки Степаниды.

Как-то мы спросили тётку Степаниду, почему их с мужем одинаково зовут.

— Это ещё до войны было. Я в другой деревне жила. В семье нас много, и все девки. Однажды пришли сваты. Папане говорят: мол, Степаниду хотим сватать. Жениха я ни разу и не видела, но сказали, что его Степаном кличут. Вот я и подумала: раз зовут его как и меня, то, значит, судьба нам жить вместе. Так всё и сладилось.

Однажды в середине лета мы засиделись под рябиной у тётки Степаниды допоздна. Сумерки наступили быстро. Где-то далеко за полями в небе заполыхали зарницы, их сполохи рассекались иногда яркими молниями.

Над полями, лесом и такой домашней тихой улицей это небесное зрелище было совершенно чуждым, словно пришло из другого мира.

Казалось, что где-то там большая гроза, но не слышно было ни грома, не видно было дождя. Это непонятное для детского разума явление пугало нас, и мы сгрудились около тётки Степаниды, будто цыплята у наседки.

— Сегодня воробьиная ночь. В такую ночь воробьи не могут летать, только прыгают. Очень боятся они её и прячутся где могут, пока ночь не кончится, — сказала тётка Степанида.

— А почему они её боятся?

— А потому что в эту ночь ждут наказания за свои плохие дела. В такую ночь идёт битва между

1. Поскотина (по-скот) — граница, изгородь.

силами добра и зла. Всё зло, накопившееся за год, вступает в битву с добром. А воробьи высиживают вместе со своими яйцами и яйца нечисти, что стоят на стороне зла.

— Какой нечисти?

— Разной. Там и драконы-змеи трёхголовые, и кикиморы-ведьмы, лешие и домовые. Все те, что стараются людям пакости и зло делать.

— А давайте завтра разорим все воробьиные гнёзда, побьём их яйца, чтобы из них нечисть[2] не вылупилась?

— Не дело вы придумали, а такое же зло. Никогда добро через зло не приходит. Вы побьёте яйца—и не станет воробьёв, а ведь они и пользу большую приносят,—сказал из окна дядька Степан.

— А кто с этой нечистью дерётся? Надо же им помочь.

— Там великие русские богатыри сражаются: Илья Муромец, Алёша Попович да Добрыня Никитич. Вон как мечами махнут по пламени, что Змей Горыныч на них дует, так молонья по небу сверкнёт—и пламя затихает,—рассказывала дальше тётка Степанида.

— А вам всем пора по домам разбегаться, там уже ваши мамки волнуются. И не забудьте сначала самых маленьких проводить,—вновь высказался из окна дядька Степан.

И мы бежали по улице по своим домам, где прижимались к мамам и рассказывали им, как страшно сверкают зарницы и почему все воробьи попрятались. И засыпáли с уверенностью, что русские богатыри победят любую нечисть и завтра с утра вновь будет солнечный счастливый день.

Сразу за поскотиной начинается поле ржи. Поскотина—это городьба из длинных жердей[3], прибитых к столбам, чтобы скот—коровы, лошади, телята—не мог попасть на поле и потравить хлеб.

Один конец этой городьбы подходит к речке, которая в этом месте очень глубокая, а берег обрывистый. Другой конец тянется вдоль поля очень далеко и упирается в тёмный еловый лес, в котором есть болото, а в нём живут водяницы и русалки, которые могут защекотать человека до смерти и утащить к себе на дно.

Рожь начинает поспевать. В её колосках, в колючих гнёздышках, уже сформировались зёрнышки. Эти зёрна мягкие и очень вкусные. Мы перелазили через нижнюю жердину и бежали к полю, чтобы набить рот поспевающей рожью.

Жевали её долго, пока во рту не оставались только чешуйки, которые потом мы сплёвывали.

Над полем и всей деревней висел ощущаемый телом горячий воздух. Этот воздух был пропитан запахом ржаного хлеба. Такой же запах будет будить нас зимой в избе, когда наши мамы пекут булки в русской печи. А ещё—когда отец сушит зерно на горячих кирпичах этой печи и весь дом пропитан запахом подсыхающих зёрен. И этот запах даже в наших детских душах рождает уверенность и спокойствие.

Над полем нет даже малейшего дыхания ветерка. Колосья склонили свои головки, и мы чувствуем, как наливаются силой зёрна и тяжелеют.

Перед дождём, когда ветер пригоняет тёмные тучи, которые после проливаются на поле водой, рожь волнуется. По всей её поверхности пробегает одна волна за другой. В это время не видно отдельных колосков, всё ржаное поле едино в ожидании дождя.

А сейчас над полем один только зной. Это верный признак, что сегодня будет воробьиная ночь, и опять мы все соберёмся около дома дядьки Степана, и тётка Степанида будет допоздна рассказывать нам свои сказки под сполохи зарниц над всем нашим детским миром.

Вот они, эти сказки, которые не забылись и не потерялись среди множества воспоминаний, накопленных за целую жизнь.

Леший, или Лихо одноглазое

Сказывали мои родные, что перед тем, как я родилась, поехал мой отец в лес по дрова.

Едет, едет, лошадь сама по дороге идёт, а отец лежит себе в телеге и песни потихоньку для себя напевает.

Вдруг остановилась лошадка. Отец понукнул её, а всё одно стоит. Встал отец, слез с телеги и пошёл посмотреть, что это она остановилась. Бывает, на дороге что-то лежит—раненая птица, заяц или ещё какая живность. А то ещё нехороший человек прутик положит или верёвочку, и никакая лошадь через неё перешагнуть не сможет, пока не уберёшь.

Ничего не оказалось. Отец лошадку под уздцы[4] взял и тянет за собой, а та упирается.

— Что, не идёт лошадь-то? И не пойдёт, пока я не позволю,—раздался голос.

Смотрит мой батя, а на пеньке леший сидит. И не просто леший, а Лихо одноглазое. У нечисти, как и у людей, разные характеры бывают. Так вот у Лиха одноглазого самый скверный характер из всех леших.

Лешие—они больше по ночам шастают. А ночью темно в лесу, через чапыжник продираться приходится, вот некоторые и остаются без глаза. Оттого и характер портится.

— Вот смотрю я на тебя, давно ты в мой лес приезжаешь—то за дровами, то на покос, а то с женой и детишками по грибы да ягоды. И ни разу мне

2. Нечисть—все некрещёные существа.
3. Жердь—ствол тонкого дерева, очищенный от ветвей.
4. Узда, уздечка—ремни, надеваемые на голову лошади для управления.

уважения не оказал. Нехорошо это. Решил я тебя наказать,—говорит Лихо.
— Так ведь не видал я допрежь этого дня тебя, а уважение почему бы не оказать? Ты только скажи, чем благодарить тебя,—отвечает ему мой отец.
— А вот приедешь сегодня домой и то, чего в доме своём не знаешь, привезёшь мне.

«Какой глупый леший. Чтобы я, хозяин, в своём доме чего-то не знал—да не может этого быть!»—подумал мой батя и согласился.

Приезжает он домой, а там новость—я родилась.

Очень расстроился отец и опечалился. А у него знакомый из евреев был, и очень даже хитрый. Вот и научил он отца, как от Лиха одноглазого отделаться и ребёнка сохранить.

На другой день поехали они вместе до того места, где их леший должен был ждать.

Приехали, лошадь, как и прежде, остановилась, показалось это Лихо и говорит:
— Так-так, вижу, решил ты меня обмануть и привёз вместо родившегося ребёнка какого-то жида.
— Нет, я выполнил всё, как ты велел, привёз всё то, что не знал в своём доме и хозяйстве. Вот яйца, что куры без меня снесли, вот молоко, что корова без меня дала, а здесь, в мешке, даже навоз от кур и прочей животины, что без меня появился. А вот ещё привёз тебе гостя, что ко мне пришёл без меня погостить дня на три, теперь ты угощай его и развлекай. А ребёнка я тебе не отдам, потому что он из хозяйства и дома Божьего, не мне он принадлежит, а Богу. Вот с него и спрашивай.

Так и остался леший ни с чем. Правда, пришлось ему угощать и развлекать отцовского гостя целых три дня. После того он заклялся иметь дело с евреями.

Оборотень

Жил среди людей страшный колдун. По виду он как все люди, но нутро звериное. Таких людей зовут оборотнями. Сказывают, что устают они от человеческой жизни и в полнолуние становятся страшными полуволками-получеловеками. И бегают, рыщут по лесу, а если попадётся ему, не дай Бог, крещёная душа, то мучительная смерть ждёт того человека.

Больше всего оборотень не любил, когда промеж людей любовь и лад были. И делал он всё, чтобы посеять среди людей ненависть.

Жили в той деревне или селе парень и девушка. И такая промеж них любовь была, что люди, видя её, радовались и чище становились.

Очень оборотень возненавидел эту влюблённую пару и решил извести их.

Однажды вечером в полнолуние напал он на них и покусал. А потом, довольный, наложил своё заклятье:
— Отныне станете вы волком и волчицей, но даже в этом обличье не бывать вам вместе. Волк будет превращаться в человека с первым лучом солнца, а в это время его любимая обратится в волчицу. И будете вы постоянно врагами друг другу, желать крови один одному. И рано или поздно кто-то из вас загрызёт другого, потому что не узнать волку, что перед ним его любовь. По этой причине будете вы избегать обоюдной встречи. А именно она может превратить вас обратно в людей, и случиться это может через три года в солнечное затмение. В эти мгновения вы оба будете людьми, и если увидите друг друга, то вернётся к вам память, и станете вы прежними. Но не бывать этому, как волку не полюбить человека.

С тех пор и расстались влюблённые. Стал парень жить в лесу. Днём он принимал обличье человека, построил себе дом, а ночью становился волком и убегал из него, бегая по лесу и не понимая, что с ним.

Девушка тоже жила в том же лесу, днём становилась волчицей и пряталась в самой чаще, а ночью опять пряталась от диких зверей в заброшенной старой избушке лесника.

Так получилось, что на второй или третий год девушка ночью наткнулась на этот дом. Зашла в него, а там пусто. Решила дождаться хозяев, но наступил день, и она, превратившись в волчицу, убежала.

В это время вернулся парень—уже человек. Почуял он носом, что в доме была женщина, поискал-поискал, но не нашёл никого.

Так и повелось. Днём в доме парень живёт, а ночью девушка, и никак встретиться они не могут.

Девушка увидела на стене мужскую одежду, заштопала в ней все дыры, постирала, а парень в благодарность ей оставил туесок[5], полный пахучей земляники, и букет полевых цветов.

С того момента и стала зарождаться между ними любовь. Ведь любовь начинается с внимания и заботы. Когда один человек делает приятное другому, то второй обязательно ответит тем же.

А ещё любовь наполняет человека разными чувствами, и обязательно хорошими. А всё хорошее, поселившись в человеке, изгоняет плохое, звериное.

Стал парень, будучи волком, чувствовать в себе человеческое. По ночам он поднимал голову к звёздам и выл, пытаясь излить свою тоску.

А любовь уже полностью овладела несчастными влюблёнными. Они хотели встретиться, но заклятье преследовало их. Только один становился волком, как тут же бежал в глубину леса. А волк, ставший человеком, не понимал, почему не может встретиться с любимым, так как память его была стёрта.

Но вот наступил день солнечного затмения. На диск солнца стала наползать тень. В эти мгновения

5. Туесок, туес—посудина, заменяющая ведро, сделанная из бересты.

девушка-волчица почувствовала в сердце страх потери своего любимого и бросилась бежать к дому в лесу, где жил тот, кого она любила, но никогда не видела.

Парень стоял у дома и смотрел, как солнце полностью скрылось в темноте, оставив только сверкающий диск, и в этот момент перед ним появилась волчица, которая превратилась в мгновение в девушку. Они увидели друг друга и вспомнили всё. Бросились в объятия, счастью не было предела.

А солнце, освободившись от тёмной завесы, разгоняло наступившую ночь своим теплом и светом. После бывшего мрака оно казалось ещё более ослепительным и родным и изливало на землю и людей свою Любовь.

И от этой любви и света злой оборотень стал уменьшаться, уменьшаться, пока совсем не исчез.

А парень с девушкой поженились, у них было много детей, прожили они хорошую жизнь, дожили до золотой свадьбы и умерли в один и тот же день.

— А почему они умерли в один и тот же день?

— Наверное, это им Бог в награду послал за то, что они три года не могли видеть друг друга. Вам сейчас ещё не понять, как тяжело любящим друг друга людям жить в разлуке.

Кикимора болотная

Раньше, когда я ещё была маленькая, как вы, страшные дела творились у нас на болоте. Это сейчас нечисти поубавилось, а то ведь житья от неё не было.

Жили на болоте болотные духи Злыдни, а верховодила ими страшная старуха Кикимора болотная.

У этой Кикиморы куриные ноги и длинные руки с когтями, которыми она хватает маленьких детей. Она выпивает из них кровь через нос-жало, как у комара, а после отдаёт на съедение своим слугам Злыдням.

Злыдни — маленькие и круглые, как мячик, только на этом мячике глазки и большой рот, в котором много-много острых зубов. Ног у них нет, поэтому они не ходят, а прыгают, как воробьи.

Каждое лето люди из всех деревень, что около того болота, должны были отдавать одного ребёнка Кикиморе, а иначе та могла навести страшный мор на всю скотину. Вот и приходилось от неё откупаться.

А если ребёнка не отдавали ей, то она сама приходила в деревню, когда все были на работе, и воровала дитя.

Жил тогда в нашей деревне мальчик Ванюшка, такой же, как вы, и была у него маленькая сестрёнка, которая ещё не умела ходить. Когда родители уходили работать в поле, то Ванюшка должен был за сестрёнкой приглядывать.

Кормил её с ложечки, менял пелёнки, укладывал спать. И вот однажды, когда сестрёнка заснула, выскочил он на улицу и побежал что-то спросить у своих друзей.

Кажется, недолго бегал, а вернулся — сестрёнки-то и нет в зыбке[6]. Смотрит, а на полу мокрые следы от больших куриных лап. А в зыбке лежит полено, завёрнутое в пелёнку.

Сразу понял Ванюшка, что это приходила Кикимора, украла у него сестру, а взамен полено оставила. Бросился он бежать по трёхпалым следам к болоту и полено с собой тоже захватил.

Добежал до болота, увидел, что страшная старуха со спутанными, как кудель[7], волосами, на противных куриных ногах, с его сестрёнкой на руках вошла в избушку. Подкрался он к окошку и стал смотреть. Кикимора разложила огонь в печке, сказала своим Злыдням, чтобы они берегли девчонку и не вздумали бы её съесть без неё. А сама отправилась звать в гости Водяного Деда.

Как только Кикимора ушла, Ванюшка заскочил в избушку, взял сестрёнку на руки. Бросил полено в пелёнках Злыдням, которые набросились на свёрток, думая, что там ребёнок. Пока Злыдни грызли полено, Ванюшка тем временем бежал домой.

Выбежал он к полю, уже когда наступила ночь. А около поля жил ночной дух с горящими глазами, Хмырь, его ещё Ыркой кличут.

Этот Хмырь, на тонких ножках и с тонкими ручками, очень злой и пакостный. Его даже лешие из леса выгнали за пакостный характер. Любит он людей подманивать, зовя знакомыми голосами. А когда те обернутся на голос, увидят его, то тут же оцепенеют, а Хмырь подбежит и кровь всю выпьет.

Почудилось Ванюшке, что его мать зовёт:

— Ваня, мой мальчик, остановись, не беги. Я здесь, иди ко мне.

И так она жалобно его зовёт, что почувствовал Ванюшка: это не его мать, — и ещё сильнее припустился бежать к дому.

Добежал до деревни, в свой дом зашёл, а там мать с отцом сидят и очень горюют, что Кикимора у них детей унесла. А когда увидели, что Ванюшка с сестрёнкой живые, то очень даже обрадовались.

Водяная Дева

Речка наша из озера вытекает; может, кто из вас и бывал на нём с тятькой, видел. Так в том озере много водяной нечисти живёт: русалки с рыбьими

6. Зыбка (люлька) — большая корзина, подвешиваемая к потолку, в которой спал младенец.

7. Кудель — волокно для пряжи, приготовленное изо льна, пеньки.

хвостами, водяницы, что от утопленниц и водяных рождены были.

А главной над ними — Водяная Дева: красавица — глаз не отвести, но надменная и с холодной рыбьей кровью.

Любит водяная нечисть за молодыми парнями и девками подглядывать, хочет понять, как и почему люди друг друга любят.

Около озера в лесу большая елань[8] была, и там всегда парни и девки из ближних деревень любили по вечерам собираться. Костёр жгут, прыгают через пламя, играют в горелки[9], песни поют.

Надо сказать, что был в нашей деревне в те времена один парень — красавец, и только. Чуб кольцами вьётся, глаза молнии девкам в сердце метают. А самое главное — как запоёт он, то голос его за душу берёт.

Все девки, да что там девки — и замужние некоторые, от него без ума были, каждая втайне мечтала, чтобы он на неё внимание своё обратил.

Но Семён, так того парня звали, очень уж самовлюблённым был и гордым. Подружкам и друзьям говорил: «Не женюсь, пока не найду идеал женской красоты». А когда его спрашивали, какой он, этот самый идеал, то Сеня и сам не знал.

И влюбилась в него одна девушка, Катя. Все её в деревне за добрый и отзывчивый характер косаткой[10] прозывали. Ещё и потому, что коса у неё была толщиной в руку.

Все подруги отговаривали Катю и советовали не сохнуть по Семёну: мол, никчёмный он будет муж, и что, кроме красоты и голоса, за душой у него ничего нет, любить он неспособен.

Но Катерина только заслышит, как тот поёт, — млела вся и места себе не находила. А парень и не замечал этого.

И вот однажды увидела Сеню Водяная Дева. Услышала, как он поёт девушкам песни у костра, и решила завладеть им. Уже ночь наступила. Околдовали водяницы Семёна, усыпили его. Все девки и парни по домам да укромным углам разбрелись, а Семён на берегу спит.

А когда проснулся, костра уже нет, только огромная луна свой мёртвый свет с неба на землю отбрасывает.

А на поляне под этим светом девушки водяные хоровод водят, а русалки хором поют, и так жалобно, что сердце сжимается от тоски.

И одна из девушек подходит к Семёну, та самая Водяная Дева. Смотрит тот на неё и глаз оторвать не может. Такая она красавица и вся дорогими украшениями украшена да в золототканое платье одета. Куда там деревенским девкам до неё!

И говорит Водяная Дева Семёну:

— Слышала я сегодня, как поёшь ты. Тебе с твоим голосом и красотой нужно в хоромах дорогих среди злата серебра жить, а не среди деревенского навоза. Пойдём со мной в мой терем под водой, там ты станешь князем моим и будешь в роскоши и довольстве купаться.

Очарован был Сеня красотой Водяной Девы, околдовала она его своими обещаниями, и пошёл он за ней, как бычок на верёвочке.

Кто-то видел, как Семёна русалки и водяницы с собой в озеро увели.

Узнала о том и Катерина. Очень страдала она и пошла просить совета у Бабы Яги, которая в чаще леса жила.

Баба Яга со всей нечистью в наших местах в знакомстве состояла и даже кой-какое влияние на них имела.

Пришла к ней Катя, а та уже знает, что она к ней идёт и зачем.

— Ох, крещёная душа до меня соизволила прийти — видно, очень приспичило. Знаю, знаю я твою беду, хочешь ты своего любимого у Водяной Девы забрать. Но ничего у тебя не получится, уж очень он ей приглянулся. Живёт у неё как птица в золотой клетке. Петь не поёт, скучает очень и, скажу по секрету, тебя вспоминает. Если мог бы убежать — убежал бы. Но очень сильна Водяная Дева, её даже Водяной Дед боится, хотя она ему внучкой приходится. Вот он-то и может проводить тебя под воду к ней. Но только знай, что Водяная Дева выкуп потребует за твоего милого. И очень дорогой он для тебя. Потребует она отрезать твою косу и отдать ей. А коса у девушки — это не только краса, но и источник жизненной силы. Вместе с косой к ней перейдёт вся твоя энергия, а ещё люди от тебя отвернутся за позор твой. Сможешь ли ты пойти на это ради любимого?

— Пойду, на всё пойду, только чтобы спасти его.

Отвела Баба Яга Катю к Водяному Деду, а тот проводил её к Водяной Деве.

Спросила Дева Катерину:

— И ты пришла, чтобы забрать у меня этого парня? Зачем тебе такой? Ведь он только о себе думает. Разве можно любить того, кто тебя не любит?

— Можно и нужно, — отвечает ей Катерина. — Ведь всякому человеку самому очень трудно со своими плохими привычками справиться. Потому и дал Бог каждому другую половину, чтобы они совместно одним целым человеком стали.

— Чудно́ всё у вас, людей, построено в жизни. Ну, предположим, отдам я тебе его — и что дальше? Ведь будет всё как прежде: он станет собой любоваться, а ты — страдать.

— А я ему ребёночка рожу, тогда он станет его любить больше, чем себя, ведь это его частичка.

— Хитрая ты. А знаешь, что я взамен у тебя попрошу? Твою девичью честь — косу, а вместе с ней

8. Елань — поляна среди леса.

9. Горелки — игра, где игроки догоняют друг друга.

10. Косатка — ласковое обращение к девушке.

и половину твоей жизненной силы. Сможешь ли ты жить с ним, зная, что отдала такой выкуп, а он не оценил его?

— Смогу. Мне моя любовь поможет.

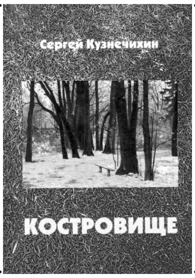
— И что у вас, у людей, за любовь такая? Пропадёте вы с ней, не выживете в этом мире. Забирай своего любимого, отдавай мне взамен выкуп, и уходите.

Взяла Катерина Семёна за руку, и пошли они к себе в деревню.

— Тётка Степанида, а они после вместе жили?

— Конечно, вместе. Семён, как из подводного царства Водяной Девы вернулся, совсем другим человеком стал. Понял, что любить не себя надо, а жену и детей, потому как жить только для себя — очень даже глупо и скучно. Обвенчались они с Катериной, дом свой завели, дети в том доме галдеть стали — одним словом, русским духом запахло. А нечисть постепенно в озере повывелась, сейчас уже почти и нет её.

ДиН ревю



Сергей Кузнечихин

Костровище

Красноярск: «Литера-принт», 2018.

* * *

Всё на свете имеет голос.
Всё на свете умеет петь:
Зазвенит, наливаясь, колос,
Загудит, растревожась, медь.
И в преддверье весны сугробы,
Осознав свой особый час,
Пересилив немую робость,
Тихой музыкой зазвучат.
Мир, как воздухом, песней дышит,
Только нужно сквозь треск и гам,
Сквозь помехи её расслышать…
Слышишь,
Слышишь,
Поют снега?

* * *

Наступил сезон у гардеробщиц.
Тучи — как тяжёлые лещи.
Дождик за дождём, но мы не ропщем,
Залезаем в модные плащи.

После лёгкой ситцевой свободы
Душен синтетический мешок.
Но любому ясно и без моды:
Что удобно, то и хорошо.

Если над тобою провисает
Небо с миллионами прорех,
До поры, но всё-таки спасает
Одежонок этих рыбий мех.

Только удручает неуменье
Элегантно, словно невзначай,
Заходя в пивное заведенье
Бросить гардеробщице «на чай».

* * *

Лесной пожар был издали похож
На узкую сверкающую брошь.
Горело в сопках, высоко на гребне,
Казалось — брошь повешена на небе.
Особенно на фоне звёздной ночи
Она эффектно выглядела очень:
Сияние, очерченное чётко,
Неудержимо белое на чёрном,
Покачивающееся слегка,
Обворожительное издалека,
Холодное красивое сияние…
Пока тебя спасает расстояние.

* * *

Сосредоточенные лица,
Глаза прямые, как штыки, —
Усердно учатся молиться
Вчерашние еретики.

На незнакомые иконы
(Теперь уж Божии рабы)
Взирают и кладут поклоны,
Но всё-таки жалеют лбы.

Спокойно, без былых истерик,
Уже седые и в очках,
Они и верят, и не верят,
Обжёгшись на своих божках.

И всё же учатся, потеют,
Не понимая до конца,
Что́ вымолить они сумеют
У нереального Отца.

Виктор Чигинцев

Соловей-пташечка

Земля Санникова

— Колюшка, щас по капельке — и уходим в плавание. Курс — норд-ост, земля Санникова!..

Уловив вопрос в моих глазах, просто, как нечто привычное и давно устоявшееся, старик сказал:

— Золотце моё, я — Санников. Значит, и остров — Санникова!

Выпив свою капельку, Юрий Иванович крякнул от удовольствия и мягко, по-гусиному вразвалочку зашагал к трапу.

Ещё прошлой осенью, в сентябрьские дни, отшельник, житель пригородной деревни, егерь заводского охотничьего стана Юрий Иванович Санников был бодр и здоров. Прошёл год, и я едва узнал его. Обличьем и повадками егерь изменился мало. Однако передвигался медленно, переваливаясь с боку на бок, как старый селезень. Мой товарищ, председатель заводского общества охотников Николай Бухонин, пояснил:

— Поморозился зимой, ноги почернели. Хирурги отчекрыжили половину ступней. После ампутации недолго сидел в деревне. Засунет ноги в валенки с калошами, в руки самодельные костыли — сам из берёзы выстрогал, ошкурил, — и на озеро. Уму непостижимо, как настырный старик бродит туда-сюда, из деревни на озеро и обратно, целых два километра. Говорит: «Надоело лежать на печи, душа на берегу отдыхает!»

Санникова знаю не первый год. Приезжая по пороше тропить зайчишек, останавливаемся у старика. Дома он редкий гость, больше пропадал на стане.

— Вам, ребята, из деревни не выбраться, — сказал он в один из таких визитов, — осень мокрая была, увязнете в колеях. Оставляйте-ка машину на подворье, прогуляйтесь ножками.

Час был рассветный, а со стороны сельского погоста, перешагивая через ухабы и рытвины, шла молчаливая процессия.

— Наркомана хоронили, молодого парня, — пояснил егерь. — В толк не возьму: почему ночью? Скрытно от глаз людских? Да ведь в деревне об этом бедствии всякая собака знает.

Несколько лет назад у Санникова свели корову. К отёлу дело шло, прибытка ждали. Пока с бабкой в баньке парились, кормилицу украли. Старый охотник нашёл по следу глухое место, где бурёнку разделали, но правду узнал позже. Двое местных оболтусов, кому любой труд в тягость, ограбили стариков. Подкупили конфетой несмышлёного мальца, на него собака не взлаяла. Мальчонка взял вицу и выгнал животину из загона. Потратив деньги от продажи мяса, потом и соседа, что жил через дом от Иваныча, как и коровку, жизни лишили. Деньги на дозу искали. Одному из подельников девять лет дали, парится на нарах. Второго вот на кладбище снесли: пока суд да дело — умер от передозировки.

— Бог шельму метит, — тяжело вздохнул Юрий Иванович, провожая взглядом земляков, отводящих лица от сочувствующего взгляда Санникова, — да ведь соседа и парня этого, при луне закопанного, особо родных, ещё жальче.

Душа русская отходчива. О корове, пропадая на озере, забыл и думать. Да и сено в зиму не косить. Дышать стало легче, один из троих сыновей — фермер. Землю пашет, пшеницу сеет, берёзу валит, дрова дачникам продаёт. Но жизнь, в колхозе прожитая, уже прошла.

От грустной утренней прелюдии потемнело в душе, поблёкла в глазах лёгкая, как перо, белая пороша. Но зайчишек всё же добыли. Спасибо егерю, он по обычаю гостеприимно уступил звонкоголосого лопоухого спаниеля Рича.

Пороша, снедаемая на глазах солнечными лучами, быстро почернела, обнажив бурьянное царство былой пашни. Правильно говорят старики: первая пороша — не санный след.

Мы снова у Иваныча. На немощного, больного старика он не похож. Непоседлив, гостеприимен, та же небесная синь в глазах. Стан захлестнула большая вода, пришедшая по рукотворному каналу из соседнего урочища, подтопленного очистными сооружениями. Уходит под воду живописный, в кологривых соснах, полуостров, много годков служивший удобным пристанищем охотничьему стану. Обновляя строения базы, построили новую гостиницу, ещё не успевшую приютить ни единого человека, и вот — такая оказия. Завтра сходим на лодке, посмотрим, что там осталось. Иваныч живёт на крутояром берегу в домике-вагончике, здесь и принимает заводских людей, путёвки выписывает.

Остановились на ночлег. Лёжа на полу вагончика, застеленном шелковистыми овчинами, я думал о предстоящем путешествии. За те годы, пока город сбрасывал стоки в заболоченную пойму лесного урочища, мелкое озёришко превратилось в могучее озеро, уничтожившее береговые леса, затопившее сотни гектаров пахотной и сенокосной земли. Полуостров с охотничьим станом превратился в остров. Лёжа на границе, озеро грозит затопить сельхозугодья соседней области, и уже сооружена плотина, чтобы отсечь прорыв воды в направлении соседних деревень. Сооружение, на мой взгляд, малоэффективное. Весеннее половодье прорвало плотину на флангах уже в первую весну. Ушла под воду прямая дорога, накатанная по перешейку мимо обширных федеркульских болот, затоплена колея, пробитая на полуостров через камышовую падь. Вода точит берега, роняет вековые сосны. На охотничью базу, зажатую со всех сторон водой, мы и собрались идти на вёсельной шлюпке Иваныча.

Лёжа в полусумраке на мягком ложе из овчин, чувствовал, как в ладони, пахнувшие рыбой, тычутся нежные пушистые комочки. Почуяли съестной запах и вылезли из гнезда рыжие котята — дети Маруси-охотницы и ленивого Чубайса. Ещё вечером любовался тигриного окраса Марусей, несущей в зубах крупного окуня, оброненного, очевидно, чайкой или бакланом. На эту идиллическую картину вальяжный рыжий котяра Чубайс, свернувшийся на плоскости массивного берёзового швырка, даже не поднял головы.

Засыпая на уютных овчинах, я слушал рассказ старика, соскучившегося по собеседникам. Приезд председателя со своим другом ему в подарок и честь.

— В здешней округе, Колюшка,— говорил старик, журча в тиши жилища мягким голосом и не забывая доливать в стаканы,— стояли деревни Омелино, Пеньково, Оглупово, да было несколько хуторов. Меня-то произвели в Оглупово. Родная бабушка там в церкви венчалась. Деревень и хуторов этих, почитай, уж нет. Я в нашей Шкотовке доживаю. В Оглупово родился, да, пожалуй, и прожил глупо, бестолково. А сейчас толково ли? С древними стариками в деревне двадцать четыре двора. Есть крепенький мужик-фермер, но и ему под силу вспахать и засеять невеликое поле. А тысячи гектаров пашни заросли бурьяном, берёзой и осиной. Власть обо всём знает, да уже не вытянуть деревню из болота, тяжек крест.

Долог июльский день. Не спали до первых петухов, чьи приглушённые голоса, пронзая берёзовые рощи, не пробудили, а усыпили Иваныча, плескавшего за разговором по капельке в металлическую кружку. Охмелел от угощения, но крепок и стоек старик, как деревянный солдатик. Говорит, что, пока не охотничий сезон, высыпается днями, часто бодрствуя до рассветного часа. Сухой ствол берёзы распустит, полешки порубит, домиком займётся, утепляя в зиму. В домике-вагончике, на совесть утеплённом, с жаркой печкой-буржуйкой, собрался зимовать.

— Много ли натопчусь на своих ногах? Здесь перезимую, на берегу,— рассуждает старик.

Обустраивать жилище помогает хороший приятель, шахтёр-ветеран Владимир Ткалич, потерявший ногу в шахте в двадцать девять молодых лет и давно сроднившийся с протезом. Навещая старика, по-дружески о нём заботится.

Пять лет Юрий Иванович служил на флоте, ходил по морям. Сменив палубу крейсера на рыболовный траулер, другую пятилетку ловил рыбу, засаливая дары океана в дубовые бочонки, доставляя добро в иностранные порты. Досадно было: свои-то россияне такой вкусной селёдочки не видят. Сойдя на берег, батрачил в колхозе, рубил в шахте уголёк, а после травмы водил оперативную машину горноспасательного отряда. Случается, наливает по капельке на могилах мемориального комплекса, где упокоены товарищи. Сиживая у последнего пристанища товарищей, пьёт горькую, слёзы из глаз капают, и роняет слёзы рябина над головой. Любят ягоду дрозды-рябинники, могилка ровно в красных слезах.

Друга Вовку всего жальчее, смерть он принял болезную. Встретил сына из армии, оженил его, помог оформить службу в отряде. Внука уже ждали, но погиб единственный сынишка при первом же спуске в преисподнюю. А ведь сам и доставил взвод сына по тревоге на шахту. Метан в штреке громыхнул, сразу забрал двадцать два горноспасателя. Ещё не извлекли молодого бойца из чёртовых завалов, а уже полгода прошло со дня трагедии, ещё не выдали на-гора последние жертвы адского взрыва — невестка аборт сделала! Всё кувырком, а тут с женой кавардак, чёрная кошка пробежала. И сломался Вовка — вылил на себя банку бензина, чиркнул зажигалкой. Жалко друга, да то ладно, что похоронен тут же, на мемориале, рядом с павшими товарищами.

Таков он, старик Санников: пустился бы в пляс, стеклянную тару ополовинив, да грехи не пускают. Успел состариться, похоронить жену, отсидеть срок по глупости. И ноги искалечил тоже по пьяной дури. Вот поди ж ты! Служа в военизированном отряде, спасал с бойцами-респираторщиками шахтёров, попавших в беду. А сам не уберёгся. Не шахта, но тоже стихия тому виной. И себя клянёт, ясное дело: в тот морозный день на грудь принял лишка. Природа жестока и коварна, когда учует слабину в человеке.

— Колюшка,— желая повторить, Иваныч протянул кружку,— ещё по капельке, и айда — в море. Отдать швартовы! Пузырь-то прихвати, закусон, какой

найдёшь. Ужо на острове, на земле Санникова — поднимем бокалы!

Нам, молодым и крепким, вёсла не доверил. Всю дорогу грёб размеренно, неутомимо, словно вся его сила в сухом, но ещё могутном теле сосредоточилась в цепких, жилистых руках.

— Вот здесь, на месте гибели Миши Нужина, долго стоял буй, — бросив вёсла и закурив, показал на воду Санников. — Жена ставила, когда лёд по весне сошёл. Уж сколько лет прошло, железная цепка, поди, поржавела. Ничего нет вечного, и буй сорвало в бурю. Никто не понял, погиб Мишка или убили его…

Бывали случаи, подрезали браконьеры ставники бригады, черпали сырка. Однажды в бурю ночные тати не устояли против крутой волны, опрокинули лодку. Один утонул, а двое до рассвета провисели на поводке и шесте ставника. Хорошо, собаки залаяли и донёс ветер мольбы о помощи. Сам Миша рисковал, но не испугался волны, спас людей. Едва расцепил руки парней, отрывая их от шеста. Выручал людей, даже таких пакостливых, а сам погиб.

Я смотрел на рябь воды, пытаясь представить холодное зеркало полыньи, в которой утоп рыбацкий бригадир, не понимая, как Юрий Иванович помнил в этой сплошной, далёкой от берега воде место гибели знакомого рыбака.

С момента закладки охотничьего становища немало егерей оставили на полуострове следы хозяйственной деятельности. Разные были человеки. Встречались, кто хапужничал, истреблял разного лесного и норного зверя, хищно, с целью навара, черпал рыбу, пускал в распыл коллективное добро — инструмент, технику, лодки. Таким был егерь до Санникова, поставленный сюда в угоду начальству: подкармливал дарами природы заводских доброхотов, а сам, спрятавшись на стане от людских глаз, разбойничал в угодьях, творил непотребное. Случалось, разделывал туши коров и лошадей, пригоняемых тёмной ночью.

Поговаривали, что за одним из таких занятий и застал мужика Михаил Нужин, наведавшись к соседу по перволёдку. В гости пришёл навеселе, с транзисторным приёмником. Возможно, там что-то произошло, но опять же догадки. Кололи лёд, искали бригадира баграми на месте бывшей полыньи. Вода перед тем, как ударить морозам, долго не замерзала. Не давали утки-подранки. Кого лисы утащили, какая птица, найдя силы, снялась и улетела. На краешке замёрзшей полыньи стоял транзисторный приёмник, слегка припорошённый снегом. На егеря завели уголовное дело, но тёмную историю по полочкам не разложили, уличить в убийстве не сумели. Сейчас он продолжает любить природу в другом хозяйстве.

На озере штиль, вода успокоилась до тихой глади. Темна, глубока водица, как и вся-то жизнь Иваныча. Старик бросил вёсла и, отведя лукавый глаз в сторону острова, обратился к председателю:

— Колюшка, до берега полверсты, давай жахнем по капельке. Небось не утонула радость наша. Пробку-то хорошо закрутил?

Загадочные люди — онкилоны, священное озеро, кладбище мамонтов, чёрная пустыня, дикари-вампу, речь шамана — мифическая книжная земля Санникова. А остров Санникова, затопленное становище, к которому плывём, вечная мерзлота в душах соотечественников, — реальность. И не шаман, а живой и умный старик — реальность. И остров с длинной косой засохшего на корню соснового леса — реальность. И странная, необъявленная война человека с природой — реальность.

В лодке на воде рыбак, приехавший аж из Екатеринбурга поудить на живца крупного окуня. Он горько сожалеет об утопленном садке с грузом пойманной рыбы. Вязка не выдержала, лопнула.

— Скидай штаны, ныряй за садком, он у тебя под лодкой, — пребывая в лёгком хмеле, шутит Юрий Иванович.

Рыбак — фаталист, не умеет плавать, но большой любитель рыбной ловли. Сочувствуя парню, Иваныч признаётся, что с энтими своими ногами и он на воде — топор. Ходить в лодке легче, чем топтать землю ногами.

— Долго ли осталось топтать? — бурчит под нос старик.

Подгребаем к острову, сушим вёсла. Вижу стволы мёртвых деревьев, стены и крыши утонувшего становища. И кажется, что в озёрной толще воды мирно бегают белые и чёрные кролики, жуют травку рядом со стожком молодого сена. Вот женщина с подойником парного молока, ветхий плетень огорода, неубранная морковная гряда, жёлтые плети огуречника, лодки на берегу. Вижу то, что было и чего уже больше не будет. Ни на земле, ни в зеркале воды, ни в оставшейся жизни Иваныча.

На фоне тёмно-зелёных сосен, отражённых на глади озера, голубеет ставенка егерского дома. Ещё не коснувшись воды, мерно скрипит на петлях, словно плачет о горькой судьбе, сожалея о прошлом. Уходит под воду земля Санникова.

Соловей-пташечка

Жуя тормозки, извлечённые из потемневших от угольной пыли газет, шахтёры водили дублёными пальцами по строчкам текстов.

— Почто ругаете пасхальные куличи? Зачем даёте списки бракоразводных процессов? На кой хрен нам налог на бездетность? А если человек не способен?!..

— И сколько ты там, в твоей редакции, получаешь?

Вася Балин бесхитростно ответил:

— Сто двадцать рэ в месяц…

— Ну и дурак! — сказал щуплый, мелкого росточка, подвижный забойщик по фамилии Прутков. — Руки есть, ноги есть, голова на плечах. Приходи к нам, будешь зарабатывать по семьсот рублей!

Этот спуск в шахту стал последней каплей сомнений. Вернувшись в редакцию, Балин прямиком зашёл в кабинет главного редактора.

— Михаил Григорьевич, нет сил, семья рушится. Решил я в шахту спуститься.

— Спускайся себе на здоровье. Ты же только из шахты, по глазам вижу, не всю черноту смыл. А что с семьёй?

Василию не хотелось жаловаться на жизнь. Родился второй ребёнок, денег кот наплакал, а он из шахтёрской семьи, с детства привык водить машину…

— Так и води на здоровье,—редактор нехотя оторвался от читки полос.—В чём дело-то?

— В бедности дело, тотальной! Машина отцовская, он в шахте бригадир, а у меня ни кола ни двора. Я не журналист вовсе, а бомж, живу у тёщи в примаках. Нет, я решил: спущусь в шахту, но в редакцию обязательно вернусь. Может, книгу о шахтёрах напишу!

Михаил Григорьевич поднял голову, поправил очки и сказал фразу, поставившую Балина в тупик:

— Ты и не журналист вовсе. Журналисты те, кто в журналах сидят. Ты газетчик.

В коллективе Васю приняли тепло, прикрепив к опытному ГРОЗу, весельчаку и балагуру Ивану Михайловичу Пруткову. Получив наряд и раздевшись в чистой раздевалке, пришли в грязную. Освободившись от чистой одежды, Балин облачился в робу. Как ни старался, а упаковаться быстрее Пруткова не получилось. Одеваясь, спиной чувствовал, как быстро пустеет раздевалка. Ноги в сапогах, каска на голове—всё! Василий обернулся: раздевалка пуста, и только один человек терпеливо ждёт его.

— Привыкнешь,—сказал Иван Михайлович.—Айда в ламповую.

От волнения Василий покраснел. Запылали уши, лоб в испарине. Чтобы закрепить на поясном ремне банки с электролитом, вставить светильник в гнездо крепления на каске, перекинуть через плечо ремни самоспасателя и термоса, разместить в карманах куртки тормозок, алюминиевую флягу, рукавицы, найти надёжное место для бирок на спуск и выезд, требуются сноровка и время. Мужики всё делают по привычке, движения отработаны до автоматизма. А на плече горного мастера, к примеру, ещё дополнительно висят прибор контроля за воздушной средой и полевая сумка с документацией.

Вася, стараясь держать марку человека служилого, заметно суетился. И оттого, казалось, в новой брезентовой спецовке просвечивал насквозь.

— Ты ямокопательный институт не оканчивал? А у меня диплом с отличием!—вводил в курс дела Прутков.—Запомни: спешить в шахте надо медленно. Лучше совсем не спешить. Присматривайся к людям. У нас много талантов: инженеры, музыканты, агрономы, врачи, даже лётчик есть! Под каменным небом, ясное дело, нашему соколу тесно. Он из зэков, посидеть ему пришлось. От сумы и тюрьмы не зарекайся. Я тоже малёхо сидел, по малолетке. У нас даже цыган есть—Аркаша Авдеев! Поспорил с директором: отработает в яме десяток лет—рысака ему в подарок. Алексей-то Стаханов, слышь, тоже мечтал о сером рысаке в яблоках.

Остановились на дощатом перроне, сели в подземный трамвай. Вагон заполнился шахтёрами и тронулся в направлении забоя, позванивая, как его наземный собрат.

— Руки, голову не высовывай, без них ты не работник,—Иван Михайлович решительно не умел молчать.—Так срок-то у цыгана заканчивается, пора директору жеребёнка присматривать. У Аркашки шестеро по лавкам, отцу до пенсии вламывать. Представляешь, цыган Аркаша—ударник труда! Спросишь, нет ли в шахте космонавта? Был конструктор космических кораблей. Когда на-гора поднялся и за колючку вышел, в Москву вернулся, с Королёвым работал. Был такой, Павлом Ивенсеном звали! Слыхал? Он и придумал гидравлический комплекс! Ты на курсах теорию изучал, сейчас будем практику проходить. Комплекс против комбайновой лавы—космическая техника!

Последовала короткая пауза. Иван Михайлович шагал по мокрому трапу. Булькала под досками, капала с кровли вода. Вдруг остановился, замер и, постукав костяшками по каске, воскликнул:

— Голова садовая! Космонавт тоже был, настоящий. Рубили уголёк за себя и Юрия Гагарина. Норма Юры—шестьсот тонн! Переписывались с ним, каску и лампу «Свет шахтёра» подарили. И он нам писал, в музее письма хранятся.

Иван Михайлович спустился в шахту, отслужив срочную. Когда спрашивали, где служил, отвечал: «У мамы под юбкой». В его бригаде ребята подобрались серьёзные, на шутки-прибаутки иногда обижались, но недолго. Как можно обижаться, глядя в улыбчивое, хитрющее, добрейшее лицо Ивана Пруткова? А службу Иван нёс в сибирских широтах, по соседству с посёлком Мама.

Как-то рассказывал: пожаловали господа на иномарке, в крутых прикидах. Спрашивают: «Вы Юрия Гагарина в свою бригаду записали, деньги на его счёт перечисляли?»—«Не деньги, а норму космонавта номер один на-гора выдавали. В чём, собственно, дело?»—«А дело в том, что на счету бригады в швейцарском банке лежат два миллиона шестьсот тысяч американских долларов. Наш гонорар за информацию—десять процентов. Согласны?»

Ударили по рукам. Незнакомые люди вежливо попрощались, пообещав приехать с документами. Соседи спрашивают: «Что за делегация к тебе приезжала?» Иван Михайлович им в ответ: «Вы со

мной поаккуратнее, я теперь миллионер! Нашёлся добрый человек, наш общий с Юрой Гагариным уголёк в „зелёные" перевёл. Вот лежат они в швейцарском банке и не знают, как ко мне попасть. Так думаю: дёшево наш труд оценили. Каких-то два с половиной мильёна. Когда мы с Гагариным уголёк рубили, рубль с долларом на равных бодался!»

Байка ушла в народ, обрастая новыми подробностями. Обещал Иван, ежели деньги получит, поликлинику в посёлке открыть, клуб построить. Ещё пенсию соседям-шахтёрам повысить. Первые в его списке — ветераны-забойщики Боря Золотавин, Лёша Дьяконов, Ваня Горбунов — всего десять фамилий!

В хорошую байку народу всегда верить хочется. Даже Василий Балин чуть было не поверил.

Иван Михайлович дружит с Искандером Лягушиным по прозвищу Кум. В отличие от мелкого Пруткова, Кум мужчина крупный, серьёзный, но вспыльчивый.

В лаве, улучив время для перекуса, присели, развернули тормозки.

— Хороша парочка — баран да ярочка, — сострил кто-то из грозов.

Профком шахты наладил выдачу талонов для подземного питания. Друзья, отказавшись от домашних тормозков, по пути к стволу получают в буфете термос с горячим борщом и кашей, кулёк с хлебом и колбасой. И здесь же, в кулёчке, конфета-карамелька к чаю.

Сидят мужики, жуют тормозки. Борщ с мясом уплетают, кашу едят. В кульках всё одинаковое: пайка хлеба, срез сала или колбасы. И кульки одинаковые, а что разное — так это конфеты. У Ивана-соловья она шоколадная, обёртка серебряная. В луче светильника чистый алмаз сияет из темноты забоя. У Кума конфета простая, обычная карамелька, и фантик неприметный. Пыхтит Кум, молчит, на ум мотает.

И так несколько смен кряду. Всё одинаковое: солнце, террикон, штрек, комбайн, звезда на копре, хитрющая морда Пруткова, а конфеты разные, хоть ты лопни! Нервы Кума не сдюжили. На-гора, перед спуском в шахту, устроил буфетчице Клавдии скандал.

— Что за дискриминация? — шумел он в лицо растерянной женщине. — Значит, Пруткову тормозок с шоколадкой, а мне завсегда карамелька? Какая промеж вас любовь или коррупция?

Буфетчица Клавдия в слезах побежала в профком. Назначили комиссию, но пока сыр-бор, Прутков сам затушил пожар раздора:

— Успокойся, дорогой Кум. При чём здесь Клавдия? Нет между нами любви. Я сам кладу в свой тормозок шоколадку, а карамельку — в карман. Понимаешь — сам. Она и сейчас у меня в затайке. Я так шутю!

Иван Михайлович извлёк из спецовки карамельку. Её цветной фантик был чёрен от угольной пыли.

— Хочешь скушать?

Лягушин в ярости смёл с ладони друга угощение, забросил в тупик забоя.

— Пусть крысы твою конфету жрут. В следующий раз и я пошутю, весь тормозок твой крысам скормлю.

Василий Балин помалу втягивался в работу. Путь до лавы не близок: стоишь у ствола, летишь в клети, катишься в трамвае, спускаешься на горизонт по канатно-кресельной дороге, шагаешь по штреку, о многом успеваешь поговорить.

— Ты посуди. Разворачиваю газету, а там заголовок: «Люблю шахтёрскую спецовку!» Я так скажу: любить грязную, потную, вонючую спецовку не за что! Это чистый понт сквозного бригадира Кривушина. Он, двуликий Янус, выдал для красного словца. Да ведь отопрётся, скажет, что журналист придумал. Значит, весь спрос с вашего брата-газетчика!

Ещё долго перепевала шахта попавшую на острый язык Пруткова актуальную тему. Сидит в раздевалке мужик, пеленает ногу вонючей портянкой и лениво, с хрипотцой, лукаво говорит:

— Эх, люблю шахтёрскую спецовку!

Шутку подхватывают забойщики:

— В такую спецовку огородное пугало наряжать.

— Свои бы платил, лишь бы в неё не влазить.

— Такой спецовкой бомжей пугать!

Ну и прочее.

Однажды на верхнее сопряжение пришла «белая каска» — горнотехнический инспектор. Их брат любит вваливать замечания:

— Почему засыпано ходовое отделение? Премией не дорожите?!

— Да это Лягушка. На штреке стойку пробьёт и вычистит, — разливается оператор сопряжения Иван Прутков.

Из черноты штрека выплывает Искандер. Инспектор в праведном гневе:

— Товарищ Лягушко, почему завалено ходовое отделение? Невозможно пройти по лаве! Кто вгоняет топор в стойку, да ещё пихтовую? Забыли о технике безопасности?

Выдернув лезвие из хрупкой древесины, инспектор положил инструмент на угольный штыб. Дождавшись, когда проверяющий исчезнет в тёмном квадрате штрека, Лягушин поднял топор и только сейчас отпустил вожжи:

— Паскуда, начальник! Учить вздумал? Когда я в эту яму спускался, он на горшке сидел!

Размахнувшись, Искандер с силой вогнал лезвие в стойку. Пихтовый стволик, стоящий под подхватом, лопнул, как спичка. Упав на почву,

тяжёлый подхват хватил ГРОЗа по ноге, обеспечив недельный больничный лист и лишение месячной премии за нарушение техники безопасности.

С лёгкой руки Пруткова по шахте загулял анекдот: «Идёт пьяный татарин по дороге, навстречу ему трактор. Он его останавливает и требует у тракториста права. Получил по физиономии, улетел в кювет. Выбирается из грязной канавы: „Останавливали и будем останавливать!“» Кум пыхтит и терпит, дружба сильнее обид.

Неожиданно встали ленты конвейеров, можно охолонуться на свежей струе. Балин сидит на валуне, слушает тишину эпох. Остужая лицо холодком вентиляционной струи, вытирает пот с чумазого лица грязным лепестком-респиратором. А каким был белым!

На конвейер выскочил серенький крысёнок. Потешно потёр лапкой носик, огляделся по сторонам и юркнул в отработанное пространство забоя. Мама-крыса так не поступает: взрослые зверьки загодя чувствуют опасность. В ту же секунду кровля в мёртвом пространстве грозно обрушилась. Воздушной волной смахнуло каску с головы, посыпался штыб из щелей железной кровли. И не стало малыша-крысёнка, потому как глупый.

Вася Балин восседает не просто на валуне, а на швырке окаменевшего миллионы лет назад дерева. По-научному — из эпохи палеозоя. Богатыри-шахтёры рубят уголь, но особо не вникают в его историю. Некогда им заниматься пустяками. В одном из последних репортажей Василий писал: «Здесь, на дне древнего моря, в каменных джунглях кордаитовой тайги, то и дело запинаешься за чурки стволов древесных динозавров, древних деревьев лепидодендронов, сигиллярий, каламитов. Годовые кольца, отпечатки листьев папоротника, рисунки растений видны без микроскопа…» И так далее, обычный репортаж со скромными иллюстрациями эпохи палеозоя.

В забое, разворачивая тормозки, шахтёры успевали прочитывать репортажи Василия и с удивлением узнавали, что рубят уголь на дне древнего моря, что окаменевшие ракушки — один к одному двухстворчатые перловицы, каких полно на местных озёрах. Случалось, вывозили на-гора и, спеша удивить, дарили детям и друзьям в качестве сувениров. Иван Прутков спросил у дочки-школьницы:

— Настя, помнишь, ты привозила ракушек с озера? Створочки у них изнутри перламутровые, с голубинкой.

— Папа, — отвечала дочка, — так вон они, створочки, на подоконнике лежат!

Иван протянул ладонь с каменной перловицей:

— Посмотри-ка сюда. Этой ракушке триста миллионов лет! Мы в шахте-то по ним ходим. Древний род, однако. Знай, где папка денежки зарабатывает — на дне моря, в тайге палеозоя!

Человек не железный, живой, в подземном космосе совсем комарик. Комбайн, к примеру, починишь — и дальше рубишь по пачке угля. С человеком сложнее: ломает и гробит его шахта. Если что серьёзное, Василий спрашивает себя: «Кто следующий?» Но никто не думает, что именно с ним может случиться беда.

Та смена, когда следующим стал Иван Прутков, была обычной, рядовой. Только занемог, не вышел на смену звеньевой, машинист комбайна Геннадий Худяков. Его, когда приспичит, подменял многостаночник Прутков.

Смотреть со стороны — красота, дух захватывает: в чёрном проёме лавы расцвёл пышный букет золотых искр. Чаще это случается там, где угольный пласт с сотворения мира начинён валунами. Торчит из груди забоя камень-дерево — и надо умело, не повредив шнек, вырубить его из угольного пласта. Но и гроссмейстеры ошибаются. Комбайн, зацепив шнеком ствол окаменевшего дерева, — как если бы сваленная ветром сосна перегородила лесную дорожку, — вдруг резко накренился на борт кабелеукладчика. В рукаве спецовки Пруткова затяжелела пустота. Услышав дикий вопль и за ним забористый мат, перегонявший секции Василий остановил многотонный подземный танк. По селектору забоя пронеслось:

— Ивану руку отрубило!

На-гора, лёжа на окровавленных носилках, Иван Михайлович попросил закурить. Сознания не терял, а когда привезли в больницу, местный эскулап Сафин, ловко отделив половину левой руки ниже локтя, поместил её в прозрачный мешок со льдом. Всю дорогу до областного центра, а это двадцать километров избитой дороги, Прутков не обронил ни слова, курил и смотрел на свою отрезанную руку, висевшую в прозрачном пакете над головой. Хирурги областной больницы трудились за операционным столом двенадцать часов. Сложная операция, стартовав вечером, завершилась утром.

Укороченную конечность пришили, рука прижилась, давала возможность нянчиться с внуком, баловаться веничком в бане. Даже огород вёснами Иван вскапывал здоровой правой рукой.

Василий Балин, выехав на-гора после перевода в областную газету и купив на заработанные в шахте деньги однёшку «Ладу» (удобно объезжать шахты бассейна), время от времени навещал наставника. Иван Михайлович шутил, смеялся и обижался:

— Что, дружба, опять за рулём? А чарку?!

Пролетели годы. Василий шёл привычным маршрутом в редакцию. Проходя мимо типовой пятиэтажки, оказалось, совсем недалеко от своего дома,

замер от удивления, увидев Ивана Михайловича. Взору предстал сухой, слепой, беспомощный старик. Он держал перед собой правую руку, как если бы ощупывал воздух. На удивление бодро поздоровался, узнав бывшего ученика по голосу.
— Что ж ты так?—удивился Василий, не отнимая руки из слабой ладони Пруткова.—Изменился, дорогой Иван Михайлович!
— Катаракта, в холеру мать, на операцию собираюсь. Как сам-то? Всё у тебя ладно?

С высокого крутого крыльца дома сбежала молодая симпатичная женщина. Догадавшись, что родственница, Василий отступил в сторонку.
— Папка, зачем ты приехал? Я звонила маме: мне уже легче. Вот зачем ты приехал? Не затащить тебя на третий этаж! Всё хорошо у нас. Внук твой в школе, зять на работе. Ты поезжай домой, я такси вызову.
— Не надо такси. Не узнаёшь меня, Капочка?—вышел из машины Балин.—К самому дому доставлю.

Старик пощупал рукой воздух, дотронулся до дочери, обнял здоровой рукой, замер на плече:
— Вы-то не болейте, а с нами всё путём, всё хорошо.

Балин растерянно смотрел на наставника, вспоминая прежнего подземного соловья. Осиротела пташка-соловушка с перебитым крылом…

Колорадский жук

Гальки-галечки сурового Балтийского моря. Сработанные из земной тверди, обкатанные прибоем, разных цветов и рисунков,—до чего хороши! Благолепие, шкатулка самоцветов! Шуршат, хрустят под ногами: гладкие, звонкие, манящие… Просятся в руки. Каждый день волны приносят новые галечки. Из каких таинственных глубин вымыло море эту райскую красоту?

Вытянувшись на полке купе, Гена Пряхин вспоминает синее море. Сказать по правде, вспоминает не как романтик, а как человек, чью душу греет неутолимая мечта о бизнесе и тугом кошельке.

Морей на земле много, все имеют названия: Чёрное, Красное, Жёлтое, Белое. Может, есть и Оранжевое? Для Гены Пряхина из уральской деревни Непряхино синее море—первое в жизни. Хорошо бы побывать на всех цветных морях. В прошлом году вырастил и продал картошку с двадцати соток. Спасибо жене Августе. На двоих денег не наскребли, и на вырученные за урожай рублики отпустила она мужа одного. Нынче снова пахал и сеял, прибавив к наделу новые сотки. Повезёт с урожаем, выгодно сдадут клубни—на следующий год вместе поедут на Чёрное море.

Гена Пряхин, мужчина в расцвете сил, коренной сельский житель, возвращается в родную деревню из латвийского городка Вентспилса, где три десятка лет безвылазно живёт шурин Александр. Нравится Геннадию ездить поездом. Лучше ездить, чем летать. Родился трактористом, не лётчиком. За окошком самолёта только скучные облака. Когда небо безоблачное, любо смотреть на земные просторы. Хорошо, но страшно. Высота—не его мечта. Летать дорого, да и боязно. Жена шурина, навестив родителей, возвращалась домой авиарейсом. Получил Сашка урну с прахом. И какой там прах, если столкнулись, взорвались и сгорели в воздухе два самолёта?

Крепко сложенный, росточка среднего, Пряхин легко устраивается на купейной полке, ноги поджимать не надо. Устав лежать на округлившемся в гостях животике, часами смотреть в окно, пассажир повернул затёкшее тело на спину. Удобнее уложив голову на подушке, размышлял. Потому, наверное, остался брат жены докером в приморском городке, что полюбил синее море, песчаные дюны и это дивное творение природы—цветные галечки. Хотя помнит Гена признание шурина под соснами местного кладбища. У могилы супруги-красавицы Александр, закурив сигарету, сказал: «Под этими камнями лежит половина моего сердца». С женой, не успев родиться, погибла дочка-мечта. У Сашки взрослый сын, женился, ждут внука.

Всюду цветной шлифованный камень, нет привычных памятников с оградками. На морском берегу песок и камень, на кладбище камень. Собери с российских погостов железо—танковую колонну можно построить или, скажем, атомный ледоход. И на Урале камня в избытке, за границу продают. Правильно делают! Не встречал Гена людей-торгашей, чтобы жили бедно. И сам пробует торговать, чем с Августой богаты: сено, дрова, грибы, рыба, дичь, опять же картошка. Дачникам удобно, и семье прибыток. В хозяйстве машина «Нива», считай, лавка на колёсах, но разбогатеть как-то не получается. Деньги приносит бизнес, а где он в деревне Непряхино?

Геннадий читал: богатым быть—деньги любить. Переставь слова местами, как в школе учили,—от перестановки слагаемых ничего не изменится. На белом свете Пряхин прожил тридцать лет, но пока не знает, как сделать свою жизнь богаче. Мерзкие деньги с мириадами микробов на мятых бумажках он глубоко презирает. И когда их касается, старательно моет руки с мылом. Когда денег в достатке, скажем, после продажи картошки, приятно: мужик, супермен, о-го-го! А когда их нет и горят трубы с похмелья, чем облегчить страдания? Августа копейки не даст, даже на пиво. Тогда он любит и уважает деньги виртуально-параллельно. Но чтобы постоянно их любить и быть богатым, Гена этого не понимает. Он и рад любить деньги, любоваться ими, хрустеть ими, но душа не принимает. Опять же родные и друзья толкуют: не жили богато! Но Гене Пряхину пока не расхотелось быть богатым, не поубавилось желания!

Не дают покоя морские гальки-галечки. Даже под стук вагонных колёс Гена слышит их приятный

хрусток под босыми ногами. Каждая галечка — произведение искусства. А главное, каждая имеет цену! Просверли дырочку, собери на суровую нитку — вот и ожерелье на шею жены Августы. И продать запросто можно. «Торгуйте, мол, богатейте, — шумит море, — у меня много такого добра!»

Если в своей деревне не найдётся охотников до такой красоты, есть районный центр, рядом город. Только много ли увезёшь морских галечек? Набрал в рюкзак, а вес — гиря пудовая! Шурин над Геной смеётся, а того не поймёт, что ходит по сказочному богатству. Можно в деревне ювелирную лавку открыть. Торгуй медальонами-сувенирами. Правда, для открытия лавки потребно камешков тонны!

Разных чудес насмотрелся Гена в портовом городке. Гуляя по Вентспилсу, снимал пейзажи европейской жизни, стоящие в порту и на рейдах корабли. Даже французские «Виражи» в объектив ловил, когда натовские истребители шныряли над морем. А такой экзотики, как коровы и быки, запечатлел целое стадо. Деревня обзавидуется упитанной скотине. Скульптуры с рогами и хвостами! И ни метра голой земли, ни кусочка асфальта, всё в декоративной плитке и цветочных композициях. В деревне после дождя без резиновых сапог не нагуляешься, а здесь чудно: триста велосипедных стоянок, десятки километров велодорожек!

За городом леса могучие, ухоженные, разбитые на кварталы. Дороги посыпаны крупным морским песком. Надо постараться, чтобы где-то застрять. А в родной деревне завсегда трактор на выручке. Пашет Гена землю — за плугом прыгают чёрные головешки-грачи, а здесь в борозде расхаживают длинноногие птицы аисты. В уральском климате аисты не водятся, только в сказках живут. Принесла девка в подоле, а отца — тю-тю. Кланяться аисту или нет? А с грачами весна прилетает.

Телячий восторг свояка, стараясь не обидеть гостя, шурин остужал мягко: «Ты, братушка, не завидуй шибко-то. Возьми, к примеру, Непряхино. Наша деревня только белую армию помнит, то свои были, русские, а здесь столько иноземцев толклось — на пальцах не сосчитать, калькулятор нужен. Сейчас свободны: едут в Европу, моют там унитазы. Какая, к чертям, свобода, если баз натовских — как иголок на ёжике? Они культурные, справляют нужду там, где приспичит, туалеты без надобности. Я докером пахал, калийные соли грузил, болезни нажил. А спроси любого латыша — каждый сочтёт за благо на моё место встать. Нет в городе работы, поубавил порт обороты. Жили-то за счёт России, пришли другие времена».

Генка вздыхал, робко возражал: «Тут старинные замки и галечки на берегу. Изумруды-бриллианты! Ещё думал, что тайга только уральская и сибирская, с клюквой на болоте. Она и здесь в наличии. Но вот лес латышский — зоопарк: олени, кабаны, лоси. Фантастика! Как не позавидовать? Ты меня на охоту свозил, кабанчика завалили. А я, если помнишь, в Германии служил. Сытая страна, зверя там тьма. Ехали в электричке: вдоль путей пшеницу скосили, она ещё в валках. Зайцев на них всем взводом считали».

Шурин ухмылялся: «Я от их чумной цивилизации как раз в лесу и спасаюсь, а ещё на даче. Она тоже в лесу. Тихо там, привольно, и природа — смак. Страна маленькая, гномик совсем, а охота не чета нашей. А грибов и ягод — сам видишь, торг на каждом перекрёстке!» Понимая, что хвастает, шурин находил контраргумент: «Желаешь негром стать — приезжай. Я не гражданин страны, на выборы не хожу. Нашему брату туда запрет».

«На выборы и дома особо не тянет», — мысленно возразил Пряхин шурину. Перестук вагонных колёс ему не надоедает, он его усыпляет. Засыпая, видит родную деревню, уютно лежащую на косогоре реки Ницы. Речка в старице и омутах унизана белыми лилиями. Покачивая бёдрами, идёт по тропинке жена Августа, а на шее ожерелье, да какое: «Made in Latvia». Латышам завидовать? Расползлись, как тараканы, по богатым странам, работу ищут, а она ждёт их на кухнях да в туалетах.

А в своей-то деревне картошка нынче на загляденье. Не соцветия каштанов, ветки жасминов, бутоны роз: цветёт белым цветом картошка непряхинская — сад магнолий, да и только!

Очумев от московской суеты, разбоя вокзальной шпаны, Генка пересел в столице на фирменный уральский поезд. Ехать ещё долго, хотя дорога успела утомить. Уложив небритый подбородок на казённую подушку, вяло любуется сквозь дремлющие веки пейзажами за окном. Оживляется, узрев заполонивших поля людей в полусогнутой позе. Они методически кланяются земле. В руках селян и дачников отсвечивают на солнце серебристые банки, белые ведёрки. «Чудеса в решете, — думает Гена. — Богато созрела клубника, если поезд всё мчит, а люди всё раком стоят!» Ход скорого поезда не позволяет детально понять, что за окном, но Гене мерещатся сладко пахнущие клубничные рядки.

Пассажиров окликнула пожилая проводница:
— Чайку не желаете?
— А чай с клубникой? — сострил Гена.
— С какой клубникой? — спросила проводница.
— А вон за окном — все клубничку собирают.

Женщина бросила взгляд в окно и звонко для своей тучной комплекции рассмеялась:
— Где ты, мил-человек, клубнику увидел? Люди раком стоят? Так они колорадского жука с картофеля обирают. Может, чайку марки «Колорадо»? Заморский, вкусный! В здешней полосе колорадский жук всю картошку сожрал!

В глазах Геннадия померк свет. В селе Непряхино, в окрестных хозяйствах новость о колорадском жуке слышали вполуха. «А что, если?..»

Гена почернел лицом: «Прощай, мечта об урожае крепкой, окладистой картошки… А как же Чёрное море?»

Рейсовый автобус тормознул на деревенской улице в сумерках. До поздней ночи, оставив раздачу подарков на утро, Гена делился с женой впечатлениями от поездки на синее море, угощал вкусным вином от шурина, показывал морские галечки! Все-то сразу не рассмотришь, их, почитай, рюкзак. Выбрали с женой особо красивые и приметные, чтобы связать в ожерелье. У Августы дамских украшений, кроме брачного золотого колечка и простеньких бус, полный дефицит.

Странно: утешившись с женой в постели и крепко уснув, не увидел Генка в тревожном сне хрустевшие под босыми ногами гальки-галечки. И море не увидел, и белые дюны, а так хотелось! Снились люди в чужедальной стороне, стоящие раком. Они усердно сгибали спины, собирая колорадских жуков в большие вёдра.

С первыми лучами солнца Пряхин босым выбежал в огород. По деревне горланили петухи, ярко и сочно цвело картофельное поле. Гена не без гордости считал свои двадцать пять соток научно-селекционным участком. Вёснами сажал картофель, подбирая лучшие, стойкие, продуктивные сорта. Делился семенным фондом с родными и соседями.

Внимательно, рядок за рядком, осматривал босой селекционер ярко-изумрудную, сверкающую росой картофельную ботву и уже на самой серёдке поля обмер. Заметив на обсохшем зелёном листочке кладку жёлтой икры, застыл от ужаса. Рядом, на соседнем листке, вальяжно сидел… полосатый жук.

Свои дальнейшие действия Генка осознавал смутно. Поместив жука в банку с крышкой и брезгливо опустив туда же лист с ядовито-жёлтой икрой, воткнул в месте находки черенок тяпки. В его отсутствие жена корпела над картошкой, старательно окучивала ряды. Пряхин где-то слышал и был уверен, что умертвлять колорадское чудовище следует там, где нашёл: сжечь и закопать на глубину промерзания почвы.

Выломав из изгороди рассохшиеся пряслины, завёл отдыхающий во дворе трактор «Беларусь» с ковшом и рванул в пролёт, встав у воткнутого в землю черенка. Выгрыз в податливой земле двухметровую яму, не замечая, что ковши с чернозёмом и глиной ссыпает на ровные, добротно окученные рядки картофеля. Сбегав в сарай, прикатил по цветущей ботве бочку солярки, слил маслянистую жидкость в яму. Ошалело допрыгал до поленницы за лоскутом берёзовой коры. Со злорадством бросил в солярку на дне воронки банку с жуком и икрой, дрожащими пальцами выдернул сигаретку из пачки «Примы». Жадно закурив, запалил сухую бересту. В рассветное небо развороченная земля выдохнула столб чёрного дыма.

Генка не видел, как на пожар сбежались соседи. Из контузии забытья вывел сумасшедший крик Августы, вернувшейся с утренней дойки:

— Ирод, что ты наделал? Орясина безмозглая, сволочь недорезанная. Заставь дурака молиться…

По-разному судили люди о поступке Генки-картофелевода. Одни толковали, что мужик погорячился, другие—что подвиг совершил, пожертвовав образцовым огородом ради общественной пользы. Когда улеглись страсти, Гена, вспоминая о дорожных впечатлениях, пробовал шутить:

— Это я, земляки, клубнику собирал… тракторным ковшом!

Откуда было знать Генке Пряхину, что полосатый колорадский жук, тварь американская, имеет крылышки и способен покрывать десятки километров российских просторов? Уже на следующее лето, в пору цветения ботвы, непряхинцы дружно стояли раком, собирая жука на своих картофельных полях.

Рассвирепев в момент мужниного преступления, Августа выволокла из дома неподъёмный рюкзак с гальками-галечками и высыпала драгоценное содержимое в дорожную пыль. Бизнес Пряхина умер, так и не начавшись.

Генка заработал в деревне две клички: Колорадский Жук и Клубника. В обществе земляков отдаёт предпочтение ягодной кличке, а дома всё зависит от настроения жены Августы.

Андрей Юрьев

Одна

— Дед, ты допил или нет?—Юрка от нетерпения притопнул, заглядывая под полуразобранный «Запорожец», в ремонтную яму, где Иван Георгиевич, весь в масле и какой-то чёрной смазке, подбулькивал в кружку.

— Торопись не спеша,—глотки, смачный кряк, охохони, и белая с длинным горлышком бутыль всунута в авоську к жёлтым, коричневым и зелёным.—Бабка, что ль, торопит?

Юра поёжился. Пять минут назад баба Настя, словно заговорщица, пригнула голову и полушёпотом: «Иди в гараж, глянь: дед пьёт опять?» Куда деваться от этих вопросов? Деда выдавать? «Я хозяйка в доме! Должна всё знать, что происходит! Иди-ко погляди за этим балбесом!» У Юрки даже зубы заныли, так крепко сцепил. Выхватив из-под крыльца сетку с запасом стеклотары, виновато повесил голову и потащился…

А теперь буфетчица автовокзала дала за бутыли честную цену—завтра уже в них привезут «Буратино» и «Дюшес» местного разлива, хоть лимонад покупай, хоть томатный сок стаканами, а хоть бы… Хоть бы и в тир можно сгонять, посшибать с ленты скрипящего транспортёра кружки́ мишеней.

— Я к Даниловым!—прокричал малой, выводя велосипед через дверцу ворот и прилаживая крюком засов.

А баб Таня и сманила на перрон станции, набрать на ужин горячих ещё курников…

С маслозавода привезли свежее мороженое. Немного. Да и то расхватывали почти мгновенно. Юра облизывал сливочную сласть, поглядывая на подходящий поезд. Вот уже с шипеньем и лязгом сработали тормоза. Пассажиры из Ори в Московию вывалили за сергиевским лимонадом, известным на всю железнодорожную линию, но—ох! ах! Сегодня в цехе напитков поломка. Ну-у-у-у, по такой жаре без питья! Но что ж делать, обратно по плацкартам…

Юра замер, не донеся полусъеденную мороженку до рта: вон та вон женщина в яркой с цветами блузке ухватилась за поручень входа в тамбур свободными руками. Свободными. Но выходила-то она с запеленатым ребёнком.

— Мамаша! А где ребёночек ваш?—прокричал Юрец, удивляясь собственной наглости.

Кололо под сердцем, он кинулся в зал ожидания, навстречу выходившим, протискался через ругавшихся… Пищащий и подрагивающий свёрток лежал на продавленном деревянном сиденье.

Пока всяческие невообразимые бабули горестно всплёскивали руками, Юрий Данилов, семи лет от роду, залетел на второй этаж линейного отдела милиции, звонок пошёл начальнику поезда и был транслирован на каждый вагон. Юра забежал в почтовое отделение, разогнав, словно самый взрослый, грузчиков, таскавших посылки, нашёл главного по смене, опять звонок, только что до командира Вселенной не добрался, но поздно. Женщины в цветастой блузке в поезде не было. А может, и была, только модных блузок не сосчитать и не найти мать брошенной девчонки… Писклявый клубок распеленали, подмыли, отёрли, кто-то из домов неподалёку принёс белую простыню, перепеленали—не проблема. На ручонке брошенки оказалась бирка: «Александра, 6 месяцев».

Сергиевка всё-таки райцентром была. И мехзавод с войны, двигатели тракторные собирали и танковые, тогда-то и маслозавод тебе, и элеватор для зерна с окаймлённых посадками полей, и на всю область известный интернат, в котором… В котором тоска и одиночество в школьных отрядах. Кто придумал выкрасить стены богадельни в унылый жёлтый цвет? Баба Таня служила в ней швеёй, Настасья Юлиева—бухгалтером. Вот и ходил Юрка в малышовый отряд как домой. Вот и знал про каждый вздох Александры, да не то что знал—видел и впитывал. На лето, на каникулы, родители сбрасывали его на попечение своих «предков», и почти три летних месяца Юрец стал проводить с дедом Иваном плотно, «исключизивно». Радовался природе, с которой дед Иван был на «ты, любимая». Наслаждался рыбалкой, грибничеством, сбором смородины и тёрна на продажу. Банки земляничного варенья своего сбора носил Александре и её отряду. Наловленных с дядь Витей раков варил с какими-то хитрыми дедовыми травами, головоногих с пылу с жару раскупали на перроне и автовокзале.

Начальник отдела по работе с подростками пару раз возмутился: в нашем социалистическом

государстве учите сызмала торговать? Юра принёс в райотдел письмо от директрисы интерната. Нач, краснее Юркиных раков, промямлил:
— Вон чего… Ты ещё, гляди, крёстным отцом ей станешь…
— Может, и стану,— серьёзно ответил малец.— Только я в Бога не верую.

Какой там Бог! Юрка ни одной передачи «Хочу всё знать!» не пропустил, пока дед в дневную жару отсыпался — разъезды по лескам и степи были в сумерках, когда прохладно, когда нет перегрева ни сердцу, ни мотору латаного автомобильчика. Даже в «Что? Где? Когда?» послал собственного сочинения вопрос: «Почему каникулы назвали именно так?» Вопрос прозвучал, да только не за авторством мальчугана из Ори, а непонятного типуса даже без фотографии. Юра три дня не мог говорить.

Поймали его на привычном месте ловли раков. Трое на мопедах пропылили от Сергиевки вслед за одиноким велосипедистом — дядя Витя застрял на работе в аэропорту Ори, какая-то перестройка началась, что это значило, Юра с глухим недовольством не мог понять, пока Виктор Андреевич не объяснил: «Скоро можно будет, Юрец, раков не по речным обрывам искать, а выращивать! Представляешь? Возьму тебя помощником в кооператив, своей Сашуле приданое соберёшь!..» Били его остервенело, приговаривая:
— Ты извращенец, что ли,— на девчонку смотреть ходишь? Она знать не знает, что у ней хахаль великорослый, передачки таскает. Чего приучаешь? Будешь теперь нам половину приносить!

«Дан,— прошепталось в звеневшей от побоев голове, пока Юрий прикладывал к синякам холодную грелку и компресс из бодяги.— Даново племя».
— Баб Настя, кто такой Дан? В Библии твоей про него есть?
— Ой, сынок, Библию даже не трогай. Как говорят? Один читал, да с ума сошёл.
— И что? Один сошёл, другие же изучают!
— А что ты спрашиваешь?
— Тётя Света, которая музыке учит, Данова, она наша родственница?
— А тебе что за забота?
— Ну, мужа у неё нет. Может, приютит Сашеньку? Дед на той неделе дудку вырезал из тростника, я ей отнёс. Она так щёки надувает, а в глазах смешинки…
—Э-э-эх, Юрка! Ну ладно, деток любить никому не грех. Схожу к Дановой.

Баба Настя молчала. Качала головой, смахивала слезинки, на растопыренных пальцах держала блюдце, дуя на чай с молоком. Юра ждал, ждал, ждал, сердце колошматилось, не выдержал:
— Ну? Возьмёт?
— Судьба-то какая у ней, у Светы вашей!

Юра слушал рассказ, и звенело в ушах, и под сердцем — пропасть пустоты, от ужаса сердца сжалось в комочек: всё ясно, чуть ли не тронутая училка-то, но…
— Давно мечтаю о дочке, говорит.

Потекло из глаз, и Юрка прошептал:
— Саша Данова, Богом данная, дай ей, Господи, материнскую ласку!

Насчёт фермы по выращиванию раков дядя Витя не соврал.
— Ну что, Юр, в Сергиевку поедешь на лето?

Юрец потрогал пушок над губой:
— Готовиться надо к Бауманке. Просто так из Ори её штурмом не возьмёшь.

Деревня забылась.

Рубашка-то чёрная шёлковая с похорон бабы Насти осталась. Мать приказала её не носить, оставить на траурные дни, деды-то совсем квёлые стали, но Юра надел — Цой же во всём чёрном ходил, и ничего! Пионерский галстук, ещё алый, перевернул треугольником вперёд, языками назад — под воротник пошло, крас-с-сное-е-е н-на ч-чёр-р-рном! Первое, что услышал на неформальской бирже, куда заявились с большим плакатом «Ищем клавишника»:
— Алисоман?

Ну, ещё бы…

Зато второй подошедший, ткнув пальцем Юрке на шею, спросил иное:
— Пионер?
— А ты им не был?
— А не поздно группу собирать? Сколько тебе, двадцать один?

И зашумели разбившиеся на группки, кто возле гитары, кто вокруг фарцовщиков с пластинками, кто возле торгаша со значками и нашивками:
— Клавиши, клавиши, клавиши, вон те ждут, смотри.

Долговязый остроносый парень, широко улыбаясь, подошёл:
— Привет, Орг. Странно? Не, зовут Георгием, а кликуха — квартирники организую. Вы, надеюсь, не ментовские засланцы? Не дружина? Не повинтят меня?

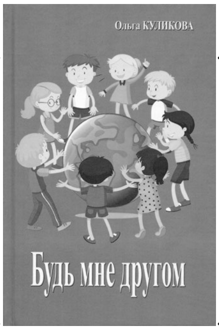
Шли пешком от парка у вокзала в Белую Степь в сумерках и всё говорили, говорили… О чём песни пишем? О любви и о смерти. О смерти от любви и любви после смерти. А вот это знаешь? А вот это слышал?
— Да, хороший вопрос,— посерьёзнел Юра.— Зачем это всё, всё это творчество — это вопрос вопросов. У кого как, а у меня — всё это как Зов. Её, одну, зову. Одна в бесконечности космоса, так ярко горящая, что сердце в этой бездне горит как

звезда. И слияние звёзд. Такое яркое и чистое, что от него рождается новая галактика.
— Поэт! — восхищённо прошептал Орг. — Нет, серьёзно, наши всё про пиво и танцы пишут, энергия, задор такой, а зачем? А у тебя видишь что…
— Юр, — басист Миха тронул его под локоть, — а не рано думать об одной на всю жизнь?

Что-то зазвенело в ушах таким знакомым гулом…

Они уже входили в лифт Оргова подъезда, и он спросил ещё:
— Одна навсегда — Вселенная её подарила или… Бог?
— Я что-то пока в Бога не верую, — нехотя пробормотал Юрий Данилов, двадцать один год, удивлённо прислушиваясь: звон в ушах стал высоким девичьим голосом, дверь открылась, они сбросили обувь, тапки, у нас полы холодные, перелив фоно, знакомьтесь, моя сеструха, вот её рекомендую на клавиши.

Что-то просмеяла мама Света, удивлённо смотрел на Юрку Георгий, проговаривая: «Godfather — отец в Боге», — а рука на груди готова была вынуть сердце, вынуть навстречу хрустальному голосу Саши:
— Здравствуй, крёстный.



Ольга Куликова

Будь мне другом

Красноярск: «Буква Статейнова», 2019.

Монетки

Как-то летним вечером на автобусной остановке ко мне подошёл седоволосый мужчина и спросил, как лучше добраться до вокзала. В нашем городе он оказался проездом, но имел к нему отношение: жил в детстве на улице Иркутской. Улица эта и сейчас носит то же название, что и раньше, и находится на самом отшибе жилого массива под названием «Шанхай».

Мужчина в ожидании автобуса наступил ногой на пятидесятикопеечную монетку, что валялась на территории остановки, поднял её, бережно вытер и положил в карман. Заметив мой взгляд, вдруг сказал:
— Я старой закалки человек, к деньгам отношусь бережно, к любым, большим и маленьким. Нумизмат. Историк.

Улыбнувшись какой-то внутренней улыбкой, продолжил:
— А начиналось-то всё в детстве. Не поверите, играли мы в такую игру мальчишками, «чика» называлась. Это когда об стенку монетку бросаешь, а она должна отскочить в ямку, вырытую в земле. Кто последним монеткой попадёт, тот и «банк» берёт. Редко мы в эту игру играли, но играли. И вот однажды мне такой «банк» достался. Иду домой довольный, думаю, матери отдам. Она купит молока или сахару. Только встретила она мой подарок сердито: «Ты, Петенька, в такие игры больше не играй и деньги мне эти грязные не носи». Сказала — как отрезала. Сел я с этими монетами на крылечке и долго думал, почему ж они грязные. Да, в ямке побывали, но ведь я их в воде колодезной отмыл. Блестят! Разложил я их на ладошке, а они разного года выпуска: и двадцатого, и тридцатого, и даже сорок пятого. Трояки, пятаки, десятики. Какой тут сахар, какое молоко! Слёзы, а не деньги! С тех пор и узнал я цену деньгам. Всю жизнь нумизматикой занимаюсь, внука приучил. Объясняю ему: «Когда держишь на ладошке монетку — на ней вся история страны. И эта история всегда интересна». Я ведь потом полстраны объездил, в разных странах побывал. А родина моя здесь. Жаль, никого уже не осталось. Разве что память…

Подошёл нужный автобус, и мужчина, стряхнув с плеч свои воспоминания, заскочил в салон. Я увидела на земле маленький светлячок — это была монетка нашего времени.

Юрий Фофин

На пороге светлых дней

Мама умерла, когда мне было семь лет. Я хорошо помню её глаза, глубоко посаженные, всегда тихо смотрящие на меня. Помню её запах. Мы любили спать с ней нос к носу. Я всегда чувствовал её дыхание, сладковатое, как деревенское молоко. Она приходила с работы еле живая и сразу валилась на кровать. Слабость была от её болезни, но я не понимал этого и будил её. Сквозь сон она просила меня поиграть: «перевезти груз из одного пункта в другой»,—и я, хватаясь за борта большого самосвала, гнал его по периметру комнаты, врезаясь то в ножку стула, то в кресло, то в мамину кровать. Но, сделав один круг, терял интерес к нему и бежал будить маму. Она поднимала голову, едва приоткрыв глаза, говорила, что этого недостаточно, что груза нужно намного больше, и опять валилась от бессилия на подушку. И я, вновь получив задание, исполненный сил, нёсся по комнате, а через минуту бежал к ней. Но она уже крепко спала. Тогда я садился возле неё и трогал мягкие волосы, бледные щёки, губы. Её губы я помню особенно. Она часто целовала меня, как бы проверяя, всё ли у меня в порядке; иногда, словно залечивая ими, прижималась к моему лбу, ушибленному пальцу, порезу на ноге. Я гладил её и шептал ей на ухо, что люблю её «очень-преочень». А иногда открывал книгу и читал случайно попавшие на глаза строки: «Я входил в стеклянный дом, с белой бабочкой в руке,—бубнил я,—говорил я на чужом, непонятном языке». Утомившись, я сам падал рядом с ней и спал—нос к носу, чувствуя её сладкое дыхание. Во снах я летал по небу, трогал волшебных животных и ничего не боялся. А когда она вставала и начинала ходить по дому, занимаясь какими-то делами, я, забыв про всё на свете, гнал свой самосвал уже не только по полу, но и по стенам, полкам, шкафам, поднимая его и воображая вокруг открытый космос, где всё подчинено какому-то неведомому мне замыслу.

Жили мы с ней вдвоём. Отец был контужен в Афгане, сильно пил, и мать сразу ушла от него, как родила меня. Чтобы я не знал, что такое горе,—говорила она ему. После её смерти он забрал меня к себе. Он говорил, что мы родные и поэтому должны быть вместе. Отец был намного старше матери: он был очень худой, плохо слышал и плохо говорил из-за контузии. Щёки его сильно ввалились, а жидкие волосы быстро поседели. Я не верил, что он мой отец. Я смотрел на него и думал: что может быть общего между нами? А он стеснялся меня, когда переодевался передо мной, обнажая своё тощее, всё в шрамах, тело, и бормотал себе под нос: «Старенький папа, старенький».

Дома всегда пахло папиросами и чаем. Шифоньер был забит маленькими жёлтыми квадратными пачками, с фольгой внутри и слоном снаружи, и бело-голубыми—с картой и надписью «Беломорканал». Отец на кухне заваривал очень густой чай, пил его, закусывая почему-то солёными огурцами, и постоянно курил. Я запекал картошку на чугунном диске, который зачем-то всегда лежал на плите, и делал гоголь-моголь—ему научила меня соседка из квартиры напротив. Она часто приходила к нам поболтать с отцом, всегда хвалила меня, а отцу читала нотации, что алкоголь очень вреден для здоровья и разрушает сосуды головного мозга.

Когда заканчивались продукты, отец отключал холодильник. В отключённом холодильнике стояли две пятилитровки с сечкой, а в коридоре—два больших мешка: один с мукой, другой с сахаром. Однажды, когда мне было шестнадцать лет, я продал мешок с сахаром этой соседке, чтобы купить подарок для девушки (это были часы местного завода «Молния»). Отец тогда ничего не сказал, напился только и долго не мог встать с кровати.

В школу я ходил редко и с неохотой, не понимал, зачем туда нужно ходить. Сверстников сторонился и всё больше замыкался в себе. Часто играл сам с собой, наедине. Я представлял себе тот мир, созданный моим воображением, когда ещё была жива мама: где всё связано, где ничего не нужно бояться. А по ночам мне снились кошмары, и врачи мне поставили диагноз—фобический невроз.

Так мы прожили до моего совершеннолетия. А когда я ушёл в армию, отец умер.

Вернувшись, я сразу женился. Но скоро дала о себе знать моя болезнь детства, вследствие которой выяснилось, что я не могу быть с женщинами. Маша (моя жена) сильно переживала это, но расставаться не хотела, а предложила взять ребёнка из детдома, я отказался. Я злился на неё, как будто это она была виновата в моей болезни. Но со временем заметил, что она как будто чахнет. И тогда понял, что мне надо оставить её, устраниться

то есть. Я стал подумывать о самоубийстве. Начал пить. Пил сильно и часто, а однажды ударил Машу. Тогда-то она и ушла от меня.

Ещё какое-то время она звонила: спрашивала, как я себя чувствую, не бросил ли пить. Я зло смеялся ей в трубку и говорил, что только и жду, когда всё это закончится, намекая на смерть. Лет через пять я встретил её в парке с коляской. Мы коротко поговорили и разошлись. Через год она позвонила мне и сказала, что живёт одна и растит дочь.

С тех пор я стал ездить к ним. В отсутствие Маши сидел с ребёнком, когда был трезвый. И не заметил, как привязался к Насте. Она стала единственной радостью в моей жизни. Я ловил себя на мысли, что еду не к жене, а к её дочери. К тому времени Насте исполнилось четыре года, и она уже называла меня отцом. Она очень полюбила меня и часто целовала. Мы вместе играли—я тогда где-то заработал денег и накупил ей много мягких игрушек в виде животных. Больше всего она любила бегемота. Мы любили с ней представлять открытый космос, в котором эти животные свободно летают и радуются жизни. Но больше всего мы любили вместе спать, лицом к лицу, нос к носу (как с мамой). Я делал попытки бросить пить, но вместо этого мои запои становились всё чаще и продолжительнее.

И теперь я стал ездить к ним пьяный.

Я очнулся на полу, на часах—пять, значит, Маша скоро придёт с работы и мне можно будет увидеть свою дочь. Господи, как я соскучился по тебе, Настенька. С трудом поднимаюсь, чувствую, что нужно опохмелиться, ищу полторашку с пивом (я пью крепкое, простое меня не берёт). В углу комнаты стоит батарея пустых пластиковых бутылок, в морозильнике нахожу ещё неоткрытую, беру её с собой и выхожу.

В подъезде чувствую, как сильно стучит сердце. В этот раз я пил дольше обычного, почти две недели. Во дворе сажусь на скамейку, чтобы отдышаться; меня одолевает слабость, валюсь на бок и закрываю глаза. Но темноты нет. Мне почему-то видится, что я маленький сижу на кухне на полу, в квартире отца. Он пьяный сидит за столом, заваривает густо чай и курит. На чугунном диске печётся картошка. Отец бубнит что-то, но я не могу понять его слов. Только чувствую, что он как будто зовёт меня куда-то. Даже не зовёт, а гонит. Я пугаюсь его и хочу бежать. Но он встаёт, подходит, берёт меня с пола и начинает подбрасывать. Я боюсь, что могу разбиться о потолок, и пытаюсь вырваться из его рук. На третий раз он бросает меня так сильно, что я пробиваю потолок, и, очнувшись от испуга, вижу, что упал со скамейки. Вспоминаю, что еду к дочери. С трудом поднимаюсь с земли, иду к остановке.

В маршрутке очень душно. Боль в сердце возвращается. Но мне всё равно, я думаю только о Насте: сейчас она протянет ко мне свои тоненькие белые ручки, обхватит что есть силы мою шею, поцелует меня и громко засмеётся. И я опять заплачу. Только бы не заплакать в этот раз.

Заезжаем на мост. Внизу вокзал. Всё пыхтит, шумит, свистит. Стоят гружённые углём вагоны. Слепит солнце. Мне становится хуже: сильно перехватывает дыхание. Вспоминаю, что у меня есть пиво, от него обычно отпускает. Открываю бутылку и вижу, что внутри лёд. Прошу водителя остановить—выйти отдышаться. Но он, кажется, не слышит меня. Хватаюсь руками за сердце и валюсь на пол. Меня начинает сильно колотить. В глазах мутнеет, текут слёзы. Слышу крики людей, но не могу разобрать слова—мне заложило уши. Машина разгоняется. А я закрываю глаза и превращаюсь в камень: мне всё равно—сейчас я увижу свою дочь.

Заходится сердце, стучит всё быстрее и сбивается с ритма. А вокруг всё замедляется, останавливается. Гул, который ещё только что звенел у меня в ушах, полностью пропадает, и становится так тихо, что даже странно: словно чёрная дыра, поглощающая звук, вдруг накрыла меня. Перед глазами темно. Что ж, это смерть? Если смерть, значит, всё в порядке, отмучился. Я так долго ждал этого. Но что-то тяготит меня: как будто я забыл что-то там. Почему я не хочу смерти теперь? Где то моё желание бросить всё: душевные терзания, бесконечные болезни, неудачи,—и уйти из этого мира, наконец, освободившись от того, что всю жизнь так давило и мучило меня?

Задавая себе эти вопросы, я снова вижу, как маленький сижу с отцом на кухне. Он всё так же пьяный, курит и бубнит что-то—на плите картошка. Сейчас он подойдёт ко мне и опять будет подбрасывать вверх. Но в этот раз мне не страшно. Я теперь как будто знаю, зачем он это делает. Отец встаёт, берёт меня и начинает подбрасывать. И вот опять на третий раз он бросает меня так же сильно. Я прорываюсь сквозь потолок и крышу дома (потолок и крыша оказываются очень хрупкими) и вылетаю на улицу. И мне от этого становится так смешно и так радостно, что я лечу изо всех сил вверх. Небо чистое, голубое, ясное. Внезапно обнаруживаю, что вокруг меня (так же, как я) летают животные: зайцы, гуси, крокодилы. Те, что я дарил дочери,—только живые. Я пугаюсь их и вижу, что прямо за мной с большой скоростью летит гиппопотам. Пытаюсь спастись: лечу в сторону. Он пролетает мимо меня и почему-то улыбается. Я оглядываюсь вокруг и вижу, что все животные улыбаются. Я понимаю, что опасности нет, что эти животные не хотят причинить мне боли. Они повсюду, летят то все вместе, то, как по чьему-то замыслу, в разные стороны. И что-то говорят мне. Слышу их голоса,

но не могу понять значение каждого отдельного слова. Не могу понять, что они делают и зачем. Но чувствую, что все они как будто связаны чем-то, и это так естественно для них, как если бы это была их самая обыкновенная жизнь.

Я пытаюсь догнать кого-нибудь из них и потрогать. Но они ускользают от меня и всё так же смеются. Вдруг в меня как будто нечаянно врезается заяц. Я смеюсь и трогаю его, а он как бы слегка ласкается, но выскальзывает из моих рук и летит дальше, словно ему некогда. Смотрю вниз. Кругом густая зелень, реки, озёра. А над всем этим возвышается огромная скала с водопадом. Из него выпрыгивают рыбы и сверкают на солнце. Мне хочется охватить всё это, раствориться во всём этом.

Начинается дождь. Капли блестят в лучах солнца и приятно освежают меня. Я протягиваю руки ладонями вверх, чтобы лучше почувствовать дождь, и закрываю глаза. И не то по своей, не то по чьей-то воле начинаю кружиться. Или всё начинает кружиться вокруг меня. Чувствую сильный знакомый запах, сладковатый, как мамино дыхание. Мама где-то рядом. Она обнимает меня и целует, целует, как тогда в детстве.

Слышу голоса людей — кажется, мне хотят помочь. Завывает сирена скорой помощи, как будто зовёт куда-то…

Д*и*Н пародия

Евгений Минин

Не по пути с кукушкой

Инфекционное

Весна подглядывает сны,
Идёт, и мы с тобой пойдём
Тем дуновением весны,
Воздушно-капельным путём.
Елена Сунцова

Весна ко мне нагрянет вдруг,
И будет знаешь что потом?
Я заражу тебя, мой друг,
Воздушно-капельным путём.
Врача мы вызовем скорей,
Настой дам из любим-травы,
Ведь мой рифмованный хорей
Тебя не вылечит, увы…

Тронутое

Мои бесполезные строчки
Не тронут тебя никогда.
Валерий Трофимов

Печальная участь поэта:
Стихи бесполезно пишу.
Потратил все буквы на это,
Чтоб на уши вешать лапшу.
До полной пишу заморочки,
Безжалостно порчу листы,
Пусть тронут тебя мои строчки,
Да так, чтоб не тронулась ты.

Телевизионное

Что-то больно плохой телевизор у друга.
На экране партийная вьётся обслуга.
Юрий Ряшенцев

Мастерят телевизоры годы и годы,
А, кому не зайду — на экранах уроды,
В телевизоре друга — бандиты-амбалы,
А к подруге зайдёшь — там одни сериалы.
Вот приделаю зеркало вместо экрана
И проснусь, сладко выспавшись, утречком рано,
Пусть ещё не умытый, не евший, не бритый —
В нём всё время знакомый поэт знаменитый.

Семантическое

Кукушка нарушает, так сказать,
нейтральность семантического поля.
Так, будто старый шмель ушёл в кристалл,
так, будто выбыл во вторую лигу.
Алексей Пермяков

С кукушкой этой мне не по пути,
мой путь скорее к Пушкину и Данту,
ведь жизнь прожить — не поле перейти,
пока в нём не отыщешь доминанту.
Хотя мой главный дискурс не пропет,
пускай я издаю за книгой книгу,
но чётко понимаю как поэт,
что выбываю во вторую лигу.

Эдуард Хвиловский

Паромщик

Театр

Занавесок-занавесей игра
превратилась в подобие освещённой сцены.
Там взрывом покоя взошли слова,
что при нужном беге всегда нетленны.

Затем Подобие вошло к Волшебству,
испросив поименования Театром.
Так в игре, подобной пиршеству,
стало многое понятное непонятным.

Освещение сверху, снизу и изнутри
тел, знающих и не знающих о себе,
извещения видимых мимикрий
обо мне, о нас, всегда о тебе.

Соглашаемся со всеми правилами. Игра
в многоличии зала вызывает хлопок.
Сыгранность, проникая в добро,—добра
и распознаёт в преданности манок,

предназначенный явно и почтительно ей
основателем и участником просцениума «Глобус»
на реке Авон, когда в промежутках дней
ещё не был изобретён автобус.

Прогоняя мышек и кошек со двора,
чтобы тоже шли, куда собираемся мы,
пойдём, поспевая, туда, где игра
и сжимаются-разжимаются под занавесом миры.

● ● ●

И. Г.

На незнакомой стороне
я нахожу следы наитий,
с которыми не стыдно мне
вершить невиданных открытий
приятный сердцу тихий ход
сквозь всевозможные услады—
и новый, одноместный взлёт
снимает всякие преграды.
Везде есть правда и тоска,
везде есть радости иные.
Тебе *одной*—моя рука,
мой ключ и эти позывные.

За зеркалом

Возьми же сам за зеркало себя
и погляди в его пустые дали.
Не видно ничего в нём от тебя,
там миражи играют, как играли,

и амальгама строит рожи всем,
кто ей поверил по пути на службу,
препроводив сквозь амальгамность тем
свою любовь, и нелюбовь, и дружбу.

Я резок, чтобы мягким не прослыть,
и мягок, чтобы резким не казаться,
и пью, чтоб никогда уже не пить,
и ем, чтоб никогда не наедаться.

Дарю вам это, как и нашим всем,
через пророка Ибн Амальгаму,
затем что, потому что не за тем,
за чем играют вместо вальса гамму.

● ● ●

И станешь ты старше отца,
и, может, уж стал невозможно.
Его утомлённость лица
отсветит тебе осторожно.

И спрячет он свой пистолет
в войну, из которой вернулся,
которая вышла в тот свет
и остов которой прогнулся.

Патроны—вот здесь, на столе,
«рулетка»—в испытанной правой,
и розы цветут во дворе,
и веки грустны за оправой.

Ты можешь ему написать,
копируя буквы Скрижалей,
считая по году за пять
и счастье слепив из печалей.

Но только ответа не жди—
его и изъял археолог
из мест, где большие дожди
и лист ожидания долог.

* * *

Обученный следов не оставлять,
я в хмель войду и тотчас же исчезну,
чтоб больше ничего не растерять
на всём пути в невидимую бездну

из шалостей злачёного витка
на подожжённой пылкостью картине,
где неизбежность смыслов глубока
и присно, и вовеки, и отныне.

Звенит звонок, ответственный трамвай
везёт туда, где мысли мало значат,
и молча шелестит в душе: «Прощай…»,
и нет уж тех, которые заплачут.

Кураж

Весна куражится в листочке,
а лето—в сливочной грозе,
строка—в одноимённой строчке,
а небо—в личной бирюзе,

мужчина—в табаке и пиве,
а дева—в трепетаньях кож,
пшеница—в золочёной ниве,
а шут—среди известных рож,

рожденье—в ритмах восхищенья,
а смерть—в воротах в никуда,
юла—в инерции вращенья,
а мы—во всём, что «навсегда».

Давид Бурлюк

красные реки текут вместе с белыми
к сыну Давидовой силы отца
слогами верные жизнью умелые
речи внушительны ликом лица
громко один и во-первых и в будущем
слышавший хлынувший в вышних поток
радостным глазом моноклевым любящий
лепые слоги слепивший в урок
мы преклоненны коленно и младостно
любим лавируем дышим живём
мечемся стелемся тычемся благостно
любо пречистую славу поём
лучшему лучшего и очищаемся
и совлекаемся в новый повтор
и растворяемся и превращаемся
и возвращаемся в тот разговор
в коем за милую душу и вымолю
вечную память сомлевшей тоски
гордой и первой и тройственной силою
до гробовой вечно спелой доски

Печенег

Возможен ли был этот вещий побег
в страну непредвиденной силы?
Не зная ответа, исчез печенег,
как тень от набегов Аттилы.

Бежали с оглядкой, бежали и без,
взимая налоги с себя же,
навстречу далёкому полю чудес,
в огромном фасеточном раже.

Там встретил другое, другое во всём—
в огромной былине и в малой,
затем углубился в чужой чернозём
и кровью полил его алой.

Вспахал. Всё взросло. Собирал, удобрял,
писал запрещённые ноты.
Одною ногою в болоте застрял,
но выбрался после работы.

Живёт, продолжая и гимны писать,
и строить высокую башню,
чтоб мог ностальгически обозревать
свой день неизменно вчерашний.

Единственному читателю

Тонкое лицо с прозрачной кожей.
Через мост—дорога в Сеннаар.
У меня две лампочки в прихожей,
«Камера обскура», «Ада», «Дар».

На окне—вчерашняя газета.
В ней две даты. И одна моя.
Критику не нравится всё это,
«потому что круглая Земля».

Жертвы встречи—где-то в старом парке.
Нынче там большой аттракцион.
Где-то строят знаковые арки,
где-то слышен колокольный звон.

Так и бродим в поисках друг друга,
так ведёт дорога в никуда,
так скрипит натужная подпруга,
так гудят былые провода.

Катастрофа там, где катастрофа,
счастье там, где счастье, а потом—
столь гостеприимная Голгофа:
новый в старом, старый в новом дом.

Знак отсрочки истово загублен—
и её не будет никогда,
а напиток тот давно пригублен
в день, в который отошла вода.

Во внешней разведке

Душой — весь во внешней разведке:
могу часами сидеть на ветке,
высматривать то, что всегда желанно,
отзывчиво, радостно, первозданно.

Глазами — весь в вековом дозоре,
в котором мои и земля, и море,
и вся панорама моего кремля,
стоящего там, где моя земля.

Часами — весь в круговом походе,
не отдаю дань никакой моде,
всё вычищено до блеска зеркально,
связь устойчиво континентальна.

Мыслью — всегда при большой причине
в своей мышления десятине,
что бы вокруг ни происходило,
включая борьбу за то, что так мило.

Руками — в большом рукодельном мире
в своей такой небольшой квартире,
где всё для меня всегда бесплатно,
если тружусь исключительно ратно.

Ногами — на вспаханном жизни поле,
где добрый всегда на своей воле,
которая без видимых глазу границ
хороша для любых лиц.

Память свёрнута в золотое кольцо,
чтоб не поранить случайно лицо
и не оставить ненужный шрам
ни им, ни расписавшимся нам.

Перекладывая бинокль из руки в руку,
изгнал отовсюду усталость и скуку
и продолжаю работать в разведке,
преданный делу, на своей ветке.

Береника

«Такого можно ждать и сотню лет», —
сказал себе и после захлебнулся
тем, что себе же только и изрек,
и умер, и вовеки не проснулся,

и стал землёй, и дымом, и смолой,
и основаньем нового уюта
в иных местах, отобранных землёй,
в которой есть и пальмы, и цикута.

Сам вырыл, сам засыпал, сам унёс
с собой и тайну, и ключи простые,
чтоб больше не заимствовать вопрос
у мест, где все вопросы золотые.

О том сложили притчу у ворот
Овечьих на холмах Иерусалима,
но так и не узнал простой народ,
кто так была им трепетно любима.

Аллюзии

Я погружён был тоже в этот бред
и, к фонарям протягивая руки,
кончался от любви, а не от скуки,
которой как и не было, так нет,
хотя и все отчасти близоруки.

Мне снился самолёт. Нет, пароход…
Нет, просто золочёная телега, —
уже не вспомнить после не ночлега,
но бури — сердцем к сердцу и рот в рот,
когда на взлёт шёл даже недолёт.

Перед огромной изгородью дней
стоят на полках наши фолианты,
и точно те же славные куранты
бьют то теплей, а то вдруг холодней,
и мы — как будто снова аспиранты,

желающие степень получить
от степени огромного заказа
на весь роман губительного сглаза
и свой большой участок застолбить
вблизи Прекрасночудного Приказа.

Мир существует. Он реален. Нет,
он существует, но он нереален,
и не начален, и не безначален,
и это не вопрос и не ответ,
поскольку он легально нелегален.

Известно, что была вся память дней
извне и изнутри — метаморфоза,
как следствие случайного прогноза
вблизи золототканых алтарей
и без документального наркоза.

Сходили бы к окну — в окне есть даль
и часть какой-то вечной перспективы,
случаются заманчивые дивы
с коррекцией на виды и печаль,
но если вы, конечно, не болтливы.

Но нет. А впрочем, может быть, и да,
схожу и не схожу одновременно,
немедленно и, может быть, нетленно.
Вокруг меня бескрайняя вода,
и выглядит она всегда отменно.

Сейчас-то что? — Я жду. И как всегда…
А вы? Я раньше *знал* — теперь *не знаю*
И про себя обычно повторяю
какие-то летучие слова,
как будто что-то чем-то удобряю.

Привет тебе, любимая, привет!
Привет тебе, любимый, бесконечно
и даже *в тайных* смыслах безупречно
на много тысяч предстоящих лет
и всех, что были ранее, конечно!

Сочинителю историй

История должна быть ясной, как Первопричина,
иначе не примут в редакции, дурачина.

История должна быть умной, как телёнок,
который часто бодался с дубом с пелёнок.

История должна быть чёткой, как вера
в производство стали по методу Бессемера.

История должна быть настоящей, как штурм Зимнего дворца,
иначе её могут переписать к началу с конца.

История должна быть правдивой, как сказание
о Китеже-граде, иначе над ней будут смеяться забавы ради.

История должна быть честной, как известная нам революция,
иначе это будет не история, а аннексия без контрибуции.

История должна быть верной, как жена вне подозрений,
иначе не видать ей многих тысяч прочтений.

История должна быть чистой, как наша водопроводная вода,
потому что она пишется раз навсегда.

История должна быть внятной, как манифест партии века,
чтобы прославлять дело и его человека.

История должна быть твёрдой, как учение Карла Маркса,
ибо это история, а не вакса.

История должна быть преданной, как Фидель Кастро Рус,
иначе возможен историософский конфуз.

История должна быть, потому что её не может не быть,
ибо если по усам текло, а в рот не попало, то придётся ещё раз налить.

Выше голову, брат!

Выше голову, брат, в этом радостном мире печали!
Ты, я вижу, не рад набежавшей весенней тоске.
Ты такой же, как я,—нас с тобою уже распинали,
И родная земля ловко ладила доску к доске.
Твой простуженный вид воскресенье твоё не украсит.
Он молчит и кричит на холодном и тёплом ветру.
Нынче совесть и стыд где-то в море далёком баркасят.
Не спасу я тебя—завтра сам от удушья умру.
Мы не первые здесь и не завтра последними станем,
А соблазны и спесь есть не то, чем нас можно кормить.
Из самих же себя на самих же себя и восстанем,
Если сами себе не позволим внутри себя быть.
Неизбежность во всём—от источника до поворота,
Где и ночью, и днём перелётная носится пыль.
А ворота в степи—это просто в степи те ворота,
За которыми вход в изумительный наш водевиль!
Мы играем с тобой, как положено просто актёрам.
Мы вдвоём—и они! И они тоже с нами вдвоём!
Драматургом, оркестром, рабочим кулис, режиссёром—
Будем сами, и сами все песни в спектакле споём!
Выше голову, брат, я с тобой—до последней минуты!
Хорошо то, что есть! То, что будет,—милей во сто крат!
Как Сократ, будем несть свои маски до встречи с цикутой
И ещё одну песню споём у невидимых врат.

Аллюзии

Обезьяна мчит на самокате
даже чуть быстрее, чем вчера.
На рассвете мчит и на закате,
а вокруг — большая детвора
всех её советников-двойняшек,
векторы прорывов на ура
в блеске позолоченных стекляшек
возле постоялого двора,
где извоз и прелести улёта,
марши и демарши всякий день,
алгоритмы сильного расчёта
и автоматическая тень;
силы бесконечного рассказа,
крики сладкогласных журавлей,
метод избавления от сглаза
или пересглаза (что точней).
Вдоль дорог другие обезьяны
тоже демонстрируют уют,
ловко сортируя все каштаны,
если им каштаны раздают.
Выбросы и вбросы всех иллюзий,
как и зависть обезьян иных, —
суть преображения контузий
шутовских, мирских и даровых.

К Сапфо

Прекрасней не было и нет
во временах простых и сложных.
Не нужен здесь ничей совет —
тем более в стихах творожных.
Немеет слово — и звезда
лишается свеченья дара,
и всевозможная вода
ждёт снова своего пожара.
Стереть все знаки не могу
(да и они не разрешают).
Сейчас проталины в снегу
и птицы — многое решают.
Не греет шерсть, не холодит
ни лёд, ни беспределов стужа,
и там, где значилась Лилит,
сегодня масляная лужа.
Как непотребная зола,
день выметен в своё задворье,
и не вращается юла
там, где сегодня Лукоморье.
И полдень полночь предаёт,
потом куда-то увлекает,
и никакой нигде народ
вновь ничего не понимает.
И раскрывается дневник,
и пишется налево справа —
бывает же на свете сдвиг
и без конца, и без начала.

Дом престарелых

Пишу в электричке по дороге в смертельный дом.
Там время остановилось и спряталось за бугром.
Там всё наоборот тому, что здесь,
и в песок уходит любая спесь
полководца-военачальника, кормчего, барина,
даже самого Иосифа Виссарионовича Сталина.
А у тех, кто знал лично Бухарина,
на лобках сплошная подпалина.
Там старухи беззубьями жнут неблагую весть.
А самое страшное, что в тех стенах есть, —
это те, кто обездвижены, но всё понимают.
Я приношу им фрукты, которые моя кровь охлаждает.
Если бы и мог им помочь — помочь бы не смог,
потому что обойти эту ночь не может и Бог.
Его слова здесь никого не спасают
и воду в вино не превращают.
Старики, зачастую с нормальным взглядом,
когда никого нет рядом,
по телефону говорят сами с собой,
чтобы не разворотить стену от одиночества головой.
Один пританцовывает, персонал аплодирует,
в то время как его мозг мутирует.
Он был авиаинженером в молодую бытность,
до того как обрёл Альцгеймера колоритность.
Другой, с полным печатей удостоверением
официально умалишённого, с добрым рвением
соединяет меня с администратором по телефону
в два раза быстрее, чем служащая мадонна, —
при этом без помощи и без протекции,
свободно цитируя на латыни Проперция.
На голове у него шлем и термозащита
от падений и эпилептической волокиты.
Хочется кричать, хотя бы и в пустоту
неплодоносную. За косую версту
никого вокруг — и за две, и за три,
хоть кричи не кричи или вовсе умри,
что и есть лучший выход из этой сказки,
в которой и ласки
оборотились тéла гниющего холодцом.
Только Чингисхан из подобного ушёл молодцом.
Я динозавром бы выгрыз большим
все враки и политрежимные драки
из всех правительств — и остался б один
ждать писем на границе, где маки
цветут так, что хочется жить,
переворачивая всё, что можно переворачивать,
трогать, пробовать, нюхать, быть,
не хоронить… и глаза не размачивать…

Василий Нацентов

Лето мотылька

* * *

странные эти слова грядушка амбар вехотка
выткались паутиной ласточкиным крылом
сколько прошло но так же памятливо и строго
время и пыль вжались в следы голубых слёз
за спину руки ходишь комнату расширяя
шёпотом и шагами комкаешь тишину
если и было счастье в этой стране великой
то это было счастье снега любви и слов
пахнет палёной водкой на глубине стакана
на глубине и в горе вечнозелёных глаз
значит так надо надо бледные и немые
абрисы человечков кружатся на столе
тают и умирают
тают и умирают
тушью весенней грязью веточкой каблучком
только слова садятся
на освещённом крае
только слова садятся
только слова молчат
смотрят и не моргают
смотрят и не моргают
будто цветок последний в детской моей руке

* * *

Ночь тонка, холодна, одинока
и т. д. и т. п.
Хочешь в рифму писать—
только гладишь слова против шерсти.
Не идёшь по земле,
не стоишь на земле,
но даёшь имена
птицам, травам и каждой второй сигарете.
Не-стрекозы, не-сад,
не-дыхание рук по листве,
не-любовь, не-ресницы,
но страх потерять.
И боишься.
Это ангел летит,
золотой и печальный,
и молчанье несёт,
как фонарик в уставшей руке.

* * *

первый лист как прищур старика
первой песней
на тяжёлом на талом
весны повороте
о вечерний скворец языка
о вечерний скворец окуджавы
и песня его о пехоте
он поёт о печали
он синий
прозрачный почти
отливает бледнея
отлетает гитарной струной
и качается в сонной горсти
и качается в сонной горсти
над моей одинокой страной
распадается свет и тепло
на промокшие перья
сигареты цветы и слова
только верный скворец окуджавы
только музыка речи права

* * *

сада шага
дыхание листьев храня
жест прощальный пусть теплится в кроне
жук жука не хоронит
жук живёт одиночней чем я
он прекрасен и глуп
он ничьих улетающих губ
не касался
он пространство травы
и ничьей головы поворот
не знаком золотому жуку
он счастлив
посетивший сей сад
в роковые минуты его
став другим веществом вещество
возвращается словом назад
и всегда говорит о любви
и во всём говорит о любви
чтоб и я умереть не боялся

● ● ●

Здесь, в южном городе, светлее по ночам,
здесь тает снег, не успевая даже
коснуться наших щёк—
ранеток спелых и холодных,
и воздух тих, как зимняя трава.
Здесь, в южном городе, дрозды снуют,
прохожих не замечая, зонтиков и ног,
и лампа говорит, и бредит кошка.
Длинноты и подробности зимы.
А синий сумрак—вечный и тягучий,
дым сигареты застревает в нём.
Писать стихи здесь сущая потребность.
И говорить то с лампою, то с кошкой,
всё время путая и проклиная их.

● ● ●

На берегу реки—кусты, костёр,
на берегу строки—синицы.
Стоишь и упираешься в простор,
не в состоянье в слово воплотиться.
Но травы и деревья чередой,
как музыка по нотам,—вдоль забора
над чёрной и тяжёлою водой
за такт, за рифму до зимы и хора
промокших веток, ветра и моста,
под лбом широким в плоскости листа,
в предчувствии любви и снегопада.

● ● ●

А таять начинало в феврале,
в десятых числах, к Сретенью Господню.
Я жил гораздо меньше на земле,
чем нé жил. То, чего я стóю,
уместится в синичий чёрный клюв,
да выпадет, да вырастет, согнётся.
И будет снег и солнце—к февралю,
и снова снег, и снова будет солнце.
А таять начинало. И в дыму—
цигарочном, густеющем, тягучем—
мы уходили вдаль по одному,
но оставляли след. На всякий случай.

● ● ●

Нашёл тебя в распахнутой листве,
рифмуя траву с птицами в траве,
а птиц с рассветных воздухом и светом.
Я знаю это, знаю только это.
Приходит в мир иное вещество,
и слог его, и музыка его
во всём—слегка касаясь белой смерти,
чтоб понимали ангелы и дети
до нас с тобой, до губ и до строки,
стихи сегодня пишут дураки,
счастливые и вечные, однако.

● ● ●

Какое лето—лето мотылька,
недужный шум на скошенных ресницах,
от тесноты и немоты не спится,
и в рифму упирается строка,
как луч вечерний в бледные коленки
и влажным носом постаревший пёс:
и одиночества, и нежности боясь.
О благодать молчания и август—
для молодости—страх и удивленье,
предчувствие грядущей немоты.
Изгиб коленок, поворот строки,
в не-смерть всего несказанного вера.
Мучу травой, но звук неповторим,
гляжу стрекозами, но взгляд неповторим,
и проще быть не-встреченным, одним,
и знать наверняка,
что знает только ветер,—
какое лето—лето мотылька
в чужом саду, на слишком белом свете.

● ● ●

Рубили сливу, ветки я носил,
к себе прижав, на мусорную кучу,
и набирались зрения и сил
они—сухие—
ветер, пыль и Тютчев.
Не высмотреть, не выплакать, в глазу
размером со слезу клочок ландшафта.
Я слово через смерть свою несу
и возвращаю музыкой обратно
дорогу, дым, и шелест рук, и труд,
и мир, и май как триединство света.
Так после слова повториться тут
на крыльях ласточек сквозь сад
и Страшный суд
и вылететь в распахнутое лето.

● ● ●

как темнеет за пластиковым окном
как немо оно и гладко
как строги его черты
как темнело за деревянным окном
я почти не помню
но горчат шершавины рамы
и заклеены щели малярной лентой
и слышен дождь заоконный
и загробная груша слышна
ты сидишь а дом
качается и летит
ты сидишь а дом
освещённый одной сигаретой
безответно мигает
и темнеет темнеет

Елена Литинская

Бег за стрелками часов

● ● ●

1.

Ночь поиграла с городом в прятки.
Утро — начало новой главы.
Одуванчики вылупились, словно цыплятки,
высунув нежные головки из травы.
На мир с жадным любопытством взирают,
таращат жёлтые глаза на тропу.
Срок цветенья короток. Знают:
жизнь разлетится в прах и пух…
Бренность и тлен — осенние термины.
А в наших краях — «Весна» Моне.
Зачем на рассвете грустить о темени?
Луч солнца врывается в сон ко мне.
Разомкну веки — дня в преддверии —
смою с лица тоску-печаль.
И тяжесть долгих ночей, верю я,
ветер сдует с моего плеча.

2.

Отцвели одуванчики.
Распустился клевер.
Так природа задумала:
кому смерть, кому жизнь.
Нет принцессы Даяны,
но царит королева.
Руки в кольцах трясутся,
но престол не дрожит.
Отцветёт клевер.
И траву покосят.
И на лысых газонах —
пятна жухлой листвы.
Моих глаз треугольники,
как у женщин Пикассо,
видят мира изломы
и конец главы.
Сколько строк осталось
до последней точки,
я сегодня не знаю
и знать не хочу.
Память чёрным выводит
на белом листочке
векселя ошибок.
Пла́чу я и плачу́.

● ● ●

Я всё ещё гуляю вдоль канала.
Весна ль, зима.
И жизнь меня пока не доконала.
Дивлюсь сама.

Семнадцать лет прогулок одиноких
вдоль тёмных вод.
Зачем я здесь? Приносят сами ноги.
Вот так! Так вот:

канал на смену вех глядит без гнева —
покорный раб.
Из прошлого остались только небо
и хляби рябь.

Там, где в огнях от Lundy's и ElGreco[1]
играли блюз,
другие струны натянула дека
по воле муз.

Плевком в глаза истории отныне —
кондова[2] высь.
Мой глас — что вопиющего в пустыне!
Не оглянись

назад, прими смиренно дней закатных
и новь, и бег.
Пусть лунный свет волшебницы Гекаты
туманит брег.

● ● ●

Я бегу за стрелками часов
и уже почти что догнала.
И уже натянуто лассо
в ожиданье мёртвого узла.

Ни к чему смертельное лассо.
Стрелки заупрямились идти.
Сдохла батарейка у часов.
Ну а время всё равно в пути.

И борьба со временем — тщета.
Не считай морщин, потерь, хвороб!
Поздно предъявлять ему счета.
Не оплатит и загонит в гроб.

1. Названия ресторанов.
2. Здесь имеется в виду высотный дом частных квартир, от английского condominium.

На юбилей себе самой

О тяжкий труд и головы томленье!
А ведь писать мне, право, не впервой
ко дню рождения стихотворенья
себе самой.

Пережила я бабушку и маму.
Ещё шесть лет—и догоню отца.
Кто эта в зеркале седая дама?
Не узнаю лица.

У дамы был когда-то темперамент,
поклонники, бойфренды и мужья.
Слились с потусторонними мирами
они. Осталась я.

Стою одна согбенною осиной
среди высоких молодых осин.
И дотянуться мне уж не по силам
до их вершин.

Но ветер шепчет листьями упрямо,
о смысле жизни лесу говоря.
Ещё не вечер, и моя заря
робка. Простите, бабушка и мама!

● ● ●

Отмыть бы жизнь, как отмывают чашку
от пятен и следов кофейно-чайных.
От щебня разрушений и ошибок,
от одеяний ветхого пошива,
от бремени удушливых сплетений,
от лжи полутонов и полутени,
от пения сирен сладкоголосых,
от новостей, разящих нас без спросу,
от череды падения и взлёта,
от искр угасающего лета.
Ото всего, что больно и немило.
Но, Боже, где достать такое мыло?

● ● ●

Чаю, кофе? Всё не то пью.
Холодно вдвоём.
Дни засасывает топью
времени проём.
Солнце светит, но не греет.
Так и ты, мой друг.
Мы стремительно стареем.
Оглянёшься вдруг—
не найдёшь меня на карте
суеты сует.
И печаль волной окатит,
затмевая свет.
Закружат, завоют глюки.
Что же ты, дружок,
ледяные мои руки
отогреть не смог?

После бенефиса

Отгремели фанфары бенефиса.
И актёры роли отыграли.
Поклонившись, ушли за кулисы.
Тишина притаилась в зале.

Два часа фиесты. Фанфаронство
утомило бенефициантку.
Иссушила бедняга рот свой.
Bene factum[3], держала осанку.

Утопала в цветочном море,
от сиянья улыбок слепла.
Приближенья к финалу по мере
каменела, хоть снимай слепок.

Близко та, с косой, иль далёко,
знают только Высшие силы.
Вопрошать—никакого проку.
Просто живи себе соло.

Не считай ни миги, ни годы,
проплывая вальяжным брассом.
Шторм ли, штиль—любая погода.
Пока не прервётся трасса.

● ● ●

Не дождались от природы
мы золотого тепла.
Вынув из печки, с ходу
холодом обдала.
Нарвал Борей бесноватый
листья с дерев сполна.
У осени право вето.
Только молчит она.
Может, от борьбы старея,
шепчет, выжив из ума:
«Я—только символ. Скорее
хоть бы пришла зима!»

Размышления на берегу

Август. Лето на исходе.
Светлых дней поспешный шаг.
Неприкаянная бродит
вдоль воды твоя душа.

И зовёт меня на кромку—
на свидание с тобой—
повелительный и громкий,
обольстительный прибой.

Он сперва целует стопы
и, войдя в любовный раж,
заласкает ли, утопит…
Всё равно пойду на пляж!

Стихнут воды: форте—в пиано.
Унесут в пучину страх.
И останется лишь пена
кружевами на камнях.

1. Bene factum—хорошо сделано *(лат.)*.

Владимир Пономарёв

Вольная жертва

В дороге

1.

Скупые степные красоты—
Похожие все до зевоты,
С холмами по всей территории,
Зовущими к тайнам истории.

Красоты скупые степные—
Как календари отрывные,
Где—мало, и самое главное,
Где каждая линия—плавная.

Степные красоты скупые,
Столбы—словно копья тупые,
Поля и долины опрятные
И речки, в оврагах запрятанные…

2.

Дороги в Сибири—
Не лучшие в мире,
Не у́же, не шире,
Но жутко трясёт.

Дороги в Сибири—
Не плитка в квартире.
Езда—харакири,
И как повезёт.

Дороги в Сибири—
Пороки цифири,
То три, то четыре—
Поди разбери.

Дороги в Сибири—
Что дырки на сыре.
При всём монплезире:
«Тьфу, чёрт побери!»

● ● ●

Вся роща, светом залитая,
Сверкает в пёстрой бахроме.
Такая осень золотая,
Что будто бы не быть зиме.

И ветра нет, и смолкли птицы,
И кажется, что будет длиться
Всё это, как цветные сны,
Отныне—до весны…

2018, осень…

Сад усыпан разменною медью опавшей листвы.
Как недорого, право же, яркость осенняя ценится,
Потому что пройдёт две недели—и всё переменится,
И в саду ни гроша не оставит зима нам, увы.

А пока на берёзах и клёнах сверкают мониста.
Все деревья в саду опустевшем притихли пречисто,
Лишь звенит многозвучно, в тиши отвечая шагам,
Эта россыпь монет, словно вольная жертва на храм.

Сон

Как мне хочется целовать эти пыльные губы
И запылённые волосы трогать руками…
Мы куда-то идём. Мы кому-то чужды и нелюбы.
Это общее дело себе мы придумали сами.

Но оно—только повод, чтоб вместе отправиться всуе,
Но оно—лишь причина, чтоб стать немного болтливее.
Я смотрю на пыльные губы, мечтая о поцелуе,
И запылённых волос не вижу вокруг ничего красивее…

Два посвящения ноябрю

1.

На благородном светло-сером фоне
Лишь пятна охры да багрянец ржавый.
Цветами флага Осени державной
Приветствует Ноябрь, воссев на троне.

И я в ответ: поклон тебе, владыка!
Владычествуй до северных метелей!
Твоя пора бывает многолика,
Но, право, не скучна, на самом деле…

2.

Снег повалил, пушистый, белый…
Зима ли это, не зима?
Ноябрь молодой, незрелый
И будто бы сошёл с ума.

Он город снегом посыпает,
Он как декабрь поступает—
Но осени не вышел срок,
Она ещё—в аллеях парка,
В листве берёз, что светят ярко,
Ложась под ноги у дорог.

Смерть Гумилёва

Сейчас расстрел. И всё закончится.
В оконце брезжит тусклый свет.
Знобит. И закурить так хочется.
Открылась дверь:
— Кто здесь поэт?

Кто Гумилёв?—звучит сурово.
Но он не потерял манер.
—Здесь нет поэта Гумилёва.
Здесь только русский офицер!

За храбрости в боях отмеченный,
Лишь офицером мог остаться.
Поссорившийся из-за женщины,
Он на дуэль ходил стреляться.

Первопроходец, путешественник,
Видавший тигров и пантер…
Бесстрашье—это так естественно,
Когда ты русский офицер.

Он курит как бы между делом,
Не прекращая улыбаться
И палачей перед расстрелом
Собой заставив восхищаться.

• • •

Век двадцать первый—
Возраст стервы,
Вдруг заявившей о правах.
На взводе нервы:
Гром Миневры
Пугает эхом в облаках.

Век двадцать первый.
Где резервы?
Где силы, чтоб нести свой крест?
И не шедевры,
А консервы
Все превозносят до небес.

Век двадцать первый,
Чрезмерный.
Всё на «на грани», а за ней
Ест кто-то
бутерброд кошерный,
А кто-то—жареных червей.

Век двадцать первый,
Эфемерный…
Мы все живём и не живём…
И кто тот верный
И примерный,
Кто «внидет в благодатный дом»?

• • •

Есть в солнце осеннем особое что-то,
Не свет, а сияние, как позолота.
Оно не печёт, нет тепла в нём ничуть,
Лишь золото льётся, как жидкая ртуть.

Всё в золоте, прочих цветов не видать…
Есть в солнце осеннем своя благодать.

• • •

Когда наследство разметят—
Всё то, чем владели предки,
О чём они петь любили,
Чему поклоняться могли,—

Кому достанется ветер,
Что рвётся, ломая ветки,
И носит облако пыли
У самой земли?

Кто станет его владыкой,
Чтоб думать о нём и печься?
Кто будет его наставником,
Чтоб знал он, где правда, где ложь?

Натурою ветра дикой
Кому б другому увлечься,
А мне оставьте романтика—
Нешумный дождь.

• • •

История из шума уличного
Заходит без звонка и стука.
Словами анекдота бубличного
Приветствует как друга.

Присев к столу без приглашения,
Как гость, что не был зван к обеду,
Испытывает мне терпение,
Ломая всю беседу.

Не принимая возражения,
Что я не рад её визиту,
Навязывает отношения
И дерзко, и открыто,

В лицо смеётся, если спорю я:
Смотри, сбываются приметы!
Ты сам теперь уже история—
Читай газеты!

Мария Окунева

Вчера в апреле

● ● ●

Здравствуй. У меня нет
ни бумаги, ни новых строк.
Я догадывался всегда,
что однажды меня оставят язык и слог
и я рухну в почву, в гранит, в песок.
Грифы буду кружить надо мной,
стремясь отхватить кусок.
И мой Парфенон падёт,
растрещав по швам,
оставив после себя груду пыли и страха.
Гам—
это, в сущности, тело без сна.
Портретисты врут,
рисуя старух—как смерть
и смерть—как старух.
А слова—средоточие речи,
её диктат.
И ад—
это просто комната
с массивным чёрным неработающим телефоном
и стрелками циферблата, шагающими назад.

● ● ●

Я сегодня сделала почтовый ящик
Для одного письма.
Оно должно прийти откуда-то издалека,
Со множеством разных марок,
А ещё там будет одна помарка,
Наверное, в названии улицы или городка,
Как будто бы оно сомневалось,
Что ему сюда, именно сюда
Надо.

● ● ●

Ты был клише разговорным, пойманным
Чужими руками, так,
Что перья смялись, скатались
И сделалися вороньими,
Длинными, зазубренными по краю.
Кто-то их сохранит, посчитает,
А потом на себя нацепит
И будет у костра танцевать,
Имя твоё вспоминать,
Беду кликать.

● ● ●

Здесь всегда выбирали холод первоосновой,
Набивали им трубки,
Вселяли его в слово,
Отчего оно становилось хрупким, но било, словно
Линейка учителя пальцы ученика.

Если здесь умирали,
То не от старости—от мигрени.
В этом городе сквозняки—
Оправдание щели.
От ночных разговоров мороз по коже,
И засыпается с мыслью, что что-то должен,
Но кому—непонятно…
Окна зашторены наглухо, будто платья
Женщин, боящихся холода или взглядов.
Химия первоначально—лишь интересы к ядам.

К горлу (вошло в привычку)
Подтягивается зевота
На рассказы соседки:
Про мужа и про работу,
Про «разорившись на окна—
Дуло семью ветрами»…
Крошечные полотна жизни
Кто-то назвал стихами.

● ● ●

Вечера в апреле,
Когда теплее, чем осенью,
Хоть тона похожи.
Когда идёшь, таращишься на прохожих,
На остатки деревьев в центральном парке,
Когда письмо в кармане с почтовой маркой,
На которой корабль или лучше чайка,
И в графе «Адресант» отпечатано: «Не скучайте,
Вернусь»,—и дата
Двадцатипятилетней давности…
Можно сесть на скамейку, можно
Даже представить рядом тебя,
Жалующегося на погоду,
Потом вместе идти до дому,
Рассуждая о том, что сложно
Задержать дыханье
И уйти наконец под воду.

● ● ●

Вот чемодан—
Он совсем обычный,
Красно-коричневый,
Потрёпанный чуть с боков.
В нём любили лежать коты
(Он внутри тряпичный),
Чуть продрали обивку,
На ручке следы зубов.
Сейчас он приправлен платьями,
Вышедшими из моды,
Играет роль небольшого
Вместительного комода.
На дне его три пластинки
С джазом и русским роком,
Маленькая шкатулка,
Привезённая из Европы,
Сборник стихотворений,
Духов флакончик,
Горстка монеток медных
И медальончик
С фотографией,
Ты точно знаешь с чьею…
Я возьму его
И надену опять на шею.

● ● ●

Агасферовый путь
к нам ластится пустотой
неисхоженного пространства,
а мы пошли бы
по тропе,
но волны стоят горой.
На пути прилива
есть только мы,
и рост—наш враг,
а также способность мыслить.
И пока мы ждём,
как на нас упадёт волна,
мир проживает десятки жизней.

● ● ●

Там, на берегу,
перед морем стою…
Корабли отплывают,
ибо нужны в бою.
Или в миру,
не здесь,
воздух разрежен,
весь
состоишь из частиц.
Человеческих лиц
не вспомнишь:
они—одно
смотрящее вдаль пятно.

● ● ●

Окромеш этих дней, кроме чёрта, никто не сунется,
Да и тот лишь с листочком пустырника за щекой.
И в оконном стекле перевёрнутой видится улица,
В зеркале перед иконой—кто-то чужой.
Ветки еловые возле лампадки прячутся,
Медь заливают масляно-чёрной смолой,
Цвет живой с них кто-то соскоблил начисто,
И их некому будет бросать за мной.
Колёса тележные собой заменили мельницы,
А ещё мы на них гадали, когда умрём:
В ветер выйдем, и сколько кругов навертится,
Столько лет мы ещё с грехом пополам проживём.

● ● ●

На каком-нибудь старом архипелаге,
Среди зимы,
Где ты был прогулкою ли, пробегом,
Где почтальоны свои тюки набивают снегом
И столько людей, что твои следы
Выбирают молчать о том, где ты был, где не был.

Там так много людей, что время не успевает.
Вот, допустим, нальёшь себе чай, а он не остывает
В течение ночи, месяца, полугода,
И можно долго сидеть у старенького комода,
Кутаясь в свитера,
И никаких тебе «завтра» или «вчера»,
Лишь тишина с гудками далёкого парохода.

Там нет никаких автобусов, вообще машин.
Все путешествуют пешими, и невредим
Остаётся не тот, кто вместе со всеми шёл,
И не тот, кто отправился в путь с ножом,
А тот, кто как вышел—сразу на снег упал
И уставшего ангела левым крылом писал…

● ● ●

Ночь. Начинаем гадать на гуще…
Светильники трескаются.
Слышится чей-то смех.
Сброшены покрывала—
Прощайте, стулья.
Я знаю, ты будешь счастливее
Всех невест,
А я отращу себе крылья
И спрячусь в улье.
Там появится много знакомых
С расцветшим синим,
Выцветшим серым,
Оранжевым цветом глаз.
Маки в ладони—
Отправлю их бандеролью,
Подписавши с любовью:
Тебе. На Марс.

Лев Бердников

Писатель он был

Пётр Вейнберг

К 110-летию со дня смерти

Пётр Исаевич Вейнберг (1831–1908) — поэт, учёный, академик, педагог, издатель, редактор, переводчик-профессионал, много сделавший для знакомства русских читателей с западной литературой, — прочно вошёл в историю российской словесности.

Родители его стали православными не корысти ради, но по зову души. Отец, Исай Семёнович, строго следил за исполнением семьёй всех церковных обрядов, сам подавал этому пример, и дети с самых ранних лет привыкли относиться к религии с благоговением.

В семье Вейнбергов часто давались самодеятельные спектакли, в которых не гнушались играть и всероссийски знаменитые Михаил Щепкин, Павел Мочалов, известный американский чернокожий актёр-гастролёр Айра Олдридж.

С детства у Петра проявилась тяга к литературе, и отец, одобряя это увлечение, определил его в лучшее в Одессе учебное заведение — Пансион Василия Андреевича Золотова (1804–1882). Мальчик проучился здесь шесть лет, и это оказало на него огромное влияние, сформировало его эстетический вкус.

А вот дальнейшей учёбой в гимназии при Ришельевском лицее Пётр доволен не был. Там, как он впоследствии вспоминал, «царил рутинный формализм при полном отсутствии живого элемента». Не лучше обстояло дело и на юридическом факультете лицея, куда Вейнберг поступил по окончании гимназии. «Не столько юридические науки, — признавался он, — сколько поистине ужасный способ их преподавания бездарными и ленивыми профессорами отравил мне годы, которые я поневоле проводил на скамьях лицейских аудиторий». Отец внял его настойчивым просьбам и разрешил Петру за полгода до окончания курса покинуть лицей и отправиться в Харьков, в университет, чтобы стать студентом историко-филологического отделения.

Однако и там картина оказалась «мрачной и печальной». Преподавание велось на самом низком уровне, но, к счастью, были здесь и молодые преподаватели, отличавшиеся «содержательностью, широтой взглядов, новизной обобщения, отзывчивостью на общественные вопросы, с ораторским талантом». Именно благодаря этим светлым умам литературные способности Вейнберга проявились в полной мере. В студенческие годы в журнале «Пантеон» (1851, №11) был напечатан его перевод драмы Жорж Санд «Клоди». А его перевод стихотворения Виктора Гюго «Молитва обо всех» вышел в «Харьковских губернских ведомостях» (1852, февр.). В письме к редактору «Пантеона» Фёдору Кони от 24 сентября 1852 года Вейнберг предлагает свои услуги как переводчик рассказов, пьес, водевилей. А в 1854 году в Одессе выходит первый поэтический сборник Петра Вейнберга с несколькими оригинальными стихотворениями и переводами из Горация, Андре Шенье, Виктора Гюго, Джорджа Гордона Байрона.

После окончания университета наш герой начал служить в качестве чиновника особых поручений при тамбовском губернаторе Карле Данзасе (1806–1885). О трёх годах, проведённых в Тамбове, Пётр Исаевич говорил как о «времени глупого, праздного и бесцельного существования», которое скрашивалось усиленной литературной работой. Впрочем, он здесь излишне самокритичен, поскольку, помимо службы, редактировал неофициальную часть «Губернских новостей» и сам писал много и вдохновенно. И этот тамбовский период, о котором наш герой, по его словам, не мог вспоминать «без содрогания», сыграл в становлении Вейнберга-поэта весьма значительную роль. И прежде всего потому, что он открыл для себя творчество Генриха Гейне. Вейнберг стал редактором первого и последующих собраний сочинений Гейне на русском языке, переводчиком более 250 его стихотворений. Кстати, в любовной лирике Петра Исаевича влияние Гейне весьма ощутимо.

К периоду пребывания в Тамбове относится и самое, пожалуй, знаменитое стихотворение Вейнберга «Он был титулярный советник» (1859), впоследствии вошедшее в сборник «Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова» (Спб., 1863), положенное на музыку Александром Даргомыжским и ставшее широко известным в исполнении Фёдора Шаляпина. Интересно, что другое популярное стихотворение Вейнберга высечено

на его надгробном памятнике на Литераторских мостках в Петербурге:

А седые волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликом природы,
Всё быстрей вперёд летели,
Всё грознее песню пели
Мощи и свободы!

В 1858 году Вейнберг переехал в Петербург и по рекомендации поэта Владимира Бенедиктова посещал литературный салон Александра Дружинина, где познакомился с самыми известными писателями того времени: Иваном Тургеневым, Иваном Гончаровым, Дмитрием Григоровичем, Алексеем Писемским, Николаем Некрасовым, Василием Боткиным. Он активно сотрудничал с журналами «Библиотека для чтения», «Современник», «Сын Отечества», «Русское слово», «Отечественные записки», «С-Петербургские ведомости», опубликовал цикл фельетонов «Мелодии серого цвета» в журнале «Весельчак», проявляя необыкновенную энергию и трудолюбие.

В 1859 году в Петербурге начал издаваться сатирический журнал революционно-демократического направления «Искра». Его основателями были Василий Курочкин и Николай Степанов. С первого же номера журнала Вейнберг принял в нём самое деятельное участие в качестве автора и члена редакции. «Искра» занимала непримиримую позицию к проявлению всякого рода произвола, и именно здесь окрепло дарование Вейнберга, оформился его поэтический талант. Весьма симптоматично, что издатели не боялись возвышать свой голос в защиту евреев от нападок реакционной печати. Вот что писал редактор «Искры» Василий Курочкин, обращаясь к журналистам-юдофобам:

Для нас евреи—суть евреи,
Для вас евреи—суть жиды.

Вейнберг бичевал в «Искре» нечистоплотных дельцов всех племён и мастей. Один из критиков писал: «Нет ничего удивительного в том, что Вейнберг, будучи евреем, не жертвует национальному чувству истиною и обличает возмутительные деяния другого еврея». Необходимо отметить, что в то же время Вейнберг покровительствовал еврейским литераторам и помогал печатать их произведения.

Собственно поэтическое творчество Вейнберга мало оригинально, стихи в основном рассчитаны на декламацию. Но он прославился и историко-литературными этюдами, критическими статьями, обзорами-рецензиями, публицистическими фельетонами. Был он и составителем всякого рода сборников, хрестоматий, призванных нести культуру в самые широкие массы.

Важным событием культурной жизни Петербурга было создание в 1859 году Литературного фонда, организованного в целях оказания помощи нуждающимся литераторам и учёным. Одним из его инициаторов, деятельным участником, а потом и председателем стал Пётр Вейнберг. Современник свидетельствовал: «Он буквально в своей личности сосредоточил всё обилие горя, нужды и печали, которые так часто сопутствуют жизни писательского сословия». При этом Пётр Исаевич не боялся вступаться за литераторов-революционеров, подвергшихся репрессиям. Так, он ходатайствовал об освобождении Горького, арестованного после событий 9 января 1905 года; о разрешении вернуться в Петербург из Вильны сосланного Германа Лопатина. Он был «вечным ходатаем перед обществом за писательское сословие, устраивая в его пользу концерты, спектакли, чтения, привлекая сюда выдающиеся поэтические силы, хлопоча о величине сборов, дабы иметь возможность как можно шире прийти на помощь человеческой беде». Возглавлял Вейнберг и Союз взаимопомощи русских писателей, председателем которого был избран в 1897 году. А в 1905 году по рекомендации Антона Чехова он стал ещё и почётным академиком Российской академии наук.

Квартира его на Фонтанке у Аничкова моста, которую знала чуть ли не вся научная и литературная Россия, стала своего рода центром, куда люди шли за советом, за помощью и поддержкой.

И всё же главная и неоценимая заслуга Вейнберга в том, что он ввёл в российский культурный обиход шедевры мировой литературы. Масштабы переводческой деятельности Вейнберга огромны: свыше шестидесяти европейских и американских авторов от Данте до его современников. Важно то, что, неутомимый популяризатор западной литературы, он формулирует принципы художественного перевода, которыми неукоснительно руководствуется и сам. По словам литературоведа Юрия Левина, «среди своих современников Вейнберг стяжал славу лучшего переводчика, а его переводы долгое время считались образцовыми».

Будучи христианином, Пётр Исаевич, по собственным словам, стремился постичь «область религии с её внутренней стороны», развить и укрепить в себе нравственно-религиозное чувство. Но он не мог не думать о своём народе. Правнучка Петра Исаевича, Галина Островская, замечает: «Конечно, бытовой антисемитизм в России был широко распространён, и с его проявлениями Петру Исаевичу безусловно и многократно приходилось сталкиваться. И, конечно, он это остро и болезненно переживал. И страшно даже подумать, что творилось в его душе, когда в 1905 году в его любимой Одессе, где жили его многочисленные родственники и друзья, прокатилась волна ужасных еврейских погромов».

Надо сказать, что Пётр Исаевич был нетерпим к любым проявлениям юдофобии. К примеру,

когда в 1897 году в журнале «Нива» появилась статья, восхваляющая антисемита Виктора Буренина, Вейнберг написал издателю журнала: «В сегодняшнем номере „Нивы“ я прочёл статью в честь господина Буренина! После такой оценки его заслуг я (и смею думать, что найдутся люди, которые поступят точно так же), конечно, должен лишить себя возможности печататься долее в Вашем журнале».

Еврейская тема занимает большое место в переводческой деятельности Вейнберга. По-видимому, влияние и обаяние таланта обожаемого им Гейне, с его повышенным интересом к еврейству, дали Вейнбергу импульс к разработке темы уже на более широком литературном материале. Он переводит «Венецианского купца» (1866) Шекспира и драму Карла Гуцкова (1811–1878) «Уриэль Акоста» (Отечественные записки, 1872, №2, 11, 12 и переизд. в 1880, 1895, 1898, 1905), пьесу Генри Уодсуорта Лонгфелло (1807–1882) «Иуда Маккавей» (Еврейская библиотека, 1875, т. 5), драму «Натан Мудрый» Готхольда Эфраима Лессинга (1729–1781).

Перевод Вейнберга драматической поэмы писателя-романтика Виктора Гюго (1802–1885) «Торквемада» (Восход, 1882, кн. 9–10) критики называли «превосходнейшим». Отметим, что сама эта пьеса была написана под влиянием погромов в России, с осуждением которых Гюго, президент комитета помощи русским евреям, неоднократно выступал в печати. Тема изгнания евреев из страны также обретала свою актуальность в связи с небывалой волной эмиграции иудеев из империи и поощрительными призывами властей: «Западная граница открыта для вас!»

Вейнберг был популяризатором и собственно еврейской литературы. Знаменательно, что он перевёл капитальную монографию Густава Карпелеса (1848–1909) «История еврейской литературы» (Спб., 1890) — первый систематический опыт подобного рода, имевший огромное культурное значение. Этот учёный определил еврейскую литературу как «умственные произведения евреев, в которых отпечатлеваются еврейское миросозерцание, еврейская культура, еврейский образ мысли, еврейское чувство».

Событием большой общественной значимости стал выход двухтомника «великого политического сатирика» Карла Людвига Берне (1786–1837) под редакцией и в переводе Вейнберга (Спб., 1869), с приложением его биографической статьи об авторе.Несомненный интерес представляет его перевод произведения «еврейского романиста большой руки», педагога, пылкого оратора Бертольда Ауэрбаха (1812–1882) «Поэт и купец» (Восход, 1885, кн. 6–11) — о еврейском поэте конца XVIII века. Ауэрбах призывал к преобразованию еврейства, а вовсе не к отходу от него. Во времена «массовых крещений» евреев в России перевод романа «Поэт и купец» был весьма актуальным. Ауэрбах с горечью говорил об охватившем Европу антисемитизме как о «всеобщей нравственной порче» и «варварстве» и был глубоко потрясён погромами в России 1881 года.

Отметим и перевод «Избранных мыслей» (Спб., 1893) еврейско-австрийского писателя-сатирика Морица Готлиба Сафира (1795–1852), весьма популярного и в России благодаря своему сверкающему остроумию (его юмор ценили Фёдор Достоевский и Лев Толстой). Непревзойдённый мастер афоризмов, «остроумный балаганщик и сплетник», он поражал читателей своим парадоксальным мышлением, неожиданными сопоставлениями, каламбурами. И хотя Генрих Гейне не находил в пассажах Сафира «серьёзной основы» и называл их «умственным чиханием», они востребованы и в наши дни, вошли в многочисленные сборники «Мысли и афоризмы деятелей и мыслителей народов мира».

Заслуживает внимания и перевод произведения другого австрийского писателя еврейского происхождения, Фрица Маутнера (1849–1923), известного более как театральный критик, фельетонист, автор колких литературных пародий и трагикомических историй, выдающийся философ-лингвист. Речь идёт о его романе «Новый Агасфер» (1882), публиковавшемся по горячим следам в ежемесячнике «Восход» (1882, №12, 1883, №1–3). Важно то, что Пётр Исаевич снабдил публикацию предисловием, в котором специально оговорил, что изложил роман в сокращённом виде, акцентируя внимание читателей именно на его «еврейской стороне».

Боевитая статья «Еврейский вопрос в иностранной сатирической литературе» (Восход, 1881, кн. 1) язвила известных в то время германских горлодёров Бернхарда Фёрстера, Адольфа Штеккера и Эрнста Генрици и доводила до абсурда их и без того иррациональные ксенофобские пассажи. Мир у таких озверелых юдофобов чёрно-бел, причём «еврейская краска всегда была чёрной, печальной, уродливой и злой, в противоположность германской белокурости».

Интересен и перевод главы «Римское гетто» из книги «Воспоминания об Италии» испанского писателя Эмилио Кастеляра (1832–1899) (Еврейская библиотека, 1878, т. 6). В погрязших в нищете и невежестве обитателях гетто автор узрел силу веры, сплочённость, «жизненность», проявляющиеся в самых ужасающих условиях. Он говорит об исторической преемственности: «Стоя вместе с другими в бесконечном водовороте, непрерывном потоке человеческих идей, евреи, однако, живут как бы вне своего времени и воссоздают в своих мыслях разрушенный храм, в котором незыблемо хранится ими старая вера с её благодатными надеждами».

Часто Вейнберг привносит в переводимый им текст своё отношение, комментирует, а иногда

и полемизирует с автором. Надо сказать, что слово Вейнберга дорогого стоит, ибо основано на вдумчивом изучении многих произведений «бытописателей гетто», которые он активно переводил. Пример тому — повесть«Дети рандара» (Восход, 1884, кн. 6, 8, 10–12) Леопольда Комперта (1822–1886), считавшегося первооткрывателем темы гетто в литературе.

В 1886 году под редакцией и частично в переводах Петра Вейнберга вышел в свет сборник «Повести и рассказы» Карла-Эмиля Францоза (1848–1904). Критики отмечали: «Очерки Францоза не только ближе подходят к жизни наших русских евреев, но даже по большей части составляют целиком выхваченную картину этой жизни… Проза Францоза, очень хорошо и талантливо написанная, даёт нам возможность заглянуть и в область явлений… совершенно нам неизвестных; она выводит перед нами ряд лиц, в высшей степени замечательных в психологическом отношении»… Даже раскрывая непривлекательные стороны отсталого еврейства, писатель делает это не как сторонний наблюдатель, а как любящий друг, стремящийся разорвать те оковы, которые держат в своих тисках отсталую массу соплеменников.

Знаменательно, что христианин Вейнберг порицал евреев-ренегатов. Его отношение к выкрестам благожелательным назвать трудно. Об этом можно судить по резко осуждающему тону, которым он говорит о таком «фальшивом шаге» своего литературного кумира Генриха Гейне. Слабыми, не выдерживающими строгой критики называет Вейнберг ссылки великого поэта на то, что «крещение представляет собою билет для входа в европейскую культуру». Негоже было Гейне страшиться вздорных насмешек над его «жидовством», которые исходили лишь от невежественного, обскурантного меньшинства. И ведь совсем скоро немецкий поэт пожалел о содеянном. «Не глупо ли, — писал Гейне. — Едва я выкрестился — меня ругают как еврея… Я ненавидим теперь одинаково евреями и христианами. Очень раскаиваюсь, что выкрестился: мне от этого не только не стало лучше жить, но напротив того — с тех пор нет у меня ничего, кроме неприятности и несчастия… Когда еврей, сын религии, не только удовлетворящей его идеальным потребностям, но и обуславливающей всю его жизнь, меняет её на другую, то для него эта перемена означает разрыв не только с его прошедшим, но и со всем его внутренним существом. Ни одна религия не проникает в плоть и кровь человека, как еврейская. От этого ни один выкрестившийся еврей, при всём своём желании, не становится вполне христианином: новая религия, как вода, которою окрестили его, остаётся только на его поверхности. И по той же самой причине выкреститься так тяжело для всякой благородной натуры; еврей, делающий этот шаг охотно и весело, часто не что иное, как плут, настолько проникнутый страстью к торгашеству, что на свою веру он смотрит как на товар». Перевод этого текста Гейне безошибочно указывает на внутренние, глубинные чувства и мысли самого Вейнберга.

Он перевёл некоторые «Галицийские рассказы» писателя из Львова Натана Самуэли (1846–1921), отличавшиеся острой наблюдательностью и мягким юмором и направленные против ренегатства молодого поколения. Критик Семён Дубнов в статье «Еврейско-галицийские рассказы Н. Самуэли» (Восход, 1885, кн. 11) высоко оценил повествовательное мастерство этого писателя, его умение выбрать «типическое лицо и характерный момент».

Огромный интерес представляет и материал Вейнберга «Из переписки английской дамы о еврействе и семитизме» (Восход, 1884, кн. 1–3), посвящённый положению иудеев в современной Европе. Автор отмечает агностицизм и прагматизм среди некоторых евреев, желавших крестить своих детей, чтобы избавить их от «всяких столкновений». Речь идёт об особом типе людей без рода и племени, «для которых еврейство и христианство представляются равно ничтожными нулями; они с одинаковым равнодушием перешли бы в ислам или буддизм, лишь бы освободиться от общественного гнёта и беспрепятственно наслаждаться житейскими благами. Как только еврейство служит им помехой в карьере, эти люди „ползут к кресту“. Между тем, в иудейской религии заключено нечто, дающее необыкновенную силу сопротивления, что делает евреев народом апостольским, призванным дать пример, как сохранить жизненную энергию».

Литераторы аттестовали Петра Исаевича как «рыцаря духа», «сеятеля разумно-доброго», служившего русской словесности самозабвенно, «с исключительной искренностью и самоотверженной чистотой». Но его заслуга и в том, что зарубежная литература, в том числе на еврейскую тему, заговорила на русском языке, став достоянием отечественного читателя. В некрологе об этом замечательном по широте и многогранности деятеле перефразируются слова из шекспировского «Гамлета»: «Писатель он был». Что же, безусловно, русский писатель и переводчик Пётр Вейнберг обогатил и духовную жизнь российского еврейства.

Евгений Степанов

Рифменная система Татьяны Бек

Русская рифма за несколько веков пережила в своём развитии несколько этапов: от неисчерпаемого фольклора, «Слова полку Игореве», «Задонщины» до системы рифмовки Антиоха Кантемира (он использовал и в торжественных песнях (одах), и в полных сарказма баснях исключительно женские окончания), до Михаила Ломоносова (выдающегося реформатора отечественного стихосложения) и Александра Пушкина (который, по точному замечанию Давида Самойлова, «был образцом поэта, у которого рифмуется не окончание с окончанием, а слово со словом, у которого рифма вписана в систему стиха»[1]), далее—к футуристам (это прежде всего Владимир Маяковский, максимально развивший составную рифму) и до плеяды шестидесятников (Булат Окуджава, Роберт Рожественский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Римма Казакова, Пётр Вегин, Виктор Соснора…), начавших в пятидесятые—шестидесятые годы прошлого века активно использовать ассонанс (который, кстати, был употребим уже в фольклоре—характерный пример приводит в своём «Поэтическом словаре» Александр Квятковский: «Девушка *спесива*—/ Не дала *спасибо* <…>: Алёнушка не *добра*, / Испить воду не *дала*»[2]).

Татьяна Бек использовала самые разнообразные способы рифмовки, отдавая между тем предпочтение перекрёстной, а не опоясанной и парной рифмам.

Палитра версификационных «инструментов» Татьяны Бек максимально широка: тут и ассонансы, и паронимия, и составные рифмы, и даже (редко!) глагольные рифмы, и—что почти невероятно, но на самом деле логично!—банальные рифмы-клише (например: *небо—хлеба*), которые были в поэтике Бек совсем не банальны.

Поэзия—не верификационный бодибилдинг. Само по себе мастерство (в том числе умение хорошо рифмовать) не значит ровным счётом ничего. И рифма никогда не была самоцелью для Татьяны Бек, именно поэтому такая разнообразная у неё рифменная практика.

Без мастерства тоже плохо. Идеальный вариант—когда художнику (в широком смысле этого слова) есть что сказать и он знает, как это сделать. То есть, говоря предельно просто и тривиально, когда форма и содержание едины. Именно таким художником и была Татьяна Бек. Версификационное мастерство служило главной задаче—показать тончайшие нюансы характера лирической героини, которая, впрочем, была практически неотделима от автора.

Татьяна Бек, как выдающийся мастер, обстоятельно и филигранно учитывала наработки прошлого (о её феноменальной образованности и начитанности говорили многие, в том числе Александр Кушнер: «Татьяна Бек—не только поэт и автор замечательной мемуарной прозы, но ещё и человек глубокой культуры»[3]) и, конечно, не могла пройти мимо опыта шестидесятников, которые сделали ставку, как мы уже отмечали, на ассонанс.

Ассонансные рифмы по частотности в поэтике Татьяны Бек уступают составным, но занимают, тем не менее, одно из важнейших мест. Зачастую она использовала сложные и виртуозные ассонансы, которые также можно отнести к составным рифмам (например: *набузили—на бензине*; *околела—о колено*; *с вещами—завещали*; *с му́кою—сумкою*; *на отшибе—не отшибло*; *за болотом—«Кто там?»*; *за пределом—поределом*).

Ассонансы Татьяны Бек незатёрты, полнозвучны: *кричала—курчава*; *нитям—увидим*; *лебезил—лимузин*; *рукавами—расковали*; *запретили—трактире*; *высшему—выживу*; *одарила—долина*; *салону—солому*; *укрепила—крапива*; *сбежала—пожара*; *разбивши—ближе*.

Встречаются и довольно часто употребляемые ассонансы (например: *люпина—полюбила*; *сполна—спала*).

Что касается составных рифм, то здесь Татьяна Бек стала лидером поколения и развивала традиции Маяковского, Высоцкого и других виртуозов стиха. Её составные рифмы чаще всего неожиданны, нетривиальны: *тяжело им—мордобоем*; *выпали—рыба ли*; *ополовинена—любви она*; *символ—спи, мол*; *всхлипы—лишь бы*; *испекла ещё—кладбище*; *как иго—калика*; *перепел их—белых*; *нумеруя—не умру я*; *духа ли—расчухали*;

1. *Д. Самойлов.* Книга о русской рифме. М.: Время, 2005. С. 151.
2. *А. Квятковский.* Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 51.
3. *А. Кушнер.* https://tunnel.ru/post-tatyana-bek

искажена — и не жена; *столетия — Лете я*; *нечестивых — забыв их*; *непомерная — смерть моя*; *ты не верил им — временем*; *подавись им — зависим*; *голое — глагола, — и*; *о ком я — как комья*; *затворюсь ли — в русле*; *в подоле — по Торе*; *нате ж — настежь*; *мы те же — депеши*; *комодом — «Кто там?»*; *белка ли — бегали*; *кони ли — поняли*; *колдуя — приду я*; *не чуя — хочу я*; *многолапы — не могла бы*; *улей — пересеку ли*; *битвой — быт мой*; *злая — росла я*; *пока я не я — покаяния*; *пурга — мети — пергаменте*; *согретая — табурета я*; *рыбьи ли — погибели*; *Империи — им пели — и*; *потоках — на то, как, то есть — доблесть*; *не со зла ведь — вставить*; *за радугой — залатанной*; *комарику — в Москва-реку*; *делов-то — кофта*; *птичьего — покличь его*.

Составные рифмы часто несут ироническую смысловую нагрузку, и в стихах Татьяны Бек много горькой самоиронии, уничижения собственной личности, именно поэтому частотность составных рифм в поэтике Бек столь высока.

Есть целые стихотворения (на мой взгляд, не самые удачные, в силу их запрограммированности, заданности), которые Бек написала, используя преимущественно (в первой и третьей строках строфы) составные рифмы.

• • •

Не ходи ко мне, пока я не я,
Пока грех — на правах родни.
Я сама ищу покаяния.
Не подстёгивай, не гони.

А звезда — свети, а пурга — мети,
А бессонница — леденей.
Получу письмо на пергаменте
Из далёких и мощных дней.

Обнадёженная, согретая
(Так летят на заветный стук),
Встану с низкого табурета я
И увижу лазурный круг,

Где глаза — человечьи, рыбьи ли
Иль снегурочкины — горят.
Бог отвёл меня от погибели.
Я тебе отворяю, брат.

Это было: закат Империи.
Но не будет
конца
земли,
Где любимых ждали, им пели — и,
Схоронивши, в душе несли[4].

Менее частотны паронимические и анаграммические рифмы в поэтике Бек, но также встречаются: *холите — холоде*; *колдун — колтун*; *трепет — терпит*.

Чередование мужских и женских рифм в поэтике Бек примерно одинаково, распространены и дактилические рифмы: *ограбили — табеле*; *разбитыми — копытами*; *хитросплетения — смертельная*; *издали — очистили*; *некуда — рекрута*.

Часто в стихотворениях идёт чередование дактилических и женских окончаний.

• • •

Похоронив родителей,
Которых не жалели,
Мы вздрогнем: всё разительней
И горше запах ели.

Очнёшься от безволия,
Чей вкус щемяще солон, —
Над кубом крематория
Слышнее птичий гомон.

Утрата непомерная
Под крик весёлой птицы…
О жизнь моя, о смерть моя, —
Меж вами нет границы![5]

• • •

Вы, кого я любила без памяти,
Исподлобья зрачками касаясь,
О любви моей даже не знаете,
Ибо я её прятала. Каюсь.

В этом мире — морозном и тающем,
И цветущем под ливнями лета, —
Я была вам хорошим товарищем…
Вы, надеюсь, заметили это?

Вспоминайте с улыбкой — не с мукою —
Возражавшую вам горячо
И повсюду ходившую с сумкою,
Перекинутой через плечо![6]

Гипердактилические рифмы Бек использовала редко.

Частотны в поэтике Бек неточные усечённые рифмы. О том, что такой вид рифмовки стал распространён в поэзии шестидесятых — семидесятых годов прошлого века, писал Давид Самойлов. Он, в частности, констатировал: «Чаще усечение происходит в группе конечных согласных: *лабиринт — обид* (Кушнер), *гор — горд* (Долматовский), *с кем — Керн* (Ахмадулина), *власть — сбылась* (Преловский), *пёс — звёзд* (Ермолаева), *вдаль — журавль* (Ревенко), *конфет — конверт*, *режь — надежд* (Евтушенко)»[7].

То есть в таких неточных усечённых рифмах чаще всего появляется как бы дополнительная финальная (предфинальная) согласная, которая

4. *Т. Бек.* Сага с помарками. М.: Время, 2004. С. 219.
5. Там же. С. 154.
6. Там же. С. 157.
7. *Д. Самойлов.* Книга о русской рифме. М.: Время, 2005. С. 386.

делает рифму менее благозвучной, но более неожиданной.

У Татьяны Бек таких рифм тоже много: *к монархам—крахом*; *слитки—клики*; *речи—френче*.

Главное в поэтике Бек, конечно, не рифма как таковая, а, как мы уже говорили, сочетание поэтической сути и версификационного мастерства.

В лучших своих стихах Татьяна Бек сумела в максимально суггестивной форме показать живого человека (это всё-таки в поэзии—первостепенное!), выразить до мельчайших психологических нюансов трагический надлом души лирической героини и—несмотря ни на что!—её бесконечную любовь к жизни и людям. Душа и мастерство поэта слились в творчестве Татьяны Бек воедино, и появились великие шедевры, которые, не сомневаюсь, останутся в русской литературе.

К таким шедеврам я отношу, например, два таких стихотворения:

● ● ●

«За семью морями и за семью холмами…»
Это как в сказке. А на деле—очень далёко—
Ты, которого я посылала к такой-то маме,—
Как тебе там? Тут—одиноко.

Я твои письма читаю, врубивши радио,
Напялив узбекский халат и не чуя дыма,
Идущего с кухни, где подгорело варево:
Груши из братского Крыма

С добавкою цедры, сахара и ванили…
Что ж, выключу газ на плите, радио и рефлексию.
Просто: жили-были, сплелись ветвями, а ствол срубили.
Предлагаешь иную версию?

Дай мне срок: соберусь мозгами и силами—
Соберу пожитки, и вброд—через известный поток.
…За семью морями, холмами, могилами
Ты меня жди. Я уже скоро, браток[8].

● ● ●

Привыкай—разворачивай—режь—
Отрывайся—таи—не тревожь.
Я устала от ваших депеш.
Я устрою дебош.

Не хватало, чтоб дух лебезил!
И—как спьяну, дрожа—
Я булыжник швырну в лимузин,
Проезжающий мимо бомжа.

Обожаю сей град,
При чужих ненаглядный стократ.
В память детскую, как в конуру,
Как дворняга, забьюсь—и умру[9].

В этих стихах боль и беззащитность, надрыв и трагедия, усталость и мольба о помощи, которые чётко и виртуозно выражены вербальными средствами. Весь недюжинный диапазон версификационных средств (лексика, ритмика, метрика, разнообразные и выразительные рифмы, включая и традиционные мужские: *режь—депеш*; *тревожь—дебош*, и броский ассонанс: *лебезил—лимузин*) служит автору необходимым материалом для выражения главного—страдающей и высокой души человеческой.

8. *Т. Бек*. Сага с помарками. М.: Время, 2004. С. 337.
9. Там же. С. 271.

Настоящая сто́ящая вещь

Лучшие работы участников красноярского конкурса школьной публицистики «Суперперо-2018»

Дарья Семёнова,

лицей №2, 8 класс

Шорох Вселенной

...В большом уютном доме, притаившемся между глубоким Чёрным морем и великолепными Кавказскими горами, цепляющими своими вершинами пушистые кучи облаков, рады абсолютно всем. Туда едут те, кто ищет покоя и хочет хотя бы на минуту увидеть рай таким, какой он есть. Там самая добрая в мире хозяйка примет любого заплутавшего, утомлённого жизненным путём странника, успокоит и окутает туманом безмятежности, позволяя наслаждаться бесценными в наше время часами тишины и уединения. Она отгородит от всего мира Кавказскими горами, укроет в тени своих благоухающих виноградников и наполнит дни умиротворением. И, следуя главным традициям кавказского гостеприимства, она никогда не откажет в приюте и не спросит, надолго ли вы пришли, но будет обращаться с вами так, будто вы — самый почитаемый в мире гость. Имя этой хозяйки — Абхазия, и вам несказанно повезло оказаться в её доме. Жители называют его Апсны, что переводится как «страна души», и здесь даже деревья, покачивая своими раскидистыми кронами, шепчут вам: «Добро пожаловать на родину души...»

1. Подружки

Я сижу на любимом кресле в кафе и жду, когда у девочек закончится смена. Подходит к концу последний день в гостинице «Зелёный двор», где я отдыхала самые счастливые две недели в своей жизни, которые будут греть мою душу всю промозглую осень и снежную зиму. Солнце уже опустилось за горизонт, подмигнув мне напоследок солнечным лучиком: мол, не забывай, это последний вечер, так что насладись им как следует. Вот и сейчас я сижу на террасе, жадно и глубоко вдыхая такой сладкий сосново-морской воздух, и... наслаждаюсь. Впитываю все ощущения, вплоть до лёгкого дуновения ветра на своей коже, чтобы закупорить эти ещё тёплые воспоминания в воображаемую бутылку и бережно хранить на полке вместе с другими. А потом, холодным зимним вечером, сдуть пыль с этого воспоминания и хотя бы на миг вновь почувствовать запах пицундского воздуха. В носу начинает щипать, и я изо всех сил зажмуриваю глаза, стараясь прогнать непрошеные слёзы.

— О чём задумалась? — на соседний стул падает Алина, на ходу смахивая со лба выбившуюся из косы огненно-рыжую прядь.

— Да так... Думаю о том, как тут хорошо, — уклончиво отвечаю я, стараясь не выдать грусти в своём голосе.

Алина — наимилейшее шестнадцатилетнее создание кабардинского происхождения, а также обладательница одной из достопримечательностей гостиницы — огненно-рыжей косы, которая в распущенном виде достаёт до её бледных угловатых коленок.

Внезапно лампа на потолке пару раз мигает и затухает, как и свет, до этого потоком лившийся из кухни. Всё погружается в почти непроглядную темноту, и только благодаря лунному свету я могу различить во мраке недовольное личико подруги.

— Да что ты будешь делать! — с самым красивым в мире акцентом (который я, ей-богу, просто обожаю) ругается Алина. — Уже третий день подряд отключают! Амина-а-а, тащи свечку!

— Сейча-а-ас! — сквозь звон посуды слышится голос, а через минуту из кухни выплывает огонёк и приземляется на столе, и в его свете я вижу двадцатитрёхлетнюю сестру Алины, которая на неё ничуть не похожа.

Если та славится своей рыжей косой, то Амина может похвастаться копной густых, мелко вьющихся тёмных волос.

Она садится на свободный стул, и мы просто начинаем разговаривать обо всём подряд, как делали всё время. Атмосфера такая, что мы даже поём несколько «песен у костра», правда, без гитары и с наполовину оплывшей свечкой, но от этого ничуть не хуже.

2. Море

За наш стол усаживается Лариса, их мама. Я ещё нигде не встречала более мудрой и доброй женщины, которую за две недели я полюбила всем сердцем. Её волосы всегда прячутся под цветастым

платком, а на губах неизменно запечатлена лёгкая улыбка, даже когда она работает. Лариса заговорщическим шёпотом предлагает сходить на море. Я удивляюсь, ведь уже почти ночь, но она объясняет мне, что ночью намного красивее, а море всё равно тёплое. Я ещё никогда не купалась в море ночью и вдруг поняла, что не могу уехать отсюда, не сделав этого.

Когда я иду в номер, чтобы отпроситься у мамы и взять полотенце, до меня доносится радостный крик Алины:

— Ура-а-а, мы идём на мо-о-оре!

Лариса не обманула: и правда красиво. Вместе со светом на пляже отключились все фонари, и его освещала только луна, которая так ярко отражается в спокойной воде. Когда приходит время заходить в воду, я понимаю, что не взяла сменную одежду, поэтому приходится нырять прямо так—в футболке и шортах. Амина уже радостно плещется в воде, которая даже ночью кажется прозрачной, как слеза. Пока мы дурачимся, обливаем друг друга и хохочем, Лариса сидит возле берега и тихо посмеивается над нами. Алина распустила свои волосы и сейчас выглядит как русалка, поднявшаяся из глубин только для того, чтобы с нами поиграть. Волосы поблёскивают в лунном свете и мягко покачиваются в воде, волнами расходясь вокруг неё. И без того бледная кожа кажется совсем белоснежной, а громкий смех, как звон колокольчика, разливается по всему пляжу.

Морская вода кажется мягкой даже на ощупь, и я, стоя в ней по пояс, могу видеть свои ноги—до того она прозрачная. Маленькие волны словно слизывают с меня все печали, потому что иначе я не могу объяснить, почему с каждой минутой становлюсь всё счастливее. Солёный ветер, смешиваясь с запахом соснового леса, пробирается через лёгкие, щекочет дуновением, и мне кажется, что я вдыхаю разом целый рай, притаившийся в этой маленькой удивительной стране. «Бывают дни, сотканные из одних запахов, словно весь мир можно втянуть носом, как воздух: вдохнуть и выдохнуть… А в другие дни можно услышать каждый гром и каждый шорох Вселенной. Иные дни хорошо пробовать на вкус, а иные—на ощупь. А бывают и такие, когда есть всё сразу»,—в голове против воли всплывает фраза из любимого «Вина из одуванчиков», и я думаю о том, что сегодня как раз таки всё и сразу. В этот момент я ощутила себя Дугласом Сполдингом, только что сделавшим открытие, что он живой.

3. Вселенная

Я оставляю подруг дурачиться в воде, выползаю на сушу и морской звездой укладываюсь на берегу, устало откидываясь на гальку. Поднимаю глаза на небо, и как будто вся Вселенная тоже открывает глаза и смотрит на меня в ответ. Надо мной—мерцающая бесконечная паутина, соцветия звёзд, букеты созвездий, а я, кажется, не могу дышать, до того это… великолепно. Этого не передать ни словами, ни фотографиями, можно только увидеть и навсегда влюбиться в эту жизнь, в этот мир и в эти звёзды. Внезапно меня накрывает волной такого чистого и ничем не разбавленного счастья, которое ощущается каждой клеточкой тела. И я лежу, такая маленькая и счастливая в этой огромной Вселенной, где я лишь пылинка, ничто, но в то же время часть всех хитросплетений звёзд, центральный кусочек сложного пазла.

Звёзды отпечатываются на сетчатке, путаются в моих волосах, искрят, они везде. Подо мной—рай, надо мной—бесконечность, а на ладони—целый мир. Меня топит в самом удивительном чувстве, когда кажется, что нет границ, что я—часть всего и всё—часть меня. Невозможно ни оторвать взгляд, ни вздохнуть, а перед глазами и в мыслях только звёзды, звёзды, звёзды…

Вдруг всё заканчивается, и я вновь ощущаю себя на прохладной гальке, море тихо плещется у ног, а дыхание—сбившееся и прерывистое. И всё прошло, как будто и не было этого восхитительного чувства, когда можно впитать в себя весь мир. Небо хитро подмигивает мне, а вода, кажется, шепчет: «Оно не исчезло, оно теперь навсегда с тобой». Из уголка глаза всё-таки выкатывается прозрачная солёная бусинка, как будто всё, что переполняло меня, немного выплеснулось наружу.

Я, отчего-то обессиленная, лежу и вслушиваюсь в голоса со стороны моря, понемногу засыпая под столь милый мне кабардинский говор, и обещаю себе когда-нибудь обязательно про это написать.

Мария Коренько

школа №6, 11 класс

Пока я помню

Помню плохо. Мне только исполнилось пять лет, осень вовсю вступила в свои законные права, но ещё ощущались отголоски лета. Папа забрал меня из садика очень рано, а дома было людно. Некоторых людей я не знала, остальные—мои многочисленные родственники: дяди и тёти, бабушки и дедушки, двоюродные братья и сёстры. Зеркало в прихожей занавешено тканью. Стало страшно.

Мама с порога кинулась меня обнимать. По её щекам текли слёзы, одной рукой она прижала меня к себе, а другой гладила мои волосы. Мне стало душно, но пытаться вырваться было бесполезно—я крепко застряла в этом «плену». Но моя тётя пришла на помощь: она подошла, взяла маму за плечи, отвела её и что-то ей сказала. Затем

помогла мне снять верхнюю одежду и, взяв меня за ручку, повела в комнату.

В углу я сразу заметила большую прямоугольную крышку красного цвета, на бархатной поверхности которой был изображён белый крест. А на столе в середине комнаты стоял ящик, в нём «спала» бабушка. «Что это?»—спросила я у тёти. «Кровать. У бабушки же была старая кроватка, неудобная. Теперь ей будет хорошо,—она подвела меня ближе.—Ну же, попрощайся с бабушкой». Но зачем я должна это делать? Разве бабуся не проснётся скоро, не обрадуется, что так много гостей? Мы будем играть, она споет мне «Катюшу» и обязательно прочитает сказку. «Мне не нравится эта кровать»,—ответила я и ушла.

С годами я постепенно забывала о том, как проводила время с бабушкой. Из памяти исчезал её голос, стирались очертания родного лица, а старая блузка, всё ещё висевшая в шкафу, потеряла её аромат. Жизнь продолжалась. Я пошла в школу, у меня родился брат, папа сменил работу, а мама перестала походить на бледную тень, но у неё появились морщины. Время лечит? Не верьте в эту чушь. Оно лишь закапывает боль под массой проблем и забот.

Год назад мама начала перебирать старые фотоальбомы. Я сидела рядом, слушая бесконечные рассказы о прошлом. Одна из фотографий вызвала на лице мамы грустную улыбку. Фото, скорее всего, было сделано в середине прошлого века, не раньше. Чуть порванное на уголке, оно будто таило в себе особую магию. На нём девушка в лёгком платье стоит рядом с парнем. Он прижимает её к себе: одна рука на её талии, а другая держит руку девушки у сердца. Её смущённая улыбка и взгляд в пол—и его уверенность… Они влюблены? Люди сидят на крылечке дома и смотрят на эту пару, а им всё равно. Зачем целый мир, если они есть друг у друга?

Оказалось, что это бабушка и её первый муж. Невысокая, худая, выразительные скулы, длинные волосы—такая молодая и безумно красивая! Мне не раз говорили, что я на неё похожа. Стоило маме отойти на кухню, как фото оказалось в моём кармане.

Сердце бешено колотилось, а руки тряслись. Я смотрела на чёрно-белую картинку, старалась запомнить каждый миллиметр её лица. Искала сходства—неправда, мы не похожи. Если только ростом и худобой.

Я сижу в комнате, в её комнате, которая перешла ко мне одиннадцать лет назад. Слёзы бегут градом. Сяду на диван, посмотрю на фото, тут же иду к окну, чтобы взглядом провожать машины. Передо мной весь город как на ладони. Внизу жизнь, а наверху небо и звёзды. Когда-то мне сказали, что там лучший мир, что там моя бабушка.

Горят огни, ночь захватила небосвод, комнату от тишины отделяет одно лишь дыхание. Иногда всхлипы. Люди неизбежно уходят от нас, оставляя на память лишь образ на фото. Снимок стареет, ветшает, потихоньку умирает, но заставляет нас помнить, порой разгребая завалы и пробуждая старую боль. Когда-то рана затянется, но и не надо этого. Пока человек чувствует хоть что-то, он жив.

Пока помню—я жива.

Владислава Мицукова

школа №10, 8 класс

В ожидании «тройки»

—А чего мы, бабушка, ждём?
—«Тройку» ждём.

«Тройку» ждём… Из глубины ночного неба падают крупные декабрьские хлопья пушистого снега. На стене каменного дома выплясывает светящийся пёс-музыкант со своей верной переливающейся гармошкой. Он выбрасывает одну ногу в красном сапоге, а вторая исчезает. Но сейчас же появляется опять. Поначалу—забавное зрелище, но если смотреть на пса долго—догадаешься: он ненастоящий. Из лампочек. И сразу становится скучно и холодно.

—Бабушка, нельзя выбегать на дорогу!
—Так не вижу ведь ничего!
—А мы «тройку» ждём?
—«Тройку», «тройку»…

Тройка… Летит, звенит, побрякивает… Тройка! Бубенчик на шее коня Города. Тройка—это значит Радость! А радость обычно приходит поздно. Когда людей на остановке становится мало-мало. Когда бабушка произносит: «И где она едет? Девчонка уже остыла вся!» Но «тройка» всё же приходит. Маленький обшарпанный пузатый автобусик с запотевшими стёклами и жёлтыми поручнями. Но главное то, что в «тройке» сидит мама! Я забегаю в автобус, петляю между усталыми, повисшими на поручнях мужчинами и женщинами… А если не найду? А если бабушка ошиблась? Где же?

—Я здесь,—на кожаном сиденье прямо возле окошка сидит мама.
—Мама!—в пропахшем морозом воротнике и шерстяной шапке.
—Мама!—с сумками в руках, с волшебными сумками, откуда иногда появляются игрушки и барбарисовые леденцы.

Мама с ласковыми щеками и усталыми глазами… Моя мама…

И вот становятся добрыми все улицы… От сверкающего огоньками проспекта Мира до нашей тусклой улицы Железнодорожников…

Всё хорошо. «Тройка» едет в гараж, а скоро Новый год…

По иронии многих историй

Сочинения учеников Красноярского литературного лицея (мастерская Елены Тимченко)

Дарья Голощапова

10 класс

Необходимо и достаточно

Дорогая Марина!

Помнишь, о чём говорили мы тем вечером, когда все разговоры сводились к чудесам, которые вытворяет разум, и к вечным человеческим вопросам? А может, и не было такого вечера? Так или иначе, я никогда не расписывала, подобно манифесту, что есть для меня достаточное, а что — необходимое. Звучит как экономические термины, хоть Маркса цитируй, а на деле — вот она, настоящая широта нашей жизни.

необходимое

Сейчас я имею всё, что мне нужно, — и знаю, что буду иметь всё необходимое всегда.

Я смогу найти себе пропитание и потом, а сейчас я довольна тем, что человек способен употреблять пищу и наслаждаться ею.

Я смогу мечтать о том, как красиво и кинематографично будет летом, как мечтаю и в эти зимние дни. Как я в соломенной шляпе буду стоять в шаге от моря (пускай на самом деле это и водохранилище), как я буду кататься на мотоцикле и слушать музыку. Мне необходимо, как необходимо есть и пить, думать о том, что будет летом. Тогда я люблю жизнь.

Во время холода или дождя я имею возможность зайти домой. А если её не будет, этой возможности? Ну и пусть, я придумаю себе другую нужду на место этой.

Даже если те, кто любит меня, покинут эту Вселенную, я буду помнить, что они были. В памяти — другая моя необходимость. Лучше, чем на любых фотокарточках, в моей голове сохранились шестьдесят пять времён года (легко подсчитать, что автору идёт семнадцатый год. — *Прим. ред.*).

достаточное

Итак, сразу заявляю: для меня не может быть ничего достаточного.

Я бы завалила всё вокруг (и ванную, и кухню) тонной шёлковых платьев, я бы засыпала своё тело драгоценными камнями: и персепольской бирюзой, и священными камнями земли Офиров, и смарагдами, любимыми камнями царя израильского, — в общем, всем, что только можно найти в мире.

Я хочу всего, хочу того, чем мне никогда не стать. Мне никогда не прожить жизнь маркизы эпохи Просвещения, не танцевать в кабаре «Мулен Руж», не танцевать даже в «Кабаре» с Лайзой Минелли, не идти с кумачовым флагом на демонстрацию в революционном Петрограде. Так жаль, милая Марина, что никогда мне не сверкнуть старлеткой шестидесятых, никогда даже не пахать поволжское поле.

Я хочу пережить жизнь каждой твари, когда-то ходившей по Земле, и самую страшную, и самую прекрасную жизнь, слиться с ними всеми сразу, с дыханием всего существующего и существовавшего и всего, что будет существовать. Мне бывает грустно оттого, что во мне нет ничего личного, настоящего и что нельзя выйти за пределы возможностей человека.

«И какой же вывод отсюда следует?» — наверняка подумаешь ты, Марина, заранее уже зная, что я отвечу.

Всё необходимое моей душе я имею сразу, ничего достаточного для меня не существует. Значит ли это, что я едина с миром, что я — счастливая его жительница? Нет, не бывает людей, которые всё ещё чего-то хотят и одновременно счастливы. Так не бывает.

Я рада тому, что я несчастлива и могу жить, стремясь заполнить свою пустоту полнотой этого мира — всем необходимым и всем недостаточным.

Карина Хон

8 класс

Прощальное послание

По иронии многих историй, дети часто не желают заниматься тем, чем занимаются их родители. К счастью или нет, от своего отца я унаследовала не только корейскую внешность, но и любовь к естественным наукам. Он был кандидатом наук

по химии, на полках его книжного шкафа лежали две увесистые диссертации. И, казалось бы, вместе мы могли бы сделать тысячи интересных вещей…

Но папы нет. Уже несколько месяцев.

Недавно бабушка принесла из его опустевшей комнаты два небольших хрустящих пакета. Там лежали небольшие трубочки, аккуратно и трепетно завёрнутые в желтоватую бумагу. На многих «упаковках» были напечатаны стёртые слова: «Биокоординационная химия», «Применение координационных соединений». Тогда я думала, что, возможно, всё это — мелкая лабораторная посуда. Но через пару секунд, распустив обёртку одной из них, я удивлённо разглядывала ленты для диафильма.

«Может, там фильм про моего отца? Как он, к примеру, на каком-то собрании рассказывает что-то на тему органики? Что-то похожее на съёмки экспериментов?»

Остаток вечера я посвятила размышлениям о добыче аппарата для просмотра диафильмов, ибо желание просмотреть хотя бы один из них меня не покидало.

Но где вообще можно было достать фильмоскоп? Существует ли этот аппарат в свободном доступе вообще? Наверное, глупо идти в краеведческий музей и просить посмотреть ленту.

В школе я невольно заикнулась о находке, и каково же было моё удивление, когда чуть ли не на весь класс моя подруга заорала, словно умалишённая: «Так у меня он есть!»

Я не верила ей буквально до того момента, пока она не поставила облезшую коробку с фильмоскопом на парту.

Мы попросили учительницу русского помочь заправить его. Тогда я думала, что вот-вот упаду в обморок от волнения перед грядущим просмотром. Но взгляд мой на секунду упал на картинку, что едва видимо просвечивалась сквозь темную плёнку. Нервно развернув ленту, я быстро проглядела её.

В следующее мгновение я извинилась и попросила убрать диафильм. «Я заберу его домой, можно?» Подруга была удивлена, даже обеспокоена. Она рассеянно кивнула, а я поспешила уйти.

Что же было на плёнке? Отчего я так резко оборвала просмотр заветных знаний, что, возможно, были открыты моим папой? Ведь он всегда гордился моим выбором идти по его стопам и был невероятно счастлив этим. Всё, что осталось в его старых блокнотах, было и есть моё, как некая реликвия семьи, которую я должна пронести в будущее и совершить масштабные открытия.

Вот только не было на этой ленте ни химии, ни совещаний.

Там была моя семья. Плёнки с моими детскими фотографиями, любовно сохраняемые папой в химических пробирках…

Диана Чмуж

10 класс

Мир, я пытаюсь тебя понять!

старость (неблагодарность)

…запах корвалола, кружева салфетки на телевизоре и несколько пар очков. Молодость — запах табака с алкоголем и море презрения к старости.

Вот такие неблагодарные «перелюбки» выросли.

Нас холили и лелеяли с самого детства, теперь мы с отвращением смотрим на сморщенные руки и совершенно не задумываемся, что собственные пальцы, унизанные старомодными перстнями, будут когда-то выглядеть так же. Старость кажется отдалённой, нереальной, будто ты умрёшь в тридцать — и на этом всё… Не будет ни стопки кроссвордов на комоде, ни лекарств в холодильнике.

На самом же деле пройдёт время, мы повзрослеем, станем умнее и резоннее, приобретём сердечный сбор и ряд расписных слоников на полку. Забывчивость перестанет казаться смешной и войдёт в привычку, а слово «маразм» станет оскорбительным. Но это же будет там, в далёком будущем! А пока мы продолжим лениться и любить себя, думая, что осталась ещё уйма времени на извинения перед матерью за отложенный приезд…

А потом — раз, и всё… Мы сидим, припорошённые проблемами сгустки боли и беспокойства, сидим перед пустым экраном и ждём, ждём не извинения, а простого звонка, которого когда-то не совершили сами…

деньги (крошки)

…они поглощают сознание, заставляют хотеть всё больше и больше, разъедая нас, словно червяк яблоко. Они разносят по венам холодную ртуть, превращая каждого в того самого ржавого дровосека без сердца и эмоций, с единственным отличием — мы не просим Гудвина это исправить… Мы — наркоманы, тащащие из закромов своей души всё самое ценное, важное и родное, меняем всё это на ещё один нолик в счёте банка.

Деньги рушат семьи и отношения. Дал — молодец, мы рады и благосклонны. Ежели нет — то сразу рвать и метать: мол, где моё блюдце с каёмкой? Сидим на золотом табурете, в шелках, потирая чёрствые руки в перстнях, такие одинокие и пустые. Мы вынесли всё, раздувая карманы огромнейшей толщины, — семью, любовь, дружбу, не осталось ничего, чем можно заполнить душу.

А когда приходит время умирать, мы оборачиваемся и видим свой Гензелев след на пустой дороге…

сомнения (необходимо и достаточно)

...а ты не знал, как в твоей судьбе всё меняет один шаг? Конечно, так же легче! Не нужно напрягать ни единого мускула. Так и стоишь, бережёшься любых нагрузок, жалея себя, заплывшего жиром негодования и ничтожности. Так ведь проще, правда? Проще двигаться по протоптанному и думать, косясь на сумасбродство: «Повезло!» — а после: «Тоже мне Леонардо. Тебе же всё преподнесли, обложили дорогу персидскими коврами и пнули уже на середину!»

Пусть так. Ты можешь продолжать жалеть себя и роптать на незаслуженные страдания — или же сделать один шаг в сторону и увидеть, что путь к цели совсем не пуст, не мягок, ну и совсем не лёгок. Что всё воображаемое тобой — всего лишь оболочка, а там, внутри, тернии и пустыни, ни тебе ковров, ни шелков, ни пинка, только осуждение и плевки от таких, как ты. Страшно? Тяжело. Ноги подкашиваются, дрожишь, пятишься — и оступаешься... Теперь *всё*, пропасть... Темно, летишь ты в эту яму и думаешь: «Вот оно, значит, как: чтобы добиться чего-то, необходим один шаг, и в то же время его достаточно, чтобы всё потерять...»

одиночество эпохи смартфонов (консервы)

...консервация — процесс отвратительный: что-то запихивают в холодные жестяные банки, лишая возможности мыслить и развиваться.

В двадцать первом веке их наконец открыли, доставая уже подгнившее глупое содержимое. Вроде бы теперь всё хорошо, мы свободны, можем найти всё, что угодно, на «бескрайних просторах Интернета». Лишь проведи пальцем по холодному мёртвому экрану — и всё, ты победитель, больше ничего не нужно делать. Мы поселились на мягких диванах, полностью поглотивших всё человеческое нутро, оставивших торчать лишь руки со смертельной игрушкой в скрюченных пальцах. Мы давно уже не смотрим на окружающих, замечая лишь посты во «вконтакте» и «Instagram», там ведь все блестящие, красивые и смешные, никаких тебе искажённых проблемами лиц и тусклых глаз.

Кажется, что это самый прекрасный мир, созданный нами, ведь в нём всё так просто. Но за этой тошнотворной простотой спрятано что-то действительно важное, что-то, что не влезло в этот просторный земной шар на твоём экране.

Да, проблемы действительно исчезли, стало легче связаться, найти что-то или кого-то, зато вещи и чувства потеряли своё огромное значение.

Если раньше ты с трепетом слышал родной голос в трубке, покрываясь пóтом смущения и благодаря телефонистку, уже кажущуюся родною, то теперь, наоборот, мы выключаем звук, разглаживая въевшуюся складку над бровями и блаженствуя из-за прекращения этого нудного вечного гудка, оповещающего о какой-то ненужной картинке.

Мы перестали радоваться мелочам и совершать безрассудства. Будто инкубаторные, мы идём по протоптанному пути: родиться, зарегистрироваться, отучиться, показать всем свою счастливую жизнь, побрюзжать и умереть... Даже самое прекрасное чувство, всегда казавшееся неподвластным подделке, смогли упростить до нужды. Думаешь, что любовь — это трепет, надпись на асфальте и желание никогда не расставаться с человеком? Нет. Теперь это пиксельное сердечко на экране, непристойные фотографии и желание тела.

Всё тёплое, что когда-то было топливом для чувств и радости, всё настоящее и кипящее исчезло, оставшись в той закрытой жестяной банке, а мы и рады, продолжаем врать себя о благе прогресса, сидим такие одинокие и несчастные, подсвеченные холодной синевой нашего единственного неживого «друга»...

надежда (одна из трёх сестёр)

...говорят, что я умираю последней, такая бесполезная и немая, что становится даже не жаль. Зато прихожу — желанная и тёплая, такая, что хочется обнимать. Я из тех, кто появляется в тихой комнате, нарушая её молчание, пинает носком глянцевой туфли ворох стекла, помутневшего и звенящего, поднимает тебя из мусора, хватаясь за трясущиеся пальцы уверенной рукой.

Мне плевать на статус и внешний вид, на пол и возраст, я — всеобщий друг, приходящий вовремя. Меня Бог из-за пазухи вытащил и послал помогать человекам. Я до безумия добрая и жестокая, полностью состоящая из противоречий, потому что для всех разная — то мизерная, то огромная, то видимая, то незримая.

Меня видят во всём, что угодно: в деньгах, в людях, в словах и действиях, но лишь тогда, когда случается худшее и страшнейшее. Я помогаю там, где ты сам себе не можешь помочь.

Думаешь, я прекрасная и желанная? Нет. Счастливые и смеющиеся меня в жизни не позовут. В этом и разница между мной и моими подругами: каждый имеет своих друзей.

Мои — это страдалицы и страдальцы, мученики и неудачники.

Я — подруга лишённых любви и веры.

Вы говорите, что я последняя умираю, на самом же деле — я последняя прихожу...

стр. 95
Алейников Владимир Дмитриевич
Москва/Коктебель, 1946 г. р.

Родился в Перми, вырос в городе Кривой Рог на Украине. В 1962–1964 годах входил в группу молодых криворожских поэтов. В январе 1965 года вместе с Леонидом Губановым основал легендарное литературное содружество СМОГ и стал его лидером. При советской власти на родине не издавался. Публикации стихов и прозы на родине начались в период перестройки. Первые книги стихов вышли в 1987 году. В начале 90-х издано несколько больших книг стихов. Ныне автор многих книг стихов и прозы—воспоминаний об ушедшей эпохе и своих современниках. Стихи переведены на различные языки. Член редколлегии журналов «Стрелец», «Крещатик». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Высшего творческого совета этого Союза. Член ПЕН-клуба.

стр. 99
Андреева Ольга
Ростов-на-Дону, 1963 г. р.

Автор нескольких поэтических сборников. Публиковалась в альманахах «ПаровозЪ», «Белый Ворон», «Золотое руно», «Белая акация», в журналах «Дети Ра», «Нева», «Новая Юность», «Крещатик», «Аргамак», «Письма из России» (Москва), «Южное сияние» (Одесса), «Веси» (Екатеринбург), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), в альманахе «45-я параллель» (Москва) и «45: параллельная реальность»; «Наше поколение» (Молдова), Prosodia. Лауреат конкурса «45-я параллель» в 2013 и 2015 году. Дипломант Тютчевского конкурса 2013 года. Финалист Прокошинской премии в 2014 году. Призёр международного конкурса «Провинция у моря» в 2015 году. Член жюри международного конкурса «45-й калибр». Член жюри международного конкурса «Провинция у моря» в 2016 году. По профессии инженер-строитель, занимается проектированием автомобильных дорог.

стр. 42
Антипова Дарьяна
Москва/Красноярск, 1984 г. р.

Родилась на Алтае. Выпускница Красноярского литературного лицея имени В. П. Астафьева (семинар Р. Х. Солнцева), училась в Красноярском государственном университете, в Литературном институте имени А. М. Горького (семинар А. П. Торопцева). Член Союза писателей Москвы. Участвовала в форумах молодых писателей России, литературных семинарах в ФРГ, Нидерландах, Сербии. Публикуется в литературных и электронных изданиях (газета «Детский район», журналы «День и ночь», «Московский вестник», альманахи «Илья-Премия», «Белая скрижаль», «Лампа и дымоход» и др.). Играет на этнических барабанах и поёт в музыкальной этногруппе «ВеданЪ КолодЪ». Живёт в Москве и Красноярске.

стр. 3
Астраханцев Александр Иванович
Красноярск, 1938 г. р.

Родился в деревне Белоярка Мошковского района Новосибирской области. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Более 20 лет работал в строительстве в Красноярске. Публиковался в различных журналах и сборниках («Наш современник», «Молодая гвардия», «Сибирские огни», «День и ночь», «Дети Ра» и др.). Автор более 10 книг прозы, публицистики, драматургии. Член Союза российских писателей. Член редколлегии журнала «День и ночь». Живёт в Красноярске.

стр. 147
Бабушкин-Сибиряк Василий (Гусев Василий Кузьмич)
Назарово Красноярского края, 1948 г. р.

Родился в Красноярском крае, потомственный сибиряк в четвёртом поколении, из староверов. Работал в тайге на реке Ангаре егерем, лесником, сейчас пенсионер. Образование высшее. Пишет о Сибири, тайге, экологии, сибиряках—простых людях. Публикуется в российских и зарубежных изданиях—как бумажных, так и электронных. Член Ассоциации независимых писателей России.

стр. 36
Беликов Юрий Александрович
Пермь, 1958 г. р.

Родился в городе Чусовом Пермской области. Окончил Пермский государственный университет имени А. М. Горького. В конце 80-х—начале 90-х его стихи публикуются в журналах «Юность», «Огонёк», «Знамя». На всесоюзном фестивале поэтических искусств «Цветущий посох» (Алтай, 1989), куда прибыли авторы отечественного подполья, удостоен Гран-при и титула «Махатма российских поэтов». В 1991-м принят в Союз российских писателей, в том числе по устной рекомендации Андрея Вознесенского. В начале 90-х входил в редколлегию журнала «Юность», где учредил рубрики «Письма государственного человека» и «Русская провинция». Работал

собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором газеты «Труд». В 88-м и 90-м выходят две первые книги: «Пульс птицы» — в издательстве «Современник» (Москва) и «Прости, Леонардо!» — в Пермском книжном издательстве. В 2005 году за «утверждение идеалов великой русской литературы» творцы Великих Лук награждают Юрия орденом-знаком Велимира «Крест поэта». Третья книга «Не такой» выходит в 2007 году в московском издательстве «Вест-Консалтинг». Она отмечена всероссийской литературной премией имени Павла Бажова. В 2013 году увидела свет четвёртая книга стихотворений «Я скоро из облака выйду», получившая две престижные награды — премию имени Алексея Решетова и всероссийскую общенациональную премию «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига. Входит в редколлегии двух отечественных журналов: «Дети Ра» и «День и ночь». Член Русского ПЕН-центра и Высшего творческого совета Союза писателей XXI века. Награждён орденом общественного признания Достоевского I степени.

стр. 181

Бердников Лев Иосифович

Лос-Анжелес, 1956 г. р.

Эссеист, литературовед. Родился в Москве. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института и Высшие библиотечные курсы. Работал в Музее книги Российской государственной библиотеки, где с 1987 по 1990 год возглавлял научно-исследовательскую группу русских старопечатных изданий. В 1985 году защитил диссертацию «Становление сонета в русской поэзии XVIII века». С 1990 года живёт в Лос-Анджелесе. Лауреат Горьковской литературной премии 2010 года в номинации «По Руси. Историческая публицистика». Почётный дипломант Всеамериканского культурного фонда имени Булата Окуджавы. Член Русского Пен-Центра, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Союза русскоязычных писателей Израиля. Член редколлегии журналов «Новый берег» (Дания), «Семь искусств» (Германия), «Слово/Word» (США).

стр. 143

Буршина Любовь Леонидовна

Зеленогорск Красноярского края, 1961 г. р.

Окончила Новосибирский химико-технологический техникум и Сибирский технологический институт в Красноярске. Печаталась в альманахе «Литература Сибири» (Красноярск), в книге «Провинциальная проза XXI века» из серии «Жемчужины русской литературы» (издательство «Буква Статейнова», Красноярск, 2019), в «Сегодняшней газете» (Зеленогорск), в приложении к альманаху «Новый Енисейский литератор» для детей и школьников «Енисейка», неоднократно участвовала в конкурсе коротких рассказов «На енисейской волне».

стр. 104

Ващаев Олег Александрович

Санкт-Петербург, 1970 г. р.

Поэт. Родился в Норильске. В 1998 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве (поэтический семинар Евгения Борисовича Рейна). С 2009 года живёт в Санкт-Петербурге.

стр. 24

Ганский Валерий Михайлович

Саратов, 1940 г. р.

Окончил Саратовский политехнический институт, профессия — инженер-строитель. Корреспондент ряда саратовских СМИ, член Союза журналистов России. Печатается в литературных журналах «Волга XXI век», «Сура», «Вышгород» (Эстония), «Новый ренессанс» (Германия), альманахах. Автор книг поэзии и прозы «И мой Пушкин», «Мой саратовский причал», серии книг «Дорогие мои саратовцы», «Витте против Столыпина». Дипломант и лауреат литературных конкурсов и премий: «Золотое перо Руси», «Русский stil», премии Артёма Боровика, «Моя малая родина». Лауреат литературного конкурса «Легенды Фонтанного Дома» в номинации «Вклад в изучение истории Шереметевых» (Санкт-Петербург 2018). Публикация посвящена малоизученным страницам истории Красноярского края.

стр. 31

Гедымин Анна Юрьевна

Москва, 1961 г. р.

Поэт, прозаик. Родилась в Москве. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала сборщицей микросхем на заводе, руководителем детской литературной студии, литературным консультантом журналов «Огонёк», «Крестьянка», «Крокодил», «Пионер», редактором издательства. Автор поэтических сборников «Каштаны на Калининском», «Вторая ласточка», «Сто одно стихотворение», книги стихов и прозы «Честолюбивая молитва» и др., а также многочисленных стихотворных публикаций в московской и общероссийской периодике. Стихи переводились на польский язык. Лауреат нескольких литературных премий, среди которых премии Московского комсомола, издательства «Московский рабочий» и журнала «Москва» за стихи о Москве (1986); Венгерского культурного центра за переводы стихов (1992); радиостанции «Немецкая волна» за пьесу «Всё для Снежного человека!» (1992); журнала «Литературная учёба» за лучшую публикацию 2005 года; журнала «Дети Ра» (2010). Член Союза писателей Москвы.

стр. 33

Котенко Ольга Юрьевна

Донецк, 1984 г. р.

Поэт, автор-исполнитель. Выпускница филологического факультета Донецкого института социального образования по специальности «Перевод». Работает репетитором по английскому языку.

стр. 15 **Курбатов Валентин Яковлевич**
Псков, 1939 г. р.

Литературный критик, литературовед, прозаик. Родился в Ульяновской области. Долгое время жил на Урале. Служил на Северном флоте. Окончил ВГИК. Выпустил книги о В. Астафьеве, гоголевском иллюстраторе А. Агине, М. Пришвине, В. Распутине. Автор множества статей по русскому искусству, русской и зарубежной литературе. Член Союза писателей России, член жюри литературной премии «Ясная Поляна». Академик Академии российской словесности, лауреат премии Л. Н. Толстого за 1998 год, премий за лучшую работу года журналов «Наш современник», «Литературное обозрение», «Смена», «Урал», «Москва» и др. Публикация посвящена памяти уроженца Красноярского края, выдающегося русского писателя В. П. Астафьева.

стр. 175 **Литинская Елена**
Нью-Йорк (США)

Родилась в Москве. Окончила славянское отделение филологического факультета МГУ. Занималась поэтическим переводом с чешского. В 1979 году эмигрировала в США. В Нью-Йорке получила степень магистра по информатике и библиотечному делу. Проработала 30 лет в Бруклинской публичной библиотеке. Вернулась к поэзии в конце 80-х. Издала пять книг стихов и прозы: «Монолог последнего снега» (1992), «В поисках себя» (2002), «На канале» (2008), «Сквозь временную отдалённость» (2011), «От Спиридоновки до Шипсхед-Бея» (2013). Стихи, рассказы, очерки и статьи публиковались в периодических изданиях, сборниках и альманахах США, Европы, России и Канады. Член редколлегии сетевого литературного журнала «Гостиная», президент Бруклинского клуба русских поэтов, а также вице-президент объединения русских литераторов.

стр. 28, 35, 101, 167 **Минин Евгений Аронович**
Иерусалим, Израиль, 1949 г. р.

Поэт, пародист, организатор литературного процесса. Стихи и проза печатаются в израильских, американских, европейских, российских журналах и газетах. Издатель альманаха «Иерусалимские голоса», приложений к альманаху «Литературный Иерусалим», издатель и редактор множества поэтических сборников. Автор текстов песен для шести музыкальных альбомов, выпущенных российскими студиями грамзаписи. Председатель Иерусалимского отделения СП Израиля, член Союзов писателей Израиля и Москвы, директор Международного союза литераторов и журналистов (APIA) по Израилю, литературный представитель за рубежом газеты «Информпространство» (Москва). Лауреат нескольких литературных премий. Член судейского корпуса Международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2008, 2009, 2010).

стр. 3 **Москвич Юрий Николаевич**
Красноярск, 1946 г. р.

Родился в селе Георгиевка Канского района Красноярского края. Советский физик, специалист в области радиофизики; советский и российский политолог, политик, государственный и общественный деятель. Кандидат физико-математических наук, доцент. С 2002 года — профессор Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, с 2013 года — заместитель первого проректора — проректора по науке КГПУ имени В. П. Астафьева. Народный депутат РСФСР, полномочный представитель Президента РСФСР в Красноярском крае (с 22 августа 1991-го), полномочный представитель Президента Российской Федерации в Красноярском крае, Таймырском и Эвенкийском автономных округах (с августа 1996-го по август 1998-го); заместитель министра региональной политики Правительства Российской Федерации и заместитель министра по делам федерации и национальностей (1999–2000). Опубликовал более 250 научных работ по различным направлениям физики и общественных наук.

стр. 173 **Нацентов Василий**
Воронеж, 1998 г. р.

Родился в Каменной Степи Воронежской области. Студент географического факультета Воронежского университета. Печатался в журналах «Октябрь», «Наш современник», «Москва», «Кольцо „А“», «Сибирские огни» и др.

стр. 179 **Окунева Мария**
Абакан, Хакасия

Родилась в Абакане. Стихи начала писать в 16 лет. Училась в ХГУ имени Н. Ф. Катанова на биологическом факультете, затем обучалась в магистратуре по направлению «Историко-культурный туризм». Работает в Хакасском национальном краеведческом музее имени Л. Р. Кызласова. Публиковалась в сборниках «Антология молодых авторов Хакасии» (2010), «Дай мне руку» (2011), «Молодые авторы Хакасии» (2015) и интернет-журнале «Артбухта». Стипендиат главы Республики Хакасия за 2015 год. Участница 15-го форума молодых писателей в Липках (2015) и Регионального совещания сибирских авторов в Новосибирске (2016).

стр. 102 **Орлов Александр Владимирович**
Москва, 1975 г. р.

Окончил Московское медицинское училище №1 имени И. П. Павлова, Литературный институт имени А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работал ортопедом

в челюстно-лицевом госпитале для ветеранов Великой Отечественной войны, разнорабочим, начальником отдела и заместителем генерального директора в частной компании, последние годы работает учителем истории в столичной школе. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийского конкурса малой прозы имени А. П. Платонова (2011), Всероссийского конкурса малой прозы и поэзии имени Ф. Н. Глинки (2012), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014). Публиковался в широком круге изданий: «День и ночь», «Дети Ра», «Зинзивер», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Литературная учёба», «Сибирские огни», «Южное сияние», «Юность», в сборниках и антологиях.

стр. 177

Пономарёв Владимир Валентинович

Красноярск, 1960 г. р.

Родился в Красноярске. Учился в средней школе, параллельно занимаясь музыкой. Готовился к поступлению на литфак, но после конфликта с учителями (срывал политизированные «классные часы», не был принят в комсомол) вынужден был уйти из школы после восьмого класса и поступить в Красноярское училище искусств на теоретическое отделение. Окончив училище, поступил в Новосибирскую консерваторию имени Глинки на теоретико-композиторский факультет. По окончании консерватории вернулся в Красноярск и с того момента по сей день работает в Институте искусств на кафедре теории музыки и композиции. Композитор, член СК РФ, лауреат Всероссийского конкурса композиторов, кавалер ордена Святого Даниила Московского за заслуги перед Отечеством и церковью (орден получил за деятельность в качестве церковного музыканта (регента), композитора и редактора церковно-певческих сборников). Параллельно писал и публиковал стихи. Первая публикация была в газете «Красноярский комсомолец» в рубрике «МоноЛит» в начале 90-х. Впоследствии стихи автора периодически печатались в различных альманахах и сборниках стихов сибирских поэтов. В 2015–2016 годах выпустил три сборника стихов, написанных в разные годы.

стр. 135

Рябов Олег Алексеевич

Нижний Новгород, 1948 г. р.

Окончил Горьковский политехнический институт имени А. А. Жданова. Работал в Научно-исследовательском радиофизическом институте (занимался проблемами внеземных цивилизаций), в НИИ «Гипрогазцентр», облкниготорге, издательстве «Нижполиграф». В настоящее время — директор издательства «Книги». Член Российского союза антикваров, Национального союза библиофилов. Главный редактор журнала «Нижний Новгород». Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север», «Сельская молодёжь», «Молодая гвардия», «Родина», «Кириллица», «Невский альманах» и других. Участник антологий «Русские поэты. 21-й век», «Молитвы русских поэтов», «Антология военной поэзии». Лауреат ряда литературных премий: «Нижний Новгород» в области литературы (трижды), имени Шукшина (Вологда), Бор. Корнилова (Нижний Новгород); финалист премии «Ясная Поляна» (2013) за книгу «Четыре с лишним года. Военный дневник», шорт-листер премии «Золотой Дельвиг» (2013) за роман «Когиз», премии имени И. Бунина (2012) за сборник стихов «Утки не возвратились». Член Союза писателей России.

стр. 19

Саввиных (Наумова) Марина Олеговна

Красноярск, 1956 г. р.

Выпускница филологического факультета Красноярского педагогического института. Публикации в литературной периодике с 1973 года: в журналах «Юность», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Москва», «Дети Ра», «Северная Аврора», «LiteraruS» (Хельсинки), «Побережье» (Нью-Йорк), «Образы жизни» (Сан-Франциско), еженедельнике «Обзор» (Чикаго), «Крещатик» (Германия), коллективных сборниках и антологиях. Автор десяти книг стихов, прозы, художественной публицистики. Лауреат премии Фонда имени В. П. Астафьева (1994), Всероссийского конкурса поэзии и малой прозы имени С. С. Бехтеева (2014), X Всероссийского поэтического конкурса «Мечети — Божьи храмы» (2016). Член Союза писателей России, Международного Союза писателей Иерусалима, Международного ПЕН-клуба, Гильдии межэтнической журналистики. Член президиума Международного Союза писателей XXI века. Автор проекта, организатор и первый директор Красноярского литературного лицея. Заслуженный работник культуры Красноярского края. Награждена орденом общественного признания имени Достоевского I степени. Главный редактор литературного журнала «День и ночь». Живёт в Красноярске.

стр. 36

Севастьянов Александр Никитич

Москва, 1954 г. р.

Российский общественный и политический деятель. В 1977 году окончил филологический факультет МГУ, в 1983-м — аспирантуру факультета журналистики этого же вуза. Кандидат филологических наук. В его творческом арсенале — публицистические работы о русском народе и исторической роли русской интеллигенции, среди них — увидевшие свет в издательстве «Книжный мир»: «Этнос и нация» и «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса». Автор и соавтор нескольких законопроектов: проекта Конституции, «О разделённом положении русской

нации», «О русском народе». Член Союза журналистов, Союза писателей, Союза литераторов и Ассоциации искусствоведов. Известен как тонкий знаток французской иллюстрированной книги XVIII века, о чём свидетельствует его исследование «Шедевры европейской иллюстрации». Отец шестерых детей. Библиоман, собирающий книги в течение всей своей жизни. Поклонник гитарной музыки, преимущественно семиструнной. Считает семиструнную гитару инструментом исключительно русским. Знает немалое количество русских романсов и песен, изредка поёт их в кругу друзей.

стр. 188

Синяя тетрадь

Красноярск

В номере опубликованы работы красноярских школьников Марии Коренько, Дарьи Семёновой, Владислава Мицукова, Дарьи Голощаповой, Карины Хон и Дианы Чмуж.

стр. 22

Солнцев Роман Харисович

Красноярск, 1939—2007

Российский писатель, поэт и сценарист. Родился в селе Кузкеево Мензелинского района Татарской АССР. С 1962 года жил и работал в Красноярске. Окончил физико-математический факультет Казанского государственного университета, Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. После окончания института работал в геологических партиях в Сибири. В 1962 году начал работать преподавателем в Красноярском политехническом институте. В этом же году в журнале «Смена» появилась его первая публикация. После Совещания молодых писателей Сибири в Чите в 1965 году был принят в члены Союза советских писателей. В годы перестройки активно занимался общественной деятельностью. Избирался народным депутатом СССР от Красноярска, депутатом Верховного Совета РСФСР, членом Верховного Совета СССР (1989–1991). В марте 1992 года стал госсекретарём—председателем Комитета по общественным и политическим связям администрации Красноярского края. С июля 1993 года являлся ответственным секретарём координационного совета краевой администрации, был членом Комитета по вопросам правопорядка и борьбы с преступностью. Также в 1993 году возглавил инициативную группу красноярских писателей по созданию литературного журнала для семейного чтения «День и ночь», в дальнейшем работал главным редактором этого издания. По его пьесам поставлены спектакли в Красноярске, Москве и других городах России. Сценарий фильма «Торможение в небесах» в 1993 году получил Гран-при на международном кинофестивале в Страсбурге. Лауреат премий Министерств культуры СССР и России в области драматургии, заслуженный работник культуры РСФСР, кавалер ордена «Знак Почёта». Жил и работал в Красноярске.

стр. 185

Степанов Евгений Викторович

Москва, 1964 г. р.

Родился в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института (1986) по специальности «Французский и немецкий языки», Университет христианского образования в Женеве (1992), экономический факультет Чувашского государственного университета (2004) по специальности «Финансы и кредит», аспирантуру факультета журналистики МГУ (2004). Кандидат филологических наук. Докторант РГГУ. Поэт, прозаик, литературный критик, издатель, культуролог, экономист. Читал лекции в университетах России, США, Швейцарии, Финляндии, Румынии и многих других стран. Генеральный директор холдинга «Вест-Консалтинг». Издатель—главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер» (Санкт-Петербург), газет «Литературные известия» и «Поэтоград», интернет-издания «Персона ПЛЮС». Соиздатель и заместитель главного редактора журнала «Крещатик». Почётный гражданин штата Кентукки (США). Лауреат Отметины имени Отца русского футуризма Д. Д. Бурлюка и международного фестиваля «FEED BACK» (Румыния). Как поэт, прозаик, критик, мемуарист, интервьюер печатался в журналах, альманахах и газетах. Автор нескольких книг стихов и прозы, вышедших в России и за рубежом, а также культурологических монографий «Плакаты Госстраха как социокультурное явление» (2003), «Карманные календари Госстраха» (2004), «Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция» (2006). Переведён на английский, французский, немецкий, румынский, болгарский, венгерский языки. Президент Союза писателей XXI века, член президиума МГО СП России, Союза писателей Москвы, ПЕН-клуба, правления Союза литераторов России.

стр. 29

Третьяков Анатолий Иванович

Красноярск, 1939 г. р.

Родился в городе Минусинске. Окончил Красноярское речное училище. Учился во ВГИКе и Литературном институте имени А. М. Горького. Автор двенадцати сборников стихов. Печатался в журналах и коллективных сборниках Москвы и других городов России. Член Союза писателей России с 1979 года. Лауреат Пушкинской премии Красноярского края 1999 года. Автор слов официального гимна Красноярска. Действительный член Академии российской литературы с 2009 года. Автор текста оратории композитора Олега Проститова «Суриков—сын земли красноярской».

стр. 165
Фофин Юрий Николаевич
Челябинск, 1981 г. р.

Педагог-психолог, филолог. Преподавал в колледже литературу. Победитель литературного конкурса «Стилисты добра» в 2017, 2018 годах в номинации «Проза». Участник всероссийского совещания молодых литераторов «На родине Гончарова» в Ульяновске в 2018 году. Публиковался в журналах «Наш современник», «Сибирские огни».

стр. 168
Хвиловский Эдуард
Нью-Йорк, США, 1946 г. р.

Родился в Одессе. По окончании филфака университета занимался преподавательской и журналистской работой. С 1993 года живёт в США. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в «Новом журнале», «Новой Юности», в журналах «День и ночь», «Слово», «Стороны света».

стр. 153
Чигинцев Виктор Михайлович
Копейск Челябинской области

Родился и живёт в Копейске Челябинской области. Отчим кровом детства была землянка в шахтёрском посёлке Северный Рудник. Окончил факультет журналистики Свердловского университета. Школа, газета, армия, шахта — вехи жизни. Работал в газетах «Челябинский трубник», «Копейский рабочий», «Челябинский рабочий». Полвека в СМИ. И только когда попрощался с газетным «конвейером», попробовал себя в литературном творчестве. Автор книг «Держись, моя соломинка», «Полати», «Зелёные жнецы», «Копейск: 110 фактов».

стр. 162
Юрьев Андрей Геннадьевич
Оренбург, 1974 г. р.

Родился в Печоре (Республика Коми). В 1996 году окончил электротехнический факультет ОГУ. Работал дизайнером-верстальщиком в оренбургских газетах и в Фонде эффективной политики (Москва). С 1993 по 1995 год — вокалист и автор текстов песен группы «Личная Собственность». Лауреат специального областного поэтического конкурса «Яицкий Мост — 96». Повесть «Те, Кого Ждут» вошла в сборник «Проза — то, чем мы говорим» (Саратов, 2000). Публикации в газетах «Оренбуржье», «Большая Медведица», «Независимая газета» и альманахах «Башня», «Гостиный Двор». Победитель конкурса «Оренбургский край — XXI век» в номинации «Автограф» в 2014 году. Диплом «За философское осмысление темы одиночества» в номинации «Проза» Всероссийского литературного конкурса «Стилисты добра». Лауреат Аксаковской премии в номинации «Лучшее художественное произведение для детей и юношества» за книгу «Юркины беды». Участник деятельности литобъединения имени Аксакова «Алый цвет». Член Союза российских писателей. Создатель и модератор сайтов «Люминотавр» (lutavr.ru) и «Алый цвет» (altcvet.ru).

стр. 106
Янжула Анатолий Андреевич
Красноярск, 1947 г. р.

Окончил железнодорожный техникум. Начал писать во время службы в армии, будучи внештатным корреспондентом газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта». С 1995 года — постоянный автор журнала «День и ночь». В альманахе «Енисей» напечатана повесть «Миг войны». Отдельными книжками выходили повесть «Дядька Фёдор» и сборник рассказов «Обстоятельства жизни». В 1999 году принят в Союз писателей России. Работал в Управлении Федеральной почтовой связи по Красноярскому краю. Член правления КРО СП России.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
М. О. Наумова

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
В. Н. Наговицын

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
Иса Айтукаев
Андрей Бардаков
Ольга Ермакова
Валентина Ерофеева-Тверская
Ольга Карлова
Татьяна Савельева
Михаил Тарковский

ДИЗАЙНЕР-ВЕРСТАЛЬЩИК
Олег Наумов

КОРРЕКТОР
Андрей Леонтьев

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Галина Кошкина

Учредитель: Агентство печати и массовых коммуникаций Красноярского края. Адрес: 660009, г. Красноярск, ул. Красной Армии, д. 22.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–42931 от 9 декабря 2010 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Издание осуществляется при финансовой поддержке Агентства печати и массовых коммуникаций Красноярского края.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Александр Астраханцев
Красноярск
Наталья Ахпашева
Абакан
Юрий Беликов
Пермь
Светлана Василенко
Москва
Вера Зубарева
Филадельфия
Александр Кердан
Екатеринбург
Сергей Кузнечихин
Красноярск
Валентин Курбатов
Псков
Андрей Лазарчук
Санкт-Петербург
Евгений Минин
Иерусалим
Виталий Молчанов
Оренбург
Миясат Муслимова
Махачкала
Анна Сафонова
Южно-Сахалинск
Евгений Степанов
Москва
Вероника Шелленберг
Омск
Владимир Шемшученко
Санкт-Петербург
Нина Ягодинцева
Челябинск

Журнал издаётся с 1993 года.

16+

В оформлении обложки использована картина Валерия Ушкова.

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. При перепечатке материалов ссылка на журнал «День и ночь» обязательна.

Журнал выходит 1 раз в 2 месяца.

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «День и ночь».
ИНН 246 304 2749
Расчётный счёт
4070 2810 8006 0000 0186
в «Сибирском» филиале банка ВТБ ПАО в г. Новосибирске
БИК 045 004 788

Корреспондентский счёт
3010 1810 8500 4000 0788

Рукописи принимаются по электронной почте: dayandnight@bk.ru

Адрес редакции и издателя: 660049, г. Красноярск, пр. Мира, д. 3, т. +7 983 618 7626

Наш сайт: www.krasdin.ru

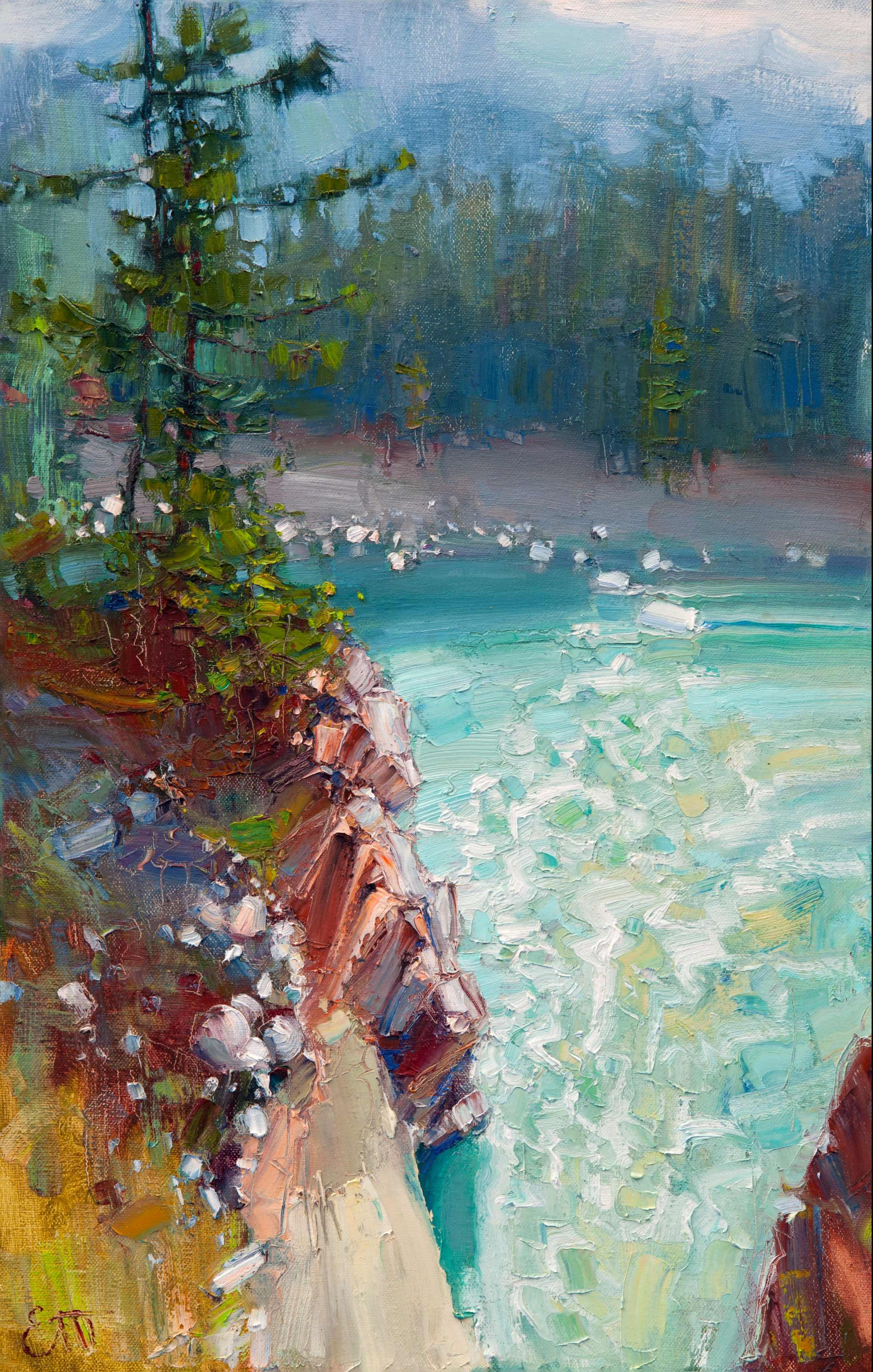
Подписано к печати: 10.04.2019
Дата выхода в свет: 30.04.2019
Тираж: 1200 экз.

Цена свободная

Отпечатано ИП Азарова Н. Н. в типографии «Литера-принт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, д. 6, офис 0-10, т. +7 904 895 0340
эл. почта: 2007rex@mail.ru

Людмила Шаликова (Забайкальский край) | Байкальская серия | 70 × 100 | 2018

Александр Клюев (Красноярский край) | Тыва. Стоянка скотоводов | 120 × 140 | 2017



Татьяна Ермилова (Забайкальский край)
Верховья Иркута | 110×70 | 2018

На обложке: *Валерий Ушков* (Новосибирская область)
Март (фрагмент) | 120×160 | 2015